

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный технический университет
имени Н. Э. Баумана
(национальный исследовательский университет)»
Факультет «Лингвистика» МГТУ им. Н. Э. Баумана
Ассоциация технических университетов России и Китая
Евразийское общество прикладной лингвистики

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ в неязыковом вузе

4-я Международная
научно-практическая конференция

Москва
16 декабря 2020 года

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Том 1. Лингвистика

УДК 378.147
ББК 81.2я43
A43

Издание доступно в электронном виде по адресу
<https://bmstu.press/catalog/item/7256/>

Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в неязыковом вузе :
A43 4-я Международная научно-практическая конференция (Москва, 16 декабря 2020 года) : сборник материалов конференции : в 2 т. / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»; Факультет «Лингвистика» МГТУ им. Н. Э. Баумана; Ассоциация технических университетов России и Китая; Евразийское общество прикладной лингвистики. — Москва : МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2021.

ISBN 978-5-7038-5696-3

Т. 1. — 263, [1] с. : ил.

ISBN 978-5-7038-5697-0

В сборник вошли статьи и доклады, представленные на 4-й Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в неязыковом вузе», которая прошла в МГТУ им. Н.Э. Баумана 16 декабря 2020 г. в онлайн-формате. На конференции обсуждались проблемы профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в неязыковом вузе, а также современные подходы и методики формирования коммуникативных навыков на занятиях по иностранному языку, были приведены результаты исследований в области функционально-семантической, когнитивной и прикладной лингвистики, современные методы и технологии корпусной лингвистики, актуальные проблемы терминоведения и переводоведения, также были затронуты межкультурные аспекты обучения иностранному языку. На конференции были представлены доклады по проблемам преподавания иностранного языка лицам с нарушенным слухом.

Сборник представляет интерес для преподавателей иностранного языка, магистрантов и аспирантов факультетов лингвистического профиля, а также для специалистов, интересующихся современными направлениями развития языкознания и методиками преподавания иностранных языков в неязыковом вузе.

УДК 378.147
ББК 81.2я43

Организаторы конференции:

Ректор МГТУ им. Н. Э. Баумана *Анатолий Александрович Александров*

Руководитель Российской постоянной дирекции АТУРК, проректор по учебно-методической работе МГТУ им. Н. Э. Баумана *Сергей Валерьевич Кориунов*

Руководитель НУК «Фундаментальные науки» *Владимир Олегович Гладышев*

Декан факультета «Лингвистика» *Галина Владимировна Кирсанова*

Рабочие языки конференции — *русский, английский*.

Издается в авторской редакции.

ISBN 978-5-7038-5697-0 (т. 1)
ISBN 978-5-7038-5696-3

© МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2021
© Оформление. Издательство
МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2021

Актуальные проблемы переводоведения

УДК 8125

О проблемах перевода в современной учетной сфере (на примере китайского языка)

Амурская Марина Александровна

✉ amurskaiam@mail.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Предметом данного исследования являются вопросы эквивалентности перевода в современной учетной сфере. Корректный перевод оказывает существенное влияние на процессы реформирования национальных учетных практик. Автор анализирует учетную сферу в качестве предметной области переводчика, поднимает проблемы гармонизации различных практик бухгалтерского учета с помощью максимально эквивалентного перевода международных стандартов финансовой отчетности, а также вопросы взаимодействия языка, культуры и бухгалтерского учета.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, культура делового общения, международное сотрудничество, эквивалентность в переводе

Активные процессы перехода большинства национальных государств на международные стандарты финансовой отчетности (МСФО) активизировали вопросы эквивалентности перевода в сфере бухгалтерского учета и отечности. Национальные правительства постоянно сталкиваются с проблемами адаптации зарубежных практик и грамотного перевода основных понятий и процессов. И эти проблемы не сводятся к эквивалентности перевода отдельных терминов, они лежат глубже и носят многоаспектный характер, находятся на пересечении экономики, права, культуры, внутренней и внешней политики и национального менталитета. И, по мнению некоторых ученых, они не могут быть решены в принципе [1, с. 223].

Если смотреть на проблему с исторической точки зрения, бухгалтерский учет как сфера применения переводчиков на протяжении многих столетий не развивалась так активно, как скажем, сфера медицины. Она служила интересам национальных правительств внутри их юрисдикции, так как связана с налогообложением и пополнением государственной казны.

О языке и культуре

Каждая национальная культурна никогда не будет достаточно похожей на другую настолько, чтобы бухгалтера разных национальностей действовали и мыслили в одной и той же учетной реальности.

Даниэль Эверетт, отмечает, что конкретный национальный язык всегда является культурным феноменом, инструментом, отточенным культурой с целью распространения национальных ценностей и идей, как минимум в пределах отдельно взятого социума [2, с. 24].

Фердинанд де Соссюр утверждает, что значение и обозначенное от языка к языку различаются [3, с. 33]. Значение отдельно взятого слова определяется во многом тем, какое местом оно занимает в системе конкретного языка, т. е. каждый национальный язык использует понятия, которые используются отдельно взятым этносом. Взаимодействие национального языка и национальной культуры особенно явно прослеживается не столько в языковых регистрах точных наук, сколько в языковых регистрах гуманитарной сферы, в том числе в сфере бухгалтерского учета. Даже формальное соответствие идентичных на первый взгляд категорий и понятий почти всегда будет носить условный характер, и будет требовать от переводчика компетенций не только в учетной области, но и знания конкретной национальной культуры. А эквивалентный перевод в бухгалтерском учете всегда будет связан с выявлением и трансформацией значений базовых понятий [4, с. 91].

О культуре и учете

Стоит также остановиться на взаимодействии национального бухгалтерского учета и национальной культуры, а также на таком понятии как национальная учетная культура.

Российская учетная мысль на протяжении многих столетий и по сей день не уделяет должного внимания культуре учета и рассматривает бухгалтерский учет в его сугубо бытовом контексте: фиксация кругооборота товарной и денежной форм капитала. Однако учетная сфера не является сугубо экономической, а находится на стыке экономики, культурологии и этносоциологии.

В данной области можно выделить также исследования Г. Мюллера, который говорил о влиянии различных факторов на учетное поведение представителей разных народов. Автор утверждает, что развитие национального бухгалтерского учета в отдельно взятой стране не просто находится под влиянием данных неучетных элементов, а именно ими активируются учетные реформы и происходит эволюция бухгалтерского учета [5, с. 97].

Работы Г. Хофтеде освещают вопросы влияния социокультурного фактора на особенности национального бухгалтерского учета. Он разработал и предложил модель учетной культуры, как некого коллективного программирования национального хозяйственного разума [6, с. 35].

С. Грэй развивает идеи Г. Хофтеде до отдельной теории культурной обусловленности хозяйственного учета [7]. Данная теориястоится на гипотезе о том, что национальные культурные ценности есть базис хозяйственных ценностей любой нации, то есть система ценностей любого бухгалтера как представителя национального профессионального бухгалтерского сообще-

ства являются производными от системы социальных ценностей, конкретной национальной культуры.

Помимо европейских исследований, данная тематика также получила свое освещение в работах китайских авторов.

Культурнообусловленные особенности европейских и азиатских практик хозяйственного учета изучали Пань Айлинг и Ли Бинь. В своих работах они обосновывают существование в социальной и хозяйственной жизни феномена «культура учета», под которой понимается национальная философия бухгалтерского учета, которая становится субкультурой по отношению к любой национальной культуре [8, с. 26].

Ян Ченьхуэй исследовал взаимовлияние национального языка, национальной культуры и национального бухгалтерского учета и обнаружил, что государства с разными национальными языками и соответствующими им культурными картинами мира концептуально различаются в привычных учетных практиках [9]:

- в англоязычных и развитых латиноязычных странах бухгалтеры обладают и активно пользуются профессиональным суждением бухгалтера и активно развиваются национальные стандарты бухгалтерского учета. Однако в африканских и азиатских государствах бухгалтеры стремятся придерживаться нормативных ограничений в учетной деятельности;

- в немецкоязычных странах и развитых латиноязычных странах бухгалтеры применяют единые стандарты бухгалтерского учета для всех компаний, в то время как в англоязычных странах и странах Северной Европы стандарты бухгалтерского учета отличаются в сторону большей гибкости;

- в немецкоязычных странах и странах Ближнего Востока бухгалтеры более склонны проявлять осторожность. В бывших колониальных странах Азии и англоязычных странах бухгалтеры более решительны и оптимистичны;

- в немецкоязычных странах и слаборазвитых латиноязычных странах существуют жесткие ограничения на раскрытие информации в бухгалтерской отчетности, особенно дополнительной. Бухгалтеры в англоязычных странах постоянно воспроизводят прозрачность в раскрытии учетной информации.

Таким образом, культурная реальность не только влияет на особенности представления учетной информации, но оказывает влияние на стоимость и ценность учетной и отчетной информации.

Примеры из практики

Для нивелирования проблем перевода национальных учетных стандартов европейскими странами была выдвинута инициатива по приведению их единому образцу и созданы Международные стандарты финансовой отчетности (МСФО). В 1973 г. был создан Комитет по МСФО в результате соглашения профессиональных объединений бухгалтеров и аудиторов 10 стран: Австралии, Канады, Франции, Германии, Японии, Мексики, Нидерландов, Великобритании, Ирландии и США. Единым языком международного бухгалтерского учета стал английский язык.

Однако в процессе перевода международных стандартов с английского на национальные языки все страны в той или иной степени столкнулись с проблемами эквивалентности перевода. Фонд МСФО находится в процессе создания многоязычного гlosсария, включающего на сегодняшний день около 1500 базовых терминов МСФО, но данный инструмент не решает проблем разности национальных учетных культур и языков.

В данной работе хотелось остановиться на некоторых примерах из китайского языка.

Представители Китая включены в рабочие переводческие группы Совета по МСФО. Однако это произошло намного позднее, чем включение представителей европейских стран и Японии. В начале пути гармонизации с МСФО китайская сторона принимала в своей юрисдикции международные стандарты в том переводе, который соответствовал бы своему национальному хозяйственному укладу, оперируя фразой «стандарт в целом соответствует МСФО». Данная практика была пресечена Советом по МСФО после 2008 года, когда мировой финансовый кризис показал необходимость одинакового понимания учетных элементов и отчетных показателей в глобальном контексте.

Ниже приведем ряд примеров, с которыми столкнулись переводчики, которые переводили английские термины МСФО на китайский язык.

– при переводе слова “*impairment*” в IAS 36 переводчики закрепили понятие **减值** (jiǎnzhí), значение которого тяготеет к «уменьшение стоимости». Одновременно с этим, там, где в стандарте речь идет об «убытке от обесценения», используется термин **减值损失** (jiǎnzhí sǔnshī) [10]: Ряд исследователей говорят о том, что данный перевод является не совсем корректным, так как третий иероглиф **损** имеет также значение «*damage*»;

– в китайской практике бухгалтерского учета до сих пор не закреплен эквивалент английского слова “*income*”, которое достаточно часто встречается в текстах международных стандартов. Китайская сторона в большинстве случаев использует понятие **收益** (shōu yì). Однако традиционно значение данного понятия ближе к понятию «прибыль и убыток», соответственно оно далеко не всегда будет точно передавать смысл английского термина «*income*» [11, с. 16];

– понятие «*control*», которое также получило широкое распространение в текстах международных стандартов, китайской стороной было переведено понятием **控制** (kòng zhì), как самым близкайшим эквивалентом. Однако в китайской культуре бухгалтерского учета существует и другие значения данного термина, в том числе связанные с особенностями нынешнего политического режима. Получило широкое распространение значение **控制** как «невидимой руки китайского национального правительства, которая управляет экономикой и учетной деятельностью в стране» [12, с. 487];

– кроме трудностей перевода отдельных взятых понятий и концептов международных стандартов с английского на китайский язык, стоит также

упомянуть об одном механизме, который создан специально Министерством финансов КНР. Речь идет о механизме *解释* (jiě shì) — системы разъяснений, которые выпускает Минфин КНР для тех переводных английских понятий, для которых китайский эквивалент сложно подбирается либо в любом случае будет многозначен. Например, IAS 17 оперирует понятиям «major part». Минфин КНР разработал пояснения к указанному стандарту, в которых «major part» была переведена как *大部分* «dabufen». Так как китайское понятие имеет множество смыслов, среди которых «большей частью», «львиной долей», «основная масса», «главным образом» и др., Минфин КНР помимо китайского эквивалента, прописали в системе разъяснений, что «dabufen» это 2/3 и более [13].

Заключение

До второй половины XX в. перевод в сфере бухгалтерского учета сводился как правило к решению эпизодами возникающих задач по отдельным предприятиям, и данный языковой регистр не получил всестороннего развития. Глобальные изменения в учетной сфере, сопровождающиеся активной позицией стран Европы по переходу на международные стандарты, показали, что от того, насколько эквивалентный и грамотный перевод бухгалтерской терминологии влияет на развитие мировой экономики в целом. Гармонизация национальных стандартов учета и отчетности активизирует процессы развития транснациональных корпораций и международного бизнеса в целом.

Литература

- [1] Ho G. Translating Advertisements across Heterogeneous Cultures // The Translator: Studies in Intercultural Communication. 2004. Vol. 10, no. 2. Pp. 221–243.
- [2] Everett D.L. Language: The Cultural Tool. New York, NY: Pantheon Books, 2012.
- [3] Saussure F.D. Course in General Linguistics. London: Peter Owen Limited, 1960.
- [4] Joseph J.E. Why isn't translation impossible? // Language At Work: Selected Papers from the Annual Meeting of the British Association for Applied Linguistics held at the University of Birmingham, September 1997. Clevedon: Multilingual Matters Ltd, 1998. Pp. 86–97.
- [5] Mueller G. Accounting practices generally accepted in the US versus those generally accepted elsewhere // International Journal of Accounting Education and Research. 1968, Spring. Pp. 91–103.
- [6] Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Sage Publications, 1980.
- [7] Sidney G.J., Salter S.B., Radebaugh L.H. Global Accounting and Control: A Managerial Emphasis. New York: John Wiley & Sons, 2001.
- [8] Ailing P., Bin L., Yazhen L., Weina S. The impact of culture on accounting: literature review and future research prospects // Accounting Research. 2012. No. 4. Pp. 20–27. (In Chinese).
- [9] Yang Chenhui. Cultural Differences and Accounting Preference: Accounting Culture Value. Chinese CPA. 2003. (In Chinese). Available at: <http://www.chinaacc.com/new/403/408/2006/1/ad200410463517160023800.htm> (accessed September 3, 2020).
- [10] Nobes Chr., Stadler Chr., Impaired translations: IFRS from English and annual reports into English. Available at: https://eprints.lancs.ac.uk/id/eprint/126274/1/AAAJ_accepted.pdf (accessed September 3, 2020).

- [11] Miao Xinyun. Issues Affecting Convergence of Chinese Accounting Standards with IFRS. Doctor's Thesis, 2016.
- [12] Pan P., Patel C., Mala R. Questioning the Uncritical Application of Translation and Back-Translation Methodology in Accounting: Evidence from China // Corporate Ownership of Control. 2015. No. 12 (4). Pp. 480–492.
- [13] Ministry of Finance of China: MOF (2006b). Accounting Standards for Business Enterprises: Specific Standards. Retrieved on June 6, 2016. (in Chinese). Available at: <http://www.casplus.com/rules/rules.asp> (accessed September 3, 2020).

On the Problems of Translation in the Modern Accounting Field (On the Example of the Chinese Language)

Amurskaya Marina Alexandrovna

✉ amurskaiam@mail.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation

The subject of this study is the issues of translation equivalence in modern accounting. Correct translation has a significant impact on the processes of reforming national accounting practices. The author analyzes the accounting sphere as the subject area of a translator, raises the problems of harmonizing various accounting practices using the most equivalent translation of international financial reporting standards, and also raises questions of the interaction of language, culture and accounting.

Keywords: cultural code, national picture of the world, equivalence, internationalisation, interpretation

References

- [1] Ho G. Translating Advertisements across Heterogeneous Cultures // The Translator: Studies in Intercultural Communication. 2004. Vol. 10, no. 2. Pp. 221–243.
- [2] Everett D.L. Language: The Cultural Tool. New York, NY: Pantheon Books, 2012.
- [3] Saussure F.D. Course in General Linguistics, London: Peter Owen Limited, 1960.
- [4] Joseph J.E. Why isn't translation impossible? // Language At Work: Selected Papers from the Annual Meeting of the British Association for Applied Linguistics held at the University of Birmingham, September 1997. Clevedon: Multilingual Matters Ltd, 1998. Pp. 86–97.
- [5] Mueller G. Accounting practices generally accepted in the US versus those generally accepted elsewhere // International Journal of Accounting Education and Research. 1968, Spring. Pp. 91–103.
- [6] Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Sage Publications, 1980.
- [7] Sidney G.J., Salter S.B., Radebaugh L.H. Global Accounting and Control: A Managerial Emphasis. New York: John Wiley & Sons, 2001.
- [8] Ailing P., Bin L., Yazhen L., Weina S. The impact of culture on accounting: literature review and future research prospects // Accounting Research. 2012. No. 4. Pp. 20–27. (In Chinese)
- [9] Yang Chenhui. Cultural Differences and Accounting Preference: Accounting Culture Value. Chinese CPA. 2003. (In Chinese). Available at: <http://www.chinaacc.com/new/403/408/2006/1/ad200410463517160023800.htm> (accessed September 3, 2020).

- [10] Nobes Chr., Stadler Chr., Impaired translations: IFRS from English and annual reports into English. Available at: https://eprints.lancs.ac.uk/id/eprint/126274/1/AAAJ_accepted.pdf (accessed September 3, 2020).
- [11] Miao Xinyun. Issues Affecting Convergence of Chinese Accounting Standards with IFRS. Doctor's Thesis, 2016.
- [12] Pan P., Patel C., Mala R. Questioning the Uncritical Application of Translation and Back-Translation Methodology in Accounting: Evidence from China // Corporate Ownership of Control. 2015. No. 12 (4). Pp. 480–492.
- [13] Ministry of Finance of China: MOF (2006b). Accounting Standards for Business Enterprises: Specific Standards. Retrieved on June 6, 2016. (in Chinese). Available at: <http://www.casplus.com/rules/rules.asp> (accessed September 3, 2020).

Equivalence in Technical Translation

Borodina Tatyana Yuryevna

✉ t-borodina@yandex.ru

Bauman Moscow State Technical University

The article raises the issues of quality translation, proficiency to be acquired during the ESP course at a technical university. Equivalence of the target and source technical texts is considered as the qualitative criterion. Methods for achieving equivalence and their relevance to the translation of scientific and technical literature are investigated from the perspective of the theory of equivalence.

Keywords: equivalence, technical translation, scientific and technical text, methods, technical language

References

- [1] Komissarov V.N. General theory of translation: textbook. M.: CheRo, 2000. 136 p.
- [2] Nida E.A. Toward a science of translating. Leiden: E.J.Brill, 1964. 331 p.
- [3] Newmark P. A textbook of translation. London: Longman, 2005. 292 p.
- [4] Munday J. (ed.). The Routledge companion to translation studies. Oxon: Routledge, 2009. 285 p.
- [5] Nelyubin L.L. Introduction to translation techniques. M.: Flinta, Nauka, 2013. 213 p.
- [6] Retsker Ya.I. Translation theory and translation practice. (5th ed.). M.: Auditoriya, 2016. 244 p.

УДК 372.8

Теория эквивалентности в практике технического перевода

Бородина Татьяна Юрьевна t-borodina@yandex.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Статья затрагивает проблемы качества технического перевода, освоение которого входит в курс подготовки студентов и аспирантов технического вуза. Эквивалентность технического текста оригинала и переводящего языка рассматривается как критерий качественного перевода. Исследуются методы достижения эквивалентности и их применимость для перевода научно-технической литературы с позиции теории эквивалентности.

Ключевые слова: эквивалентность в переводе, технический перевод, научно-техническая литература, методы, технический язык

Потребность в переводе научно-технической литературы, будь то статьи, рефераты, технические руководства, методические пособия, спецификации, патенты, постоянно растет в связи с интернационализацией науки и технологий, предполагающей увеличение объема публикаций в этой области. Одной из задач изучения дисциплины ESP является овладение профессиональной компетентностью при переводе текстов, что подразумевает достижение эквивалентности в переводе как одного из критериев качества перевода. Проанализировав типологию текстов, мы обнаружили, что научно-технический текст как особый пласт языка и речи не получил заслуженного внимания в отношении рассмотрения установления эквивалентности при переводе. Цель данной работы — выявление методов достижения эквивалентности на лексическом, синтаксическом и прагматическом уровнях и установление пределов их использования при переводе текстов научно-технической литературы. Эквивалентность рассматривается в статье как «равноценность в целом, объективно прослеживающая взаимосвязь между оригиналом и переводом» [1, с. 112].

Одной из переводческих проблем, с которой сталкиваются студенты, является выбор лексического эквивалента из терминологического ряда. В теории и практике перевода различают полные эквиваленты (постоянные, равнозначные соответствия), частичные эквиваленты (вариантные соответствия) и безэквивалентную лексику. Полные эквиваленты в техническом языке представлены однозначными словами, обозначающими названия наук, электронных устройств, химических элементов. Перевод полных эквивалентов не представляет трудностей — они могут служить своеобразными заготовками, не завися от контекста: e.g. *bronze* — бронза, *calibrator* — измерительное устройство, *carpuit* — колпачковая гайка, *carbonitriding* — цинкование etc.

Частичные эквиваленты, будучи многозначными по своей природе (и особенно эквиваленты с недифференцированным значением), представляют собой

одну из наиболее сложных групп технических терминов для перевода. Лексическая единица в языке оригинала может обладать гораздо более широким спектром значений, чем в переведяющем языке. Например, слово *oil*, означающее «минеральное жидкое маслянистое вещество, обычно темно-коричневого или черного цвета», представлено в русском языке словами *масло, нефтепродукт, жидккая смазка*. В таком случае переводчик имеет дело с вариантными соответствиями, которые устанавливаются между словами, когда в языке перевода имеется несколько вариантов для одного и того же исходного значения слова. Рассмотрим обратный пример перевода с русского на английский термина *модернизация производства (продукта)*, имеющего в английском языке по меньшей мере три соответствия: *retrofit, rebuild, remanufacture*. Правильный выбор варианта будет обеспечен при условии наличия у переводчика определенных специальных знаний как в лингвистических, так и в инженерно-технических вопросах. *A machine tool retrofit* влечет за собой модернизацию электронной составляющей станка — замену двигателя, приводов и магнитных элементов. Процесс модернизации приводит все в соответствие с современными стандартами. *A rebuild* включает в себя модернизацию механизмов, таких как направляющие, шпинделы, подшипники, двигатели. *A remanufacture* представляет собой сочетание двух названных процессов, включая некоторые технические усовершенствования. *A retrofit* может занять от трех до шести недель, *a rebuild* — от десяти до двенадцати недель, *a remanufacture* — от четырех до шести месяцев. Таким образом, для принятия правильного переводческого решения при работе с вариантными соответствиями помимо контекста необходим учет экстралингвистического фактора.

В техническом языке безэквивалентность носит временный характер в силу неравномерного достижения науки и техники. Со временем этот дисбаланс устраняется, и соответствующее имя вводится в целевой язык с помощью транслитерации (*microscopy* — микроскопия), калькирования (*superconductor* — сверхпроводник), заимствования (*honing* — хонингование) и описательного перевода (*square engine* — двигатель, в котором диаметр цилиндра равен ходу поршня).

Для достижения эквивалентности на синтаксическом и pragматическом уровнях переводчик может прибегнуть к методам, входящим в концептуальный аппарат теории эквивалентности. Для дифференциации существующих подходов к понятию эквивалентности на более высоких уровнях (синтаксическом, pragматическом) в работе используется фокус внимания переводчика или направляющая функция перевода. Действительно, переводчик, являясь одним из участников коммуникации, поочередно выступает то получателем, то отправителем информации, и эта смена ролей оказывает значительное влияние на методику перевода.

Чтобы сделать перевод более понятным для целевого читателя, можно применять метод динамической эквивалентности [2]. Однако целесообразность его применения для перевода научно-технических статей вызывает со-

мнения, поскольку такой перевод, смело отходящий от языка оригинала, предполагает изменение синтаксиса и семантики, что противоречит требованиям довольно строгой организации научного дискурса. Полагаем, что областью применения метода динамической эквивалентности можно считать пословицы и поговорки, так как их перевод почти всегда предполагает изменение конфигурации оригинала: *A fog cannot be dispelled with a fan* — *Ковшом моря не вычерпаешь.*

Тем не менее мы считаем, что потенциал для достижения динамической эквивалентности может быть реализован при переводе идиом и устойчивых выражений, связанных с техникой безопасности, которые в некоторой степени могут относиться к единицам технического языка. 1) *This voltage is lethal* — *Под напряжением! Опасно для жизни!*

2) *Electricshock hazard*. — *Опасность поражения электрическим током.*

Применяя функциональный подход [3], переводчик пытается найти баланс между исходным и переводящим языком для достижения pragматической эквивалентности как исключной цели перевода. Метод функциональной эквивалентности хорошо зарекомендовал себя, в частности, для перевода независимого причастного оборота, который широко употребляется в техническом английском языке: 1) *The spindle holding the tool in the drilling machine, the carriage is not needed* — Так как шпиндель сверлильного станка удерживает инструмент, в суппорте нет необходимости. 2) *Separation command being given, the explosive bolts are activated*. — При подаче команды на отведение срабатывают взрывные болты.

Практика показывает, что перевод приведенных выше конструкций вызывает затруднения у студентов, которые часто интуитивно прибегают к формальному подходу [4], пытаясь сохранить структуру исходного предложения и тем самым нарушая внутренние логические связи. Однако метод формального перевода является хорошим инструментом для передачи: а) полных технических эквивалентов — e.g. *Metrologia и взаимозаменяемость* — *Metrology and Interchangeability*, *Литейные технологии* — *Casting Technologies*; б) определений типа “X” есть “Y” — e.g. *Steel is an alloy of iron and carbon*. — *Сталь* — это сплав железа и углерода.

Буквальный перевод, который часто путают с методом формальной эквивалентности, представляется логичным при переводе технического термина, если это слово совместимо и сопоставимо по значению в исходном и переводящем языках, например: *code point* — кодовая точка; *colour correction* — цветокоррекция, *bionic computer* — бионический компьютер [5, с. 145].

Тем не менее мы считаем, что применение этой стратегии должно быть ограничено. Рецкер называет буквальный перевод «детской болезнью» начинающего переводчика [6, с. 37], вызванной подобием внешней оболочки переводимых слов. Проиллюстрируем на примере перевода фрагмента статьи о моделях отражения световых лучей, который осуществлялся аспирантом, обучающимся по направлению «Материаловедение»: *diffraction* — дифракция

(*cf. преломление*), *deflector*— дефлектор (*cf. отражатель*), *reflections*— рефлексы (*cf. отражения*), *indexing*— индексирование (*cf. вычисление коэффициентов*). Пойдя по пути наименьшего сопротивления, обучающийся переводит предложение *There flections are separated from zero-layer positions by the vector indicated* как *Рефлексы отделены указанным вектором от положения нулевого слоя*. Перевод *рефлексы* отсылает читателя в совершенно другую научную, пожалуй, медицинскую область, далекую от материаловедения. Однако с применением функционального подхода качество перевода могло быть, несомненно, выше: *Отражения отделены от нулевого слоя указанным вектором*.

Выводы

Результаты исследования выявили возможности применения методов, составляющих концептуальный аппарат теории эквивалентности, при переводе технических текстов с английского языка на русский и наоборот. Использование динамической эквивалентности ограничено природой письменного технического языка, требующего логической последовательности изложения сложного материала и характеризующегося практическим отсутствием эмоциональности. Формальный подход, когда фокус внимания переводчика направлен на исходный текст, применим для перевода универсальных конструкций, но не конструктивен при работе с различного рода языковыми несоответствиями. Буквализм в большинстве случаев ухудшает качество технического перевода, прокладывая дорогу для появления так называемых ложных друзей переводчика. Стратегия функциональной эквивалентности рассматривается как золотая середина для поддержания баланса между исходным техническим текстом и его эквивалентом на переводающем языке.

Литература

- [1] Комиссаров В.Н. Общая теория перевода: учеб. пособие. М.: ЧеРо, 2000. 136 с.
- [2] Nida E.A. Toward a science of translating. Leiden: E.J. Brill, 1964. 331 р.
- [3] Newmark P. A textbook of translation. London: Longman, 2005. 292 р.
- [4] Munday J. (ed.). The Routledge companion to translation studies. Oxon: Routledge, 2009. 285 р.
- [5] Нелюбин Л.П. Введение в технику перевода. М.: Флинта; Наука, 2013. 213 с.
- [6] Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / доп. и comment. д.И. Ермоловича. 5-е изд. М.: Аудитория, 2016. 244 с.

Interpretation in Translation: Between Scylla and Charybdis (A Glimpse into Teaching Practice)

Davletshina Dilyara Kutdusovna dilyara4mail@gmail.com

Moscow State Institute of International Relations (University)

Korovkina Marina Yevgenievna mekorovkina@gmail.com

Moscow State Institute of International Relations (University)

This paper aims to analyze ways of interpreting sense in translation bringing equivalence focused on SL in line with TL adequacy. The authors put a premium on the need to interpret the invariant sense of the SL through the lens of the asymmetries between the source and target languages. Broader pragmatic context facilitates the derivation of sense invariant and its interpretation in translation is achieved in the absence of direct equivalent through translation transformations.

Keywords: *translation studies, Source language, Target language, interpretation, Translation equivalence, direct equivalent, translation transformations*

Introduction

In this paper we intend to present an analysis of a topic that still raises controversies, notwithstanding the great wealth of research papers/literature written on the subject. The topic is how to render or interpret sense in translation bringing equivalence in line with adequacy. There are two schools of thought on the issue:

– Semantic or linguistic translation that focuses on the equivalence that in some cases disregards the stylistic norms of the target language (TL), while rendering with utmost accuracy the specific features of the text in the source language (SL) in terms of sense/meaning and its linguistic form and structure.

– Communicative pragmatic approach that takes into account both the sense of the SL text and the stylistic norms of the TL, disregarding the semantic and grammatical structures of the SL.

There is a dichotomy of equivalence and adequacy with the equivalence focused on SL and adequacy on TL (Evtteev). The dynamic equivalence by Nida and its highest levels from the equivalence model by Komissarov take into account the pragmatic features of the SL text. The pragmatics foregrounds adequacy, as the translator has to derive sense from the broad pragmatic context (Givon), which would consist of extralinguistic situation or background knowledge that includes general (encyclopedic) knowledge, the knowledge of the specific domain to which the text belongs and to its specific topic. Knowledge of the broad pragmatic context is needed to derive sense invariant and its interpretation in translation (Korovkina).

Findings

Adequate rendering of the invariant sense of the SL text, when linguistic and semantic structures of the SL and TL do not coincide, stands for interpretation as it

is understood by the interpretation theory of translation and hermeneutics in translation represented in Russia by Krugov, Garbovsky, Ivanov, Mishkurov and in Europe primarily by Seleskovitch and Lederer. Sense interpretation in translation means that the translator is always navigating between the Scilla of liberal translation and the Charybdis of the literal one. The literal translation results from SL structural and semantic specifics, with the translator aspiring to reach the utmost accuracy and equivalence. The liberal translation may be the personal choice of the translator and the fruit of his/her efforts to render the invariant sense omitting the clumsy grammar and semantic structures that are not consistent with the stylistic norms of the source language, while potentially departing too much from the sense. To stay within the limits of the invariant sense, the interpreter is guided by the information relevance in the given context.

Relevance is treated from a practical angle in teaching and training aspects of translation and it can be measured in terms of the communicative situation and the pragmatic and linguistic contexts. The MGIMO experience of teaching translation in the Master's degree programmes has incorporated these theoretic postulates and developed exercises highlighting specific difficulties of interpretation in translation related to the language asymmetries. These difficulties are explained and discussed during the text analysis in the course of translation training. Moreover, these difficulties or asymmetries have been classified according to their linguistic and semantic nature and language level, which facilitates the discussion and analysis (see textbooks on translation training by Davletshina and Korovkina).

The objective of these textbooks, as well as this paper, is to highlight the need to interpret the invariant sense of the SL through the lens of the asymmetries between the source and target languages. The textbooks, which are used in the Master's Degree programme in translation, present the classification of the asymmetries, the exercises that drill on the difficulties, and texts for translation from Russian into English related to the domains studied at the MGIMO-University.

Let us show you some relevant examples. To start with, there are grammar patterns, which are called so for the purpose of the classifications in translation training. One of the most common grammar transformations used in Russian-English translation is a syntactical one, i.e. making the Russian adverbial modifier of place, time and cause the subject in the sentence in English. This can be clearly illustrated with the following examples:

На декабрьской конференции на уровне министров в Афинах было заявлено о расширении гуманитарного, экономического, экологического, а также военно — политического измерений безопасности. — The Athens ministerial conference in December declared that humanitarian, economic, ecological, as well as military and political aspects of security should be expanded.

В конце XX века в мире появилось большое количество неправительственных организаций, которые ставили во главу угла продвижение частно-государственного партнерства. — The late 20th century saw the emergence of

a large number of non-governmental organizations worldwide which put a premium on promoting private-public partnership.

В результате глобализации ограничивается способность индустриальных стран смягчать негативные последствия открытия внутренних рынков. — Globalization constrains the ability of industrial countries to cushion the adverse effects of domestic markets opening.

The transformations at the semantic level can be illustrated by the translation of metaphors and the use of metonymic shifts.

There are a lot of Russian metaphors which have a direct equivalent in English, they mainly belong to the Greek and Roman linguistic heritage, but not only: почивать на лаврах — to rest on your laurels, быть на перепутье — to be at the crossroads, неизведанный океан — an unchartered ocean, улица с двусторонним движением — a two-way street, раскачивать лодку — to rock the boat, etc.

Администрация США, следуя уже устоявшейся традиции по нагнетанию напряжённости и силового давления на Каракас, «подливает масло в огонь», говоря о том, что «время диалога прошло и пора действовать». — In line with its time — honoured tradition of mounting tensions and power pressure on Caracas the US is adding fuel to the fire (is making an already dire situation worse) by claiming “it is time for action rather than dialogue”.

Metonymic shifts can be based on language and literary metonymies (the literary ones would not be discussed in this paper). An example of a language metonymy:

Распад СССР сопровождается свертыванием торговых связей с Вьетнамом. — The disintegration of the USSR resulted in a drastic curtailing of trade ties between Russia and Vietnam.

Here are the examples of the translations of metaphoric expressions through metonymic shifts:

Победители войн всегда вводили правила, которые защищали их национальные интересы, не загоняя в угол побеждённых. The winners of wars always set the rules to protect their own national interests without stymying the defeated.

Отказ Д. Трампа от выполнения обязательств по СВПД ещё раз продемонстрировал всему международному сообществу, что США руководствуются собственными узокорыстными и конъюнктурными интересами, грубо попирая нормы международного права, а американские претензии к ядерной программе Ирана являются лишь ширмой для сведения с ним политических счётов. — Trump’s flouting of the JCPOA commitments served to act as yet another exposure to the international community of the parochial and selfish interests that guide US policies in flagrant trampling of international law with American criticism of Iran’s nuclear program serving as just a cover for settling political scores.

In the translation training at the level of Master — degree programmes we primarily focus on the pragmatic context and various grammar and semantic pat-

terns resulting from the language asymmetries, as has been briefly illustrated by the examples.

Conclusions

1. The incorporation of the theoretic postulates into the practice of translation and its training makes the process of learning/teaching much more efficient.
2. We apply the interpreting approach to the translation to both directions, with the focus on the translation from Russian into English, as there is a lack of methodological guidance in this area.
3. Knowledge of the domain facilitates translators' training as it is based on the knowledge of general pragmatic context and makes it possible to apply interpretation techniques with greater understanding, which is extensively used by the MGIMO Master's Degree programmes in training of translators.

References

- [1] Evteev S.V. Perevod — ehkvalivalentno — naskol'ko vozmozhno, i adekvatno — naskol'ko nuzhno [Translation. Equivalent as Feasible and Adequate as Necessary] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arekhologiya / Literaturovedenie / Yazykoznanie / Pedagogicheskie nauki. Bryansk: RIO BGU, 2017. № 1 (31). P. 262–267. (In Russian).
- [2] Garbovskiy N.K. Teoriya perevoda [Theory of Translation]. M: MGU, 2004. 544 p. (In Russian).
- [3] Ivanov N.V. Interpretatsiya v znakovoy ontologii yazyka i v perevode [Interpretation in Language Sign Ontology and Translation]. M.: ID "Mezhdunarodnye otnosheniya", 2018. 152 p. (In Russian).
- [4] Korovkina M.E. Interpretation and Competence-Based Factors of Translation // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22 "Teoriya perevoda". 2020. № 3. P. 17–30.
- [5] Kryukov A.N. Metodologicheskie osnovy interpretativnoi kontseptsii perevoda: dis... d-ra fil. nauk [Methodological Basis of the Interpretative Concept of Translation]. M., 1988. 442 p. (In Russian).
- [6] Mishkurov Eh.N. O "germenevticheskem poverote" v sovremennoi teorii i metodologii perevoda (chast' I) [On Hermeneutic Shift in the Modern Theory and Methodology of Translation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2013. № 1. Pp. 69–91. (In Russian).
- [7] Seleskovitch D., Lederer M. Pédagogie Raisonnée de l'Interprétation. Bruxelles-Luxembourg; Paris: Office des publications officielles des Communautés européennes / Didier Eruditioin, 1989. 281 p.
- [8] Seleskovitch D., Lederer M. Interpréter pour Traduire. Paris: Didier Eruditioin, 1984. 311 p.
- [9] Korovkina M. Language World View and Translation Difficulties (Russian-English). Part I. Theory and Practice of Translation. M.: R. Valent, 214 p.
- [10] Davletshina D. Basic Techniques of Translating Political Texts from Russian into English. M.: MGIMO-University, 115 p.

УДК 347.78.034

Прием интерпретации в переводе: выбор «между Сциллой и Харибдой»

Давлетшина Диляра Кутдусовна

✉ dilyara4mail@gmail.com

МГИМО МИД России

Коровкина Марина Евгеньевна

✉ mekorovkina@gmail.com

МГИМО МИД России

Проанализированы способы интерпретации в переводе путем достижения эквивалентности исходного языка (ИЯ) и адекватности языка перевода (ПЯ). Учитывая лингвистические и грамматические несоответствия между ИЯ и ПЯ, авторы подчеркивают необходимость интерпретации смыслового инварианта. В условиях отсутствия прямого эквивалента необходимо использовать переводческие трансформации на семантическом уровне, в основе которых лежит метонимия.

Ключевые слова: переводоведение, эквивалентность в переводе, интерпретация, исходный язык, язык перевода, прямой эквивалент, переводческие трансформации

Литература

- [1] Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- [2] Евтеев С.В. Перевод — эквивалентно — насколько возможно и адекватно — насколько нужно // Вестник Брянского государственного университета. Исторические науки и археология / Литературоведение / Языкоznание / Педагогические науки. 2017. № 1 (31). С. 262–267.
- [3] Иванов Н.В. Интерпретация в знаковой онтологии языка и в переводе. М.: Международные отношения, 2018. 152 с.
- [4] Коровкина М.Е. Интерпретационный и компетентностный подход в переводе // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2020. № 3. С. 17–30.
- [5] Крюков А.Н. Методологические основы интерпретативной концепции перевода: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988. 442 с.
- [6] Мишкуров Э.Н. О «герменевтическом подходе» в современной теории и методологии перевода (часть 1) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 69–91.
- [7] Seleskovitch D., Lederer M. Pédagogie Raisonnée de l'Interprétation. Bruxelles-Luxembourg; Paris: Office des publications officielles des Communautés européennes / Didier Eruditioп, 1989. 281 с.
- [8] Seleskovitch D., Lederer M. Seleskovitch D., Lederer M. Interpréter pour Traduire. Paris: Didier Eruditioп, 1984. 311 с.

УДК 811.11

Когнитивно-стилистический подход в современном переведоведении: понятийные и прикладные аспекты

Николаева Наталья Николаевна

✉ nnn55n73@mail.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Лежнева Екатерина Борисовна

✉ ekatlezhneva@mail.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Рассмотрены некоторые положения когнитивной стилистики применительно к теории и практике переведоведения. Обсуждены вопросы актуальности и целесообразности использования когнитивно-стилистического подхода в переводческой деятельности, отмечен их потенциал для адекватной интерпретации смыслов текстов, понимания сути, характера и результатов различия между нормой и отклонениями от нормы. Данна когнитивная интерпретация таким понятиям, как лингвистический стиль, двусмыленность, выдвижение, импликатуры. Выделены и проанализированы шесть положений когнитивной стилистики, которые могут оказывать определенное влияние на процесс перевода. Представлен краткий обзор данных положений применительно к разработке учебных курсов обучения специализированному переводу студентов технического университета.

Ключевые слова: когнитивный подход, переведоведение, когнитивная стилистика, лингвистический стиль, норма и отклонение от нормы, выдвижение, двусмыленность, импликатуры смысла, обучение специализированному переводу в вузе

В современном переведоведении когнитивный подход приобретает особое значение для раскрытия сущности переводческого процесса, выявления ментальных основ стратегий перевода и закономерностей переводческих приемов [1, 2], нахождения наиболее приемлемых способов постижения переводчиком авторского замысла иноязычного текста [3], а также для изучения сложных мыслительных операций, определяющих восприятие и понимание переводчиком исходного текста [4] и интерпретацию выбора языковых средств при создании текста перевода [5]. Исследователи обращают внимание на когнитивный аспект переводческого процесса как на пересечение внешнего ситуационного контекста с внутренним набором знаний переводчика, а также на анализ творческой деятельности переводчика [6, 7].

Процесс перевода и стилистический анализ текстов неотделимы друг от друга, имеют комплексный междисциплинарный характер, основанный на анализе лингвистических данных в сочетании с когнитивными структурами [8, 9]. Объектом изучения когнитивной стилистики является читательский опыт, под которым, с одной стороны, понимаются сложные мыслительные операции и эмоциональные реакции человеческой психики, вызванные сти-

мулирующим воздействием экспрессивно-выразительных средств текста, а с другой стороны, когнитивные способности самого читателя/слушателя, его ассоциативно-творческий интеллектуальный потенциал. В процессе взаимодействия этих двух компонентов и возникает читательский опыт [10]. Именно он рассматривается в качестве «основного объекта исследования когнитивной стилистики, а не биография автора, социально-культурный и исторический контекст произведения или текст как самоцель» [11, с. 110]. Таким образом, интерпретация текста с точки зрения когнитивной стилистики включает в себя расшифровку (декодирование) читателем/слушателем заложенной в нем картины мира, созданной автором с помощью особым образом отобранных лингвистических средств. Применение когнитивно-стилистического метода в процессе переводческого анализа текста предполагает сочетание «эксплицитного, строгого, детального лингвистического анализа текстов (т. е. анализа взаимодействия между языковой формой, функцией, эффектом и интерпретацией текста) с систематичным и теоретически обоснованным рассмотрением когнитивных структур и процессов, лежащих в основе производства и восприятия языка» [12, р. ix].

Данная статья имеет теоретический характер, в ней предпринимается попытка рассмотреть существующие в современной лингвистической литературе положения, разрабатываемые на стыке лингвистической когнитивистики, стилистики и переводоведения. В статье ставится цель обсудить целесообразность использования когнитивно-стилистического подхода в переводческой деятельности, а также проанализировать его потенциал в процессе адекватной и эквивалентной интерпретации смыслов текстов, нахождения универсалий, понимания сути, характера и результатов различия между стилистической нормой и отклонениями от нормы.

Вопрос о лингвистической нормативности текстов всегда занимал центральное место, как в переводческих, так и стилистических исследованиях, однако именно в работах, выполненных в русле когнитивной стилистики, доказывается, что нормативное «литературное мышление неотделимо от других мыслительных процессов» [13, с. 121], а стиль — это продукт «выбора человеческого разума и опыта языкового общения, который ориентирован на трансформацию сознания» [14, с. 66]. Современная когнитивная стилистика рассматривает понятие лингвистического стиля как когнитивного опыта языковых взаимодействий человека с текстами различных направлений и жанров. В текстах анализируются концептуальные стилистические связи и структуры различных типов на основе теории регулятивности, текстовых ассоциаций и смыслового развертывания текста [15]. Понятие контекста также интерпретируется сквозь призму активной ментальной деятельности и читательского опыта по созданию и воссозданию ситуативно-дискурсивных особенностей текстовой информации. Контекст понимается как «когнитивная область знаний о типах и жанрах текстов, социокультурной среде, институтах, социальных ролях, преобладающих общественных установках и многом

другом, охватывающем и индивидуальное, и культурное, и универсальное» [12, с. ix]. Для нахождения переводческих универсалий и эквивалентов важно положение, что человеческая когниция биологически и социально детерминирована, при этом биологическая (физиологическая, психологическая) сущность людей во всем мире относительно одинаковая, а социокультурная доминанта — различная. В связи с этим, на наш взгляд, переводчику необходимо проникнуть в суть концептосферы носителей переводимого языка, понять основополагающие концепты и их связи, лежащие в основе интерпретации текста-источника. В этом смысле показательно исследование А.Г. Минченкова.

В своей когнитивно-эвристической модели перевода А.Г. Минченков обосновал перевод как «эвристический процесс объективации средствами языка перевода мыслительных структур, сформированных сознании на базе исходного текста» [4, с. 235]. Ученый выделяет две обязательные (формирование концептуальной структуры и ее объективация средствами языка перевода) и две факультативные (когнитивный поиск и автокоррекция) стадии перевода, а также факультативную стадию — рекомбинацию концептов, используемую «в том случае, когда при переводе необходим поиск средств выражения» [4, с. 167]. По мнению исследователя, исходный текст обладает потенциалом актуализации в сознании определенной структуры концептов, называемой «инвариантом перевода», в связи с чем, основной критерий успешности перевода заключается в том, «удалось ли переводчику объективировать всю совокупность концептов, потенциально актуализируемую исходным текстом» [4, с. 235]. Таким образом, знания переводчика о концептах и концептуальных связях типичного носителя языка переводимого текста, репрезентируемых языковыми единицами, структурами, выразительными средствами и приемами в исходном тексте, играют важнейшую роль в успешности осмыслиения и перевода последнего. Освоение концептосферы представителей переводимого языка происходит по мере накопления языкового и профессионального опыта. По мнению А. Г. Минченкова, толковые и тезаурусные словари являются доступными и релевантными источниками, позволяющими проникнуть в концептосферу языкового сознания представителей иноязычных культур [4, с. 187].

Традиционное понятие «выдвижения» как способа организации текста, «фокусирующего внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающего семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней» [16, с. 305], в рамках когнитивно-стилистического подхода связывается с психологическим механизмом выдвижения на передний план наиболее актуального события в жизни человека и концентрации на нем внимания [17]. Такой подход позволяет увидеть языковое своеобразие текста и имплицируемые смыслы, основываясь не на стилистических «отклонениях от нормы», а на привлечении внимания читателя/слушателя к интерпретации целесообразности использования языковых

форм и способов их организации для описания определенного объекта или события. Одним из когнитивных эффектов выдвижения является переосмысление читателем своего взгляда на объект или событие, а также изменение в когнитивных схемах концептуализации событий текста.

Понятие «дву смысленность языковой единицы» интерпретируется с точки зрения активации ментальных ассоциаций у читателя/слушателя. Например, двусмысленность заголовков является распространенным явлением в англоязычном массмедиуме пространстве и часто достигается с помощью использования номинативных словосочетаний, таких как: (1) *Pants protestor trousers seat*; (2) *Knife woman attacks breadman* [18]. Для того чтобы их понять и дать наиболее приемлемый вариант перевода, необходимо прочесть всю статью целиком. Однако заголовок сам по себе должен создавать определенные смысловые импликатуры, манипулируя чувством любопытства потенциальных читателей. Предложим возможные варианты интерпретации: (1) *Только протестующий в брюках получает должность в правительстве; Скромный протестующий все же займет свое место на концерте*; (2) *Женщина с ножом набросилась на разносчика хлеба; Женщина с ножом сталкивается с мужчиной на улице, который дерется хлебом*. Очевидно, что необходимо привлечь контекстуальные импликации и ассоциативные ментальные связи, чтобы корректно перевести заголовки, не читая статью целиком. На наш взгляд, первые варианты в каждом примере являются более приемлемыми. Рассмотрим использованную здесь антитезу: слово *pants* в отличие от *underwear* имеет явную отрицательную коннотацию и профиширует негативное отношение к протестующему, имплицируя, например, негодование феминисток по поводу засилья мужчин в правительстве. Выбор слова *breadman* тоже не случаен, т.к. оно предполагает противопоставление «хорошего мужчины» «агрессивной женщине». Как видим, лингвистическая недосказанность в совокупности с выразительным стилистическим средством детерминирует творческий когнитивный процесс, активизирует систему поиска соответствующих концептов, актуальной контекстуальной информации как у читателя, так и у переводчика.

Для переводческих целей наиболее важными, на наш взгляд, являются следующие положения когнитивной стилистики, вызывающие определенные сложности в процессе переводческой деятельности. Во-первых, это приоритет контекстуального значения слов, их референтного потенциала и дискурсивных импликатур в текстах, ориентированных на знания, опыт, мысли и чувства определенной целевой группы. В данном случае, перед переводчиком встают следующие вопросы, которые необходимо проанализировать: как нужно переводить импликатуры, на какие конкретно знания опираться, какие мысли и чувства читателей затрагивать. Во-вторых, чтение — это когнитивный процесс и для переводчика, и для читателей. Вопросы, встающие перед переводчиком: как самому переводчику читать и воспринимать текст, интерпретировать его содержание; совпадают ли контекстуальные структуры у пе-

реводчика и его читателей? В-третьих, ожидаемый результат чтения — это изменение интеллектуального и/или психологического состояния читателей. Проблема переводчика заключается в нахождении языковых способов влияния на эти изменения. В-четвертых, различие между стилистической нормой и отклонением от нормы должно быть релевантно ситуативно-дискурсивным условиям восприятия текста. Переводчику необходимо решить, должна ли литературная норма соблюдаться при переводе в любом случае или она вариативна, зависита от читательского опыта и стилистической грамотности целевой аудитории? Как оценить читательский опыт аудитории и сбалансировать стилистическую выразительность переводимого текста с литературной корректностью и стилистической насыщенностью текста перевода? В-пятых, в настоящее время существование универсальных литературных норм является дискуссионным. Проблема состоит в том, как соотнести эти нормы с социокультурными и контекстуальными особенностями текстов различных жанров в разных языках. В-шестых, чтение текста, предназначенного для перевода, означает попытку встать на место его автора, понять и принять его точку зрения, проникнуться литературным даром и настроиться на его стилистику. Вопросы для переводчика: может ли переводчик действительно утверждать, что он понял авторский замысел? Может ли он согласиться с тем, что действует в соответствии с авторскими интенциями?

Несомненно, описанные положения и поставленные вопросы не новы для теории и практики перевода. Многие талантливые переводчики предлагали свои пути нахождения ответов на эти вопросы, как правило, основанные на солидном профессиональном и жизненном опыте, на литературной интуиции и, в определенном смысле, на прозрении (см., например, [19]). Однако актуальность этих вопросов до сих пор не устарела.

В целом, представляется, что положения когнитивной стилистики и создаваемые на их основе когнитивные модели перевода могут с успехом применяться в разнообразных дискурсах, в частности, научно-техническом дискурсе [20]. Так, при разработке студенческих курсов научно-технического перевода нами были учтены изложенные выше положения когнитивно-стилистического подхода, что, по нашему мнению, способствует выработке осознанного и системного подхода к переводу специализированных текстов и подготовке квалифицированного специалиста. Современный процесс перевода не может ограничиваться традиционной моделью перевода, основанного на определенных алгоритмах последовательных действий, поскольку, как отмечают Л.А. Нефедова и И.Н. Ремхе, «это не всегда отражает в полной мере всю многогранность и комплексность процессуального характера переводческой деятельности. ... Переводческий процесс требует более глубокого понимания, которое состоит, прежде всего, в признании того, что ведущим активным началом в переводе является не объективно существующий алгоритм действий, а сам переводчик как мыслящий субъект» [20, с. 99]. Таким образом, в своей работе со студентами технических специальностей в рамках

обучения научно-техническому переводу мы объясняем учащимся и демонстрируем на практике, что переводчик должен быть не только компетентен в области переводимого текста, т. е. обладать достаточными профессиональными и лингвистическими, прежде всего, терминологическими, знаниями, но и понимать специфику англоязычной культуры, овладеть концептосферой её представителей, иметь опыт чтения и перевода прецедентных текстов, их оформления, а также осознавать свою ответственность в плане достижения функционально-стилистической релевантности и эквивалентности перевода. Когнитивно-стилистический подход ориентирует процесс перевода на глубокую оценку интеллектуальных способностей целевой аудитории и базовых культурных концептов, типов и жанров исходных текстов, их когнитивно-прагматического воздействия на адресатов текстов перевода. Когнитивная интерпретация текстов источника и текста перевода должна осуществляться сквозь призму их контекстуально-дискурсивных особенностей, включая авторский замысел и учет современных тенденций на популяризацию, рекламирование и лингвистическое упрощение научно-технических текстов.

В заключение отметим, что в данной работе затрагивается актуальная и комплексная проблема взаимодействия языковых и мыслительных процессов, имеющих непосредственное отношение к переводческой деятельности, которая традиционно ассоциируется с творческим, интуитивным, глубоким процессом воссоздания смысла текста, позволяющим адекватно представить переводимый текст на другом языке. И это, как было показано в нашей работе, невозможно сделать без учета особенностей когнитивно-стилистической интерпретации текстовой информации.

Литература

- [1] Алексеева Л.М. Стратегии удачного перевода // Индустрия перевода и информационное обеспечение внешнеэкономической деятельности предприятий: матер. междунар. конф. Пермь: Изд-во Пермского гос. тех. ун-та, 2006. С. 23–29.
- [2] Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 387 с.
- [3] Фесенко Т.А. Креативность и проблемы перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1 (2). С. 49–54.
- [4] Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода: к постановке вопроса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2007. Вып. 2, ч. II. С. 208–217.
- [5] Ремхе И.Н., Нефедова Л.А., Гиллеспи Д.Ч. От функции к системе: новая парадигма матричной структуры переводческого процесса // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2016. Т. 20, № 3. С. 230–242.
- [6] Фурсова И.Н. Когнитивный подход в переводоведении // Lingua Mobilis. 2013. № 6 (45). С. 66–73.
- [7] Boase-Beier J. Stylistic approaches to translation. New York: Routledge, 2010. 176 p.
- [8] Молчанова Г.Г. Когнитивная стилистика и стилистическая типология // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 3. С. 60–71.

- [9] Фомичева Ж.Е. О когнитивно-стилистическом подходе к анализу художественного текста // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике: сб. матер. (26–28 сент. 2006 г.). Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2006. С. 491–493.
- [10] Stockwell P. Texture: A Cognitive Aesthetics of Reading, Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 175 р.
- [11] West D. Cognitive stylistics / V. Sotirova (ed). The Bloomsbury companion to stylistics. London, New York: Bloomsbury Publishing Plc., 2016. Pp. 109–110.
- [12] Semino E., Culpeper J. Cognitive Stylistics: Language and Cognition / E. Semino, J. Culpeper (eds). Text Analysis. Amsterdam & Philadelphia: Benjamins, 2002. xvi, 333 р.
- [13] Turner M. Reading Minds: The Study of English in the Age of Cognitive Science. Princeton: Princeton University Press, 1991. 298 р.
- [14] Fish S. Is There a Text in This Class? Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1980. 394 р.
- [15] Болотнова Н.С., Васильева А.А. Коммуникативная стилистика текста: библиографический указатель по научному направлению. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. 188 с.
- [16] Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2002. 383 с.
- [17] Cook G. Discourse and Literature. Oxford: Oxford University Press, 1994. 168 р.
- [18] Norwich Advertiser. October 22, 2004. Available at: <https://books.google.ru/books?id=...> (accessed November 26, 2020).
- [19] Галь Н. Слово живое и мертвое. М.: Международные отношения, 2001. 350 с.
- [20] Нефедова Л.А., Ремхе И.Н. Когнитивные особенности перевода научно-технического текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 2 (015). С. 91–101.

УДК 81

Исследование полисемии на примере строительного термина “branch”

Урядова Анна Вячеславовна ouriad-a@yandex.ru

Ярославский государственный технический университет

Беседин Андрей Алексеевич andrej-besedin@mail.ru

ООО ПБ «Стривер»

Затрагивается тема полисемии в иностранном языке, а также рассматривается проблема использования многозначных терминов в строительной отрасли на примере строительного термина “branch”. Актуальность данной темы связана с полисемией слов и трудностью их перевода, поскольку в предложениях они трактуются по-разному.

Ключевые слова: полисемия, строительные термины, строительство, многозначные слова

Полисемия — способность одного слова служить для обозначения разных предметов и явлений действительности, а также быть в тексте различными частями языка. Для понимания, в каком виде встречается термин в тексте, приходится анализировать все предложение, тему прочитанного текста или разговора.

Явления полисемии часто можно заметить в языках европейского происхождения. Так, в английском языке одно и то же слово может иметь совершенно разный смысл или быть даже одновременно и существительным, и глаголом в зависимости от построения предложения.

Полисемия слов возникла в результате исторического совершенствования языка, когда слово начинает использоваться для обозначения других, схожих с ним предметов или действий.

Термин — слово или словосочетание, которое имеет собственное специфическое обозначение объекта и понятия в различных областях науки, техники, искусства. Как правило, в своей области термин является однозначным, поэтому при англо-русском переводе возникают проблемы в применении узконаправленной терминологии.

Данная проблема будет рассмотрена на примере английского слова *branch*.

Данное слово является многозначным и имеет несколько лексических значений.

Например, в качестве существительного *branch* переводится как «ветка». Пример использования слова: *The branch crashed down on my car* — Эта ветка свалилась на мою машину. В словаре [1] слово переводится как «отрасль»: *a new branch of science* — новая отрасль в науке. В управлеченческой сфере рассматриваемое слово может означать «отделение» или «отдел»: *Where's their nearest branch?* — Где находится их ближайшее отделение?

В качестве глагола [2] *to branch* имеет значение «разветвляться, расходиться, сделать ответвление», например, *to branch out* — раскидывать ветви. Предложение *The young tree is beginning to branch out* можно перевести так: Крона молодого дерева разрастается. Еще данный термин может иметь смысл «выходить на новый уровень» — *Now the company is branching out into new fields, including services* — В настоящее время компания выходит в новые сферы деятельности, включая оказание услуг.

Данное слово помимо указанных выше имеет также и другие значения: «приток», «ручей», «рукав реки», в шутливой форме обозначает «отпрыска», «род войск». Также *branch of the service* — значение программной ветви в языках программирования. В строительной терминологии термин *branch*, используемый в качестве существительного, на русский язык переводится как «тройник». Например, *Install the branch on the downpipe* — установить тройник на водосточную трубу.

В строительной терминологии часто применяется словосочетание, являющееся глаголом [3] *to branch off* — сделать ответвление, разветвлять. *To*

branch the production of work into several streams or shifts — Разветвить производство работ на несколько потоков или смен.

В качестве глагола [2] *to branch* имеет значение «разветвляться, расходиться, сделать ответвление», например, *to branch out* — раскидывать ветви. Так, предложение *The young tree is beginning to branch out*, можно перевести — Крона молодого дерева разрастается. Еще данный термин может иметь смысл «выходить на новый уровень» — *Now the company is branching out into new fields, including services* — В настоящее время компания выходит в новые сферы деятельности, включая оказание услуг.

Данное слово, помимо указанных выше, имеет также и другие значения: приток, ручей, рукав реки, в шутливой форме обозначает «отпрыска», «род войск». Также *branch of the service* — значение программной ветви в языках программирования. В строительной терминологии термин *branch*, используемый в качестве существительного, на русский язык переводится как «тройник». Например, *Install the branch on the downpipe* — установить тройник на водосточную трубу.

В строительной терминологии часто применяется словосочетание, являющееся глаголом [3] *to branch off* — сделать ответвление, разветвлять. *To branch the production of work into several streams or shifts* — Разветвить производство работ на несколько потоков или смен.

Также термин *branch* используется в некоторых устойчивых словосочетаниях. Например:

— *local branch* — местное отделение [4]. *He applied for a loan to the local branch bank* — Он обратился с заявлением о предоставлении кредита в местное отделение банка;

— *branch switch* — групповой выключатель [1]. *To de-energize the construction site in the event of an accident, turn the branch switch* — Для обеспечивания электроэнергией строительный объект необходимо повернуть групповой выключатель;

— *branch of production* — отрасль производства [1]. *We launched a whole branch of heavy production* — Мы запустили целую отрасль тяжелого производства;

— *judicial branch* — судебная ветвь власти [3]. *The main function of the judicial branch of power is to resolve social conflicts on the basis of adopted laws* — Основная функция судебной ветви власти — Разрешение социальных конфликтов на основе принятых законов;

— *branch-open fault* — дефект типа «обрыв ветви» [4]. Данное словосочетание можно встретить в технической документации к какому-либо автоматизированному производству, на которых установлены различие индикаторы, помогающие следить за исправностью всей установки;

— *rising branch* — восходящая ветвь [2]. *Parabola function has both rising and down branches* — Функция параболы имеет как восходящую, так и нисходящую ветви;

— *path branch* — ответвление пути [3]. *Railroad construction often uses path branches to separate converging trains* — При строительстве железных дорог часто устраивают ответвление путей, чтобы развести сближающиеся поезда.

Таким образом, можно говорить, что полисемия — достаточно сложное языковое явление. При переводе крайне важно изучать различные значения слова, сопоставлять их с контекстом.

Литература

- [1] Promt.one Available at: <https://www.translate.ru> (accessed October 25, 2020).
- [2] Dictionary.com. Available at: <https://www.dictionary.com> (accessed October 24, 2020).
- [3] WoordHunt. Available at: <https://woordhunt.ru> (accessed October 27, 2020).
- [4] Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed October 24, 2020).

Polysemy Study by Way of Example of the Construction Term “Branch”

Uryadova Anna Viacheslavovna ouriad-a@yandex.ru

Yaroslavl State Technical University

Besedin Andrey Alekseevich andrej-besedin@mail.ru

PB Striver, LLC

This article touches upon the topic of polysemy in a foreign language, and also examines the problem of using ambiguous terms in the construction industry using the example of the construction term “branch”. The relevance of this topic is associated with the polysemy of words and the difficulty of translating them because they are interpreted differently in sentences.

Keywords: polysemy, construction, construction terms, ambiguous words

References

- [1] Promt.one Available at: <https://www.translate.ru> (accessed October 25, 2020).
- [2] Dictionary.com. Available at: <https://www.dictionary.com> (accessed October 24, 2020).
- [3] Woord Hunt. Available at: <https://woordhunt.ru> (accessed October 27, 2020).
- [4] Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed October 24, 2020).

Функциональные, семантические и прагматические особенности лексических единиц различных уровней

УДК 811.161.1

«Учебный русско-китайский фразеологический словарь»: специфика, построение, использование

Баско Нина Васильевна

✉ ninabasko@mail.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Статья посвящена проблеме лексикографического описания фразеологических единиц в «Учебном русско-китайском фразеологическом словаре». Описаны особенности структуры и содержания словаря, источники для отбора единиц в словник и возможности использования словаря при изучении русского языка китайскими учащимися. Принципы лексикографического описания языковых единиц, реализованные в словаре, позволяют отнести данный словарь к типу контрастивных переводных словарей.

Ключевые слова: учебный словарь, фразеологическая единица, контрастивный метод, отбор единиц, словник, словарная статья

Статья посвящена принципам лексикографического описания фразеологических оборотов в «Учебном русско-китайском фразеологическом словаре» [1] и возможностям использования словаря в учебном процессе. «Учебный русско-китайский фразеологический словарь» представляет собой справочное пособие по русской фразеологии учебного типа. Он содержит свыше 500 фразеологических оборотов русского языка, широко употребляемых в материалах современных российских СМИ.

Актуальность словаря обусловлена сложностью семантики фразеологических оборотов как особых языковых единиц, а также тем, что в эпоху глобализации, когда контакты между странами активно развиваются, усиливается потребность во взаимопонимании между народами разных стран, во взаимовыгодном сотрудничестве. Знание чужого языка, особенно таких его «скрытых» пластов, как фразеология, является ключом к взаимопониманию другого народа, к особенностям его психологического и социального поведения. А это, в свою очередь, залог успешного сотрудничества между странами.

Фразеологический оборот, или фразеологизм — это образное выражение идиоматического характера, устойчиво воспроизводимое в речи, которое, как и

слово, называет предмет, понятие, действие, свойство и при этом ярко характеризует их. Фразеологические обороты выполняют не только номинативную (назывную) функцию, подобно словам, но также и характеризующую функцию. Непонимание значения фразеологизма создаёт предпосылки для коммуникативных ошибок и неудач при чтении российских газет и журналов, при просмотре телепрограмм, при прослушивании радио. Поэтому проблема обучения иностранных студентов русской фразеологии представляется чрезвычайно важной в общем курсе обучения современному русскому языку. Фразеологизмы являются обязательной частью того культурного минимума, который необходим для полноценной коммуникации на русском языке. Объяснить с помощью перевода на китайский язык значение наиболее употребительных русских фразеологизмов, показать особенности их функционирования, научить правильно употреблять русские фразеологизмы в речи и тем самым помочь китайским учащимся предупредить возможные нарушения и сбои в межкультурной коммуникации и является главной целью данного словаря.

Специфика словаря состоит в том, что источником для отбора единиц в словарь стали материалы современных российских СМИ, отражающие события политической, экономической и социально-культурной жизни россиян. В наше время СМИ не только максимально быстро дают картину происходящих в мире событий, но и являются главным проводником новых слов и выражений в общелитературный язык. Известный российский ученый, профессор Ю.А. Бельчиков назвал тенденцию возрастающего влияния языка СМИ на общелитературный язык «медиаизацией» русского языка. [2, с. 35].

Основой для выявления наиболее частотных по употребительности фразеологических единиц и отбора иллюстративных примеров для словаря послужили материалы Национального корпуса русского языка, прежде всего Газетного корпуса русского языка. В наше время появляются новые фразеологические обороты, которые благодаря средствам массовой информации становятся употребительными в речи русских людей. Наиболее частотные новые фразеологизмы включены в словарь и сопровождаются пометой (*нов.*) (*новое*): *визитная карточка, держать руку на пульсе, сидеть на нефтяной игле, перекрывать/перекрыть кислород* и др.

Словарь словаря содержит как исконно русские фразеологические единицы, так и единицы, заимствованные из английского языка, что соответствует современной тенденции «языковой глобализации», означающей «процесс взаимопроникновения языков в условиях глобализации» [3, с. 304]. «Языковая глобализация» находит выражение, прежде всего, в широком и повсеместном распространении английского языка, в проникновении в русскую речь англицизмов. Этому способствует объективная необходимость заимствования терминов, обозначающих новые реалии в политической, экономической и научно-технической сферах. Например, такие выражения, как *дорожная карта* — англ. *road map*, *раскачивать лодку* — англ. *to rock the boat*, — утечка мозгов — англ. *brain drain*; *хромая утка* — англ. *lame duck* и

др. Таким образом, новая заимствованная фразеология органично вливается в корпус современной русской фразеологии.

Другой особенностью русско-китайского фразеологического словаря является также его учебный характер, который проявляется в принципах отбора и лексикографического описания фразеологических единиц, в построении словарной статьи, в общей структуре словаря. Структура словарной статьи «Учебного русско-китайского фразеологического словаря» включает следующие компоненты: 1) русский фразеоглизм с указанием его лексической и синтаксической сочетаемости; 2) буквальный (пословный) перевод русского фразеоглизма на китайский язык; 3) толкование значения русского фразеоглизма на русском языке, сопровождающееся эмоционально-оценочными и стилистическими пометами, и перевод этого толкования на китайский язык; 4) иллюстративный пример употребления фразеоглизма в российских СМИ и перевод иллюстративного примера на китайский язык; 5) китайский фразеологический оборот или китайское словосочетание, близкое по значению русскому фразеологическому обороту, и его буквальный перевод на русский язык.

Исходя из методических целей, в словаре в качестве заголовочных единиц представлены лишь наиболее употребительные варианты фразеологических оборотов, толкования значений фразеоглизмов по возможности упрощены, примеры употребления фразеоглизмов, демонстрирующие особенности их функционирования в речи, даются в сокращенном виде. В словарной статье фразеологический оборот сопровождается показом его лексической и синтаксической сочетаемости: *в штыки принимать, встречать; бóк ó бóк работать, трудиться; идти́ на поводу́ у кого, вставлять пálки в колёса кому*. Фразеологические обороты в словаре сопровождаются стилистическими пометами, указывающими на сферу употребления данной единицы: *камень преткновения, (книжн.), идти́ на поводу́, (разг.), вéшать собáк (прост.)*, а также оценочными пометами — (*одобр.*) (одобрительно) и (*неодобр.*) (неодобрительно): *Вкладывать душу — (*одобр.*); Откладывать в долгий ящик — (*неодобр.*)*.

При составлении Словаря использовался метод контрастивного сопоставления, основанный на описании межязыковых соответствий двух языков для выявления различий в их семантике. Контрастивный подход в лексикографическом описании предполагает сравнение семантики языковых единиц исходного языка на денотативном, коннотативном и функциональном уровнях на фоне языка сопоставления. При этом исходным языком является тот язык, который выступает в качестве отправной точки контрастивного исследования, а языком сопоставления — язык, с которым сравнивают исходный язык. В словаре в качестве исходного брался русский язык, с единицами которого сравнивались сходные по семантике единицы китайского языка. Таким образом, выявлялась денотативная общность и национальная специфика семантики фразеологических оборотов в русском языке и их семантических соответствий в китайском языке.

Представляется справедливым не только в отношении лексики, но и в отношении фразеологии утверждение профессора И.А. Стернина о том, что «в самом общем виде национальная специфика семантики какой-либо лексической единицы — это её отличие по значению от сходных по семантике единиц языка сравнения» [4, с. 46]. Центральным в контрастивной лингвистике является понятие межъязыкового соответствия, которое означает эквивалентное соответствие сходных по семантике единиц двух языков, зафиксированное в двуязычных переводных словарях. Словарь, построенный на принципах контрастивного сопоставления, дает возможность китайским учащимся познакомиться с национально-культурной спецификой русских фразеологических оборотов и сравнить метафорические образы, лежащие в основе близких по значению русских и китайских фразеологизмов, отражающих картину мира двух великих народов.

Например, в русском языковом сознании быстрота появления чего-либо связывается с ростом грибов после дождя (*как грибы после дождя*), а в китайском языковом сознании она ассоциируется с ростом бамбуковых побегов (*как бамбуковые побеги после дождя*). В языковом сознании русских досадное повторение человеком одной и той же ошибки связывается с ситуацией, когда человек повторно наступает на грабли (*наступать на одни и те же грабли*), а в языковом сознании китайцев — с повторным проездом по плохой дороге, где однажды случилась неудача (*снова ехать по той же дороге, где опрокинулась повозка*). В русском языковом сознании стремление человека достигнуть одновременно несколько целей ассоциируется с погоней одновременно за двумя зайцами (*гоняться/гнаться за двумя зайцами*), а в китайском языковом сознании — с попыткой стрелять одновременно в двух птиц (*стрелять одной стрелой в двух орлов*). Известный российский фразеолог В.Н. Телия пишет об этом так: «Фразеологизмы в большинстве — образно мотивированные словосочетания, то есть их значение мотивировано тем образом, который осознаётся при буквальном восприятии идиом. Это восприятие ассоциируется с каким-либо свойством, состоянием, действием, чувством, ситуацией и осознается как их подобие» [5, с. 11].

Принципы лексикографического описания языковых единиц, реализованные в «Учебном русско-китайском фразеологическом словаре», позволяют отнести этот словарь к типу контрастивных толково-переводных словарей.

В процессе обучения китайские студенты с помощью заданий на основе материалов словаря уточняют значение русских фразеологизмов и особенности их функционирования, учатся правильно употреблять их в речи, тем самым предупреждая возможные нарушения и сбои в межкультурной коммуникации. Для удобства пользования словарем в конце книги предлагается алфавитный указатель фразеологических оборотов по составляющим их компонентам, что облегчает читателям поиск нужного фразеологизма.

Опыт использования «Учебного русско-китайского фразеологического словаря» в учебном процессе в китайской аудитории на естественных и гуманитарных факультетах МГУ имени М.В. Ломоносова на практических за-

нятиях по РКИ, на спецсеминарах по русской фразеологии и практике перевода, подтверждает его эффективность и практическую значимость как учебного лексикографического пособия.

Литература

- [1] Баско Н.В., Лай Инчуань, Чанг Джуй Ченг. Учебный русско-китайский фразеологический словарь (на материале российских средств массовой информации). СПб.: Златоуст, 2016. 192 с.
- [2] Бельчиков Ю.А. // Докл. V Межд. науч. конф. «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет». Варшава, 2012. С. 32–36.
- [3] Глобалистика. Энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. 1328 с.
- [4] Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2006. 206 с.
- [5] Телия В.Н. Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка // Словарь образных выражений русского языка / под ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1995. 368 с.

УДК 811.161.1 811.584.21

Функционирование обращений в русском и бирманском языках. Сопоставительный анализ в аспектах речевого этикета и лингводидактики

Габова Наталья Ивановна nataly.el@mail.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Хван Светлана Харитоновна svetlana450@yandex.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Мьянт Хтун Наинг dr.myinthtunnaing@gmail.com

Graduate School “San Pya Hsu Shin”

Статья посвящена особенностям функционирования обращения в русском и бирманском языках в аспектах речевого этикета и лингводидактики. Подробно рассматриваются и сопоставляются восемь групп вокативов. Выявлены сходства и различия в употреблении формул обращения в сопоставляемых языках, обусловленные как национальным менталитетом народов, так и спецификой устройства семейных и общественных отношений.

Ключевые слова: формулы обращения в русском и бирманском языках, функции вокативов, компоненты коммуникации, речевой этикет, лингвистические и экстралингвистические факторы, лингвокультурный потенциал, идеоэтническое своеобразие

Важным компонентом коммуникации, одним из средств «универсального характера, выработанных языком для обслуживания человеческого общения» [1, с. 4], является обращение, поскольку в зависимости от ситуации именно обращение может определить её успешность или явиться причиной коммуникативной неудачи. Обращение — это особая форма наименования того, к кому мы обращаемся с речью, кому предназначено наше высказывание и на кого мы хотим воздействовать, от кого мы ждём каких-либо поступков. Это «самый яркий и самый употребительный этикетный знак, потому что мы действительно так или иначе называем человека либо по его социальной роли, либо по индивидуальным признакам, либо по собственному отношению к нему» [2, с. 304]. В лингвистике существуют некоторые различия в определении понятия *обращение*, но все они не представляются значительными.

Как правило, обращение выполняет несколько функций. Две основные функции обращения — апеллятивная (призывная, вокативная функция привлечения внимания) и эмоционально-экспрессивная (функция выражения эмоций, связанных с положительным или отрицательным отношением к адресату). Современные исследователи выделяют и другие функции: номинативную (выделение адресата, его идентификация); социально-регулятивную, или этикетную (обозначение статуса коммуникантов, степени их близости, характера их взаимоотношений), оценочно-характеризующую (квалификация адресата), дискурсивную (обеспечение формальной и смысловой частей дискурса); дейктическую (уточнение, указание на адресата), контактно устанавливающую, или фатическую (между адресатом и адресантом при непосредственном общении), а также функцию поддержания контакта в процессе общения [3, с. 78]. В дополнение к вышеперечисленному можно выделить и волонтативную функцию, так как с помощью обращения мы можем воздействовать на адресата. Все эти функции обращение может выполнять одновременно.

Таким образом, мы можем видеть, что обращение организует речевую деятельность, является одним из важных выразительных средств языка, а также одним из сложных явлений не только с языковой, но и с культурно-лингвистической точки зрения. Выбор средств выражения обращения в каждом языке определяется как спецификой языка, так и особенностями речевого этикета. Сложность данного средства коммуникации объясняется не только разнообразием форм и функций обращения, но и множественностью ситуаций, в которых оно используется, а результаты восприятия вокативов не исчерпываются только языковыми аспектами, они задаются и экстралингвистическими факторами. Знание этого явления важно не только для лингвиста, но и для преподавателя русского языка как иностранного и диктуется задачами обучения [4, с. 6].

Цель данной статьи — попытка определить идеоэтническое своеобразие категории обращения в двух языках, сопоставить формы обращения русского и бирманского языка в аспектах речевого этикета и лингводидактики. Предметом исследования являются способы передачи обращения в русском и

бирманском языках, сопоставление формул речевого этикета друг с другом и сравнительный анализ их лексико-семантической, лингвокультурной и социопсихологической специфики.

Актуальность изучения данного вопроса связана с тем, что в последнее время растёт интерес к проблемам эффективного и целесообразного общения [5, с. 7], а также с неразработанностью сопоставительного описания формул обращения в русском и бирманском языках. На примере функционирования обращений мы можем на наглядных примерах проследить как сходство, так и различия между правилами употребления данного пласта лексики, в полной мере отражающего национальные тенденции и обладающего яркой национальной спецификой.

Освоение обращений иностранцами является серьёзной методической проблемой не только на начальном этапе, но и на протяжении всего обучения. Обращение играет большую роль для ориентации собеседников в коммуникации, а знания лингвостранноведческого характера помогают избежать ошибок разного рода, в том числе морально-этических. Сравнение лексических единиц одного языка с соответствующими единицами другого языка показывает, что их семантические расхождения часто связаны с различиями понятий, которые они обозначают. Профессор Шаньдунского университета Цун Япин подразделила лексику, характеризующую национальные тенденции, на три группы: 1) безэквивалентную лексику в двух культурах, 2) тождественную лексику с разной значимостью, 3) тождественную лексику с частично различающимся значением. [6, с. 42] Можно сказать, что лексика, связанная с категорией *обращение* в сопоставляемых языках, относится к тождественной лексике с разной значимостью и к тождественной лексике с частично различающимся значением.

В русском языке в функции обращения употребляется имя существительное в именительном падеже или равнозначная словоформа в сочетании со специальной звательной интонацией: «*Уважаемые коллеги, разрешите представиться...*». В современном русском языке также используется разговорная звательная форма путём усечения именительного падежа: *мам, Свет, ребят*. Членами предложения обращения не являются, употребляются в любой части предложения, чаще всего в самом начале. В бирманском языке обращения также организуют речевую деятельность, представляют собой имена существительные или местоимения в начальной форме, но, в отличие от русского языка, часто являются членами предложения, интонационно в предложении не выделяются, в той или иной форме употребляются почти в каждом высказывании собеседников, завершая его, а иногда и дважды: в начале и в конце предложения.

В зависимости от отношений между говорящим и его собеседником, а также от ситуации в качестве обращения в обоих сопоставляемых языках могут быть использованы следующие вокативы: имена собственные; слова, связанные со степенью родства; слова, связанные с профессией, должностью,

званием или с положением в обществе; слова, связанные с половой принадлежностью; названия лиц по возрастному признаку; слова, связанные с национальностью; личные местоимения; слова, связанные с оценочной функцией.

Рассмотрим подробно каждую позицию в русском языке и сопоставим данные наших наблюдений с бирманским.

Употребление имён собственных

Основной проблемой для иностранцев, изучающих русский язык, остаётся выбор слова в начале предложения, так как «в современном русском языке пропал сам статус обращения к человеку...» [7, с. 78]. Часто люди обращаются друг к другу повелительной формой глаголов: «*Извините...*», «*Простите, пожалуйста...*». Действительно нейтрального обращения в современном русском языке нет, поэтому традиционные формы обращения по имени или по имени и отчеству приобретают особую смысловую нагрузку в речевом общении. Именно этому в первую очередь следует учить иностранцев. В русском языке полное имя включает в себя имя, отчество и фамилию. Отчество выражает связь с отцом, фамилия чаще всего передаётся ребёнку от отца. Женщина, выходя замуж, традиционно берёт фамилию мужа. Есть собственно мужские имена — *Иван, Николай, Пётр*; собственно женские имена — *Наталья, Светлана, Татьяна*. Есть общие имена, в которых половые отличия выражаются только окончаниями: *Александр — Александра, Валентин — Валентина*. Личное имя включает большое разнообразие вариантов: полное имя, уменьшительное имя, суффиксальные формы имени: *Александр, Саша, Сашенька, Санёк, Саня, Шура, Шурек, Шурочка* и т. д. Имя ребёнку родители выбирают по своему желанию, всё реже руководствуясь традициями, в частности святыми.

В зависимости от положения в обществе, от условий общения, от степени родства в русском языке к человеку обращаются по личному имени, по фамилии, по имени и отчеству. Возрастной статус коммуникантов, официальная сфера общения, роли «начальник-подчинённый» при употреблении обращений-вокативов, выраженных антропонимами, в русском языке реализуются прежде всего посредством употребления имени и отчества.

Полные формы личных имён и их краткие варианты передают эмоции и оттенки, указывают на неофициальный характер общения и конкретизируют эмоциональное отношение говорящего к собеседнику. Используются также производные от имени, фамилии или отчества: *Павлович — Палыч, Александрович — Саныч*. Такого обилия вариантов имени в бирманском языке нет. Иногда студенты-мьянманцы, не желая этого, выглядят бес tactными, привнося в русскую среду свой языковой этикет или не будучи осведомлёнными об этикете нашем. Ошибки случаются как на начальном этапе, так и на продвинутом. Студенты часто принимают отчество за второе имя или даже за фамилию. Например, имя научного руководителя *Иванилова Бориса Аркадьевича* при оформлении титульного листа курсовой работы магистрант трансформировал в *Аркадьевич И.Б.* Преподавателям, работающим в группах со

студентами из Мьянмы, важно также понимать, что речевой этикет мьянманцев не допускает называние старшего по возрасту просто по имени, поэтому студенты предпочитают обращаться к преподавателю не по имени и отчеству, а по статусу: «преподаватель, профессор», иногда с добавлением имени и отчества, только имени, имени и фамилии. В бирманском языке обращение по имени не представлено так широко и разнообразно, как в русском языке. Само понятие имени в двух языках различно. Имя в бирманском языке представляет собой слово, состоящее из 2–4 слогов, отчества и фамилии у мьянманцев отсутствуют.

Несмотря на то что при написании мьянманских имён в европейских языках традиционно используют слоги, каждый из которых пишется с заглавной буквы, русскому преподавателю необходимо иметь представление о том, что в бирманском языке нет заглавных букв, а между слогами имени нет пробелов. По-русски имя одного из авторов статьи пишется в три слога: *Мьянт Хтун Наинг*, а в бирманском языке это *myinthtunnaing* (для передачи бирманских слов мы используем принятую в Мьянме английскую транскрипцию), поэтому правильнее произносить это имя как *Минтунай*. Иногда преподаватели произвольно сокращают имя студента до одного слога, ссылаясь на трудность запоминания полного имени. Такое сокращение, несомненно, возможно, однако мы рекомендуем согласовывать эти действия с самими студентами, чтобы сокращение не стало обидным для мьянманца. При оформлении документов (дипломов, сертификатов) случаются серьёзные ошибки. Последний слог часто принимают за фамилию студента из Мьянмы и ставят на первое место. Получается абсолютно другое имя, никак не связанное с личностью данного ученика.

К выбору имени в Мьянме, в отличие от России, подходят со всей ответственностью. Первый слог имени выбирается в зависимости от дня недели, в который человек родился. Например, если ребёнок появился на свет в понедельник, его имя будет начинаться с консонантов *ka*, *kha*, *ga*, *nga* (буквы *ka* *gai*, *kha gawe*, *ga nge*, *nga* — первые буквы алфавита), если ребёнок родился в воскресенье, то первая буква имени — единственный сонант в бирманском алфавите — буква *ar*, последняя буква бирманского алфавита. По имени мы может понять, что *Мьянт Хтун Наинг* родился в четверг, а *Вунна Е Вин* — в среду, причём до полудня. Один или два из слогов имени иногда повторяют один-два слога имени отца. Это относится как к женским, так и к мужским именам, например: *Аунг Сан* — имя национального героя Мьянмы, известного руководителя борьбы за национальную независимость, *Аунг Сан Су Чжи* — имя его дочери, лидера «Национальной лиги за демократию». В бирманском языке есть типичные мужские имена — *Чжо Тху*, *Тет Тоэ*, *Зай Яр*, *Аунг Пье* и т. п., типичные женские имена — *Мо Мо*, *Су Су*, *Хла Хла*, *Тхыда*, *Нанда* и т. п. Но чаще по имени трудно понять пол человека.

Интересно, что детское имя по достижении зрелости может быть изменено. Это происходит довольно часто и по разным причинам. Иногда по пер-

вому слогу имени можно узнать, к какой из многочисленных национальностей Союза Мьянмы принадлежит тот или иной человек. Например, *Хон Ней Тун* — это представитель национальности *шан*, а *Со Ней Лин Аунг* — представитель национальности *кайин*. Префикс *man* употребляется перед личным мужским именем каренов. Иногда перед именем или после него используются различные префиксы, суффиксы, частицы. Префикс *a* служит для образования ласкательных имён, обычно женских *anuit* от *manyutshwe*. Суффикс *yaε* означает особую форму уважения.

После имени могут употребляться фразовые частицы, передающие отношение собеседника к адресату. Для выражения близости, дружеского отношения употребляется уменьшительно-ласкательный суффикс *lay*. Фразовая частица *kawe* придаёт оттенок ласковости, постфикс *kabyar* придаёт оттенок жалости. Фразовая частица *kwa* ставится после имени собственного, употребляется только мужчинами и придаёт оттенок фамильярности. Практически всегда при обращении перед именем собеседника употребляются частицы, приставки или значимые слова, проясняющие пол, возраст, статус собеседника. Например, перед именем молодого человека или мужчины среднего возраста употребляется частица *ko*, которая является омонимом к слову *старший брат*, перед именем девушки, молодой женщины употребляется частица *ma*. Перед именем мужчины в возрасте употребляется слово *u*, которое можно перевести как *господин* или *дядя*, перед женским именем при обращении к незнакомой или старшей по возрасту или положению женщине добавляют приставку *daw*.

Употребление слов, связанных со степенью родства

Системы вокативов родства в русском и бирманском языках также имеют большие различия. В русском языке перечень слов, обозначающих родственные связи и употребляемых в качестве обращений в кругу семьи, ограничен. При обращении к родственникам употребляются слова *мама*, *папа*, *дудушка*, *бабушка*, *дядя* (+ имя), *тётя* (+ имя), реже *муж*, *жена*, *сын*, *дочь*, *внук*, *внучка*; детей и внуков чаще всего называют по имени или по прозвищу, принятому в семье. В бирманском языке обозначений родства, употребляемых в качестве обращений, на порядок больше. Например, русским обращениям *дядя* и *тётя* в бирманском языке соответствуют вокативы *u*, *ulay*, *uu* — младший брат отца или матери, *bagyi*, *ugyi* — старший брат отца или матери, *ayee* — сестра отца или жена брата матери *dwtaw* — сестра матери, *dwelay* — младшая сестра матери, *dawdaw* — старшая или младшая сестра отца или матери, *dawgyi* — старшая сестра отца или матери, *dawlay* — младшая сестра отца или матери.

Для каждого родственно близкого человека есть своё слово или несколько синонимичных понятий: *муж*, *жена*, *ребёнок*, *старший сын*, *младший сын*, *старшая дочь*, *младшая дочь*, *первый старший брат*, *второй старший брат*, *старшая сестра*, *первая младшая сестра*, *вторая младшая сестра*, и т. д., и т. п. Такая точность в обращении позволяет не только понять, кому

именно адресована речь, но и продемонстрировать абсолютное уважение к старшим членам семьи. Несоблюдение правил обращения к родственникам считается проявлением невоспитанности. В русском языковом этикете разнообразие вариантов обращений к родственникам достигается употреблением слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *мамочка, папочка, мамуля, сынок, сынуля, дочка, дочурка, доченька*, а иногда, наоборот, с уничижительными, передающими пренебрежение: *мамка, бабка* и т. п. В бирманском языке тоже есть суффикс с уменьшительно-ласкательным значением *lay*. Однако в этой группе слов с субъективно-оценочными негативными, пренебрежительными оттенками в мьянманском языке нет.

Есть и другие отличия в употреблении вокативов этой группы. В русском языке слова *мама, папа, брат*, сестра означают обращение к близким по крови родственникам. Обращение *братья* и *сестры* к людям, не состоящим в родстве, употребляется по отношению к прихожанам в церкви или в минуты опасности для отечества, и только во множественном числе. В Мьянме слова, обозначающие родственные связи, употребляются и вне семьи, это напрямую связано с буддийской традицией. Такое употребление вокативов вне семьи может говорить о том, что мьянманцы всех соотечественников считают членами своей большой семьи. Одно и то же слово может обозначать не только родственника. Жена к мужу, а девушка к молодому человеку может обратиться *koko*.

Для выбора форм обращения в мьянманском языке самым важным считаются не столько родственные связи, сколько возраст собеседника. Как уже говорилось выше, перед именами употребляются частицы, приставки или значимые слова, отражающие субординацию. Перед именем старшего по возрасту товарища мьянманцы всегда употребляют частицу *ko*, которая является омонимом к слову *брат*, перед именем старшей подруги — *ta*. Перед именем младших сверстников употребляются слова *nyi* (младший брат), *nyima* (младшая сестра); *mi* — это частица перед личным именем женщины при обращении пожилых людей к молодой женщине, а родителей к дочерям. В любой коммуникативной ситуации мьянманцы всегда проявляют уважение к старшим.

Как говорилось выше, старших по возрасту называть только по имени в Мьянме запрещено. Перед мужским именем необходимо употреблять вокативы *u, u Lay*, перед женским — *daw, adaw*. Эти частицы, приставки и знаменательные слова часто указывают не на степень родства, а на субординацию. Пожилых людей называют *aphoe, phoephoe, aphoeo, aphwar, aphwaraye*, (дедушка, бабушка). Если старший по возрасту обращается к молодому человеку, он употребляет слово *maing*, что означает *брать*. Этим же словом молодая девушка может обратиться к любимому молодому человеку. Если старший по возрасту обращается к молодым людям другого поколения, он использует слова *thar* и *thame*, что означает *сын* и *дочь*. Учителя на родине называют своих учеников *maing*, что означает *молодой человек, брат*, или

thartapyaе, что означает сын-ученик и под. В свою очередь мьянманские студенты часто называют своего любимого преподавателя *мама*, что говорит о большом уважении к учителю и о сыновнем почтении.

Слова, связанные гражданским, социальным, политическим или профессиональным статусом, титулы

Такие обращения, как *господин*, *сударь*, *гражданин*, *товарищ*, *мистер*, *коллега*, *доктор*, *товарищ*, в русском языке используются только в определённых ситуациях. Формулы обращения, связанные с гражданским, социальным или политическим статусом за три века значительно изменились. Обращения *сударь*, *сударыня*, принятые в XVIII–XIX веках, стали не только устаревшими формами вежливости, но и приобрели иронический оттенок. Бывают и обратные ситуации. Принятые в XIX веке обращения *господин* и *госпожа*, почти исчезнувшие из обращения после революции, в наше время возвращаются в новом статусе. В правительственные кругах, на официальных встречах и собраниях, на научных конференциях эта форма уместна: *господин министр*, *госпожа Смирнова*. Слово *товарищ* осталось в обращении к военнослужащим: *товарищ майор*.

В связи с этой особенностью коммуникативной ситуации русские при знакомстве, перед встречей непременно хотят узнать имя и отчество собеседника, чтобы избежать неловкой ситуации при непосредственном общении. В магазинах, в кассах и других учреждениях принято носить бейджики с именем, что значительно облегчает ситуацию. В бирманском языке, напротив, одним из важных элементов, оказывающих влияние на выбор обращения к человеку, является общественное положение адресата.

В официальном общении приняты формы, которые имеют церемониальный оттенок. Такими формами являются, например, слова *sayar*, *sayarkabyar*, *sayarma* при обращении к инженерам, врачам, учителям, *sayartaw* при обращении к монахам. Перед этими формами могут как стоять, так и отсутствовать обращения *и* и *daw*: *господин майор+имя*, *госпожа директор школы+имя*. К студентам обращаются не по имени, а по статусу: *kyaungthar* (*студент*), *kyaungthu* (*студентка*) или *tapyaе* (*ученик*). Под влиянием английского языка (Мьянма долгое время была колонией Великобритании) в мьянманском языке укоренились обращения *mister*, *miss*, которые часто употребляют по отношению к иностранцам.

Обращение к незнакомым людям. Употребление слов, связанных с половой принадлежностью, и названия лиц по возрастному признаку

В русском языке распространённые формулы обращения *молодой человек*, *девушка*, *женщина*, *бабушка*, указывающие на половые и возрастные факторы, часто являются ошибочными и даже могут быть восприняты как оскорбление. Вокативами *девушка* и *молодой человек* часто обращаются к женщинам и мужчинам в возрасте. В определённых ситуациях, часто иронически, используют обращения *мадам*, *сударыня*, *сударь*. Чтобы избежать

недоразумений, русские при обращении к незнакомцам используют фразы: «Извините, пожалуйста» или «Простите, пожалуйста». В бирманском языке также используют стандартные формы вежливости *kyaezirupi* или *tasatelout khinbyar, tasatelout shin* (извините, пожалуйста), однако после этих фраз вежливости обязательно следует обращение. В этом языке группа вокативов по возрасту и половой принадлежности традиционно устойчива и представлена широко и разветвленно.

Рассмотрим многообразие бирманским вокативов на примере обращения к лицам женского пола. К девочке и девушке можно обратиться, используя слова *ta* (сестра), *tama, teetee, tamee* (дочь), *tameelay, kaungmalay* (девочка), *mainkalay* (девочка, девушка). Девочек-подростков называют *meekaungpout*, незамужних девушек — *apuro, apholay*, при этом к девушкам 15–16 лет часто обращаются *apuorout, apuorpoutsa*, а к девушкам 17–22 лет — *maintaruo* или *maintaroyolay*. Девушек и молодых женщин 16–39 лет часто называют *uyawatee*, к женщинам обращаются со словами *mainma, adaw*, к пожилым женщинам — *aphwar*. Так же многообразно представлена группа слов при обращении к лицам мужского пола. Для друзей также существует несколько слов, связанных и с полом, и с возрастом. К друзьям детства и сверстникам чаще обращаются не по имени, а словами *thungechin, bawdar, youtra*, к подругам — *thungeeta, thungechinma*. Если это не друг детства, не сверстник, а, например, товарищ по работе, то он *mateshwe* (друг) или *yebaw* (товарищ).

Обращения, связанные с национальностью

В последнее время в мире всё чаще возникают конфликты на национальной почве, часто это происходит из-за непонимания специфики того или иного слова, используемого в качестве обращения. В русском речевом этикете не принято называть людей по национальному признаку, это расценивается как оскорбление. В Мьянме активисты из числа жителей южноазиатского происхождения начали в соцсети кампанию «Не называй меня *кала*». В бирманском языке это коннотативное слово, передающее эмоциональное, субъективное отношение к обозначаемому им объекту.

Словом *kalar* в Мьянме исторически называли людей с индийского субконтинента. В последнее время это слово также стали использовать по отношению к представителям некоренных меньшинств, особенно с более тёмной, чем у бирманцев, кожей. Безусловно, это слово просторечное, в официальных документах оно не встречается, но изначально негативной коннотации в нём нет, значение слова напрямую связано с контекстом. Близкому другу индусу мьянманец вполне может сказать: «Порекомендуй мне хороший индийский ресторан в Янгоне, ведь ты же *кала*». Это слово прежде всего характеризует внешность человека. Оно не является пренебрежительным термином для обозначения мусульманского меньшинства в Мьянме, хотя именно это значение пытаются приписать данному слову «активисты», заинтересованные в разжигании межнациональной розни. Интересно, что в колониальной Бирме

использовалось слово *кала пхью* (белый *кала*), которым именовали европейцев-колонизаторов. «Кампания протеста против этого слова явно надуманна и спекулятивна и действительно может почти на пустом месте вызвать социальное напряжение. Замена слова *кала* на любой другой синоним ничего не даст — новое слово также будет зависеть от контекста» [8]. Слово *кала* для русского языка является безэквивалентным. Однако мы можем привести в качестве примера слово *азиат*, которое в зависимости от контекста в русском языке также может приобретать разные смыслы и передавать различные оттенки значений, от нейтральных до оскорбительных.

Обращения с помощью личных местоимений с учетом пола и статуса

И в русском, и в бирманском языках обращаться к собеседнику можно в форме **личных местоимений**. В русском языке при обращении к лицу используются местоимения *ты* и *вы*. Употребление местоимений зависит от возраста собеседников, от степени знакомства, от обстановки общения. В русском языке при обращении к незнакомым людям, к старшим по возрасту, по социальному статусу используется обращение на *Вы*. Это свидетельствует об уважении и доброжелательном отношении. На *ты* принято обращаться к знакомым людям, с которыми сложились дружеские отношения, к детям, к младшим по возрасту.

В бирманском языке обращение на *ты* и на *вы* ещё более разветвлённое, чем в русском. Употребление форм *ты-вы* зависит не только от этих признаков, но и от пола адресанта. В бирманском языке есть фамильярное, уничижительное местоимение *nin*, нейтральное *min*, уважительное, употребляемое только мужчинами *khinbyar* (*Вы, господин*), только женщинами — *shin* (*Вы, госпожа*). При обращении к буддийскому монаху употребляют местоимение *ashinpayar*, к королевским особам — *achin, achintoe*. В Мьянме сохранились утраченные в русском языке обращения *ashinmingyi* (*Ваше величество*) и *minpayar, mingyi* (*Ваша честь, Ваша милость*). Как говорилось выше, местоимения *khinbyar* или его усечённые варианты *byar, bya, hote, hotekaekhinbya* (для мужчин), а также *shin* (для женщин) являются омонимами частиц, которые употребляются в конце предложений и придают разговору оттенок почтительности.

От пола адресанта и статуса адресанта зависит даже употребление местоимений первого лица. В качестве местоимения первого лица единственного числа в бирманском языке, в зависимости от пола, от социального статуса, употребляются слова *kyawantaw* (я для мужчин), *kyawanta* (я для женщин), *ngar* (я уничижительное для лиц обоего пола, употребляемое при общении с младшими по возрасту или с людьми, которые ниже по социальному статусу), есть и другие эквиваленты этого местоимения. Ещё одна отличительная черта бирманского языка — употребление вместо местоимений первого и второго лица слов, обозначающих родство или социальный статус. Мьянманка скажет так: «Передай, пожалуйста, внучке книгу, бабушка». В данном случае говорящая называет *внучкой* именно себя, а не третье лицо. Это же

правило распространяется на отношения между учителем и учеником, работодателем и подчинённым и т. д. Русский преподаватель, обращаясь к ученику, скажет: «Ты/Вы молодец, Пью Тху», — а преподаватель из Мьянмы выразит своё одобрение так: «Учитель доволен ответом ученика Пью Тху».

Обращения, характеризующие адресата по личным качествам и свойствам

К числу вокативов *оценочного характера* можно отнести обращения, характеризующие адресата по личным качествам и свойствам, которые становятся объектом оценки. Так как «обращение обязательно выражает какие-либо логико-смысловые или экспрессивно-стилистические оттенки, оно может быть рассмотрено как особое выразительное средство» [9, с. 240]. Для выражения оценочной функции русский язык располагает как морфологическими, так и лексическими средствами. К числу морфологических относятся суффиксы субъективной оценки, к числу лексических — слова типа *дружице, тёзка, земляк*, оценочные прилагательные *милый, дорогой*. В бирманском языке самую важную роль в общении играет степень знакомства между адресатом и адресантом. Так, при обращении к ровесникам-друзьям можно использовать прозвища, никнеймы, данные родителями для использования в кругу семьи. Эти прозвища никак не связаны с именами. Иногда детей называют по имени животного, являющегося символом дня недели, в который ребёнок был рождён. Например, ребёнка, рожденного в среду, могут называть *shin* или *shinlay*, что означает *слон, слоник*.

Иногда детям в семье дают имена национальных героев, известных артистов. Например, *Мьянта Мяят Чжо* ровесники и родители называют *Cи Ту Чжо* (именно так его звали все до получения паспорта), но официально оставить это имя за молодым человеком было нельзя, так как оно уже «закреплено» за героям Мьянмы. В бирманском языке влюблённые девушки и юноши обращаются к своим избранникам традиционными для всех языков словами *любимый, любимая: chithuyaе ngaryeesar* (эквивалент «sweet heart»). «Большую группу оценочных обращений составляют метафоризованные номинации, т. е. употребляемые в роли вокатива названия животных, предметов, явлений действительности: *ласточка, золото, сокровище, ангел, змея, чучело, дубина*».

Обозначая адресата посредством подобных лексем, говорящий характеризует его как лицо, вызывающее чувство симпатии или антипатии. Метафоризованная квалификация адресата оказывается одной из наиболее субъективных и эмоциональных разновидностей вокатива» [10, с. 75]. В Мьянме также употребляют ласковые слова, связанные с названиями животных, но такие обращения не варьируются, как в русском языке, а являются традиционными. Мьянманская девушка называет своего молодого человека *ngarbae* (моя утка = мой парень), а молодой человек называет свою возлюбленную *ngarsaw, ngarchitchit, ngarathe* (безэквивалентное слово в русском языке, в бирманском означает *моя девушка*).

Это традиционные обращения. Другие варианты для любящих пар практически не используются. Обращения к кому-либо с негативной оценкой используются нечасто. В качестве примера можно привести использование частицы *nga*, которая придаёт обращению оттенок пренебрежительности и употребляется перед мужскими именами или прозвищами. Наиболее употребительным является обращение к лодырю: *nga pyin*.

Синтаксическая роль обращения

Синтаксическая роль обращения в сопоставляемых языках также во многом различна. В русском языке обращение ставится в начале, в середине, в конце предложения, употребляется в именительном падеже, не является членом предложения и выделяется интонационно. В бирманском языке обращение может употребляться так же, как и в русском языке, для привлечения внимания. В этом случае оно употребляется в начале предложения, но при этом почти всегда в конце предложения повторяется, а если нет, то обязательно ставится частица вежливости, представляющая собой омоним местоимения *Вы*: *chithlashwarthaw yebawmyar khinbyar* (*Дорогие товарищи!*).

По традиции в письменных текстах обращение ставится только в конце предложения. Поздравление на бирманском языке звучало бы так: *pyawshwinthawtwaynauphitparsaysayarma* (*Пусть день рождения будет счастливым, учительница*). Часто в бирманском языке обращение является членом предложения: Фразу «*Дорогие участники соревнования! Приветствуем вас...*» на бирманский язык лучше перевести так: *chithla swarthaw payingpwewinkyathutwayko kyosogyapartaw* (*«Участников соревнования приветствуем...»*)

Выводы

1. Семантические компоненты обращений зависят от разных факторов, как языковых, так и внеязыковых. Обращения в русском и бирманском этикете имеют разную основу. В основе русского этикета лежит православие и культурно-бытовые традиции, которые сформировали определённые национальные стереотипы обращения в разных сферах общения. Процесс использования обращений в речевом этикете в русском языке динамичный, принятые нормы меняются вместе с изменением социальных отношений в обществе. В бирманском языке, в отличие от русского, существуют вполне традиционные устойчивые правила речевого этикета, сформированного под влиянием философии буддизма, которая во многом определяет действия человека в сфере общественных и семейных отношений, политики и права, регулирует все ритуалы, связанные с культом предков. Буддизм по-прежнему способствует введению в речевой этикет сыновьей почтительности, уважения старших младшими. В этом заложен принцип отношения детей к родителям и учителям, народа к монахам и правителям. Этикет русских динамичен, этикет мьянманцев консервативен, не меняется на протяжении веков. Он под-

вергается влиянию внешних культурологических факторов, но сохраняет национальную специфику.

2. Синтаксическая роль обращения в сопоставляемых языках во многом различна. В русском языке обращение, не являясь членом предложения, выделяется особой интонацией. В бирманском языке обращение часто является полноправным членом предложения, интонационно не выделяется. Если обращение используется не как член предложения, то оно ставится в конце предложения после предиката для выражения особой почтительности к адресанту или используется вместе с частицей почтительности *Вы*.

3. Обязательным условием хорошего владения иностранными русским языком является знание русского речевого этикета. «Усвоение, правильное использование тех или иных форм обращения с учётом их национально-культурной специфики порождает большее доверие и уважение, вежливость и деликатность, что, в свою очередь, позволяет собеседникам чувствовать себя уверенно и непринуждённо, не испытывать неудобств и затруднений в межличностном и профессиональном общении, деловом взаимодействии и сотрудничестве с представителями другой национальной лингвокультуры» [11, с. 30].

Для того чтобы ученики в совершенстве овладели иностранным языком, научились общаться на русском языке адекватно русской культурно-речевой традиции, а преподаватель в полной мере реализовал свои педагогические способности, обе стороны при употреблении обращений должны уделять особое внимание усвоению знаний лингвостранноведческого характера.

Литература

- [1] Гольдин В.Е. Обращение. Теоретические проблемы. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. 129 с.
- [2] Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
- [3] Ю Ин Ча. Лингвокультурологическая специфика обращения в русском и корейском языках // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 3. С. 77–81.
- [4] Саркар Митали. Обращение как элемент русского речевого этикета в сравнении сベンгальским: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 159 с.
- [5] Ибрахим Бахна. Типы и функции русского обращения как именования адресата в разных видах словесности: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 206 с.
- [6] Цун Япин. О лексике, отражающей национальную культуру, в русском и китайском языках // Русский язык за рубежом. 2003. № 4. С. 41–44.
- [7] Долженко Н.Г., Векшина О.А. Обращение в русском обществе и языке в диахроническом и синхроническом аспектах // Вестник Югорского государственного университета. 2016. Вып. 1 (40). С. 88–91.
- [8] Phyothar. Myanmar News in Russian. URL: [https://www.france24.com/en/20200611-don't-call-me-kalar-blm-inspired-message-reaches-myanmar](https://www.france24.com/en/20200611-don-t-call-me-kalar-blm-inspired-message-reaches-myanmar) (дата обращения 12.06.2020).
- [9] Федулова У.М. Стилистические функции обращения // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2014. Вып. 1, т. 1. С. 239–242.

- [10] Фирдевс Бураихи Карим. Обращение в современном русском языке: виды и функции // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 74–76.
- [11] Нгуен Ву Хыонг Ти. Обращение в русском речевом этикете с точки зрения носителей вьетнамского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Русский язык и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. № 1. С. 26–31.

Functioning of Vocatives in Russian and Burmese. Comparative Analysis in the Aspects of Speech Etiquette and Linguodidactics

Gabova Natalia Ivanovna

✉ nataly.el@mail.ru

Bauman Moscow State Technical University

Hvan Svetlana Haritonova

✉ svetlana450@yandex.ru

Bauman Moscow State Technical University

M'int Htun Naing

✉ dr.myinthtunnaing@gmail.com

Graduate School “San Pya Hsu Shin”

The article is devoted to the peculiarities of the functioning of circulation in the Russian and Burmese languages in the aspects of speech etiquette and linguodidactics. Eight groups of vocatives are considered and compared in detail. Identify the similarities and differences in the use of the circulation formulas in the compared languages, due to both the national mentality of peoples and the specifics of the structure of family and social relations.

Keywords: Vocative formulas in Russian and Burmese languages, vocative functions, communication components, speech etiquette, linguistic and extralinguistic factors, linguistic and cultural potential, national peculiarity

References

- [1] Gol'din V.E. Appeal. Theoretical problems. Saratov: Saratov University Press, 1987. 129 p.
- [2] Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ch. ed. V.N. Yartseva. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990.682 p.
- [3] Yoo In Cha. Linguoculturological specificity of treatment in Russian and Korean languages // Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University. 2010. No. 3. P. 77–81.
- [4] Sarkar Mitali. Address as an element of Russian speech etiquette in comparison with Bengali: dis. ... Cand. philologist. sciences. M., 2001.159 p.
- [5] Ibrahim Bahna. Types and functions of Russian address as naming the addressee in different types of literature: dis. ... Cand. philologist. sciences. M., 2004. 206 p.
- [6] Tsun Yaping. About the vocabulary reflecting the national culture in the Russian and Chinese languages // Russian language abroad. 2003. No. 4. Pp. 41–44.
- [7] Dolzhenko N.G., Vekshina O.A. Appeal in Russian society and language in diachronic and synchronic aspects // Bulletin of the Ugra State University. 2016. Issue 1 (40). S. 88–91.

- [8] Phy Thar. Myanmar News in Russian [Electronic resource] <https://www.france24.com/en/20200611-don-t-call-me-kalar-blm-inspired-message-reaches-myanmar> (date of access: 12.06.2020).
- [9] Fedulova U.M. Stylistic features of treatment // Bulletin of the Leningrad State University. A.S. Pushkin. 2014. Issue. 1. Vol. 1. Pp. 239–242.
- [10] Firdevs Buraikhi Karim. Appeal in modern Russian: types and functions // Vestnik VSU. Series Philology. Journalism. 2017. No. 4. Pp. 74–76.
- [11] Nguyen Vu Huong Ti. Address in Russian speech etiquette from the point of view of native Vietnamese speakers // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Russian language and foreign languages and methods of teaching them. 2009. No. 1.S. 26–31.

УДК 81'367.7

Категория рода в английском и русском языках в свете андроцентрического подхода: гендерная критика языка

Дмитриев Александр Владиславович avd84@list.ru

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Истомина Мария Андреевна avd84@rambler.ru

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

В большинстве научных работ, посвященных феминитивам и вопросам гендерной лингвистики, принято разграничивать понятие «род» как грамматическую категорию и «пол» как универсальную понятийную категорию. В английском языке категория рода имплицитна и скорее прономинально референтна; в русском языке стоит рассматривать категорию рода как эксплицитную. Это отличает вектор развития феминитивов в обоих языках и их образования в аспекте андроцентризма и гендерной критики языка. Английский язык стремится кнейтрализации гендерного признака; в русском языке, наоборот, наблюдается его акцентуация. Следует пересмотреть концепцию андроцентричности русского языка как такового, а тенденцию к грамматическим преобразованиям в русском языке следует воспринимать как продиктованную влиянием более сильного языка-перстрата.

Ключевые слова: лингвистическая контактология, грамматическая категория рода, поле интерференции, андроцентризм, феминизация языка, феминитивы, гендерная критика языка, гендерная маркированность, агендерность, деривационный способ, прономинальная референция, язык-перстрат

Изменения в языковой структуре принято связывать с социокультурными изменениями в обществе. Так, появление движения феминизма в XX веке сильно повлияло не только на современный уклад жизни, но и на язык, так как в нем прочно закрепились новые понятия и явления — в данном случае

будет рассматриваться явление феминизации языка. На данном этапе исследования термин «феминитив» не закреплен в академических словарях, тем не менее, он активно используется и применяется в различных сферах, в том числе и научной. Проблема возникновения агентов женского рода, синонимичных существующим агентам мужского рода, продиктована общемировой тенденцией к социальными изменениям в обществе, а в частности — к возрастанию роли женщины в профессиональной, политической и социальной сферах общественной жизни. Многие лингвисты занимаются проблемой исследования языкового сексизма в области, получившей название гендерной лингвистики — «направление, изучающее языковые явления, связанные с различием носителей языка по полу» [1]. Существует также более узкое направление, зародившееся в конце 1960-х — начале 1970-х годов: «феминистская критика языка», направление гендерной лингвистики, главной целью которого является разоблачение и преодоление отраженного в языке мужского доминирования (работы R. Lakoff, S. Trömel-Plötz, L. Pusch) [2]. В рамках данного направления феминитив определен как «семантический синоним описательных терминологических выражений, служащий для номинации лиц женского пола» [3].

Феминизм как идеологическое движение берет свое начало на Западе с XIX века, и в России движение эмансипации и борьбы за права женщин началось намного позже, лишь в начале XX века. Современная тенденция к глобализации и слиянию разрозненного мирового пространства в единую общемировую сеть и общий высокий уровень прогресса способствует продвижению идей феминизма повсеместно, однако это существенно усиливает влияние западных трендов на российское общество. С точки зрения лингвокультурологических контактов, англо-русские отношения в парадигме лингвистической контактологии представляют собой явление перстрата, в роли которого выступает «американский вариант английского языка, так как из него в русский язык проникает основная масса новейших актуальных понятий из области искусства и культуры (музыка, кино), компьютерных и рекламных технологий, науки, моды и т. д., что коренным образом меняет структуру русской лексической системы и структуру русской ментальности» [4]. Справедливо рассматривать английский язык как доминирующий в отношении и феминизации языковых структур, ведь даже сам термин «феминитив» является англицизмом; чтобы определить вектор развития русскоязычной гендерной лингвистики и определить его как самостоятельный или зависимый от английского языка-перстрата, следует подробнее рассмотреть систему словообразования в двух языках и определить механизмы функционирования феминитивов в структуре языка.

В английском языке выделяется несколько деривационных способов в рамках производства феминитивов. Один из них — суффиксальный как наиболее продуктивный заключается в добавление суффикса к основе существительного или замена суффикса мужского коррелята на женский:

например, -ess (actress); -stress (mistress); -ine/ina (hero — heroine); -trix (administrator — administratrix); -ette (cosmonaut — cosmonette). Отмечается также еще один продуктивный способ — замена лексемы мужского рода на лексему женского в сложносоставных словах (например, brotherhood — sisterhood). Последний способ для русского данного является невозможным, так как в составе языка отсутствуют гендерно-маркированные составные слова.

Для английского языка как аналитического проблема феминизации языковых единиц актуализируется в том случае, когда необходимо заменить «мужской суффикс» на «женский» или же в случае необходимости создания агента с женской семой в корне вместо мужской. В остальных случаях большинство слов в английском языке (в сравнении с русским) феминизации не требует. Сравним слова «doctor» и «доктор»: в первом случае слово не будет гендерно маркировано в силу отсутствия прямого указания на соотнесенность с полом; в русском языке слово «доктор» принято относить к мужскому роду в силу существования нулевой флексии и, следовательно, гендерно маркировать как «лицо мужского пола».

В большинстве научных работ, посвященных данной теме, принято разграничивать понятие «род» как грамматическую категорию, относимую к языку в рамках системного подхода, и «пол» как «универсальную понятийную категорию, имеющую свойства универсального понятийного компонента» [6]. При этом в английском языке категория рода имплицитна и скорее прономинально референтна [7]. В русском языке стоит рассматривать категорию рода как эксплицитную, т. е. явную, и выражаемую через трехчленную или двухчленную (касаемо одушевленных существительных) систему оппозиций, пр: «он (м. р., нул. флекс.)», «она (ж. р., флекс. -а-)», «оно (ср. р., флекс. -о-). В трехчленной оппозиции, реализуемой в отношении неодушевленных существительных, грамматическая категория рода не соотносится с категорией пола или гендера; в двухчленной оппозиции одушевленных имен существительных все не так однозначно — возникает вопрос языкового сексизма с точки зрения употребления лексем мужского рода как обозначающих представителей обоих полов (*доктор, юрист, профессор*).

Опираясь на анализ способов словообразования в английском и русском языках, можно проследить, как отличается вектор развития феминитивов и их образования: английский язык стремится кнейтрализации гендерного признака, исключению случаев использования мужских сем в корне слов и редко прибегает к заменам суффиксов в силу аналитичности и отсутствия явной категории рода. В русском языке создание коррелятов женского рода к уже существующим мужским приводит к обратному — к акцентированию внимания на т.н. «женскости» языковой единицы, т. е. к акцентуации гендерного признака.

В рамках гендерной критики языка русский язык считается андроцентричным. Андроцентризм в критике языке — культурная традиция, вводящая

общечеловеческую субъективность к мужской норме и использование мужских жизненных моделей как нормативных [8]. Однако такая точка зрения на русский язык, по мнению автора данного исследования, является не совсем верной. По мнению В.В. Виноградова, «слова мужского рода, относящиеся к категории лица, прежде всего выражают общее понятие о человеке — его социальную, профессиональную или иную квалификацию — независимо от пола. Формой мужского рода характеризуется имя человека вообще. Поэтому названия лиц в форме мужского рода могут относиться и к женщинам, если нет упора на половую дифференциацию особей» [9, с. 66]. К тому же, теорию полного андроцентризма русского языка опровергает наличие слов, по формальным признакам относимых к женскому роду, но могущих обозначать лица обоих полов: «судья», «староста», «коллега» и т. д. В этом случае наблюдается обратная картина — отсутствие коррелятов мужского рода и обозначение через женский род двухгендерную сущность обозначаемого.

Таким образом, проблема общего рода становится одним из самых актуальных и широко дискуссионных вопросов в свете гендерной критики языка [10]. Такие слова общего рода характеризуются как слова с расширенной синтагматикой, то есть одна лексема может включать в себя значения для номинантов обоих полов, и женского, и мужского, при этом то, к какому роду слово будет отнесено грамматически, не влияет на семантику самой словоформы. Опираясь на такой подход, можно сказать, что гендерность как универсально понятийная категория существенно отделена от грамматики [11, с. 18]. Развивая теорию Голева об агендерности русского языка, следует пересмотреть концепцию андроцентричности русского языка как такового, а тенденцию к грамматическим преобразованиям в русском языке следует воспринимать, как продиктованную влиянием более сильного языка-перстрата.

Чтобы выяснить, какое положение сегодня занимают феминитивы в русском языке и как воспринимается их использование в повседневной речи, нами было проведено исследование на базе социальной сети Твиттер. В качестве информантов были выбраны студенты 1–4-го курсов СПбПУ Петра Великого, обучающиеся в Гуманитарном институте. Была разработана анкета, которая состояла из двух частей: первая, более общая, включала теоретические вопросы, где респондентам предлагалось ответить на такие вопросы, как «Сколько времени вы проводите в социальной сети Твиттер?», «Используете ли вы феминитивы в письменной речи?», «Считаете ли вы феминизацию языка положительной тенденцией?» и т. д. Вторая часть анкеты была практической и предлагала респондентам ряд слов, которые вызывают наибольшие затруднения в плане образования соответствующих агентов женского рода (например, «врач» или «конюх»), и им было предложено образовать от них наиболее, по их мнению, подходящие феминитивы.

Как показало исследование, в письменной речи феминитивы используют подавляющее количество респондентов (543), примерно такое же количество анкетируемых использует феминитивы в устной речи (563). В ходе анализа

практической части анкетирования были выявлены некоторые закономерности: например, для слов «автор», «юрист», «циркач», «дирижер», несмотря на то, что различная структура слов в теории требует разных суффиксов и окончаний (учитывая существующее в русском языке понятие «валентность суффиксов»), большинство респондентов предложили использование продуктивного суффикса «*к*» («авторка», «юристка», «циркачка», «дирижерка», «прорабка», «профессорка»). Другой суффикс, который, согласно результатам исследования, используется большинством принимающих участие в опросе — продуктивный суффикс «ин» (например, «врачина», образованная от слова «врач», «психология» — дериват от слова «психолог», «конюхия» — «конюх»). Исследование показало, что исключительно эти два суффикса в подавляющем большинстве используется в словообразовании, другие суффиксы, предложенные респондентами, являются непродуктивными: например, «адвокатесса», «врачиха» и т. д. При этом стоит отметить, что в каждом из предложенных вариантов встречается вариант ответа «не образую», и он чаще всего — третий по популярности после самых распространенных суффиксов. Нередко использовался вариант, состоящий из двух слов (первая лексема обозначает женский род, вторая — принадлежность к профессии): «женщина-врач», «женщина-юрист», «женщина-летчик». Однако стоит отметить, что подобный вариант образования коррелятов женского рода от слов, обозначающих профессии, принято считать устаревшим и также непродуктивным в русском языке.

На данный момент трудно предсказать развитие гендерной критики языка применительно к русскому языку и его феминизации. Однако, по сравнению с английским языком, андроцентризм русского языка не является таким явным, а его синтетизм усложняет образование новых форм слов с женскими суффиксами — многие подобные слова не являются официально закрепленными в языке и не используются на официальном уровне. Возможно, следует рассматривать слова со значением профессий как лишенные гендерной маркированности и не создавать искусственно в языке новые единицы, создающие акцент на половой дифференциации и тем самым только усугубляющим гендерный разрыв.

Литература

- [1] Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр-е и дополн. Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. С. 70.
- [2] Зиновьевна Е.С. Феминистская лингвистика в контексте постмодернистской философии // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. С. 43–47.
- [3] Бирюкова Е.Д. Актуализированные феминитивы в русском языке рубежа XX–XXI вв. и их стилистические характеристики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (283). С. 234–237.
- [4] Захватаяева К.С. Роль английского языка в процессе современного англо-русского языкового контактирования // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2012. № 3 (1). С. 400–403.

- [5] Федотова Т.В., Кулик И.В. Парадигматика и прагматика феминитивов в русском и английском языках // Евразийский союз ученых. 2016. № 7 (28). С. 67–69.
- [6] Скачкова И.И. Гендерная проблематика в теоретическом зарубежном языкоизучении: к истории вопроса // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2009. № 4. С. 119–132.
- [7] Robins R.H. General Linguistics. An Introductory Survey. London: Longman Group Ltd., 1972.
- [8] Хачак Б.М. Система функциональных проявлений поролевых различий в языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2013. № 2 (121). С. 130–136.
- [9] Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г.А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1968. 640 с.
- [10] Бунамес Н.В. Андрогенность языка и проблемы синтагматики категории рода // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 11–17.
- [11] Голев Н.Д. Общий род и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность или агендерность? // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 6 (26) С. 18.

The Category of Gender in English and Russian in the Light of the Androcentric Approach: Gender Criticism of Language

Dmitrijev Alexander Vladislavovitch avd84@list.ru

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Istomina Maria Andreevna avd84@rambler.ru

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

In most scientific works devoted to feminitives and issues of gender linguistics, it is customary and of great importance to distinguish between the concept of 'gender' as a grammatical category and 'gender' as a 'universal conceptual category'. In English, the category of gender is implicit and rather pronominal reference; in Russian, it is worth considering the category of gender as explicit. This specifies diverse paths of development of feminitives and their formation in the aspect of androcentrism and gender criticism of language. English strives to neutralize gender; Russian, on the contrary, focuses on its accentuation. It is necessary to revise the concept of androcentrism of the Russian language as itself, and the tendency towards grammatical transformations in the Russian language should be perceived as dictated by the influence of a stronger perstratum language.

Keywords: linguistic contactology, the grammar category of gender, sex, androcentrism, feminization of language, feminitives, gender criticism of language, gender marking, agenderness, derivational method, pronominal reference, language-perstratum

References

- [1] Zhrebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. 5-e izd., ispr.-e i dopoln. Nazran': Izd-vo "Piligrim", 2010. P. 70.
- [2] Zinov'eva E.S. Feministskaja lingvistika v kontekste postmodernistskoj filosofii // Vernerovolzhskij filologicheskiy vestnik. 2016. No. 1. Pp. 43–47.

- [3] Birjukova E.D. Aktualizirovannye feminitivy v russkom jazyke rubezha XX–XXI vv. i ih stilisticheskie harakteristiki // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. No. 2 (283). Pp. 234–237.
- [4] Zahvataeva K.S. Rol' anglijskogo jazyka v processe sovremennoj anglo-russkogo jazykovogo kontaktirovaniya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. No. 3 (1). Pp. 400–403.
- [5] Fedotova T.V., Kulik I.V. Paradigmatika i pragmatika feminitivov v russkom i anglijskom jazykah // Evrazijskij Sojuz Uchenyh. 2016. No. 7 (28). Pp. 67–69.
- [6] Skachkova I.I. Gendernaja problematika v teoretycheskom zarubezhnom jazykoznanii: k istorii voprosa // Vestnik Tihookeanskogo Gosudarstvennogo Jekonomicheskogo Universiteta. 2009. No. 4. Pp. 119–132.
- [7] Robins R.H. General Linguistics. An Introductory Survey. London: Longman Group Ltd., 1972.
- [8] Hachak B.M. Sistema funkcional'nyh projavlenij porolevyh razlichij v jazyke // Vestnik Adygejskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ser. Filologija i Iskusstvovedenie. 2013. No. 2 (1211). Pp. 130–136.
- [9] Vinogradov V. V. Russkij jazyk (grammaticheskoe uchenie o slove): ucheb. posobie dlja vuzov / otv. red. G. A. Zolotova. 3-e izdanie, ispr. M.: Vyssh. shk., 1968. 640 p.
- [10] Bunames N.V. Androgennost' jazyka i problemy sintagmatiki kategorii roda // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. No. 382. Pp. 11–17.
- [11] Golev N.D. Obshchij rod i gendernaja semantika russkih imen sushhestvitel'nyh: bigendernost' ili agendernost'? // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. No. 6 (26). P. 18.

УДК 811.133

Особенности употребления указательного местоимения *ça* в современном французском языке

Зайцев Алексей Анатольевич a.zaizev@mail.ru

МСХА им. К.А. Тимирязева

*Статья посвящена анализу употребления в современном французском языке усеченной формы указательного местоимения *ça*, а также вопросу о механизмах языковых изменений. Исследование реализуется на материале художественных произведений французских писателей второй половины XX — начала XXI вв., а также расшифровок монологических и диалогических жанров современной французской устно-разговорной речи, выполненных в рамках проекта «Фонология современного французского языка» (*Phonologie du français contemporain — PFC*). Таким образом, материал исследования охватывает две основные разновидности современного французского литературного языка: книжно-письменную и устно-разговорную. В процессе анализа были применены сравнительно-сопоставительный, трансформационный и описательный методы исследования.*

Ключевые слова: указательное местоимение *ça*, языковые изменения, разговорная речь

Введение

Стремление к системной организации путем изменений присуще языку как любой совокупности природных или общественных объектов. Это стремление охватывает и план употребления языка — речь. Один из главных показателей системных отношений — способность изменяться — при функционировании языка обнаруживает определенные закономерности и соотнесенность.

Поэтому вопрос о причинах, характере и способах языковых изменений удобно ставить, наблюдая активные языковые процессы во французском языке нашего времени. Подводя итоги изучения загадочного явления языкового изменения пять десятилетий тому назад, Б.А. Серебряников говорил о периодах более интенсивных изменений, причины которых «в достаточной степени» еще не изучены [1]. Думается, что сейчас мы живем именно в такой период, уникальный для исследований. Как раз об этом свидетельствуют многочисленные фиксации инноваций, выполненные разными лингвистами.

Действительно, как подчеркивал Р.А. Будагов, «язык развивается не только в прошлом, но и в настоящем. Его движение ощущается в самой синхронии. Поэтому понятие развития так же важно для синхронии, как и для диахронии» [2]. Следует отметить, что механизмы этого развития меняют характер языковой нормы.

В данной работе мы постараемся привести некоторые наблюдения над тем, как активно в современном французском языке расширяется сфера употребления усеченной формы указательного местоимения *ça*.

Обзор литературы

Делая небольшое историческое отступление, следует отметить, что в первых четырех изданиях Словаря Французской академии, выражавших крайне пурристические устремления его составителей, данной форме местоимения *ça* не нашлось места. Лишь в 1798 г., через несколько лет после того как в разгар революционного периода прозвучали припев и название песни *Ça ira!* «Пойдет, пойдет», указательное местоимение *ça* проникло в пятое издание словаря с пометкой «разговорное слово, выражение». В позднем издании 1835 г. *ça* уже рассматривается как сокращенная форма указательного местоимения *cela*.

В современном языкоznании грамматике и семантике местоимений французского языка посвящено значительное количество работ (Е.Ф. Вольф [3], В.Г. Гак [4], Е.Ф. Серебренникова [5], С. Blanche-Benviniste [6] и др.). Основное внимание в этих работах обращено на особенности организации и функционирования системы местоимений как особого класса языковых единиц. Вместе с тем недостаточно исследованными остаются отдельные формы указательных местоимений.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили художественные произведения французских писателей второй пол. XX – начала XXI вв. (более 50 наименова-

ний общим объемом 10 000 страниц), а также расшифровки монологических и диалогических жанров современной французской устно-разговорной речи, выполненные в рамках проекта «Фонология современного французского языка» (*Phonologie du français contemporain — PFC*). Для первичного анализа методом сплошной выборки были выявлены предложения-высказывания, содержащие усеченную форму указательного местоимения *ça*. Приводимые в качестве иллюстраций примеры далеко не исчерпывают их количество в корпусе исследованного материала. Для более полного анализа применяли сравнительно-сопоставительный, трансформационный и описательный методы исследования.

Результаты исследования

В настоящее время частота употребления этой формы указательного местоимения увеличивается все больше и больше, главным образом за счет вытеснения нейтральной формы указательных местоимений *cela* и *ce*. Подобное увеличение удельного веса указательного местоимения *ça*, вовлечение его в стилистически нейтральные построения и представляет несомненный интерес для определения механизма языковых изменений.

Проанализируем языковой материал. В качестве подлежащего в своем обобщающем значении *ça* способно сочетаться с глаголами самой разнообразной семантики. Ср.:

- C'est touchant que vos sentiments à l'égard du sénateur n'aient pas faibli avec le temps, mais vous pouvez m'étrangler si cela chante, ça ne changera rien [7];
- Tiens, ça serait un joli titre pour un roman Un automne à San Francisco [8];
- Vu nos relations, ça m'étonnerait [8];
- Ça m'arrive [8].

Как видно, во всех приведенных примерах *ça* выступает в своем обобщающем значении и переводится на русский язык местоимением «это». Кроме того, указательное местоимение *ça* в роли подлежащего конкурирует с прилагольными субъектными местоимениями 3-го л. ед. и мн. ч. Это происходит в тех случаях, когда для говорящего безразлична родовая отнесенность субъекта, множественное число понимается как обозначение нерасчлененного множества или чаще тогда, когда для собеседников несущественна количественная определенность.

Употребление *ça* в качестве прилагольного субъектного местоимения наряду с личными местоимениями 3 л. соответствующего числа и рода связано со строением предложения, с одной стороны, и типом существительного, с которым соотносится указательное местоимение, с другой стороны. Нередко в таких случаях усеченная форма *ça* используется для обособления подлежащего. Ср.:

- Et sinon euh, à Dijon vous avez toujours habité euh, au même endroit?

– Euh, ben moi j'étais à Nlieu euh, ça fait un moment, ça fait, ça fait quatre cinq ans que je suis à Nlieu;

– Ouais, ça fait chaud parce que là, c'était l'équivalent d'un R.M.I., enfin pas quasiment quoi, c'est euh, pour la nounou;

- Ben ça dépend, non euh, on a, ça nous arrivait plusieurs fois d'héberger des gens euh, mais euh, comme ça quoi;
- Qu'est ce que ça pleut aujourd'hui! [9];
- Il a une bicyclette;
- Ça se faufile partout [10];
- Où vos «je t'aime» n'auront plus le même goût. Pour moi, le déclic, ça a été le rasage [11].

Исследуемый материал показывает, что есть основания говорить о своеобразном распределении функций между «конкурентными» формами, указательным и личным местоимением: для местоимения *ça* нормой разговорной речи является замещение существительного со значением нелица любой родовой принадлежности, для личного местоимения — замещение существительного, называющего лицо.

В соотнесенности же *ça* с существительным со значением лица можно заметить проявление стилистической экспрессивной функции: *ça* несет оттенок грубоватой фамильярности, уничижительности, пренебрежения или же снисходительности. Для иллюстрации этого положения приведем предложения с репризой или антиципацией, так называемые расчлененные предложения, в которых *ça* выступает как средство выделения, подчеркивания того или иного элемента высказывания. Ср.:

- 1) Et un homme, *ça* boit son café, le matin [12];
- 2) Les débutants, *ça* gaspille, *ça* boit beaucoup, et puis le moteur en a peut-être consommé une grande quantité [13];
- 3) Ça vous, amuse, vous ces petits cousins [14].

Соотнесенность *ça* с именем существительным, указывающим на человека, встречается уже в произведениях О. де Бальзака. Ср.: Elle [...] se croit une sainte; *ça* communie tous les mois (*Le Lys dans la vallée*, de Balzac).

Действительно, как можно заметить, местоимение имеет определенную эмоционально-экспрессивную окраску.

Не менее широко замещается *cela* формой *ça* и в функции дополнения в прямой речи, что, безусловно, отражает особенности разговорной речи современного французского языка. Особенно богато представлено в прямой речи *ça* прямое дополнение. Ср.:

- 1) Qui vous a fait *ça*? [7];
- 2) Pourquoi aurait-il révélé *ça* au sénateur? [7];
- 3) Je vois *ça*! Que s'est-il passé? dit Lauren [15];
- 4) En attendant, je vais imprimer *ça* et le placer en évidence sur son bureau [8];
- 5) Vous ne pouvez pas rater *ça* [8].

Исследуемый материал показывает, что *ça* в функции как прямого дополнения, так и подлежащего, столь же свободно соотносится с конкретными предметами и явлениями, названными ранее. В подобных случаях оно выступает эквивалентом личного местоимения 3 л. или соответствующего имени

существительного. Ср. типичные для французского языка построения типа: *J'ai une petite soeur. C'est une fillette de 5 ans.*

Выступает *ça* и в функции косвенного дополнения, вытесняя постепенно полную форму *cela* не только из прямой речи, но и из несобственно прямой и авторской речи. Ср.:

– *J'ai eu des aventures, si cela peut te rassurer; et puis change de sujets, je n'ai pas envie de parler de ça* [15];

– *Non, pour ça rien n'est prévu* [15];

– *Laisse, dit Mia en la rejoignant, c'est à moi de m'occuper de ça, tu as assez de travail en cuisine* [8];

– *Pas besoin de ça: à quoi sert-il de passer la soirée à se flir soi-même si c'est pour être rattrapé en bout de course à son domicile?* [11].

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что усеченная форма *ça*, выступающая заместителем *cela* и *ce* не имеет какой-либо эмоционально-экспрессивной оценочной окраски. Вместе с тем, становясь все более и более употребительным, *ça* тяготеет к нейтрализации и к проникновению в нейтральный сегмент.

Похоже, что языковое развитие обеспечивается сейчас усилением процессов нейтрализации в оппозициях, существующих на всех уровнях языковой системы. В процессе ее функционирования возникают слабые, неустойчивые звенья (в нашем случае *ça/ cela, ce; ça/ il, elle, ils, elles*), где стираются оппозиции. На базе исчезновения различительного признака возникает механизм элементарного языкового изменения.

Обсуждение и заключение

Активная экспансия указательного местоимения *ça* приводит, с одной стороны, к его соотнесенности с существительным со значением лица, с другой стороны, к замещению им существительного, чаще во множественном числе, где родовая принадлежность отступает на второй план. Таким образом, оно в современном французском языке реализуется в двух грамматических значениях – указательного местоимения и личного местоимения (3 л. ед. и мн. ч.).

Во всех этих реализациях прослеживаются признаки системности. Дело в том, что язык как системное образование в силу направленности системы на самодостаточность стремится к систематизации и плана употребления. Это употребление (или узус) не является исключительно пассивной реализацией языка. Напротив, приобретая способность менять систему, в конечном счете, он приводит к языковым изменениям, а на промежуточных этапах — к возникновению определенных механизмов воздействия речевого плана на языковой.

Литература

- [1] Серебренников Б.А. Язык как исторически развивающееся явление // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1970. 301 с.

- [2] Будагов Р.А. Проблемы развития языка. М.: Наука, 1965. 117 с.
- [3] Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. М.: Наука, 1974. 224 с.
- [4] Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
- [5] Серебренникова Е.Ф. Способы представления лица личными местоимениями во французском языке. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1998. 44 с.
- [6] Blanche-Benveniste C. Pronom et syntaxe. L'approche pronominale et son application au français. Paris: SELAF, 1984. 245 p.
- [7] Levy M. Un sentiment plus fort que la peur. Paris: Versilio, 2016. 254 p.
- [8] Levy M. Elle et Lui. Paris: Versilio, 2015. 300 p.
- [9] Sabatier R. Les noisettes sauvages. Paris: Albin Michel, 1996. 311 p.
- [10] Clavel B. La grande patience. Paris: Robert Laffont, 1968. 448 p.
- [11] Beigbeder F. L'amour dure trois. Paris: Grasset and Fasquelle, 1997. 220 p.
- [12] Clavel B. La maison des autres. Paris: J'ai Lu, 1974. 558 p.
- [13] Frison-Roche R. Le rendez-vous d'Essendilène. Paris: Arthaud, 1954. 284 p.
- [14] Sagan F. Château en Suède. Paris: Julliard, 1998. 188 p.
- [15] Levy M. Vous revoir. Paris: Robert Laffont, 2005. 308 p.

The Traits of Using *ça* Demonstrative Pronoun in the Foreign French Language

Zaitsev Aleksei Anatolievich

 a.zaizev@mail.ru

Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy

*The article is dedicated to using *ça* demonstrative pronoun clipped form in the modern French language, and the question of linguistic change mechanisms as well. The research is based on the fictional works by the French writers, creating in the second half of the XX century and the early XXI century. It also deals with decoding the French oral colloquial speech monological and dialogical genres, performed within «The modern French language phonology» project (Phonologie du français contemporain — PFC). Therefore the research material covers two main kinds of modern French literary language — bibliowritten and oral-colloquial. Comparative-contrastive, transformative and descriptive research methods have been applied in the analysis process.*

Keywords: *ça demonstrative pronoun, linguistic change, colloquial speech*

Introduction

The article is dedicated to using *ça* demonstrative pronoun clipped form in the modern French language, and the question of linguistic change mechanisms as well.

The striving for a systemic organization through changes is inherent in language as in any set of natural or social objects. This aspiration also covers the plan of using the language — speech. One of the main indicators of systemic relations — the ability to change — during the functioning of the language reveals certain patterns and correlation. Therefore, it is convenient to pose the question of the causes, nature and methods of linguistic changes by observing active linguistic processes in the

French language of our time. Summing up the results of the study of the mysterious phenomenon of linguistic change five decades ago, BA Serebryanikov spoke about periods of more intense changes, the reasons for which have not yet been «sufficiently studied» [1]. It seems that now we are living in just such a period, unique for research.

This is evidenced by the numerous commitments of innovations made by different linguists. Indeed, as R. A. Budagov emphasized, “language develops not only in the past, but also in the present. Its movement is felt in synchronicity itself.

Therefore, the concept of development is as important for synchronicity as for diachrony” [2]. It should be noted that the mechanisms of this development change the nature of the language norm. In this paper, we will try to cite some observations of how actively the scope of the truncated demonstrative pronoun *ça* is expanding in modern French.

Materials and Methods

Making a small historical digression, it should be noted that in the first four editions of the Dictionary of the French Academy, expressing the extremely puristic aspirations of its compilers, there was no place for this form of the pronoun *ça*. Only in 1798, a few years after the chorus and the title of the song *Ça ira!* «Will go, go», the demonstrative pronoun *ça* penetrated into the fifth edition of the dictionary with a note of the colloquial word, expression. In the later edition of 1835, *ça* is already seen as an abbreviated form of the demonstrative *cela*. In modern linguistics, a significant number of works are devoted to the grammar and semantics of French pronouns (E.F. Wolf [3], V.G. Gak [4], etc.).

The main attention in these works is paid to the peculiarities of the organization and functioning of the pronoun system as a special class of linguistic units. At the same time, some forms of demonstrative pronouns remain insufficiently studied.

The research is based on the fictional works by the French writers, creating in the second half of the XX century and the early XXI century. It also deals with decoding the French oral colloquial speech monological and dialogical genres, performed within «The modern French language phonology » project (*Phonologie du français contemporain — PFC*). Therefore the research material covers two main kinds of modern French literary language — biblio-written and oral-colloquial. Comparative-contrastive, transformative and descriptive research methods have been applied in the analysis process.

Results

The research has revealed broadening the application sphere for using the clipped form of *ça* demonstrative pronoun, that is displacing the synonyms — *cela* и *ce* not only from direct, but also from indirect speech. *Ça* pronoun expansion level is so high that it covers a maximum number of usage positions — subject, direct and indirect object, predicative.

At present, the frequency of this form of the demonstrative pronoun is increasing more and more, mainly due to the displacement of the neutral form of the

demonstrative pronouns *cela* and *ce*. Such an increase in the proportion of the demonstrative pronoun *ça*, its involvement in stylistically neutral constructions, is of undoubtedly interest for determining the mechanism of linguistic changes.

Let's analyze the language material. As a subject in its generalizing meaning, *ça* can be combined with verbs of a wide variety of semantics. Compare: *C'est touchant que vos sentiments à l'égard du sénateur n'aient pas faibli avec le temps, mais vous pouvez m'étrangler si cela chante, ça ne changera rien* [7]; *Tiens, ça serait un joli titre pour un roman Un automne à San Francisco* [8]; *Vu nos relations, ça m'étonnerait* [8]; *Ça m'arrive* [8]. As you can see, in all the above examples, *ça* appears in its generalizing meaning and is translated into Russian by the pronoun «this». In addition, the demonstrative *ça* as subject competes with the adjectives of the 3rd l. units and plural This occurs in cases where the speaker is indifferent to the generic attribution of the subject, the plural is understood as a designation of an undivided set, or more often when quantitative certainty is insignificant for the interlocutors.

The use of *ça* as an adjective subject pronoun along with personal pronouns 3 l. the corresponding number and gender is associated with the structure of the sentence, on the one hand, and the type of noun with which the demonstrative pronoun is related, on the other hand. Often in such cases, the truncated form *ça* is used to isolate the subject. Compare:

- Et sinon euh, à Dijon vous avez toujours habité euh, au même endroit?
- Euh, ben moi j'étais à Nlieu euh, ça fait un moment, ça fait, ça fait quatre cinq ans que je suis à Nlieu;
- Ouais, ça fait chaud parce que là, c'était l'équivalent d'un R.M.I., enfin pas quasiment quoi, c'est euh, pour la nounou;
- Ben ça dépend, non euh, on a, ça nous arrivait plusieurs fois d'héberger des gens euh, mais euh, comme ça quoi;
- Qu'est ce que ça pleut aujourd'hui! [nine]; Il a une bicyclette;
- Ça se faufile partout [10];
- Où vos «je t'aime» n'auront plus le même goût. Pour moi, le déclic, ça a été le rasage [11].

The studied material shows that there is reason to speak of a peculiar distribution of functions between “competitive” forms, demonstrative and personal pronouns: for the pronoun *ça*, the norm of colloquial speech is to replace a noun with the meaning of non-person of any genus, for a personal pronoun — to replace a noun that names a person.

In the correlation of *ça* with a noun with the meaning of a person, one can notice the manifestation of a stylistic expressive function: *ça* carries a shade of rude familiarity, derogation, disdain, or condescension. To illustrate this provision, we present sentences with a reprise or anticipation, the so-called dismembered sentences, in which *ça* acts as a means of highlighting, emphasizing one or another element of the statement. Compare:

- Et un homme, ça boit son café, le matin [12];

– Les débutants, ça gaspille, ça boit beaucoup, et puis le moteur en a peut-être consommé une grande quantité [13];

– Ça vous, amuse, vous ces petits cousins [14].

The correlation between *ça* and a noun indicating a person is already found in the works of O. de Balzac. Compare: Elle [...] se croit une sainte; *ça* communique tous les mois (*Le Lys dans la vallée*, de Balzac).

Indeed, as you can see, the pronoun has a certain emotional and expressive coloring.

Cela is no less widely replaced by the form *ça* in the function of complement in direct speech, which, of course, reflects the peculiarities of colloquial speech in modern French. The direct object is especially richly represented in direct speech *ça*. Wed:

- Qui vous a fait *ça*? [7];
- Pourquoi aurait-il révélé *ça* au sénateur? [7];
- Je vois *ça*! Que s'est-il passé? dit Lauren [15];
- En attendant, je vais imprimer *ça* et le placer en évidence sur son bureau [8];
- Vous ne pouvez pas rater *ça* [8].

The material under study shows that *ça*, in the function of both the direct object and the subject, is equally freely correlated with the specific objects and phenomena named earlier. In such cases, it is the equivalent of the personal pronoun of 3 l. or a corresponding noun. Wed typical constructions for French: J'ai une petite soeur. C'est une fillette de 5 ans.

It also acts as an indirect complement, gradually displacing the full form of *cela* not only from direct speech, but also from improperly direct and authorial speech. Compare:

- 1) J'ai eu des aventures, si cela peut te rassurer; et puis change de sujets, je n'ai pas envie de parler de *ça* [15];
- 2) Non, pour *ça* rien n'est prévu [15];
- 3) Laisse, dit Mia en la rejoignant, c'est à moi de m'occuper de *ça*, tu as assez de travail en cuisine [8];
- 4) Pas besoin de *ça*: à quoi sert-il de passer la soirée à se flir soi-même si c'est pour être rattrapé en bout de course à son domicile? [11].

All the examples given indicate that the truncated form *ça*, which serves as a substitute for *cela* and *ce*, does not have any emotionally expressive evaluative coloration. At the same time, becoming more and more common, *ça* tends to neutralize and to penetrate into the neutral segment.

It seems that linguistic development is now provided by the intensification of the processes of neutralization in oppositions that exist at all levels of the linguistic system. In the course of its functioning, weak, unstable links arise (in our case *ça* / *cela*, *ce*; *ça* / *il*, *elle*, *ils*, *elles*), where oppositions are erased. On the basis of the disappearance of a distinctive feature, a mechanism of elementary linguistic change arises.

Discussion and Conclusion

The strengthening the neutralization process, when using *ça* demonstrative pronoun as *cela* и *ce* substitute lets build up the linguistic change mechanism

chain: broadening the coo-occurrence → the distinctive characteristic disappearance → semantic change → the old normative relationship replacement by the new one.

The active expansion of the demonstrative *ça* leads, on the one hand, to its correlation with a noun with the meaning of a person, on the other hand, to its replacement of a noun, more often in the plural, where gender recedes into the background. Thus, in modern French, it is realized in two grammatical meanings — the demonstrative pronoun and the personal pronoun (3 l. Units and plurals). All these implementations show signs of consistency. The fact is that language as a systemic education, due to the orientation of the system towards self-sufficiency, tends to systematize and plan its use. This usage (or usus) is not an exclusively passive implementation of the language. On the contrary, acquiring the ability to change the system, ultimately, it leads to linguistic changes, and at intermediate stages — to the emergence of certain mechanisms of influence of the speech plan on the linguistic one.

References

- [1] Serebrennikov B.A. YAzyk kak istoricheski razvivayushchesya yavlenie // Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka / otv. red. B.A. Serebrennikov. M.: Nauka, 1970. 301 c.
- [2] Budagov R.A. Problemy razvitiya yazyka. M.: Nauka, 1965. 117 c.
- [3] Vol'f E.M. Grammatika i semantika mestoimenij. M.: Nauka, 1974. 224 s.
- [4] Gak V.G. Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazyka. M.: Dobrosvet, 2000. 832 s.
- [5] Serebrennikova E.F. Sposoby predstavleniya lica lichnymi mestoimeniyami vo francuzskom yazyke. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo universiteta, 1998. 44 s.
- [6] Blanche-Benveniste C. Pronom et syntaxe. L'approche pronominale et son application au français. Paris: SELAF, 1984. 245 p.
- [7] Levy M. Un sentiment plus fort que la peur. Paris: Versilio, 2016. 254 p.
- [8] Levy M. Elle et Lui. Paris: Versilio, 2015. 300 p.
- [9] Sabatier R. Les noisettes sauvages. Paris: Albin Michel, 1996. 311 p.
- [10] Clavel B. La grande patience. Paris: Robert Laffont, 1968. 448 p.
- [11] Beigbeder F. L'amour dure trois. Paris: Grasset and Fasquelle, 1997. 220 p.
- [12] Clavel B. La maison des autres. Paris: J'ai Lu, 1974. 558 p
- [13] Frison-Roche R. Le rendez-vous d'Essendilène. Paris: Arthaud, 1954. 284 p.
- [14] Sagan F. Château en Suède. Paris: Julliard, 1998. 188 p.
- [15] Levy M. Vous revoir. Paris: Robert Laffont, 2005. 308 p.

УДК 81

Компонентный анализ глаголов защиты в английском языке

Красикова Марина Борисовна marina_krasikova@mail.ru

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков

Статья посвящена изучению глаголов защиты в английском языке, которые, в свою очередь, являются подгруппой лексико-семантической группы глаголов социальных отношений. С помощью метода компонентного анализа исследованы семантические структуры названных глаголов, прослежена взаимосвязь базовых глаголов и установлены типовые наборы сем: объекта, причины и способа защиты. Количественный анализ позволяет сделать определенные выводы о частотности их реализации в английском языке.

Ключевые слова: глаголы защиты, лексико-семантическая группа, базовый глагол, сема

Вводные замечания

Анализ смысловых связей и отношений между единицами, входящими в лексико-семантические группы (далее ЛСГ) слов и определение того, какое выражение они находят при функционировании в речи, позволяет выявить некоторые особенности организации отдельной лексической группы, которая является составной частью системы. Среди других групп лексики привлекает внимание именно такая группа глаголов социального отношения (далее ГСО) как глаголы защиты (далее ГЗ). ГЗ широко представлены в речи, имеют интересные и разноплановые семантические структуры, а также характеризуются богатством лексических и синтагматичных связей.

Глаголы социальных отношений (ГСО) стали предметом исследования сравнительно недавно. В середине 70-х — начале 80-х гг. прошлого века они были впервые выделены на фоне лексико-семантического поля глаголов отношения и в наиболее общем виде охарактеризованы Г.М. Гайсиной [1]. Широко исследовались вопросы глагольной сочетаемости вообще и глаголов отношения в частности в работах Ю.Д. Апресяна [2, 3]. Много внимания уделялось семантике глаголов отношения в работах Л.М. Васильева, Е.В. Кузнецовой [4, 5].

В рамках лексико-семантической группы глаголов социального отношения ГЗ выделяются рядом с глаголами:

- победы (*win* ‘побеждать’, *conquer* ‘завоевывать’, *fight* ‘бороться’);
- принуждения (*make* ‘заставлять’, *force* ‘принуждать’, *order* ‘приказывать’);
- воздействия (*influence* ‘влиять’, *provoke* ‘провоцировать’, *stimulate* ‘стимулировать’);
- убеждения (*persuade* ‘убедить’, *prove* ‘доказать’);
- подчинения (*submit* ‘подчиниться’, *subordinate* ‘покорять’, *monopolize* ‘монополизировать’);

- обеспечения (*provide, supply, accommodate* ‘обеспечивать’);
- разрешения/запрещения (*permit* ‘позволить’, *allow* ‘позволить’, *forbid* ‘запретить’, *prohibit* ‘запретить’);
- управление (*rule* ‘управлять’, *control* ‘контролировать’, *regulate* ‘регулировать’, *employ* ‘нанимать’);
- помощи (*help* ‘помогать’, *aid, support* ‘поддерживать’) [5].

Объект исследования

Объектом исследования в статье являются глаголы типа *protect, defend, guard, shelter*, которые относятся к группе глаголов защиты. Методом сплошной выборки из англоязычных толковых словарей, а также из других лексикографических источников были отобраны 57 глаголов в английском языке. В качестве иллюстраций использованы примеры из англоязычной прессы, примеры, изъятые из английских словарей, а также примеры базы данных в Интернете, для английского языка — The British National Corpus.

Задачи исследования

Для достижения основной цели были поставлены следующие задачи:
а) провести инвентаризацию ГЗ и исследовать взаимосвязи базовых глаголов; б) исследовать семантические структуры ГЗ; в) установить типичные наборы сем.

Для решения поставленных задач использовали метод компонентного анализа, который в современной лексической семантике «относится к числу главных методов описания лексического значения слова» [6, с. 110].

Наиболее частотными в дефинициях глаголов защиты являются глаголы *defend* и *protect* — ядерные для исследуемой группы в английском языке.

Отношение защиты в наиболее общем виде передается в английском языке глаголами *protect* и *defend*. Будучи базовыми глаголами, они характеризуются достаточно широкой и разной семантикой, поскольку представляют различные проявления отношений защиты. Глагол *defend* ‘защищать’, первое значение которого ‘to do smth in order to protect smb or smth from being attacked’, ‘to protect smb or smth from attack’, ‘to take actions to protect smb or smth’ (делать что-нибудь, чтобы защитить кого-либо от нападения, атаки), указывает прежде всего на активную защиту, возможно, с помощью специальных средств, от *непосредственной* угрозы. Как показывают примеры, слово ‘attack’ в данных дефинициях следует понимать помимо всего как ‘the act of using weapons, violence’. Например:

(1) *All our officers are trained to defend themselves against knife attack.*
Наши офицеры научены защищаться от нападения с ножом.

(2) *Troops have been sent to defend the border.* Для защиты границы были посланы войска.

(3) *The British commandos in the Second World War didn't bother to teach their men how to defend themselves on the ground because they felt that, even in an unarmed fight, the chances of survival were minimal once anybody went down.*

Во время Второй мировой войны британские коммандос даже не волновались о том, чтобы учить солдата защищаться, лежа на земле, поскольку они понимали, что даже в стычке без оружия шансы остаться в живых у того, кто упал, были минимальными.

Первое значение глагола *protect* ‘защищать, охранять’ такое: ‘to keep someone or something safe from harm, damage, or illness’, ‘to make sure that smb or smth is not harmed, injured, damaged’, ‘to keep smb or smth safe from harm, injury, damage or loss’, ‘to prevent smb or smth from being harmed or damaged’ “охранять кого-нибудь от вреда, разрушения или болезни, потери”. Как видно из определений, глаголы *defend* и *protect* очень близки по первому и основному значению (в трех из четырех дефиниций *defend* трактуется через *protect*). Близость значений подтверждается использованием данных глаголов в аналогичных контекстуальных условиях и возможностью их взаимозаменяемости. Например:

(4) *Troops have been sent to protect aid workers against attack.* На защиту работников были посланы войска (ср. *Troops have been sent to defend the border*).

(5) *Are you prepared to protect yourself in case of attack?* Вы готовы защищаться в случае нападения?

(6) *We will be forced to grab our weapons to protect that which belongs to us.* Мы будем вынуждены взяться за оружие и защищать то, что принадлежит нам.

Однако, поскольку глагол *defend* имеет эксплицитную сему повода для защиты ‘от нападения’, а глагол *protect* имеет причину защиты ‘от вреда, повреждения, травмы’ (т. е. является более абстрактным), преимущественно *defend*, а не *protect* употребляется для более точной передачи способа защиты с помощью вооруженного отпора. Таким образом, из примеров видно, что глагол *protect* требует дополнительного контекста, чтобы быть интерпретированным в «военном» смысле, в то время как для глагола *defend* контекст не является необходимым. Значения *defend* и *protect* пересекаются и являются взаимозаменяемыми, если прямое дополнение выражено существительным, которое означает существование, или существительным со значением конкретного объекта, который нуждается в военной защите (*country, border, smb's presence*).

(7) *Jackson wanted American troops to remain in order to protect a long-term UN presence and this could frustrate the American wish to withdraw troops from Korea.* Джексон хотел, чтобы американские войска были наготове для защиты долгого пребывания ООН, и это могло бы помешать выводу войск из Кореи.

(8) *The agreement was designed to protect Northumberland from direct encroachment.* Было решено защищать Нортумберленд от прямого вторжения.

Второе значение глагола *defend* ‘сохранять’ ‘to do something in order to stop something being taken away or in order to make it possible for something to continue’, ‘to prevent smth from failing, stopping or being taken away’ (делать что-нибудь, чтобы не дать чему-то исчезнуть или пропасть) также пересекается с первым значением глагола *protect* ‘to keep smb or smth safe from harm,

injury, damage or loss'. Сравним (в качестве примеров приведены аналогичные конструкции):

(9) *The miners and their supporters are trying to protect communities and over 100,000 jobs at a time when there are more than one in ten people on the dole.* В то время как больше чем один из десяти живет на пособие по безработице, шахтеры и их защитники пытаются сохранить комитеты и более 100 тыс. рабочих мест.

(10) *Hundreds of miners are fighting to defend their jobs.* Сотни шахтеров борются за сохранение своих рабочих мест.

Следующее значение глагола *protect* 'to keep smth such as an old building or a rare animal safe from harm or destruction, by means of special laws', 'to introduce laws that make it illegal to kill, harm or damage a particular animal, area of land, building, etc' (охранять что-нибудь такое, как редкое животное, старый дом, участок земли, вводя специальные законы) является уникальным и не пересекается ни с одним из значений глагола *defend*.

(11) *The nitrate problem has taught us that to protect our drinking water, we must monitor the unsaturated zone.* (**The nitrate problem has taught us that to defend our drinking water*). Проблема нитратов научила нас беречь питьевую воду, мы должны контролировать засушливые зоны.

Третье значение глагола *protect* 'to help the industry and trade of your own country by taxing foreign goods' (помогать промышленности и торговли своей страны путем введения пошлины на иностранные товары) является конкретным (в одном из словарей имеет даже отметку Econ.) и довольно ограниченным лексическим контекстом, соединяясь с существительными типа *industry, market*.

(12) *European exporters have pushed up prices in both countries to protect margins.* Европейские экспортёры подняли цены в обеих странах, чтобы сохранить прибыль.

(13) *The government's key role in the early days was to protect the industry.* Ведущая роль государства в самом начале состояла в том, чтобы защитить отечественного производителя.

Третье (производное от первого) значение глагола *defend* 'to use arguments to protect smth or smb from criticism, or to prove that smth is right', 'to say or write smth in support of smb or smth that has been criticized' (использовать доказательство, чтобы защитить кого-либо от критики, или отстоять свою правоту) описывает другой тип отношений защиты, а именно защиты в устной или письменной форме человека, которого критикуют, или спорного суждения/решения:

(14) *Politicians are skilled at defending themselves against their critics.* Политики умеют защищать себя от критики в свой адрес.

(15) *He vigorously defended his party's record on human rights.* Он решительно защищал доклад своей партии по правам человека.

(16) *David wanted to defend himself, but couldn't find the courage to speak up.* Давид хотел защищаться, но не нашел в себе смелости заговорить.

Как показывают дефиниции и примеры, глагол *defend* в этом значении может относиться и к глаголам речи и является синонимическим глаголом *support* ‘поддерживать’, *uphold* ‘поддерживать’, *champion* ‘бороться’.

Глагол *defend* имеет также значение ‘to act as a lawyer for smb who has been charged with a crime’ (действовать в качестве адвоката того, кого обвиняют в преступлении), в некоторых словарях это значение обозначено юридическим термином.

(17) *Who is defending the case?* Кто защитник?

(18) *You have been accused, and you must have the chance to defend yourself.*
Вас обвинили, и у вас должен быть шанс защитить себя.

Итак, как показал компонентный анализ базовых глаголов *defend* и *protect* в английском языке, данные глаголы находятся в эквивалентной оппозиции, имея как значения, которые пересекаются (два первых значения *defend* пересекаются с первым значением *protect*), так и те, что не пересекаются. Значение глагола *defend* не входят никакие другие семы, кроме семы «активной защиты» от непосредственной угрозы с помощью специальных средств (например, оружия), в то время как глагол *protect* имеет в виду защиту от потенциальной угрозы с помощью упреждающих средств, которые используются постоянно или длительный отрезок времени.

В дефинициях глаголов защиты можно выделить три семы, конкретизирующие: объект защиты, причину (повод для) защиты и способ защиты.

Объектом защиты при одноименных глаголах выступает прямое дополнение — существительное, которое означает существо или не существо. В английском языке все приведенные глаголы являются переходными. В дефинициях глаголов сема объекта защиты конкретизирована только в 15 глаголах, чаще она представлена как *someone* или *something*. Однако можно проследить наличие эксплицитных сем объекта защиты:

- ’place’ — guard ‘to protect a person, place, or valuable object by staying near them and watching them’ — garrison, fortify, hold, post, protect, patrol;
- ’valuable object’ — guard, protect;
- ’criminal/smb who is involved in dishonest or illegal activities’ — harbour, screen;
- ’rights/ideas/principles’ — advocate, assert, champion, espouse, uphold, vindicate.

Другая сема, причина защиты раскрывает опасности, от которой необходимо защитить человека или объект, широко представлена в дефинициях английских глаголов защиты.

- ’from pain or difficulty’ — coddle;
- ’from bad effects of smth’ — counter;
- ’from something unpleasant’ — cushion;
- ’from being attacked’ — defend; fortify, hold, parry, withstand; secure;
- ’from being taken away’ — defend;
- ’from criticism’ — defend;

- ‘against harm or damage, risk, danger, destruction’ — guarantee; overprotect, protect, safeguard, rescue, preserve; save, shield;
- ‘from illness, against a disease’ — immunize, inoculate, vaccinate; protect;
- ‘from unpleasant experiences or unwanted influences’ — insulate;
- ‘from detection’ — screen;
- ‘from the weather or from danger’ — shelter;
- against sth bad happening to you, your family, your possessions — insure.

Сема способ защиты также представлена. В английском языке почти все глаголы имеют сему, что конкретизирует способ защиты, указывающий на то, каким способом, с помощью чего достигается защита: Сема способ захисту також представлена:

- ‘by building a barricade’; ‘with a fortification’ — barricade, fortify, entrench, bulwark, sandbag, dyke (defend with a dyke);
- ‘by staying near them {a person, place, or valuable object} and watching them’ — guard;
- ‘by putting a small amount of a substance containing that disease into their body’ — immunize, inoculate, vaccinate;
- ‘protect smb as if you were their mother, especially by being too kind and doing everything for them’ — mother;
- ‘to defend yourself against smb who is attacking you by pushing their weapon or hand to one side’ — parry;
- ‘using a police or military force’ — police;
- ‘by means of special laws’ — protect;
- ‘by being ready to shoot’ — cover.

Выводы

Анализ семантической структуры глаголов является очень важным, поскольку позволяет увидеть направление, по которому явление защиты распространяется в обществе и соответственно в языке. Нами были отмечены следующие направления:

- защита жизни человека;
- защита воли человека;
- защита здоровья человека и животных;
- защита / охрана / сохранение материальных ценностей;
- защита окружающей среды;
- защита, отстаивание интересов/взглядов/принципов.

Компонентный анализ глаголов защиты в английском языке показывает, что различные конкретные семы представлены по-разному. Конкретный объект защиты превалирует в сравнении с семами причины (повода для), способа, манеры защиты.

Литература

- [1] Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном языке. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1981. 195 с.
- [2] Апресян Ю.Д. Интегральное исследование языка: в 2 т. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. 556 с.
- [3] Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 252 с.
- [4] Васильев Л.М. Семантика русского глагола. Глаголы речи, звучания и поведения. Уфа: БГУ, 1981. 72 с.
- [5] Кузнецова Э.В. Лексико-семантические группы русских глаголов. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1988. 67 с.
- [6] Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Componential Analysis of Defense Verbs in English

Krasikova Marina Borisovna marina_krasikova@mail.ru

Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots

The article is devoted to the analysis of verbs of defense in the English language. These verbs are considered to be a subgroup of the lexico-semantic group of verbs of social relation. The semantic structures of the verbs of defense are studied with the help of the method of componential analysis. The interrelations of basic verbs and the typical sets of semes are defined too: seme of object, cause and manner of defense. Quantitative analysis allows us to draw certain conclusions about the frequency of their implementation in English.

Keywords: verbs of defense, lexico-semantic group, basic verb, seme

УДК 811.111

Английские фразеологические единицы с топонимным компонентом

Красикова Марина Борисовна marina_krasikova@mail.ru

Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков

Тымчук Елена Викторовна timchuk_elena@mail.ru

Кубанский государственный технологический университет

Данная публикация посвящена изучению английских фразеологических единиц, в состав которых входит компонент «топоним», т. е. географическое название. Выполнен краткий анализ взаимосвязи фразеологических единиц с топонимическим компонентом и историческим наследием носителей этого языка, показана их роль в развитии языка и общества, определены их лингвокультурные аспекты, которые

представлены значимыми историческими событиями и местами. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью отдельных групп фразеологического фонда английского языка, в частности фразеологизмов с топонимами, специфическими особенностями подобных фразеологических единиц, а также особой ролью и значением фразеологизмов в речи. Приведены яркие примеры тесной взаимосвязи некоторых фразеологических единиц с историческим этой страны, ее культурой и бытом, географическими объектами, традициями и символами, которые лежат в основе фразеологических единиц с топонимическим компонентом.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, топоним

Под фразеологической единицей (ФЕ) понимается общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава [1, с. 559].

Целью нашей работы является изучить и проанализировать социокультурные особенности фразеологических единиц (ФЕ) с топонимическим компонентом в английском языке. Мы выбрали именно такие фразеологические единицы, поскольку в них более широко отображаются этнокультурные черты носителей языка и их территориальные особенности, а топонимические компоненты, которые входят в состав фразеологизмов подчеркивают и усиливают их значение.

В разработке системно-структурного подхода к фразеологизмам фразеология использует разделы общего языкознания: систему и структуру языка, и языковую номинацию. То есть фразеология выявляет четкую междисциплинарную зависимость от других областей языкознания, таких как, семантика, морфология, синтаксис и другие. Объект фразеологии так сложен и специфичен, что изучение его дает новые данные и этим объясняется актуальность данного исследования. Таким образом, нельзя не согласиться с мнением большинства исследователей фразеологии о том, что «фразеологическое значение — сложное явление, сложный знак или сложный феномен, который нельзя рассматривать как механическую сумму составляющих его компонентов» [2, 3].

Фразеология, по мнению большинства лингвистов, считается наиболее специфичной и национально-самобытной областью языка. Специфика ФЕ часто обусловлена экстралингвистическими факторами, которые, по словам выдающегося лингвиста А.В. Кунина, «консервируются в их образности» [3, с. 64]. Фразеологическая сокровищница содержит в себе не только богатство языкового фонда, а и культурно-исторические особенности каждого народа.

Благодаря фразеологическим единицам ученые изучают важные и интересные факты о носителях языка. Географические названия тоже являются

частью истории и культуры народа, поскольку они представляют собой реалии, которые отображают национальные особенности страны. Поэтому можно сказать, что фразеологические единицы с топонимическим компонентом несут в себе двойную ценность и дают представление о ментальности той или иной страны.

Фразеологические единицы с топонимическим компонентом способны раскрыть тайны и показать особенности всех сфер деятельности страны. Кроме того, они являются источником раскрытия исторических фактов и событий страны.

Методом сплошной выборки, дополненной источниками, содержащими пословицы и поговорки, было описано 235 фразеологических единиц, в составе которых находится топонимический компонент. Это было сделано с целью сохранения единства в подходе к выбору материала, с одной стороны, и отражения современных тенденций вхождения и усвоения языком новых фразеологических элементов, с другой.

Отношение английских фразеологических единиц-топонимов (235 единиц) к 20000 фразеологических единиц, зафиксированных в «Большом англо-русском фразеологическом словаре» составляет приблизительно 1,2 % [4].

Топонимы как особые единицы лексического состава языка

Наиболее обширную классификацию топонимики предлагает А.В. Суперанская, определяя данный класс ономастической лексики следующим образом: **топонимы** (греч. *τόπος* — место) — названия географических объектов [5]. По своему составу топонимы могут быть односоставными (например, *Кубань, Днепр*), словосочетаниями (*Ростов-на-Дону, Stratford-upon-Avon*), топонимными фразеоглоссами (*Воздвиженское, что в Игрицах*). По происхождению топонимы могут быть разделены на сложившиеся в процессе естественно-исторического развития (*Рим, Париж*) и созданные сознательно. Топонимы второго типа, как правило, обладают социально-исторической или идеологической коннотацией (*Петроград, Ленинград, Санкт-Петербург, Вашингтон, Пентагон*) [6, 7].

Несмотря на разнообразие и огромное количество географических объектов, все топонимы можно разделить на достаточно небольшое число групп [5].

Собственные имена, обозначающие названия гор, возвышений объединяются в разряд **оронимов**. Среди них специально выделяют **спелеонимы** — топонимы, именующие пещеры, гроты, различные подземные системы. В состав топонимии часто включают **дримонимы** названия лесных массивов и **фитонимы** — собственные имена отдельных растений.

Названия всех водных объектов собирательно именуются **гидронимами**. В акватории выделяют **пелагонимы** (названия морей), **лимнонимы** (названия озер), **гелонимы** (названия болот), **потамонимы** (названия рек).

Кроме природных географических объектов существует большая группа объектов, созданных или усовершенствованных человеком. или так или иначе связанных с его деятельностью. Сюда относятся **оиконимы** (названия

населенных пунктов), которые в свою очередь подразделяются на *астионимы* (названия городов) и *комонимы*, или *хоронимы* (названия сельских поселений). Названия улиц и других мелких объектов внутри населенных пунктов А.В. Суперанская называет *урбанонимами*. Обычно индивидуальные названия даются только тем зданиям и интерьерам, которые являются наиболее интересными с исторической или архитектурной точки зрения. Например, *Собор Парижской Богоматери*; *Пентагон* (здание министерства обороны США) [5].

Таким образом, топонимы представлены довольно разнообразными классами внутри ономастической лексики и имеют внутриклассовые разновидности.

Классификация английских фразеологических единиц по топонимному компоненту, входящему в их состав

Исходя из величины описываемых объектов, возможны два главных яруса топонимов. *Макротопонимы* — названия крупных природных или созданных человеком объектов и политico-административных объединений. *Микротопонимы* — индивидуализированные названия малых объектов, особенностей местного ландшафта.

Анализ материала показывает, что в состав фразеологических единиц в английском языке входят семь разновидностей топонимов: *космонимы* (названия внеземных объектов), *астионимы* (названия городов), *хоронимы* (названия больших географических, экономических и исторических областей), *оронимы* (названия гор, возвышений, ущелий, впадин и т. п.), *гидронимы* (названия всех водных объектов), *оиконимы* (названия домов и жилищ) и *урбанонимы* (названия улиц и других мелких объектов внутри населенных пунктов), которые далее подаются в порядке убывания.

Макротопонимы — названия крупных природных или созданных человеком объектов и политico-административных объединений (198 единиц, 84,3 % общей выборки). Среди них различают следующие подгруппы.

Подгруппа *хоронимы* (93 единицы (46,9 %) — наименования частей света, областей, стран, частей Великобритании и штатов (в США):

части света, например:

- (1) *East or West, home is best* — в гостях хорошо, а дома лучше’;
- (2) *The New World* Новый Свет (Америка);
- (3) *The Old World* Старый Свет (Европа, Азия, Африка).

страны представляют обширный спектр наименований, например:

(4) *The American Dream* ‘американская мечта’ (мечта американцев о демократии, равенстве и свободе, провозглашенных в Декларации независимости 1776 г.).

штаты в США. Топонимы данной подгруппы покрывают своей численностью все пятьдесят штатов США, например:

(5) *the Mother of States* ‘мать всех штатов’ (прозвище штата Виргиния) [Виргиния была первой заселена колонистами, позднее от нее отделились 8 штатов].

В данной подгруппе также зафиксированы ФЕ, в которых объединены несколько топонимов, например:

(6) *the New England of the West* ‘новая Англия Запада’ (прозвище штата Миннесота), где употребляются в единстве названия страны и части света.

части Великобритании, например:

(7) *the garden of England* — ‘сад Англии’ (прозвище южных районов Англии).

Кроме того, что фразеологические обороты с топонимическим компонентом поясняют реалии и описывают традиции и обычай определенных территорий и народностей, они еще и определяют территориальные особенности местности:

(8) *Scotch mist* — «туман», нечто неясное, надуманное. [В этом примере отображены особенности климатических условий Шотландии, присущих только ее территории].

области страны, графства Великобритании, например:

(9) *the Black Belt* ‘черный пояс’ (южные районы США, где преобладает негритянское население).

Подгруппа **астионимы** представлены 82 единицами (41,4 %):

города:

(10) *it bangs Banagher* — ‘это превосходит все, это невероятно, непостижимо’ (по названию города в Ирландии, ставшего символом «гнилого местечка»).

Из фразеологических единиц с топонимическим компонентом можно также узнать об особенностях какого-то места и его значимости в истории.

(11) *Meet one's Waterloo* — To experience a final and resounding defeat. — быть разгромленным, принять поражение (эта фраза происходит от проведенной битвы в 1815 году в Ватерлоо, когда Наполеон принял поражение от войск герцога Веллингтона. Этот фразеологизм быстро распространился, обозначая ситуацию, с которой трудно справиться).

С развитием общества развивается и язык, появляются новые фразеологизмы, отображающие общество. Примером может служить следующий фразеологизм с топонимическим компонентом:

(12) *Brummagem button* — фальшивая монета, подделка. (*Brummagem* пере-
делано *Birmingham*, где в XVII в. подделывали серебряные монеты в 4 пенса).

Особое место занимают фразеологические обороты с топонимическим компонентом, которые несут в себе традиции и обычай народа на соответствующей территории.

(13) *Take coals to Newcastle* — делать что-либо ненужное «возить уголь в Ньюкасл», т. е. возить что-л. туда, где этого и так достаточно (ср. ехать в Тулу со своим самоваром) [Ньюкасл — центр английской угольной промышленности].

городские районы, населенные пункты, деревни, например:

(14) *talk Billingsgate* ‘ругаться как базарная торговка’ (*Billingsgate* — название большого рыбного рынка в Лондоне);

(15) *a wiseman of Gotham* — ‘человек, делающий глупости’ (Готам — населенный пункт недалеко от Ноттингема).

Также фразеологические обороты с топонимическим компонентом находят свое отображение в особенностях материальной и профессиональной жизни населения соответствующих территорий. Ярко выражено классовое разделение районов Лондона.

(16) *The man / woman on the Clapham omnibus* — an imaginary person whose opinions and behaviour are thought to be typical of ordinary British people—средний британец, обычно из малообразованных слоёв общества; рядовой гражданин, человек из народа. [Впервые термин был введен в 1900 году. Жители Clapham (район Лондона), которые регулярно пользовались общественным транспортом, считались средним классом].

Подгруппа **гидронимы** (14 единиц (7,1 %)) — наименования рек (потамонимы), водопадов, океанов и морей (пелагонимы) и озер (лимнонимы).

потамонимы:

(17) *Father Thames* — прозвище реки Темзы.

водопады, например:

(18) *The City of the Falls* ‘город водопадов’ [г. Луисвиль расположен в штате Кентукки на реке Огайо, образующей около города ряд стремнин и водопадов].

пролив, например:

(19) *Hercules' Pillars* ‘Геркулесовы Столбы/Столпы’ (Гибралтарский пролив).

пелагонимы (названия морей и океанов) и **лимнонимы**: (названия озер):

(20) *Dead sea apple* — ‘красивый, но гнилой плод’, перен. ‘вводящий в обман’ (Мертвое море — бессточное озеро на Ближнем Востоке; согласно преданию, возле Содома, недалеко от Мертвого моря росли яблоки, которые превратились в дым и золу, когда к ним притронулись).

Следующую подгруппу составляют **оронимы** 5 единиц (2,5 %). В анализируемом материале этот класс топонимов представлен названиями ущелья и горы.

горы:

(21) *PileOssaonPelion* без надобности усложнять [в древнегреческом мифе рассказывается о попытке гигантов взобраться на небо, поставив гору Осса на гору Пелион].

ущелье: (22) *to pass the Thermopylae* — ‘встретить свои Фермопилы’, т. е. ‘погибнуть, отстаивая свои интересы’ (Фермопилы (Фермопильское ущелье) — горный проход к югу от Фессалийской равнины, соединяет северный и южный районы Греции; во время греко-персидских войн, в 480 до н. э., 300 спартанцев во главе с царем Леонидом стойко обороняли Фермопилы от персов и все погибли в неравном бою).

Последнюю подгруппу макротопонимов составляют **космонимы**, обнаруженные в количестве 4 единицы (2,1 %), например:

(23) *The Kingdom of God* ‘царствие небесное’.

Микротопонимы — индивидуализированные названия малых объектов, особенностей местного ландшафта (37 единиц, 15,7 % выборки) представлены двумя подгруппами:

урбанонимы. Количество обнаруженных единиц составляет 34 (91,9 % микротопонимов). Урбанонимы, могут обозначать названия улиц и другие мелкие объекты внутри населенных пунктов. В проанализированном материале этот класс топонимов представлен только наименованиями улиц, построек, зданий и домов:

(24) *Downing Street* английское правительство [на Даунинг-стрит в Лондоне помещается официальная резиденция премьер-министра и министерство иностранных дел].

Во фразеологических единицах с топонимами часто закодирована информация о поверьях, которые связаны с соответствующей территорией или ее жителями:

(25) *Queer street* — An imaginary street where people in difficulty live — [в затруднительном положении, в долгах. Эта фразеологическая единица появилась в XIX веке и основана на поверье, что бедняки проживают на улице с таким названием и означает «бедность»].

(26) *Black as Newgate's knocker* — If things are as black as Newgate's knocker, they are very bad. [Newgate — печально известная тюрьма в Англии, поэтому стук ее дверного молотка предвещал беду].

В исследованном материале найдена одна ФЕ с названием замка:

(27) *to kiss the Blarney stone* ‘быть льстецом’. В составе фразеологизма обнаруживается топоним Blarney, обозначающий название замка в Ирландии. Данный топоним передает страноведческую информацию, связанную с преданием о том, что каждый человек, поцеловавший камень, который находится в замке Бларни, получает дар листовой речи.

Ойконимы (названия домов и жилищ, строений) выявлены в количестве трех единиц (8,1 % от всех микротопонимов):

(28) *the White House* ‘Белый дом’ (правительство США).

Таким образом, в английском языке в состав фразеологизмов входит семь разновидностей топонимов (хоронимы, астионимы, урбанонимы, гидронимы, оронимы, космонимы и ойконимы). Фразеологический фонд топонимной лексики английского языка содержит четкие наименования объектов местности довольно большой территории планеты с четко фиксированными географическими координатами.

Проведенное исследование наглядно показывает, какая именно информация закодирована в некоторых фразеологизмах с топонимическим компонентом, выявлены национальные особенности языка.

Как показывает количественный анализ материала, наиболее многочисленными подгруппами макротопонимов в составе английских фразеологических единиц являются хоронимы, т. е. наименования частей света, областей, стран и административно-территориальные единицы Великобритании и США — 46,9 % и астионимы, т. е. названия городов — 41,4 %. Малочис-

ленными подгруппами представлены гидронимы (водные ресурсы), оронимы, т. е. наименования гор, возвышений, ущелий, впадин и космонимы, общая доля которых — 11,7 %. Микротопонимы представлены двумя подгруппами. Доминирующей подгруппой являются урбанонимы — 91,9 %. Единичными примерами представлена подгруппа ойконимов — 8,1 %.

Литература

- [1] Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 686 с.
- [2] Актуальные вопросы лексикологии и фразеологии: сб. науч. тр., посв. 90-летию со дня рождения В.Л. Архангельского / отв. ред. Д.А. Романов. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2005. 379 с.
- [3] Кунин А.В. Фразеология современного английского языка (опыт системного описания). М.: Международные отношения, 1996. 201 с.
- [4] Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20 000 фразеологических единиц / А.В. Кунин. 5-е изд., испр. М.: Живой язык, 1998. 944 с.
- [5] Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 368 с.
- [6] Беленькая В.Д. Топонимы в составе лексической системы языка. М.: Наука, 1969. 67 с.
- [7] Поспелов Е.М. Топонимика и историческая география. М.: Просвещение, 1976. 220 с.

The English Phraseological Units with Toponimic Component

Krasikova Marina Borisovna ✉ marina_krasikova@mail.ru

Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots

Tymchuk Elena Victorovna ✉ timchuk_elena@mail.ru

Kuban State Technological University

This publication deals with the study of English phraseological units with "toponym" component in its base, i. e. place-name. The article gives a brief analysis of interrelation of phraseological units with toponimic component of the English language and the native speakers' historical heritage, their role in the development of language and society is shown, their linguistic and cultural aspects which are represented by significant historical events and places are defined. The actuality of the present article is explained by insufficient study of separate groups of phraseological fund of the English language, in particular phraseological units with toponyms, the specific features of such phraseological units, as well as the special role and importance of phraseological units in speech. The article presents vivid examples of close relationship of some phraseological units with the historical past of this country, with its culture and life, geographic features, traditions and symbols, which form the basis of phraseological units with the topographic component.

Keywords: phraseology, phraseological unit, toponym

References

- [1] Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar / gl. red. V.N. Yartseva. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 686 s.
- [2] Aktualnyie voprosy leksikologii i frazeologii: Sbornik nauchnyih trudov, posvyaschennyiy 90-letiyu so dnya rozhdeniya V.L. Arhangelskogo / Otv. Red. D.A. Romanov. Tula: Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo, 2005. 379 s.
- [3] Kunin A.V. Frazeologiya sovremennoogo angliyskogo yazyika (opyit sistemnogo opisaniya). M.: Mezhdunarodnyie otnosheniya, 1996. 201 s.
- [4] Bolshoy anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar: Okolo 20 000 frazeologicheskikh ediniti / A.V. Kunin. 5-e izd., ispravl. M.: Zhivoy yazyik, 1998. 944 s.
- [5] Superanskaya A.B. Obschaya teoriya imeni sobstvennogo. M.: Nauka, 1973. 368 s.
- [6] Belenkaya V.D. Toponimyi v sostave leksicheskoy sistemy yazyika. M.: Nauka, 1969. 67 s.
- [7] Pospelov E.M. Toponimika i istoricheskaya geografiya. M.: Prosveshenie, 1976. 220 s.

Metaphorical Representation of Architectural Objects (On the Material of English and French Languages)

Makeeva Marina Nikolayevna ✉ marnikma@inbox.ru

Tambov State Technical University

Borodulina Natalia Yurievna ✉ nat-borodulina@Yandex.ru

Tambov State Technical University

By the example of anthropocentric, zoomorphic and natural-morphic metaphorical models, the active inclusion of metaphorical rethinking in the professional lexicon of architects is shown. Metaphorical models participate in the names and descriptions of the well-known architectural projects and structures. In this case, the producers of metaphors are either the architects themselves, or residents of the city, region or block of houses. The classification of associative areas involved in metaphorical modeling is given. Cultural-axiological, historical, gender components in the structure of the metaphorical model are analyzed, as well as examples of intertextual switching.

Keywords: professional lexicon, metaphor, representation, metaphorical modeling

The metaphor, the interest in which originated in ancient times, has experienced numerous research approaches over a long period. But it is cognitive linguistics, which emerged as an independent direction at the end of the 20th century, that deserves the merit to interpret the metaphor as a way of representing knowledge in a language, as well as an ideal model of the relationship between language and culture, to which a great number of domestic and foreign works are devoted [1–4]. The scientific novelty of this publication lies in the fact that the classification of metaphorical models used in the linguistic representation of objects from the field of ARCHITECTURE is

carried out on the basis of the English and French languages, both general and national-cultural characteristics of metaphorical nominations are revealed.

Next, we will present the areas of the sources of the associative series and their features, which served as the basis for transferring meaning to the ARCHITECTURE subject area.

Anthropocentric model

Anthropomorphism, anthropodimension, humanism have been inherent in architectural structures since Antiquity. In the Renaissance, a person comes out on top in the embodied creations of masters in the form of tips and hints when decorating facades, interiors, space and landscape. The architect Antoni Gaudí, who built the house La Casa Batlló in Barcelona, known as Casa de los huesos (House of bones / Maison des os), achieved a vivid metaphoricity with his creations at the beginning of the 19th century: «les balcons ressemblent à des fragments de crâne avec les ouvertures pour les yeux et le nez, les colonnes de la tribune du premier étage ont la forme d'os humains et de nombreux autres détails de la façade peuvent faire penser à un squelette» (the balconies look like fragments of a skull with the openings for the eyes and nose, the columns of the first floor gallery are shaped like human bones and many other details of the facade can make one think of a skeleton) [http://fr.barcelona.com/annuaire_barcelone/monuments_barcelone/casa_batllo].

An example of a modern architectural structure that received a metaphorical nomination is the Dancing House in Prague (Dancing house/ «maison dansante»). In the metaphorical representation of this structure, there is a combination of two conceptual areas that relate to creativity. This is architecture and dance, which is manifested in the use of lexical units from the field of dance in the verbal description of the building: “a stone tower represents dancer and a glass tower his female partner”; “a building that seems to be dancing on the quay” [<https://www.prague.com/blog/2019/08/30/dancing-house-prague/>]. The metaphor also has an intertextual inclusion, referring to the movie by Fellini, which recreated the fate of two popular Hollywood actors. The Dancing House Towers in Prague are associated, respectively, with Fred / “Fred” and Ginger / “Ginger”: “des pas de danse d'un célèbre couple de danseurs, Fred Astair (symbolisé par la tour de pierre) et sa partenaire Ginger Rogers (la tour de verre): une robe de danseuse en verre, plissée et qui s'accroche à un homme svelte portant un chapeau» (dance steps of a famous dancing couple, Fred Astair (symbolized by the stone tower) and his partner Ginger Rogers (the glass tower): a glass dancer's dress, pleated and which clings to a man slender wearing a hat) [<https://generationvoyage.fr/maison-dansante-frank-gehry-prague/>]. Intertextuality, in turn, leads to a gender component, demonstrating male and female images: “The diameter of the solid dominant male tower expands as it extends as it travels skyward”, “le yin féminin vienne équilibrer le yang masculin” (female yin balances male yang).

The cultural component of the metaphor is seen in the comparison of a house with an intoxicated person, which is not surprising for Prague, famous for its breweries and exclusive sorts of beer. In this regard, the comic name «Drunk Hous» /

«la maison saoule» was born. In the work of the architect Kazumasa Yamashita, a playful aesthetics manifested itself in the Face House / Maison-Visage design, with the help of which a human appearance blended into a dull street in the center of Kyoto. The architect used anthropomorphism in a functional aspect: “I tried to find a solution by employing a simple and economic box structure [reinforced concrete], adding small but effective and functional accessories to the facade’ sums it all up, though one is hard put to find anything functional in the ‘nose’, whose only ‘function’ is to let a Corbusian shaft of light into one of the children’s rooms. The main entrance, reached by an outside staircase, is at first-floor level, which is given over to bedrooms, bathrooms and a tatami room. Master bedroom (curiously without bathroom), living room and kitchen are on the top floor. The ground floor, consists of two self-contained studios (the client is a graphic designer), with direct access from the street through the ‘grinning mouth’ [<https://www.architectural-review.com/archive/face-house-in-kyoto-japan-by-kazumasa-yamashita>].

In a small commune in France, a house was built, which is known to residents as the “tower of the newlyweds”, la tour des jeunes mariés. The design embodied the architect’s idea to create inexpensive housing for young couples who create a family nest, something like a family hostel with a shared laundry room and a nursery on the ground floor. The idea turned out to be successful, and the metaphorical nomination took root and became recognizable in the city [https://www.lemonde.fr/archives/article/1981/12/07/la-tour-des-jeunes-maries_2724681_1819218.html].

Zoomorphic model

Zoometaphors have been involved in the categorization process for a long time, presenting characteristics that differentiate objects in accordance with the cultural and historical context of native speakers. Ancient architecture saw the ideal of perfection, beauty and harmony in understanding the interaction between man and the surrounding nature. Over the centuries, representatives of the animal world, who are always close to man, as well as mythological creatures as the fruit of man’s religious and fantasy inventions, invariably fell into this environment. In the famous works of Gaudí, the dragon is a recurring element. A possible explanation for the metaphorical rethinking is related to the historical fact, since the patron saint of Barcelona is Saint George, who defeated the dragon: «In the end, it is not so unexpected that dragons pop up in so many of Gaudí most famous works in Barcelona. Dragons are not only allegories for confronting evil in the Catholic religion he cherished, but also of casting out the invaders in the lore of his beloved Catalan culture. As previously mentioned (and explored in depth by the art critic Robert Hughes) Gaudí was mining the legends of St. George and Wilfred the Hairy, whose stories often bleed into each other» [<https://hyperallergic.com/442730/hunting-for-dragons-in-antoni-gaudis-barcelona-masterpieces/>]. To this day, the annual Feast of St. George alternates with images of dragons, roses and yellow emblems celebrating Catalan nationalism.

The world-renowned architect Tomi Ungerer acted as the project manager for the original kindergarten, choosing a metaphorical image of a beloved animal,

which has not only aesthetic, but also educational value. The architect justified his choice by the fact that a cat is a cunning and at the same time aware of this fact animal, which can inspire children to certain actions. The construction of the building is such that children get acquainted with the external and internal image of the cat: «les enfants entrent par la bouche du matou. La langue dépliée fait office de porte d'entrée et la gueule de hall. Les pattes sont des espaces dédiés au jeu. Le ventre du chat est constitué d'un vestiaire, de salles de classe, d'une cuisine, d'une salle à manger et d'un escalier...» (the children enter through the cat's mouth. The unfolded tongue acts as a front door and the mouth as a hall. The paws are spaces dedicated to play. The cat's belly is made up of a changing room, classrooms, a kitchen, a dining room and a staircase ...) [<https://www.milkmagazine.net/reportage-lecole-chat-allemagne>]. The metaphorical image attracts visitors, amuses and leaves nostalgic memories. The eccentric image is also created by the building La maison escargot de Sofia / The snail House of Sofia. This is one of the strangest structures in the world, for which round and light shapes were chosen as the material. The colors and details used by the architect are instructive: The Snail House's door, for instance, is painted to be the slug's mouth, requiring residents to be "swallowed alive" before entering. Simeonov also substituted a standard chimney with a big yellow bee on the snail's back. In addition to conducting smoke, the bee's horns double as both night lights and lightning arresters [<https://www.atlasobscura.com/places/snail-house-sofia>]. The house changed its purpose frequently, but today it seems empty. However, the most emblematic feature of the giant snail is its symbolic significance for the preservation of the planet: The Snail House is entirely built from lightweight and environmentally friendly materials, making it energy efficient.

Naturmorphic model

Ancient architects often used animalistic metaphors. The expression of new ideas was accompanied by an appeal to the clear and complete forms of the plant world, which helped to grasp the functional purpose of architectural elements, made it easier to "read" architecture based on comparing it with known and familiar phenomena. Modern architecture is replete with nominations of buildings, which are based on a plant (nature-morphic) metaphor. These are the famous Cornichon / The Gherkin tower in London, La maison vague in the French city of Reims, The Blue Planet / La Planète Bleue and Le Bella Sky Hotel in Copenhagen, the White tree / l'Arbre blanc in Montpellier. Based on the analysis of the verbal representation of the latter structure, it can be demonstrated that metaphors not only participate in the nomination of an architectural object, but the characteristics of a modern architectural structure, the connections between the interior and the surrounding space, and the building into a block are described in terms of the plant world: Cette tour imaginée par le japonais Sou Fujimoto trônera à l'entrée de la ville; c'est un véritable arbre de Noël qu'ont dessiné les agences Sou Fujimoto Architects (This tower designed by the Japanese Sou Fujimoto will take pride of place at the entrance to the city; Sou Fujimoto Architects agencies designed a real

Christmas tree) [<http://www.challenges.fr/actu-immo/20140305.CHA1140/cet-immeuble-fou-dont-va-heriter-montpellier.html>]; Japanese architect Sou Fujimoto designed plans for a tower block shaped like a pine cone with balconies sprouting outwards in all directions, as part of a series of “modern follies” underway in Montpellier, France; The building will feature a curved body reminiscent of a tree trunk, while the balconies of its 120 apartments are designed to fan outwards like leaves seeking sunlight [<https://www.designrulz.com/design/2015/01/the-white-tree-tower-by-sou-fujimoto-montpellier-france/>].

Thus, the conducted linguo-cognitive analysis of the metaphor of the subject area architecture confirms, first of all, one of the main postulates of the theory of metaphor: the mechanism of formation of metaphorical meaning is universal. Metaphorical modeling serves not only to nominate objects of architectural structures, but also reflects the entire spectrum of human cognition of the world around him, including aesthetic, creative, axiological, educational and cultural and historical characteristics of metaphorical representation, actively uses switching to other conceptual areas.

References

- [1] Boldyrev N.N. Metaforicheskaya interpretatsiya otnosheniy cheloveka s okruzhayushchim mirom [Metaphorical interpretation of human relations with the outside world] // Kognitivnyye issledovaniya yazyka. 2014. Iss. XVIII. Pp. 42–48. (Rus)
- [2] Simonenko M.A. Klyuchevyye metafory arkitekturnogo diskursa [Key metaphors of architectural discourse] Vestnik Kostromskogo gos. universiteta im. N.A. Nekrasova. Vol. 14. Kostroma, 2008. Pp. 137–140. (Rus)
- [3] Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 1980. 250 p.
- [4] Musolff A. Metaphor and conceptual evolution // Metaphorik.de. 2004. No. 7. Pp. 55–75.

УДК 81'374

Проектирование электронного лингвокультурологического словаря эпонимов английского языка

Малахов Александр Андреевич

✉ m2408sahon@mail.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Труфанова Наталья Олеговна

✉ ntroufanova@mail.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Работа посвящена исследованию явления эпонимии и лексикографическому отображению эпонимов английского языка. Актуальность исследования объясняется практическим значением исследования явления эпонимии, необходимостью функцио-

нальной классификации эпонимов, которые недостаточно исследованы с позиции лингвокультурологии как в отечественном, так и в зарубежном языкоznании. Различные по времени возникновения, структуре и значению группы эпонимов рассматриваются как объект лингвистического исследования и лексикографического описания. В ходе работы были выявлены этимологические категории ЭЕ на основе антропонимов, топонимов, номинаций религиозной сферы, мифологии и художественной литературы, а также наименований торговых марок. Выделены тематические группы эпонимов. На основе проведенного исследования разработана модель электронного словаря эпонимов английского языка на базе программы *LexiquePro*, описаны его макроструктура и микроструктура. Проектируемый электронный лингвокультурологический словарь является многофункциональным и предназначен для широкого круга пользователей. В нем реализуются справочная, переводная и систематизирующая функции.

Ключевые слова: эпонимы, эпонимия, электронная лексикография, лингвокультурология, микроструктура словаря, макроструктура словаря

Введение

Явление эпонимии представляет несомненный интерес с позиций самых разных областей знания. Эпонимы являются одним из распространенных способов обогащения лексического состава словаря любого языка. В лингвистике, несмотря на многочисленные исследования, посвященные статусу и функционированию эпонимов рамках определенной предметной области, все еще актуальной остается всестороннее исследование данного явления, а также комплексное лексикографическое описание эпонимических единиц.

Как известно, термин «эпоним» имеет два значения. Изначально данным термином обозначались наименования богов, героев или реальных людей, в честь которых получил свое имя какой-либо географический объект, ср. следующие словарные определения: «Эпоним (др.-греч. ἐπώνυμος — букв. давший имя, лат. heros eropimus) — божество, реальный или легендарный человек или герой, в честь которого получил свое имя какой-либо географический объект (город, река, гора, лунный кратер и т. д., напр. Пелей, сын Эака — эпоним горы Пелия, или Орхомен — эпоним одноименного города), народ, племя или временной промежуток (например, год)» [1].

С другой стороны, в лингвистических работах второй полвины XX — начала XI века данный термин начинает использоваться преимущественно по отношению к наименованию явления или объекта по имени человека, героя или божества, а само понятие «эпонимия» трактуется как именование вещей или явлений в честь реальных или мифических персонажей. Это находит выражение в следующих словарных определениях: «Эпоним — (эпи греч. ονυμα — имя) — 1. дающий чему-то свое имя; 2. название термина по имени исследователя, впервые описавшего соответствующее явление. Например, симптом Пирогова (метеопатия); 3. название термина по фамилии пациента, благодаря которому удалось обнаружить и изучить некое заболевание» [2]. Словари английского языка также отражают дихотомию значений термина

_eponym': — Eponym — 1) a person, real or imaginary, from whom something, as a tribe, nation, or place, takes or is said to take its name; 2) a word based on or derived from a person's name; 3) any ancient official whose name was used to designate his year of office] [3].

В данной работе под эпонимами понимается, прежде всего, образование новых лексических единиц на основе имен собственных. Цель предпринимаемого исследования — проектирование электронного словаря эпонимических единиц на основе их лексико-семантического анализа. Исходя из поставленной цели, были сформулированы следующие задачи: рассмотреть эпонимы как объект лингвистического исследования и лексикографического описания; выявить основные способы номинации на основе имен собственных; выделить основные тематические группы эпонимов; провести лексико-семантический анализ ЭЕ, выбранных в качестве заглавных единиц словаря; определить основные элементы макроструктуры и микроструктуры электронного словаря ЭЕ; разработать модель электронного словаря эпонимов на основе программы Lexique Pro. В работе используются метод сравнительно-этимологического анализа, метод лексико-семантического анализа, метод лингвокультурологического анализа и метод тезаурусного моделирования.

Эпонимы как объект лингвистического исследования и лексикографического описания

Проблеме эпонимии уделено большое внимание в контексте терминологических исследований в работах А.А. Реформатского, Д.С. Лотте, В.М. Лейчика, С.Д. Шелова, С.В. Гринева, В.П. Даниленко, Б.Н. Головина, В.А. Татаринова, А.В. Суперанской, К.Я. Авербуха и др. По мнению Д.С. Лотте, терминам-эпонимам характерно «положительное качество, заключающееся в том, что они не вызывают никаких сторонних представлений и, таким образом, приближаются к типу нейтральных терминов. Однако это качество их вместе тем и отрицательное, ибо в большинстве случаев они никаких представлений не вызывает вообще и не отражают связи данного понятия с другим» [4].

Во многих терминологических исследованиях анализируются словообразовательные механизмы, используемые для построения сложных слов на основе эпонимов, механизмы образования имен нарицательных от топонимической лексики, а также предпринимают попытки классифицировать данные языковые явления и процессы [5].

В целом ряде работ отмечается, что эпонимы используются для обозначения самых разнообразных понятий и характеризуются значительной неоднородностью с точки зрения базовых компонентов номинации. Так, например, в области социологии они включают в себя термины-эпонимы, производные от фамилий ученых, непосредственно сделавших научное открытие, создавших научную теорию, описавших то или иное явление, разработавших новую методологию или эксперимент (Guttman scale (шкала Гуттмана).

мана), Halevy Thesis (тезис Галеви); топонимов (Hawthorne Effect (Хоторнский эффект или эффект Готорна), по названию завода Hawthorne Works, где проводилось исследование); общекультурные и национальноспецифичные мифонимы (Mathew Effect (эффект Матфея), John Henry Effect (эффект Джона Генри)) [6].

Эпонимы составляют важнейшую часть терминологии многих сфер (медицина, математика, физика, геология, биология и др.) и формируют научный дискурс. Анализ лингвистических исследований в области эпонимии показал, что если несколько десятилетий назад исследования большей частью велись в формальном плане, то с развитием когнитивной лингвистики речь стала идти не только о структурной специфике термина-эпонима, в совокупности определяющей его значение, но и о влиянии ономастического компонента на значение терминологической единицы. Комплексное лексикографическое описание эпонимов должно опираться на лингвокультурологический анализ англоязычных эпонимов и включать в себя разноплановую информацию о происхождении и структурно-семантических особенностях лексики такого рода, что в совокупности дает возможность рассматривать эпонимы в качестве отражения национально-культурного компонента англоязычной картины мира.

Принципы отбора материала и состав словника

В качестве источника материала для отбора наиболее значимых с лингвокультурологической точки зрения англоязычных эпонимических единиц были использованы следующие интернет-ресурсы, содержащие списки эпонимов, упорядоченные по алфавиту:

- 1) WikiDictionary. List of Eponyms — словарь эпонимов, предоставленный свободной энциклопедией Wikipedia (https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_eponyms);
- 2) AlphaDictionary.com — список эпонимов учебного онлайн-словаря и ресурса для изучающих английский язык (https://www.alphadictionary.com/articles/eponyms/eponym_list_tu.html);
- 3) EnglishClub.com (https://www.englishclub.com/ref>List_of_Eponyms/) — список эпонимов крупнейшего онлайн-ресурса для изучающих английский язык;
- 4) The Association of British Scrabble Players (ABSP) — список эпонимов лексикографического интернет-ресурса для тех, кто играет в интеллектуальные игры (<https://www.absp.org.uk/words/nameseponyms.shtml>);
- 4) WikiBedia (<https://clck.ru/NvJpw>) — ресурс с подробным списком эпонимов, основанных на названиях торговых марок.

В корпус эпонимов, отобранных для анализа, вошли те лексические единицы, которые наиболее часто встречаются в указанных электронных ресурсах. Всего было рассмотрено порядка 150 эпонимов, 87 из которых вошли в состав электронного словаря, из них: 25 номинаций на основе антропонимов, 22 — на основе топонимов, 20 — на основе номинаций религиозной

сферах, мифологии и художественной литературы, 20 — на основе наименований торговых марок.

Основными способами вторичной номинации можно назвать субъектно-объектную метонимию (*The watt is the common name for a unit of electric power named after its developer, James Watt.*), а также образование словосочетаний и словосложение с эпонимическим компонентом в роли атрибутива (*The loganberry is named after a US lawyer, James Logan*). Наибольшая вариативность способов образования имен нарицательных наблюдается в категории номинаций на основе антропонимов.

Основными тематическими группами послужили: названия медицинских понятий (*Asperger syndrome, Down syndrome, Fallopian tubes*); названия блюд и напитков (*hamburger, sherry*); названия животных (*Chihuahua, turkey*); названия изобретений (*atlas, morphine*); оценочные наименования лиц (*nemesis, judas*); названия одежды (*Levis, Velcro*); названия единиц измерения (*Celsius, Fahrenheit, ohm*); названия спортивных терминов (*derby, lutz, axel*).

Структура словаря

По принципу следования словарных статей проектируемый словарь совмещает алфавитный (англо-русский, русско-английский), а также тематический (тезаурусно-иерархический) порядок следования словарных статей. Параметры электронной оболочки словаря представляют пользователю выбор в любой последовательности.

На данном этапе словарь включает в себя 87 словарных статей. Материал словаря упорядочен по алфавиту и четырем категориям: эпонимические единицы на основе антропонимов; топонимов; номинаций религиозной сферы, мифологии, художественной литературы; эпонимы основе наименований торговых марок. Для каждой лексической единицы есть возможность указать ее принадлежность к определенной тематической группе.

С точки зрения микроструктуры, словарная статья состоит из лексемы, дефиниции, семантического домена (категории), информации о называющем, примера употребления в предложении и зоны иллюстрации (визуализации), состоящей из двух изображений.

Функции программной оболочки словаря

Словарь позволяет быстро найти нужную ЭЕ, получить информацию как лингвистического (транскрипция, перевод, примеры употребления), так и энциклопедического характера (история возникновения наименования, иллюстрации). Функции программной оболочки обеспечивают выбор навигации по категориям, алфавиту, с возможностью в дальнейшем изменения направления перевода (англо-русский или русско-английский).

Оболочка электронного словаря LexiquePro является многофункциональной, удобной в использовании платформой для создания любого рода словарей. Для создания словаря не требуется никаких серьезных усилий и

познаний в области программирования. Имеется возможность подробной настройки элементов микро- и макроструктуры словаря.

Интерфейс LexiquePro позволяет спроектировать словарь, способный обеспечить наиболее полный объем разносторонней информации об эпонимической единице и отвечающий современным задачам оптимизации межкультурной коммуникации. Проектируемый словарь принадлежит к открытому типу, что предполагает возможность постоянного пополнения и доработки, обновления информации, корректировки. LPro можно использовать для редактирования существующего словаря или экспорта из печатного формата в цифровой (в частности, в формате html).

Заключение

Номинативные единицы, образованные на основе имен собственных, представляют собой значительный класс лексики английского языка. Как показал анализ лингвистических исследований, объектом которых становились эпонимы, имена собственные не только участвуют в создании национальной языковой картины мира, но и образуют совершенно разные ассоциации в разных языковых картинах мира (ср. *dahlia* и *георгина*). Применительно к области специальной лексики и языка профессионального общения можно говорить об историческом знании научных сообществ, аккумулированном в терминах-эпонимах, а также о его включенности в общечеловеческое знание.

Данное исследование, проведенное на материале английского языка, позволило выявить наиболее частотные тематические группы эпонимических единиц на основе антропонимов, топонимов, мифонимов и наименований торговых марок. Были проанализированы основные способы номинации эпонимов, среди которых самым распространенным является семантическая деривация (чаще всего, субъектно-объектная метонимия).

Разработана общая концепция словаря ЭЕ, реализованная с помощью электронной оболочки Lexique Pro, посредством которой создаваемым словарем можно эффективно пользоваться как составителям словаря, так и пользователям.

Проект электронного словаря лингвокультурологического типа призван в компьютерном формате объединить корпус ЭЕ английского языка, их переводные эквиваленты и лингвокультурологический комментарий об их происхождении, а также примеры употребления и две иллюстративные зоны, сопровождающие лексический материал. На основе лексико-семантического анализа ЭЕ, выбранных в качестве заглавных единиц словаря, были определены основные элементы макроструктуры и микроструктуры, разработана модель словаря эпонимов на базе электронной оболочки Lexique Pro.

Практическая значимость лексикографического проекта заключается в том, что создание электронного словаря позволило апробировать ряд универсальных принципов компьютерной лексикографии применительно к материалу, обладающему несомненной лингвокультурологической ценностью.

Инструментарий выбранной электронной оболочки позволяет представить и исследовать эпонимическую лексику как системно-структурное явление.

Проектируемый электронный лингвокультурологический словарь является многофункциональным, предназначен для широкого круга пользователей. В нем реализуются справочная, переводная и систематизирующая функции.

Литература

- [1] Рязанцев В.Д. Имена и названия: словарь эпонимов: имена собственные, перешедшие в названия; образование терминов и понятий; происхождение имен нарицательных; слова, употребляемые в переносном смысле. М.: Современник, 1998.
- [2] Большая энциклопедия по психиатрии. URL: <https://820.slovaronline.com/> (дата обращения 25.04.2020).
- [3] Блау М.Г. Судьба эпонимов. 300 историй происхождения слов: словарь-справочник. М.: ЭНАС, 2010. 272 с. (Русская речь).
- [4] Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики / под ред. И.И. Артоболевского, с вводной статьей составителя и редакторов Я.А. Климовицкого и С.И. Коршунова. М., 1961. 160 с.
- [5] Какзанова Е.М. Искусство памяти: термины-эпонимы. СПб.: Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2011. С. 192–197.
- [6] Майкова Т.А. Термины-эпонимы в составе англоязычной терминологической лексики предметной области «Социология» // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 2. С. 50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terminy-eponimy-v-sostave-angloyazychnoy terminologicheskoy leksiki-predmetnoy-oblasti-sotsiologiya/> (дата обращения 12.04.2020).

Designing an Electronic Linguo-Cultural Dictionary of English Eponyms

Malakhov Alexander Andreevich ✉ m2408sahon@mail.ru

Bauman Moscow State Technical University

Troufanova Natalia Olegovna ✉ ntroufanova@mail.ru

Bauman Moscow State Technical University

The paper is concerned with the phenomenon of eponymy and lexicographic representation of English eponyms. The relevance of the research is explained by the practical significance of studying the phenomenon of eponymy, the need for functional classification of eponyms that did not receive enough attention in Russian and foreign linguistics. In this paper, groups of eponyms that differ in time of origin, structure, and meaning are considered as objects of linguistic research and lexicographic description. Etymological categories of eponymous units were identified based on anthroponyms, toponyms, religious sphere nominations, mythology and fiction, as well as brand names. Different thematic groups of eponyms are highlighted. A model of an electronic dictionary of English eponyms based on the LexiquePro program was developed, and its macrostructure and microstruc-

ture are described. The developed electronic linguistic and cultural dictionary is multifunctional and intended for a wide range of users. The dictionary implements reference, translation, and systematization functions.

Keywords: eponyms, eponymy, electronic lexicography, cultural linguistic studies, dictionary microstructure, dictionary macrostructure

References

- [1] Ryazantsev V.D. Names and titles: Dictionary of eponyms: proper names that have passed into names; formation of terms and concepts; origin of common names; words used in a figurative sense. M.: Sovremennik, 1998.
- [2] The Great encyclopedia of psychiatry. Available at: <https://820.slovaronline.com/> (accessed April 25, 2020).
- [3] Blau M.G. The Fate of eponyms. 300 stories of the origin of words: slovarspravochnik. M.: ENAS, 2010. 272 p. (Russian speech).
- [4] Lotte D.S. Foundations of constructing scientific and technical terminology: theory Questions and methodology / ed. with introductory article by the compiler and editors Klimovicova J.A. and S.E. Korshunov. M., 1961. 160 p.
- [5] Casanova E.M. the Art of memory: the terms-eponyms. Saint Petersburg: society "Knowledge" of Saint Petersburg and the Leningrad region, 2011. Pp. 192–197.
- [6] Maikova T.A. Terms-eponyms in the English-language terminological vocabulary of the subject area "Sociology" // Herald People's friendship University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2017. No. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/terminy-eponimy-v-sostave-angloyazychnoyterminologicheskoy-leksiki-predmetnoy-oblasti-sotsiologiya/> (accessed April 25, 2020).

УДК 811

Концепт «интеллект» в англоязычной картине мира: лексикографическое отображение и корпусное исследование

Морозова Елизавета Вадимовна

✉ e.v.morozova@bmstu.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Труфанова Наталья Олеговна

✉ ntroufanova@mail.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Исследован концепт «интеллект» в англоязычной картине мира на основе онлайн-словарей и корпусов английского языка. С целью выявления ключевых составляющих концепта и построения распределения компонентов концепта проведено лексикографическое исследование. Для построения номинативного поля концепта «интеллект» и выявления наиболее частотных словосочетаний применены корпусные методы анализа данных. Полученные результаты могут быть использованы в обучении английскому языку студентов лингвистических специальностей.

Ключевые слова: интеллект, концепт, лексикографическое исследование, корпусное исследование

Введение

Целью статьи является анализ концепта «интеллект» и моделирование его структуры на материале электронных словарей и корпусов английского языка.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) рассмотреть понятие «концепт» в современной лингвистике;
- 2) на основе лексикографического анализа определить языковые средства объективизации концепта «интеллект»;
- 3) на основе корпусных данных установить дистрибуцию ядерных лексем репрезентантов концепта «интеллект»;
- 4) выявить наиболее частотные словосочетания ядерных лексем концепта с помощью контекстуального анализа в англоязычных корпусах.

Следует отметить, что понятие «концепт» является одним из ключевых в когнитивной лингвистике, изучением данного феномена занимались многие ученые. С точки зрения предпринимаемого исследования, можно выделить два основных подхода к изучению концептов: лингвокогнитивный подход и лингвокультурологический подход. При лингвокультурологическом подходе используется когнитивная теория социума, и концепт понимается как базовая единица культуры общества. Этого подхода придерживаются такие ученые, как С.Х. Ляпин, Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, Г.Г. Слышик, С.Г. Воркачев [1–5]. При лингвокогнитивном подходе «концепт» представляет собой «оперативные содержательные единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [8, с. 90–92]. Такой подход отражен в работах Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, З.Д. Поповой, И.А. Стернина [6–8]. Следует отметить, что лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы взаимосвязаны. Единственным различием между ними является то, что при лингвокогнитивном подходе задается вектор движения от индивидуального сознания к культуре, при лингвокультурном подходе — движение обратное: от культуры к индивидуальному сознанию.

Несмотря на близость и взаимосвязь лингвокультурологического и когнитивного подходов, для целей данного исследования наилучшим образом подходит семантико-когнитивный подход в трактовке З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые представляют собой «совокупность языковых средств, объективирующих концепт в определенный период развития общества» [8, с. 47].

Материалы

Материалом лексикографического исследования послужили шесть онлайн-платформ, которые поддерживают данные следующих онлайн-словарей английского языка:

- 1) Cambridge English Dictionary (CED). <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/>
- 2) Cambridge Essential British English (CEBE), <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/essential-british-english/>
- 3) Cambridge Learner's Dictionary (CLD), <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/learner-english/>
- 4) Cambridge Essential American English (CEAE).
<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/essential-american-english>
- 5) Collins English Online Dictionary (CEO) <https://www.collinsdictionary.com>
- 6) Longman Dictionary of Contemporary English Online (LDCEO)
www.ldoceonline.com
- 7) Macmillan Dictionary/Free English Dictionary and Thesaurus Online. (MDO) <https://www.macmillandictionary.com/>
- 8) Merriam Webster Dictionary (MWD) www.merriam-webster.com
- 9) Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD)
<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english>
- 10) Oxford Advanced American Dictionary (OAAD)
https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/

Исследование также проводилось на базе платформы Sketch Engine, поддерживающей Британский национальный корпус английского языка (British National Corpus, BNC) с базой данных около 96 миллионов слов и англоязычный корпус English Web 2015, включающий подкорпуса UK domain.uk и US domain.us с базами данных 830 и 214 миллионов токенов соответственно.

Результаты исследования

В рамках лексикографического исследования были выбраны ключевые репрезентанты концепта *intelligence* и *intelligent*. Построение номинативного поля осуществлено по принципу частотности появления того или иного репрезентанта концепта в словарях. При этом наиболее близкими к ядру будут те репрезентанты, которые встретились во всех словарях, предпочтительно в списке основных синонимов. Движение к периферии концепта происходит по мере уменьшения количества словарей, в которых упоминается слово. Лексикографический анализ субстантивных репрезентантов выявил следующие ядерные элементы: *intelligence*, *ability*, *intellect*. Распределение субстантивных репрезентантов концепта принимает вид, показанный на рис. 1.

Анализ адъективных репрезентантов выявил в качестве ядерных следующие прилагательные: *intelligent*, *smart*, *clever*, *brilliant*, *bright*. Распределение адъективных репрезентантов концепта приняло вид, показанный на рис. 2.

Лексикографический анализ концепта «интеллект» позволил выявить 271 входящих в него лексических единиц.

В рамках корпусного исследования с помощью электронного тезауруса подобраны синонимы и подобные слова для *intelligence/intelligent*. Слова отображены в порядке наибольшего сходства, которое определяется процентом использования слова в одинаковых словосочетаниях с исследуемыми

словами. Результат представлен в виде полевых диаграмм. При рассмотрении распределения субстантивных репрезентантов концепта, представленном на рис. 3, самым близким к ядру оказывается существительное *ability* (частота употребления — 10394).

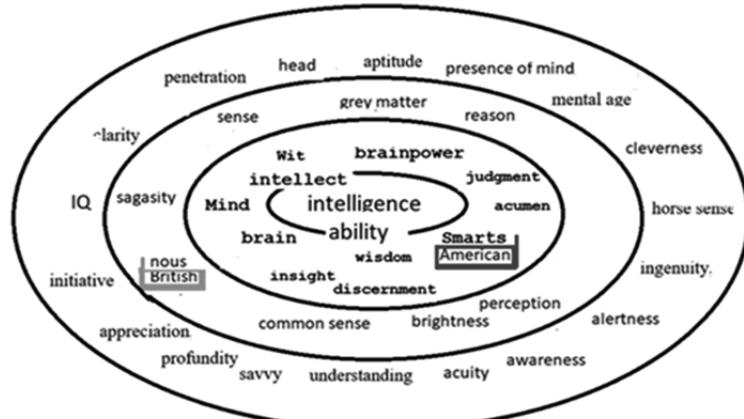

Рис. 1. Распределение субстантивных репрезентантов концепта INTELLIGENCE

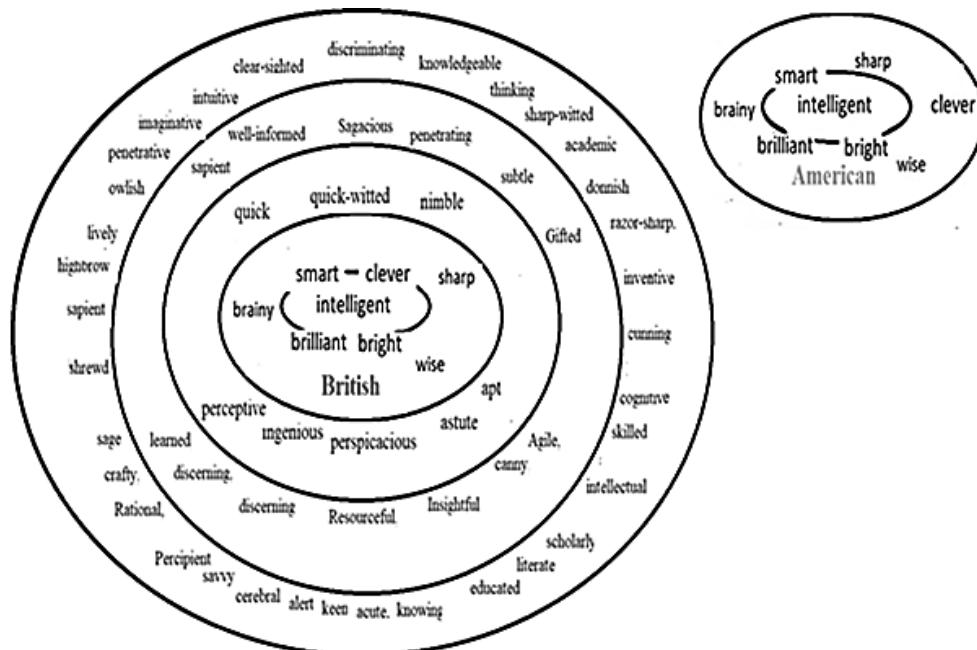

Рис. 2. Распределение адъективных репрезентантов концепта INTELLIGENCE

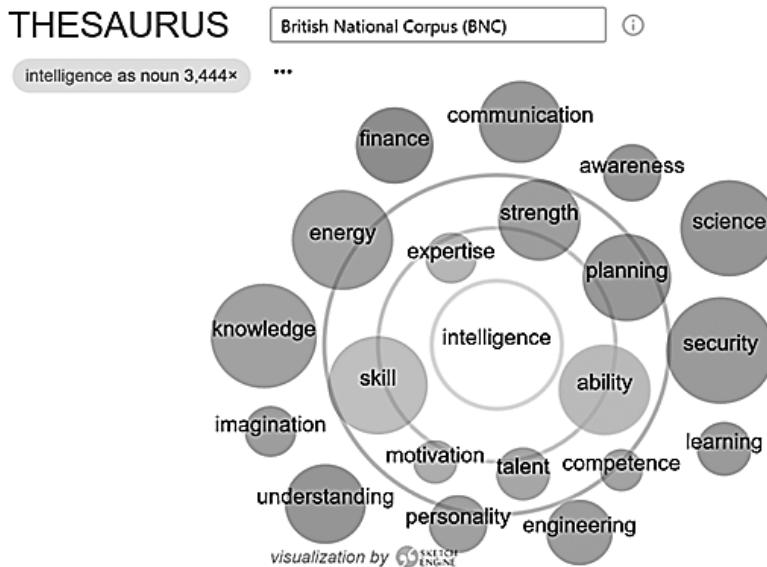

Рис. 3. Распределение субстантивных репрезентантов концепта INTELLIGENCE в BNC

Присутствие существительного *security* в числе репрезентантов объясняется вторым значение *intelligence* — «разведка». Существительное *finance* формально попало в концепт вследствие того, что *finance* и *intelligence* имеют высокую взаимозаменяемость с общеупотребимыми глаголами, такими как *be* и *have*. На практике же такое включение слова *finance* в концепт «*intelligence*» является ошибочным. Многие лексические единицы, находящиеся на периферии, такие как *knowledge*, *energy*, *personality*, *understanding*, *science*, имеют высокую степень взаимозаменяемости в словосочетаниях типа *intelligence and/or**.

При рассмотрении распределения адъективных репрезентантов концепта INTELLIGENCE, представленного на рис. 4, самым близким к ядру оказывается прилагательное *clever*.

Анализ концепта INTELLIGENCE с помощью инструмента Word Sketch в BNC, а также в English Web 2015, в британском подкорпусе UK domain.uk и в американском подкорпусе US domain.us позволил выявить наиболее частотные словосочетания. Наиболее частотным словосочетанием является словосочетание *artificial intelligence* (частотность 163 в BNC, 1027 в UK domain.uk и 331 в US domain.us). Можно сделать вывод, что проблема создания искусственного интеллекта является актуальной в современном обществе. В BNC и UK domain.uk достаточно частотными являются словосочетания *human intelligence* (частотность 22 в BNC, 166 в UK domain.uk) *machine intelligence* (частотность 15 в BNC, 84 в UK domain.uk). Также выявлены раз-

личия в BNC и подкорпусах English Web 2015. Так, в UK domain.uk и US domain.us выявлены словосочетания, необнаруженные в BNC, обозначающие различные разновидности интеллекта, такие как *emotional intelligence* (частотность 613 в UK domain.uk и 87 в US domain.us), *multiple intelligence* (частотность 76 в UK domain.uk), *fluid intelligence* (частотность 48 в UK domain.uk), *ambient intelligence* (частотность 44 в UK domain.uk). Это можно связать со временем появления этих теорий и их популяризации в обществе. Важным фактором является то, что BNC является образцом британского языка 1990-х годов прошлого столетия, а UK domain.uk и US domain.us относятся к более современным, динамично пополняемым подкорпусам.

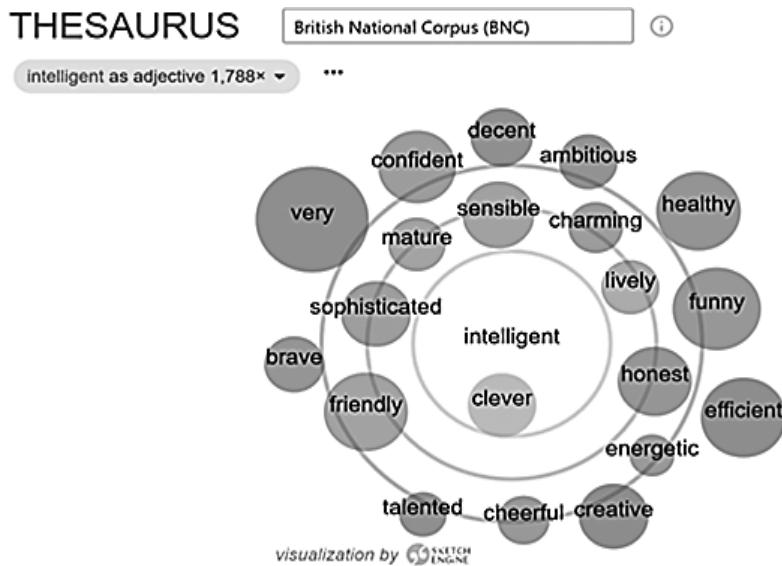

Рис. 4. Распределение адъективных репрезентантов концепта INTELLIGENCE

Сравнение употребления *clever*, *smart*, *intelligence* в корпусах BNC, UK domain.uk и US domain.us выявил значительное уменьшение частотности употребления *clever* не только в US domain.us, но и domain.uk по сравнению с BNC. Наблюдается тенденция значительного увеличения употребления прилагательного *smart* в UK domain.uk и US domain.us. Это можно связать с появлением новых устройств и технологий. Так, например, наиболее частотным сочетанием в UK domain.uk и US domain.us является словосочетание *smartphone*(частотность 2299 в UK domain.uk и 939 US domain.us). Корпусный анализ показал, что прилагательное *intelligent* имеет большую сочетаемость с разными существительными. Прилагательное *intelligent* может сочетаться как с людьми, так и с животными. Кроме этого, допустимо сочетание с частями тела, такими как лицо и глаза. Вопрос, разговор, поведе-

ние, жизнь, устройство, система, анализ также сочетаются с этим прилагательным. В современном корпусе English Web 2015 в подкорпусах UK domain.uk и US domain.us наиболее частотными словосочетаниями оказались *intelligentsystem* (частотность 486 в UK domain.uk) и *intelligentdesign* (частотность 342 в UK domain.uk и 127 US domain.us).

Заключение

Сравнение результатов корпусного и лексикографического анализа выявило как сходства, так и расхождения в распределении репрезентантов концептов. Так, для репрезентации концепта INTELLIGENCE при обоих подходах наиболее характерным является существительное *ability*. Существительное *intellect*, являясь ядерным элементом в лексикографическом исследовании, не присутствует не только в ядерной зоне концепта, но и на периферии при построении номинативного поля при корпусном анализе. Аналогичный анализ для адъективных репрезентантов в BNC выявил такие же закономерности. Свою близость к ядру сохранило только прилагательное *clever*, остальные ядерные элементы не обнаружены даже на периферии концепта при корпусном исследовании. Различия в наборе и распределении репрезентантов концепта при лексикографическом и корпусном исследовании обусловлены разными подходами в определении синонимии. При лексикографическом исследовании синонимию определяет близость значений. При корпусном исследовании действует принцип взаимозаменяемости в словосочетаниях. Такой принцип может приводить к ошибочным результатам, противоречащим самому понятию синонимии, так как корпусные системы не способны автоматически дифференцировать разные значения слов. С другой стороны, корпусное исследование раскрыло современные тенденции в изменении содержания концепта INTELLIGENCE в англоязычной картине мира. Очевидным является тот факт, что изучение таких сложных и многослойных концептов требует комплексного подхода, с применением инструментов современной электронной лексикографии и корпусной лингвистики.

Литература

- [1] Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 1. Архангельск, 1977. С. 11–35.
- [2] Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е. изд., испр. и доп. М.: Академ. проект, 2004.
- [3] Карасик В.И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. 195 с.
- [4] Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: моногр. Волгоград: Перемена, 2004.
- [5] Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М: Гнозис, 2004.
- [6] Кубрякова Е.С. Концептуализация // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

- [7] Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сб. ст. в честь академика Н.Ю. Шведовой / отв. ред. М.В. Ляпон. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2007. С. 606–622.
- [8] Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: ACT; Восток-Запад, 2007.

The Concept of “Intelligence” in the English Language: Lexicographic and Corpus Study

Morozova Elizaveta Vadimovna e.v.morozova@bmstu.ru

Bauman Moscow State Technical University

Troufanova Natalia Olegovna ntroufanova@mail.ru

Bauman Moscow State Technical University

This paper studies the concept of “intelligence” in the English language based on online dictionaries and English corpora. Lexicographic study is carried out to identify the key words of the concept and to build the distribution of the concept’s components. Componential analysis of nuclear synonyms is performed. Corpus study is conducted to build the semantic fields for “intelligence” and “intelligent” and to identify the most frequent phrases. The obtained results can be used in teaching English to students of linguistic specialties.

Keywords: intelligence, concept, lexicographic study, corpus study

References

- [1] Vorkachev S.G. Schaste kak lingvokulturnyj concept. M, 2004.
- [2] Demyankov V.Z Termin «concept» kak element terminologicheskoy-kultury// Yazyk kak materiya smysla. Sbornik statej v chest akademika N.U. Shvedovoj / Otv M.V. Lyapon M.: Izdatelskij centr «Azbukovnik» 2007. (RAN: institute russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. s. 606–622.
- [3] Kubryakova E.S. Konceptualizaciya // Kratkij slovar kognitivnyh terminov. M., 1996.
- [4] Karasik V.I. Yazykovaya lichnost: aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki: sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena,1999.
- [5] Lyapin S.H. Konzeptologiya: k stanovleniyu podhoda// Koncepty. Nauchnye trudy Centrokoncepta. Vyp.1. Arhangelsk. 1977. S. 11–35.
- [6] Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika. Moskva AST: «Vostok-Zapad» 2007
- [7] Stepanov U. S. Konstanty: slovar russkoj kultury. 3-e. izd., ispr I dop.-M: Akadem. Proekt, 2004.
- [8] Slyshkin G.G. Lingvokulturnye koncepty I metakoncepty: monogr. Volgograd: Peremena, 2004.

УДК 81276

Особенности употребления фразеологических единиц в латиноамериканских вариантах испанского языка

Никитина Мария Сергеевна mariasergnik@gmail.com

Московский институт имени И.В. Сталина

Автор анализирует влияние национально-культурной специфики и этнических ценностей на использование фразеологических единиц в речи латиноамериканцев. Цель статьи — определить национально-культурные особенности и ценностные представления аргентинцев, перуанцев и венесуэльцев и продемонстрировать их влияние на употребление фразеологизмов в коммуникативном акте в национальных вариантах испанского языка.

Ключевые слова: фразеологическая единица, ценность, аргентинцы, перуанцы, венесуэльцы, национальные варианты, традиции, культура, гастрономия

Знание употребления речевых форм является одним из важных и необходимых факторов для успешного участия в межкультурной коммуникации. Речевые формулы отражают миропонимание, традиции, реалии, религию, социальные и экономические условия жизни, а также ценности народов, говорящих на том или ином языке. При этом особенности межкультурной языковой коммуникации наиболее наглядно проявляются на лексическом уровне. Поскольку на испанском языке говорят различные этносы, для него характерна широкая и насыщенная вариативность.

Согласно наблюдениям таких выдающихся лингвистов, как В.С. Виноградов, Н.Н. Курчаткина, А.В. Супрун, Н.М. Фирсова и др., испанский язык имеет очень богатый лексический фонд, в частности фразеологических единиц, маркированных национально-культурной спецификой. Так, по мнению, отечественной испанистики Н.М. Фирсовой, «национально-культурная специфика фразеологических единиц в испанском языке, насчитывающем многочисленные национальные варианты, ярче всего проявляется при сопоставлении не только с другими языками, но и при сравнении разных национальных вариантов испанского языка» [1].

Известно, что на сегодняшний день в мире насчитывается 20 национальных вариантов испанского языка, однако проблема, касающаяся национально-культурной специфики испаноязычных народов в странах Латинской Америки, по-прежнему крайне мало изучена в рамках испанистики. В связи с этим цель нашего исследования — продемонстрировать, как национально-культурные особенности и ценностные представления латиноамериканцев, в частности аргентинцев, перуанцев и венесуэльцев, влияют на использование в речи фразеологизмов. К одним из наиболее явных средств выражения отличительных особенностей национальных культур, этнических ценностей и

мировидения испаноговорящих этносов относятся фразеологические единицы, включающие в свой состав компонент, связанный с гастрономией и кулинарными традициями.

Для начала обратимся к аргентинскому варианту испанского языка. По своему национальному характеру аргентинцы вежливы, доброжелательны и непосредственны. Жители Аргентины совершенно не беспокоятся о времени, что является одной из главных национальных черт данного народа. В Аргентине принято жить сегодняшним днем, а понятие будущего считается отдаленным и неопределенным [2], о чем свидетельствуют соответствующая поговорка: “Es pan para hoy y hambre para mañana” (На сегодня есть хлеб, а на завтра — голод) [3]. Когда говорящий произносит данную фразу, он подразумевает, что для него важно только то, что происходит в данный момент. Использование данной фразеологической единицы продиктовано ценностью «гастрономии», поскольку аргентинцы всегда отличались своей любовью к вкусной еде, в частности к мучным изделиям и хлебу.

Что касается перуанского варианта испанского языка, у перуанцев есть популярная пословица “bueno es culantro, pero no tanto” (хорош как посевной кориандр, но не настолько), смысл которой заключается в том, что чрезмерность не всегда бывает хороша, в данном случае проводится аналогия с кориандром. Какой бы сладостной и приятной не была трава, как кориандр, блюдо может стать плохим и невкусным, если её использовать слишком много. Во всём нужна умеренность — такой посыл несёт данная поговорка [4]. Таким образом, ценностные представления перуанцев о значимости этнических кулинарных традиций и соблюдении социальных норм и обычаях детерминируют употребление данного фразеологизма в речи.

Теперь рассмотрим венесуэльский вариант испанского языка. Так, фразеологизм “Al que asa dos conejos, uno se le quema” (Когда жаришь двух кроликов, один сгорит) является аналогом русской поговорки «за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймешь». Использование в речи данного выражения продиктовано ценностью кулинарной традиции и означает, что невозможно сконцентрироваться на двух проектах сразу и сделать их одинаково хорошо. Когда один собеседник говорит эту фразу другому, он пытается его предупредить о его неспособности браться одновременно за два дела. Данное обращение основано на допущении, что для обоих участников акта коммуникации характерны схожие ценности [5].

Анализируя приведённые выше примеры, можно сделать вывод, что такие этнические ценности как гастрономия и кулинарные традиции объединяют аргентинцев, перуанцев и венесуэльцев и являются одними из ключевых и важнейших для данных народов, что проявляется в их речи, детерминирует речевое поведение говорящих в ходе коммуникативного акта и объясняет происхождение рассмотренных нами фразеологических единиц. Они активно употребляются в письменной и устной речи, из чего можно заключить, что, национально-культурные особенности и ценностные представления определяют использование данных выражений в ходе коммуникации и

непосредственным образом оказывают влияние на их использование в национальных вариантах испанского языка.

Литература

- [1] Фирсова Н.М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 259 с.
- [2] Национальная психология и поведение аргентинцев. E-psy — 2016. URL: <http://e-psych.narod.ru/html/psychology.html> (дата обращения 22.02.2016).
- [3] Proverbios argentinos [Электронный ресурс]. Wikiquote.org — 2018. URL: https://es.wikiquote.org/wiki/Proverbios_argentinos (дата доступа 10.03.2018).
- [4] Significado de Bueno es el cilantro pero no tanto. Significados — 2017. URL: <https://www.significados.com/bueno-es-el-cilantro-pero-no-tanto/> (дата обращения 05.01.2017).
- [5] 15 frases culinarias que los venezolanos siempre tenemos que explicar a los de fuera. Matadornetwork — 2016. URL: <https://matadornetwork.com/es/frases-culinarias-que-los-venezolanos-siempre-tenemos-que-explicar/> (дата обращения 22.02.2020).

The Quality of Using Phraseological Units in Latin American Variants of Spanish Language

Nikitina Maria Sergeevna

✉ mariasergnik@gmail.com

Moscow Institute of Steel and Alloys State Technological University

The author analyzes the influence of the cultural identity and ethnic values on the use of phraseological units in Latin Americans' speech. The purpose of the article is to identify the cultural identity and valuable submissions of Argentines, Peruvians and Venezuelans and to demonstrate their influence on using of phraseological units in a communicative process in the national variants of Spanish language.

Keywords: phraseological unit, value, Argentines, Peruvians, Venezuelans, national variants, traditions, culture, gastronomy, Spanish language

References

- [1] Nacional'naja psihologija i povedenie argentinev Available at: E-psy — 2016. Rezhim dostupa: <http://e-psych.narod.ru/html/psychology.html>(accessed: 22.02.2016).
- [2] Firsova N.M. Sovremennyi ispanskii yazyk v Ispanii i stranakh Latinskoi Ameriki [Modern Spanish language in Spain and Latin America]. Moscow, AST: Vostok — West, 2007. P. 259.
- [3] 15 frases culinarias que los venezolanos siempre tenemos que explicar a los de fuera. Available at: <https://matadornetwork.com/es/frases-culinarias-que-los-venezolanos-siempre-tenemos-que-explicar/>
- [4] Proverbios argentinos. Available at: https://es.wikiquote.org/wiki/Proverbios_argentinos(accessed: 10.03.18).
- [5] Significado de Bueno es el cilantro pero no tanto. Available at: <https://www.significados.com/bueno-es-el-cilantro-pero-no-tanto/> (accessed 05.01.2017).

УДК 372.881.161.1

Авторизация как формальное и семантическое усложнение простого предложения

Субботкина Ирина Александровна I_soubbotkina@mail.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Рассмотрены структурно и семантически осложнённые простые предложения, в которых говорящий комментирует собственное высказывание или точку зрения другого лица, оценивает достоверность информации, указывает на источник знания или суждения. Одним из способов обозначить источник суждения и указать на его субъективный или общепринятый характер является авторизация. Автор подчёркивает, что владение этими языковыми средствами облегчает адресату понимание точки зрения говорящего.

Ключевые слова: авторизация, семантическое и формальное усложнение базовой модели, синтаксическая трансформация, синтаксическая синонимия, глагольное управление, мета-аспект модуса, модальные и экспрессивно-оценочные слова

В учебниках русского языка для иностранцев изучение глаголов основано в первую очередь на принципе глагольного управления [1]. Семантическое устройство предложения, внутренние связи между его компонентами, а также особенности функционирования глагола в определённом типе текста обычно остаются за рамками учебных задач, что является методически обоснованным на начальных этапах освоения языка. Но это не отменяет задачи более глубокого понимания таких предложений как учащимися на более высоком уровне изучения языка, так и теми, кто язык преподает.

Принцип глагольного управления с его набором валентностей можно сравнить с проекцией на плоскость, с чертежом. При этом валентность может быть заполнена морфологически тождественными формами, которые не являются тождественными как компоненты модели. Сравните такие разные по смыслу словосочетания: считать людей парами и считать людей соратниками; считать деньги пальцами и считать деньги предметом корысти и стяжания; считать чемоданы глазами и считать чемоданы ненужной роскошью; дразнить собаку палкой и дразнить девочку плакой; разглядеть значки в тексте и разглядеть недостатки в тексте.

Говорящий комментирует собственное высказывание, указывает на источник знания, суждения, оценивает достоверность информации, используя специальные языковые средства. Известно, что семантическую основу предложения образуют два взаимообусловленных и взаимно дополняющих друг друга субъектно-предикатных комплекса [2]. Одним из способов обозначить источник знания, лежащий в основе сообщения, является авторизация [3]. В авторизованном высказывании авторизующий компонент взаимодействует с

базовой моделью предложения. Результатом этого взаимодействия является формальное и семантическое усложнение предложения.

Рассмотрим формальное усложнение базовой модели на следующих примерах.

Апофис — это наиболее опасный для земной цивилизации на данный момент астероид. Вероятность столкновения астероида Апофис с Землёй ничтожно мала. Пояс астероидов — это куски несформировавшейся планеты.

Мы видим, что эти утверждения не являются абсолютно достоверными и вызывают естественный вопрос, кто так считает, чья это точка зрения. Авторизующая часть может быть представлена именным компонентом (для астрономов), вводным словом или словосочетанием (согласно оценкам астрономов, по мнению астрономов, с точки зрения астрономов), вводным предложением (как считают / полагают / предполагают астрономы), главной частью сложного изъяснительного предложения (астрономы считают, что, у астрономов считается, что). Отметим, что во всех этих случаях авторизуемая часть остаётся без изменений. Но возможно также взаимодействие двух компонентов рамочным способом, когда авторизующий компонент остаётся без изменений и включает в себя авторизуемую часть, вызывая в ней некоторые грамматические изменения (этот астероид считается опасным; астрономы считают вероятность ничтожно малой; пояс астероидов принято считать кусками несформировавшейся планеты). Именно такие предложения мы называем осложненными предложениями авторизующего типа (ОПАТ).

Глагол — показатель авторизации выступает, таким образом, в соотносительных, но по-разному оформленных структурах: кто считает что чем — кто считает, что — считается — как считается — считается, что — что считается чем. Возможность синтаксической трансформации ОПАТ в сложное изъяснительное предложение (и наоборот) является яркой синтаксической особенностью этого типа предложений. Тождество между членами парадигмы создаёт синтаксическую синонимию моделей, которая наглядно демонстрирует полипредикативность простого предложения, осложнённого авторизующим компонентом.

Семантическое усложнение заключается в том, что в этих предложениях два субъектных компонента сопряжены соответственно с двумя предикатами. Интеллектуальное действие относится к одному субъекту (авторизатору), а предикативный признак — к субъекту-носителю этого признака. Наиболее заметно для наблюдателя это усложнение происходит в диалоге, когда один говорящий сообщает какую-то информацию, а другой включает чужое сообщение в ответную реплику, используя средства авторизации.

Рассмотрим хорошо известный разговор между профессором Преображенским и Шариковым из повести М. Булгакова *Собачье сердце*. Профессор спрашивает: Итак, что говорит этот ваш прелестный домком? Шариков отвечает: Что ж ему говорить... Да вы напрасно его прелестным ругаете. Он интересы защищает. Здесь говорящий (Шариков) включает в своё высказывания

ние чужое слово из только что произнесённой реплики (домком прелестный), с помощью авторизующего глагола (ругать) придаёт ему форму мнения, принадлежащего адресату (вы ругаете, то есть считаете домком прелестным) и одновременно выражает своё несогласие с этим суждением (напрасно) и понимание, что это суждение негативно (ругаете).

В ОПАТ грамматические изменения представлены рядом конструкций:

- 1) что/кого считают, называют, признают чем/кем/каким;
- 2) что/кого считают, принимают, признают за что/за кого;
- 3) в чём/в ком видят, усматривают, признают что/кого;
- 4) о чём/ о ком думают, говорят, пишут как о чём / о ком;
- 5) что/кого оценивают, характеризуют, рассматривают как что/кого; в качестве чего/кого.

Отметим, что в 1, 2 и 3 группах первый компонент именной модели (субъект оценки, квалификации) отличается по форме от второго (предиката оценки, квалификации), а в 4 и 5 группах оба компонента совпадают по форме, будучи соединены показателями связи как и в качестве. Второй субъектно- предикатный план как бы монтируется с помощью «универсального болта». Думается, неслучайно в нашей официально-деловой среде, недостаточно тонко чувствующей норму книжной речи, зато хорошо воспринимающей тенденцию к её упрощению, унификации часто встречаются такие высказывания: Я его считал в качестве союзника; Мы его называли как победителя; Его объявили в качестве представителя.

Субъект-говорящий (S1) и субъект-авторизатор (S2)совпадают в сообщении от первого лица (S1 = S2) и расходятся, сосуществуя(S1 + S2), в остальных случаях [4]. На расхождение двух субъектных сфер указывает не только форма лица, где первое лицо противопоставлено остальным формам лица, но и языковые средства метааспекта модуса. Речь идёт о модальных и экспрессивно-оценочных вводных словах, наречиях и частицах, которые обращены к собственно речевой деятельности автора текста и на него же ориентированы. Так если в сообщение Учёные провозгласили музыку универсальным языком человечества мы добавим слова напрасно, почему-то, по справедливости, небезосновательно, вероятно и т. д., то мы узнаем, как говорящий относится к выраженной здесь точке зрения.

Если функция авторизации состоит в введении чужого текста в авторский, и это введение по закону языка должно быть оформлено, то какую же роль играет авторизованное представление собственного суждения? Авторизация в данном случае является эксплицитным выражением метатекста. Автор утверждает достоверность своего суждения (я считаю, что S-P) или его некатегоричность, предположительность (мне кажется, что S-P). Комментируя собственное суждение, говорящий облегчает слушающему понимание своей точки зрения. Оценка собственного суждения как неистинного противоречит норме оформления речевого акта, которому соответствует пресуппозиция: то, что я говорю здесь и сейчас, я считаю истинным. Сравните невоз-

можность следующих высказываний: я ошибочно / напрасно / почему-то / несправедливо / видимо / вероятно считаю, что S-P. Однако это же суждение, отнесённое в прошлое, вполне логично, так как говорящий в настоящий момент утверждает, что его мнение было ошибочным.

При изучении неродного языка, при порождении речи на изучаемом языке недостаточно знать одно только глагольное управление, но необходимо также уметь выбирать нужное лексическое средство и синтаксическую конструкцию. А для понимания структурно и семантически осложнённого предложения необходимо умение увидеть в нем базовые модели, из которых оно состоит. Приведу один пример. Преподаватель русского языка не знает, как объяснить студентам-иностранным, почему в предложении «Люди используют СМИ не только, чтобы получать информацию, но даже чтобы участвовать самим в обмене информацией» местоимение «сам» употребляется в форме дательного падежа. В лучшем случае такой преподаватель задумается и попытается разобраться в устройстве таких предложений. К сожалению, часто случается так, что он отмахивается от этой сложности и даёт объяснение исходя из так называемого языкового чутья. Таким образом, проблема семантического устройства предложения актуальна не только для изучающего язык, но и для преподавателей русского языка, наших коллег, которых синтаксически и семантически сложные фразы порой ставят в тупик.

Литература

- [1] Апресян Ю.Д. Об интегральном словаре русского языка // Семиотика и информатика. 1991. Вып. 32. С. 177–202.
- [2] Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955.
- [3] Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
- [4] Онипенко Н.К. Идея субъектной перспективы в русской грамматике // Русистика сегодня. 1994. № 3. С. 74–83.

Authorization as a Formal and Semantic Extension of a Simple Sentence

Subbotkina Irina Aleksandrovna ✉ I_soubotkina@mail.ru

Bauman Moscow State Technical University

The subject of this article is the analysis of structurally and semantically extended simple sentences in which the speakers comment their own statement or somebody else's point of view, evaluate the authenticity of the information or describe the source of the knowledge or of the opinion. Authorization is one of the methods used to describe the source of the opinion and to point out its subjective nature or its being commonly acceptable. The author emphasizes the usage of these language tools enables the addressee to understand the speaker's point of view.

Keywords: authorization, basic model of a sentence, basic model semantic and formal extension, syntactical transformation, syntactical synonymy, verbal control, meta-aspect of mode, modal and expressive words

References

- [1] Apresian Y.D. About the integral dictionary of the Russian language. In the book Semiotics and Informatics, volume 32, 1991.
- [2] Bally Ch. General linguistics and questions of the French language, Moscow, 1955
- [3] Zolotova G.A. Communicative aspects of Russian syntax. Moscow, Nauka publishing house, 1982.
- [4] Onipenko N.K. The idea of subject perspective in Russian grammar. Russian studies today, No. 3, 1994.

УДК 811.112.2

Устойчивые сочетания слов с цветокомпонентом gelb в идиоматической картине мира немецкого языка

Сурмятова Юлия Викторовна

✉ zolnikova_yuliya@mail.ru

Тюменский индустриальный университет

Данная статья посвящена исследованию устойчивых единиц с цветокомпонентом GELB в идиоматической картине мира немецкого языка. Рассмотрены тематические группы, определяющие фразеологический образ. This article is devoted to the investigation of the set-expression of colour component GELB in the idiomatic picture of the German language. The author dwells upon thematic groups, describing the phraseological meaning.

Ключевые слова: символарий, цвет, цветокомпонент, идиоматическая картина мира, лингвоцветовая картина мира

Наиболее яркими, запоминающимися и частотными в этой связи представляются устойчивые сочетания слов с цветокомпонентом, которые будучи представителями лингвоцветовой и идиоматической картин мира, выразительно отражают особенности менталитета, уникальный культурный опыт, особые методы презентации действительности [1, с. 214]. Специфика выявления многовекового отношения нации к разным явлениям, скрытая референция, символизм, колоритность, а порой и патетичность, позволяют проникнуть в глубинные слои культурных смыслов. Однако исследования в этой области — явление не новое. В разное время изучением идиоматической картины мира немецкого языка занимались А.Д. Райхштейн (1980), Д.О. Добропольский (1988), Ш.М. Штанчаев (2009), Е.В. Емельянова (2010), М.А. Федорова (2012), И.С. Парина (2018) и др.

Символарий культуры любого национального языка чаще всего представляется мифологемами, архетипами, символами, зачастую представленными кратких, но весьма образных сочетаниях слов посредством внутренней формы. Раскрытие скрытого смысла, интерпретация, и прояснение мотивации значимых смыслов является важнейшей задачей исследования проекции национального мировидения конкретного этноса. Процесс их изучения может быть представлен при помощи определения А.П. Василенко, в котором указывается, что специальный метаязык описания культуры, совокупности знаков, облачаемых культурной семантикой, — это символарий, проявляющий образное ассоциирование с целью раскодировки / выявления глубин денотатов и глубинных слоёв устойчивых сочетаний [2, с. 237].

Наиболее яркими, запоминающимися и частотными в этой связи представляются устойчивые сочетания слов с цветокомпонентом, которые будучи представителями лингвоцветовой и идиоматической картин мира, выразительно отражают особенности менталитета, уникальный культурный опыт, особые методы презентации действительности [1, с. 214]. Специфика выявления многовекового отношения нации к разным явлениям, скрытая референция, символизм, колоритность, а порой и патетичность, позволяют проникнуть в глубинные слои культурных смыслов. Однако исследования в этой области — явление не новое. В разное время изучением идиоматической картины мира немецкого языка занимались А.Д. Райхштейн (1980), Д.О. Добровольский (1988), Ш.М. Штанчаев (2009), Е.В. Емельянова (2010), М.А. Федорова (2012), И.С. Парина (2018) и др.

Цветокомпонент GELB в составе устойчивых сочетаний немецкого языка на наш взгляд является довольно необычным, ранее неописанным, а потому привлекательным. Архилексема GELB может быть представлена посредством следующих оттенков, зафиксированных в корпусе «Электронного словаря немецкого языка» («Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache»): zitonengelb, schwefelgelb, kanariengelb, sonnengelb, honiggelb, aztekengold, gelb wie Eidotter, blond, gelblich, verblasst, falb.

Уникальность категоризации феномена цвета позволяет глубже и достовернее понять немецкую семиотическую систему и, как следствие, лингвоцветовую картину мира. Уникальность желтого цвета проявляется в его биполярности оценки носителями немецкого языка. С одной стороны, желтый / золотой — символ солнца, света, золота, благосостояния, божественности и священности, природной зрелости и изобильности; а с другой — болезненности, дисфункциональности, патологичности, разлаженности, противоречивости, психологической неустойчивости, печали, надлома, предубежденности, антипатии, устарелости. Вариативность употребления лексем *gelb/ goldakku* — мумириует долговременный процесс формирования номенклатуры употреблений данного цветокомпонента в культуре народа.

Корпус данных, сформировавших особый разряд аутентичного материала, базируется на историческом опыте немецкого народа и его религиозных

воззрениях. Так, например, Иуда — предатель чаще всего запечатлен на полотнах в тускло-желтых одеждах, язычникам, еретикам и вероотступникам, предателям, опороченным и обманщикам, также следовало носить желтые одежды. Проститутки и матери незаконнорожденных детей должны были носить головные уборы с желтой полоской [3, р. 76]. Ограждение зараженных территорий осуществлялось посредством желтых крестов.

Анализ языкового материала базируется на выборке их лексикографических печатных и электронных источников, который свидетельствует о систематизации и регистрации особого константа культуры. Численная характеристика изученного материала составляет 42 устойчивых сочетания.

Наиболее частотным является употребление идиом с компонентом *gelbb* отрицательном или обесценивающем значении: *der gelbe Neid* (букв. желтая зависть), *eswurdej-mgelbundgrün vor (den) Augen* (букв. желтенькие и зелененькие перед глазами), *gelbundgrün (vor Neid, Zorn, Wut, Ärger) werden* (букв. становиться желтым и зеленым от зависти, гнева, ярости), *jmdm. Die gelbe Karte zeigen* (букв. показать кому-л. желтую карточку / предупреждение), *sich gelb und grün ärgern* (букв. сердиться до желтого и зеленого цвета), *gelb sprechen* (говорить с ошибками). Производным значением здесь выступает «нездоровый / с желтизной»: *gelber Zettel* «буллетень по болезни», *die gelbe Flagge* «карантинный флаг». Вторым производным значением «азиатской расы»: *die gelbe Gefahr* «воображаемая угроза западному миру и цивилизации от азиатских стран и иммигрантов», *die gelbe Rasse* «китайцы, японцы, монголы».

Эвфемистическая неприязнь к политическим, общественным и оппозиционным сообществам, организациям, людям, зачастую отвергавшим борьбу или ведущим ее нечестно, проявляется в выражениях: *gelbe Gewerkschaft*, *gelbe Vereine*, *gelbe Verbände*, *gelbe Arbeiter* «профсоюзы, сообщества, изменившие своим интересам», *die gelbe Presse*, *die gelbe Zeitung* (желтая / бульварная / низкопробная / скандальная пресса / газета).

Возбуждающий и одновременно раздражающий эффект желтого провоцирует ассоциации с непристойностью, позором, проституцией: *gelber Abschied* (букв. жёлтое прощание), *der gelbe Pass* (желтый билет проститутки).

Примечательным является факт, что цветокомпонент фигурирует в антонимичном обозначении: *Gelbschnabel — Grunschnabel: als junger Gelbschnabel wusste steichsogarden halben Uhlandauswendig (Storm)* (букв. Желтый клюв — зеленый клюв), развивая тему «незрелый» / «молодой» / «неопытный».

Лакунарными для немецкой лингвокультуры являются во-первых, нейтральное значение желтый — привлекающий внимание / предупреждающий: *gelbe Post* «государственная почта», *gelbe Kutsche* «такси»; во-вторых, *gelb + Wochentag* для обозначения религиозных праздников: *der gelbe Dienstag* «вторник страстной недели», *der gelbe Mittwoch* «среда страстной недели».

Положительную коннотацию проявляют выражения содержащие компонент *GOLD*, прежде всего характеризующие прибыль, доход, уникальность:

Goldinder Kehlehaben (иметь чудесный «золотой» голос, букв. иметь золото в глотке), *etw-lässt sich / ist nicht mit Gold(zu) bezahlen, goldener Boden* (чему-л. цены нет), *goldene Worte* (золотые слова), *die goldene Hochzeit* (золотая свадьба), *die goldene Regel* (мат. тройное правило), *die Goldene Stadt* («Золата» Прага букв. золотой город), *die Goldene Vlies* (золотое руно).

В заключении следует отметить, что колороним *GELB* активно фигурирует в идиоматической картине мира немецкого языка, обладает высоким символизмом и представлен в значительной степени в переосмысленном чаще в отрицательном значении. Данный факт свидетельствует о своеобразии категоризации концепта «ЦВЕТ» носителями немецкого языка.

В заключении следует отметить, что колороним *GELB* активно фигурирует в идиоматической картине мира немецкого языка, обладает высоким символизмом и представлен в значительной степени в переосмысленном чаще в отрицательном значении. Данный факт свидетельствует о своеобразии категоризации концепта «ЦВЕТ» носителями немецкого языка.

Литература

- [1] Зольникова Ю.В. Устойчивые сочетания слов с цветокомпонентом BLAU в идиоматической картине мира немецкого языка // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 214–216.
- [2] Василенко А.П. Символарий фразеологического корпуса русского и французского языков // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 3. С. 237–247.
- [3] Wanzeck Ch. Zur Etymologie lexikalisierter Farbwortverbindungen. Untersuchungen anhand der Farben Rot, Gelb, Grün und Blau. Amsterdam; New York, 2003. 428 p.

Set Word-Combinations with Colour Component Gelb in Idiomatic World-View of the German Language

Surmyatova Yulia Viktorovna zolnikova_yuliya@mail.ru

Industrial University of Tyumen

This article is devoted to the investigation of the set-expression of colour component GELB in the idiomatic picture of the German language. The author dwells upon thematic groups, describing the phraseological meaning. This article is devoted to the investigation of the set-expression of colour component GELB in the idiomatic picture of the German language. The author dwells upon thematic groups, describing the phraseological meaning.

Keywords: culture metalanguage, colour-term, idiomatic world view, linguistic world view

References

- [1] Zol'nikova Yu.V. Ustojchivye sochetaniya slov s cvetokomponentom BLAU v idiomaticheskoy kartine mira nemeckogo jazyka // Kognitivnye issledovaniya jazyka. 2016. № 26. S. 214–216.

- [2] Vasilenko A.P. Simbolarij frazeologicheskogo korpusa russkogo i francuzskogo yazykov // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2010. № 3. S. 237–247.
- [3] Wanzeck Ch. Zur Etymologie lexikalisierter Farbwortverbindungen. Untersuchungen anhand der Farben Rot, Gelb, Grün und Blau. Amsterdamm. New York, 2003. 428 c.

A Case Study of Multi-Platform Collaborative ICT Integrated Online Language Teaching During the Pandemic: Advantages and Challenges

Gao Jie gaojie@nwpu.edu.cn

Northwestern Polytechnical University

The COVID-19 pandemic forced a full-scale online teaching in Chinese higher education institutions (HEIs) in 2020 and accelerated the integration of information and communication technology (ICT) in Chinese HEIs' language teaching. This paper made a case study on the college English courses during the pandemic in a Chinese key university, focusing on advantage and challenges of ICT integrated language teaching and developing a multi-platform collaborative model.

Keywords: *ICT integrated online language teaching, multi-platform collaborative model, college English courses, advantages, challenges*

Introduction

The outbreak of COVID-19 in China accelerated the promotion of information and communication technology (ICT) in the field of higher education (HE). Under requirement of Ministry of Education (MoE), all Chinese higher education institutions (HEIs) had to teach online. College English courses also adopted the online teaching. Does this sudden implementation of online language teaching achieve a high satisfaction? What are the new features? What are the advantages and challenges? This study takes college English courses in a key Chinese university as an example to analyze the advantages and challenges of online language teaching. Based on the analysis, it also develops a model that can be used for online language teaching.

Three stages of Chinese online foreign language teaching

This large-scale online foreign language teaching is an “emergency”, but its implementation benefits from long-term construction of China's information HE. Online foreign language teaching in China's HE has experienced three stages: (1) network education colleges' stage; (2) online platform assisted autonomous learning stage; and (3) ICT integrated stage. The outbreak of the epidemic accelerated the integration of ICT and foreign language teaching in Chinese HEIs.

Online language education of network education colleges' stage mainly focused on continuing education, which did not have a fundamental impact on HEI's teaching methods (Wu, 2020). In order to improve the quality of foreign language

teaching, the MoE (2007) issued the *Requirements for College English Curriculum*, which clearly requires HEIs to make full use of computer-based teaching mode. Computer was used more as an auxiliary tool for students' autonomous learning at this stage.

Real ICT integrated language teaching happens after 2015 when MoE (2015) vigorously promoted online open courses. Then due to the impact of the epidemic in the first half of 2020, ICT integrated foreign language teaching has been in full swing in Chinese HEIs.

Introduction of a Chinese key university's college English teaching during the pandemic

Take a Chinese key university as an example, this section introduces the teaching plan of the college English courses in the second semester of 2019–2020 academic year (from February to June). The College English course group of this university includes six categories: comprehensive, writing, oral, translation, listening and cultural categories. The courses are open to all undergraduate and graduate students, including international students.

The teaching plan involves three online teaching platforms (the university's own online course platform, Unipus and I Course 163) and four online programs (Rain Class, Tencent Meeting, QQ and WeChat). The functions and features of each online platforms and programs are shown in Table 1. Teachers can combine the platforms and programs freely, but they must make live teaching and have channels to communicate with students online.

Table

Features and functions of different online platforms used by college English courses

Name of platform	Features and functions
Rain Class	<ul style="list-style-type: none"> • can be installed in PowerPoints; • course recording and playback; • exercises; • attendance checking; • class statistics
Tencent Meeting	<ul style="list-style-type: none"> • meeting; • real time image and voice; • chatting box; • files sharing; • screen sharing
ICourse163 (MOOC/SPOC)	<ul style="list-style-type: none"> • courses (MOOC and SPIC); • exercises and quizzes; • class statics
the university's own online course platform	<ul style="list-style-type: none"> • upload and download course materials; • announcements; • forum • students' statistics

End of Table

Name of platform	Features and functions
QQ	<ul style="list-style-type: none"> chatting group; materials sharing; assignment; voice message; live teaching
WeChat	<ul style="list-style-type: none"> chatting group; materials sharing; voice message; video/audio call
Unipus	<ul style="list-style-type: none"> learning sources; billboard; forum; exercises and quizzes; class statistics

All college English courses have established a QQ group used for class communication. Most of the courses adopted the mode of “live teaching + asynchronous SPOC learning”, which means the course progressed with one week’s live teaching and one week’s SPOC self-learning.

Research design and method

Participants

Students of all grades, including graduate students took the survey. The proportion of participating male and female students was 72.4% and 27.6%. Since the university is a science and engineering university, majority students (87.9%) participating in the survey are science and engineering students, and a small number are of liberal arts students and medical students (11.1%). The surveyed students took all six categories of college English courses in the university, with 65.5% in oral courses and 34.5% in comprehensive courses.

Data collection

Online questionnaires are used for the study. A total of 58 questionnaires were collected from students who took college English courses during the epidemic period, of which 58 were valid. The questionnaire mainly included questions on personal and course information (Q1–Q4), course satisfaction (Q5–Q8), online and offline English courses comparison (Q9–Q13, Q15–Q16), advantages and problems of the online English courses (Q14, Q18, Q19) and future course selection (Q20–Q22).

Results

Students' courses satisfaction degree and main factors influence satisfaction

The study found that most students could adapt to online college English courses (68.9 %), and were satisfied with the overall effect (81.0 %). 87.9 % students felt satisfied with instructors’ work. The survey shows that students believed

the main factors influence online English courses involves the ability of instructors (74.1 %), content (63.8 %), and course design (50.0 %).

Comparison of online and offline English courses

Although most students were satisfied with online college English courses, they did not think that the effect of online English courses was better than that of offline ones. 37.9 % students thought the effect of online and offline courses were similar. And 39.6 % students claimed that offline college English courses were better. Some students said they prefer offline courses because they feel “more motivated” and can “communicate with instructors and classmates face to face”.

Advantages and challenges

One outstanding advantage revealed from the survey is online courses’ convenience. The course location if more flexible. Many students also claimed that they felt more relaxed in online courses.

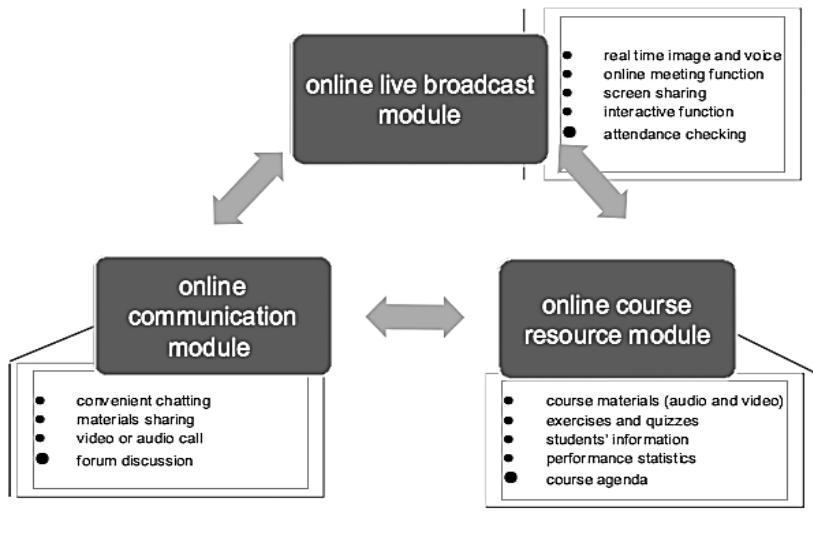
Two prominent problems of online college English courses are the poor self-discipline of students and Internet disconnection. Over 70 % of the surveyed students admitted that they have bad concentration in online English classes. Over 74 % said they have encountered disconnection problems. Besides, some students (37.9 %) thought it was cumbersome to handle various *apps* and platforms.

Future course selection

67.2 % of the students said they would continue to choose online college English courses (including blended courses) for it is more convenient and can save time. Some students also mentioned online English courses made them more relaxed and included richer learning materials. Students who will not choose online English courses believe offline courses can keep them more concentrated and thus gain a better learning result.

Discussion

The study shows that now ICT has fully integrated in the whole process of language teaching, including course design, selecting teaching materials, teaching methods and class activities. A general high satisfaction towards the college English courses proves that a multi-platform teaching system can meet various needs of language classes. First, a live broadcast platform enables instructors to teach in real time and interact with students. Second, communication platform helps to create a learning environment and enhance the interaction. Third, students enjoy the convenience and rich resources of online courses. A resource platform can provide massive materials and let the learning form and time more flexible. Huang et al. (2012) pointed out that the construction of learning environment is the basis for the reform of learning and teaching methods. Building an online learning environment is important for online language courses, the core of which is the construction of online platforms with appropriate functions. Therefore, we develop a multi-platform collaborative model with three modules for online language teaching (see Figure). Each of the modules can be integrated with other modules.

Multi-platform collaborative model of online language teaching
(with needed functions)

The survey also show that even with technological progress and the deepening integration of ICT in language education, old problems in terms of technical issues, face-to-face interaction and concentration till exist (Yüce, 2019). The ICT itself also comprise a major challenge for both teachers and students (Jolliffe, et al., 2001). In ICT integrated online language teaching, teachers still play an essential role and have to master technological, pedagogical and content knowledge (see Mishra and Koehler, 2006) in order to design and deliver courses effectively. Technology can never take the place of instructors in online language teaching.

References

- [1] Department of higher education, MoE. College English Curriculum Requirements. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2007.
- [2] Huang R. Yang J., Hu Y. From digital to smart: The evolution and trends of learning environment // Open Education Research. 2012. Vol. 18 (01). Pp. 75–84.
- [3] Jolliffe A., Ritter J., Stevens D. The online learning handbook: Developing and using web-based learning. UK: Kogan Page Limited, 2001.
- [4] Mishra P., Koehler M.J. Technological pedagogical content knowledge: a framework for teacher knowledge // Teachers College Record. 2006. Vol. 108. Pp. 1017–1054.
- [5] MoE. Opinions on strengthening the application and management of online open courses in colleges and universities. 2015. Available at: <http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s7056/201504/186490.html> (accessed October 10, 2020).
- [6] Wu D. The Retrospect and Reflection of Educational Technology Evolution: Online Teaching in Universities under the Epidemic Situation // China Higher Education Research. 2020. Vol. 4. Pp. 1–6, 11.
- [7] Yüce E. Possible problems in online foreign language teaching at a university Context // International Journal of Curriculum and Instruction. 2019. Vol. 11 (2). Pp. 75–86.

Текст и дискурс: проблемы функционирования, анализа, интерпретации

УДК 81.342

Просодические дифференции требования с угрозой и мольбы на уровне частоты основного тона (на материале немецкого языка)

Грошев Дмитрий Валерьевич dimagroshev-str@yandex.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Отражены результаты экспериментально-фонетического исследования, посвященного просодической дифференции (на уровне частоты основного тона) двух иллокутивов — требования с угрозой и мольбы. Просодия влияет на осуществление коммуникативного процесса, и в зависимости от характера просодической структуры, смысл высказывания меняется. Один и тот же лексико-грамматический корпус может выступать в роли угрозы, требования, мольбы, саркастического высказывания и т. д. На отличительные признаки данных речевых актов оказывают непосредственное влияние воспринимаемые просодические признаки тона, громкости и длительности. На основе слухового, акустического и математико-статистического анализов были выявлены отличительные признаки двух иллокутивов на уровне частоты основного тона (ЧОТ). Исследование показывает, что два иллокутива различаются на уровне частоты основного тона, несмотря на принадлежность к одному речевому акту — директиве.

Ключевые слова: иллокутив, директив, речевой акт, просодия, частота основного тона, экспериментально-фонетическое исследование

Обзор отечественной и иностранной литературы показывает, что роль просодии в процессе коммуникации является крайне существенной. «Просодические параметры речи относятся к тем основным элементам речепроизводства и речевосприятия, которые актуализируются в дискурсивной деятельности и во многих случаях определяют её характер и направленность» [1, с. 41]. А Е.И. Григорьев, основываясь на многочисленных экспериментах, полагает, что только при помощи просодии возможно дифференцировать однонаправленные речевые акты: мольбу, угрозу, требование и т. д. [2] J. Raith утверждает, что «правильное владение просодическими средствами оказывается в некоторых случаях важнее верного произношения сегментных единиц» [3]. Результаты исследования Л.Х. Накатани и Дж.А. Шаффер также говорят о том, что именно просодико-ритмические критерии сегментации являются

основополагающими в процессе декодирования связной речи [4, с. 234–244]. Согласно Т.М. Надеиной, «способностью выражать какие-либо значения обладают не наборы («пучки») первичных просодических признаков, а более крупные просодические признаки, которые мы называем просодическими средствами» [5, с. 84].

Таким образом, можно утверждать, что просодия влияет на то, как про текает коммуникативный процесс, а также в зависимости от того, как выстроена просодическая структура, смысл высказывания будет меняться. Л. Витгенштейн утверждал, что одно и то же высказывание, при рассмотрении его с позиции лексики и грамматики, отличается лишь тем, что каким образом они произносятся [6, с. 87], т. е. дифференциация одного и того же лексико-грамматического корпуса происходит на уровне просодии.

В связи с тем, что любое высказывание рассматривается как речевой акт, который отличается от произнесения звуков тем, что при его совершении что-то имеется ввиду [7, с. 157], то для изучения проблем дифференциации устной речи крайне важное значение занимает теория речевых (иллокутивных) актов.

Первым классификацию речевых актов (РА) предложил Остин, которую, однако, не признавал окончательной. Он выделяет такие действия, которые осуществляются говорящим во время речевого акта, как: локутивный акт (произнесение высказывания) и иллокутивный акт (осуществление коммуникативного намерения) [8, с. 24].

Вслед за ним Дж. Серль, называя иллокутивными актами различные типы речевых актов, заявил: «Производство конкретного предложения в определенных условиях есть иллокутивный акт, а иллокутивный акт есть минимальная единица языкового общения» [7, с. 152].

С момента появления РА в лингвистической литературе за многие годы образовался широкий спектр таксономий речевых актов: Остин, Серль, Wunderlich, Wierzbicka, Ballmer, Brennenstuhl, Григорьев Е.И. и другие.

Наиболее выделяющейся среди других таксономий является классификация, предложенная Е.И. Григорьевым [2], так как, во-первых, она строится по фонетическому принципу; во-вторых, является более детализированной, так как состоит из 16 типов РА.

В рамках данной таксономии выделяют такой РА как директив, который представляет собой высказывание, направленное на то, чтобы добиться от слушающего выполнения каких-либо действий, инициированных говорящим. Автор данной классификации Е.И. Григорьев считает, что основополагающим фактором высказываний данного типа является «непререкаемость исполнения волеизъявления, защищенного юридически закрепленными нормами или социальным статусом говорящего» [9, с. 73]. Исходя из этой мысли, можно определенно точно утверждать, что к данному типу РА относится требование с угрозой, и предположить, что мольба, наоборот, не подпадает под данный тип.

Однако необходимо отметить, что директив может обладать как авторитарными, так и не авторитарными нотками. Так, В.В. Богданов, рассматривая разные классификации иллокутивных актов, выделяет перечень таких, которые чаще всего встречаются в них, но не пересекаются друг с другом. Среди этого перечня находятся и директивы, которые, в свою очередь, распадаются на два подтипа: инъюнктивы (приказания) и реквестивы (просьбы) [10, с. 159]. В связи с этим считается оправданным отнесение речевого акта мольбы к директивам.

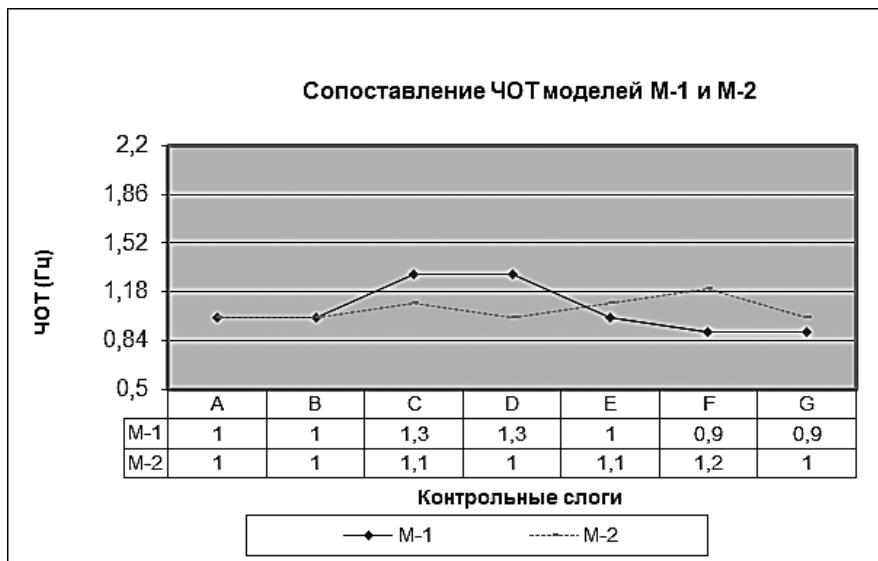
Беря за основу таксономию, предложенную Е.И. Григорьевым, необходимо отметить, что по роду своей манифестации оба иллокутива — мольба и требование с угрозой — принадлежат к одной группе речевых актов — к директивам. Однако несмотря на принадлежность двух иллокутивов к одному типу, предполагается, что на уровне ЧОТ они проявляют как дифференцирующие, так и сходные признаки, что было доказано в течение данного исследования.

Носителям немецкого языка были предложены ситуации, в которых реализуются мольба и требование с угрозой. Ситуации были реализованы в двукратном исполнении. В дальнейшем были получены образцы двух речевых актов двумя группами аудиторов: носителями немецкого языка, не связанными с проведением эксперимента, и русскими преподавателями немецкого языка, которые имеют навык аудирования. В задачу первой группы аудиторов входило установление: аутентичность ситуации общения и подтверждение правильности произносительных норм испытуемых. Русским преподавателям немецкого языка, имеющим опыт аудирования, ставили задачу расставить ударения, паузы и движения тона. Далее с помощью специальной программы обработки речевого сигнала Praat осуществлялась фонемно-слоговая расшифровка фраз, что позволило замерить, а в дальнейшем, и проанализировать акустические параметры ЧОТ. Математико-статистический анализ результатов исследования при помощи компьютерной программы SPSS позволил получить объективную оценку полученных данных, что включало в себя обнаружение степени случайности и закономерности наблюдаемых в речи фактов. Именно на основании объективных математико-статистических подсчётов строилась дальнейшая интерпретация экспериментального материала.

В ходе исследования было проанализировано 12 фраз, воспроизведенные 3 носителями немецкого языка, двое из которых мужчины и одна девушка, все в возрасте от 23 до 26 лет, постоянно проживающие в Германии на территории земли Бавария. Общее количество слогов составило 403.

С целью нейтрализации индивидуальных особенностей произношения испытуемых, полученные данные в абсолютных значениях были нормированы по методике, предлагаемой Б.М. Башкиной и Л.Д. Бухтиловым. На основании нормированных относительных значений ЧОТ были установлены усредненные данные [11].

В результате исследования были получены две модели: М-1 — требование с угрозой, М-2 — мольба (см. рисунок).

Сопоставление ЧОТ моделей М-1 и М-2

Диапазон ЧОТ был поделен на пять уровней, каждый из которых отличался от предшествующего и последующего на статистически релевантный показатель.

Сравнение средних показателей ЧОТ моделей фраз М-1 и М-2 не указывает на их принадлежность к разным выборкам, вероятность различий составляет 25 %, что, однако, указывает на устойчивую тенденцию. Предположительно, вероятность может быть выше с увеличением количества материала исследования.

Диапазон тона фразы М-1 выше параметра данного признака фразы М-2 в 2 раза (0,4/0,2). Диапазон М-1 развивается в пределах второго и третьего уровней, диапазон тона М-2 имеет свою особенность: развитие тона преимущественно происходит на втором уровне, лишь первая точка затаакта слегка поднимается на один уровень выше. Касательно максимальных показателей оба иллокутива не нашли консенсуса: пиковое значение М-2 зафиксировано в затаакте, причем по величине оно ниже фразы М-1, а максимальные показатели М-1 находятся сразу в двух точках и сконцентрированы в ритмическом корпусе. Что касается минимальных показателей, то совпадение здесь так же не наблюдается. Минимальное значение ЧОТ М-1 исключительно ограничивается рамками затаакта. Примечательно, что иллокутив М-2 обнаруживает свой минимальный показатель сразу в четырех точках: весь предтакт, предъядерный слог и завершение фонации.

Мелодические контуры показателей двух иллокутивов в целом не имеют сходства. Исключение составляет начало фонации, где числовые значения фраз М-1 и М-2 полностью совпадают, образуя плавную кривую, которая после предтакта начинает подъем. Обоим иллокутивам присущ общий контур движения — восходяще-нисходящий. Однако наблюдается два отличия. Во-первых, кривая М-1, достигнув своего пика, постепенно идет на спад вплоть до завершения фонации, кривая М-2, в свою очередь, показывает восходяще-нисходящую тенденцию дважды. Во-вторых, для требования с угрозой характерны резкие перепады, а для мольбы — более плавные, которые преимущественное протекают на одном уровне.

Нахождение максимальных показателей в ритмическом корпусе может объясняться тем, что точки на данном участке по сути являются ключевыми, так как говорящий делает акцент именно на них. Фиксация пиковых значений М-1 в ритмическом корпусе может свидетельствовать об исключительной авторитарности призыва. В связи с этим предполагается, что увеличение тона данного иллокутива может привести к желаемому результату для говорящего, а именно исполнение его интенции его собеседником.

Отсутствие резких перепадов и относительно одинаковые показатели на протяжении всей модели М-2 могут говорить о мягкости данного иллокутива. Предположительно, отсутствие авторитарности приводит к положительному результату для выражающего мольбу. Проведенный анализ показал, что каждый вид речевого высказывания, выражающего одну из форм директивы, обладает набором типичных для него мелодических признаков, что позволяет считать их как разные варианты.

В ходе экспериментально-фонетического исследования с использованием слухового, статистического и акустического анализа было установлено, что два иллокутива — мольба и требование с угрозой — несмотря на их принадлежность к одному и тому же типу речевого акта — директиву — дифференцируются на уровне частоты основного тона (ЧОТ):

- требование с угрозой характеризуется более повышенными мелодическими воспринимаемыми признаками;
- мольба имеет сниженный показатель тона. Высока вероятность того, что данные иллокутивы будут иметь отличительные особенности на уровне интенсивности и длительности, что будет выявлено в ходе дальнейшего исследования.

Литература

- [1] Деркач А.К. Культурно-специфические характеристики просодии директивных высказываний: дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2007. 162 с.
- [2] Григорьев Е.И. Фонопрагматический аспект речевой просодии: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.04. М., 1996. 42 с.
- [3] Raith J. Prosodie: English als Fremdsprache, Deutsch als Basissprache // Die Neueren Sprache. 1986. Bd. 85, Nr. 5/6. S. 478–496.

- [4] Nakatani L.H., Schaffer J.A. Hearing “words” without words: Prosodic cues for word perception // Journal of Acoustical Society of America. 1978. Vol. 63, no. 1. Pp. 234–244.
- [5] Надеина Т.М. Просодическая организация речи как фактор речевого воздействия: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ин-т языкоznания РАН. М., 2004. 428 с.
- [6] Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 79–128.
- [7] Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С.152.
- [8] Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. 424 с.
- [9] Григорьев Е.И., Евтеев С.В. Интонационные оппозиции речевых актов побуждения: монография / М-во иностранных дел Российской Федерации, Московский гос. ин-т междунар. отношений (ун-т). М., 2009. 159 с.
- [10] Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. 278 с.
- [11] Башкина Б.М., Бухтилов Л.Д. Физические параметры просодии речи и их измерение. Минск, 1977. 61 с.

УДК 81

Тональность научных текстов

Лосева Ольга Михайловна

✉ loseva_om@mail.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Фуфурина Татьяна Алексеевна

✉ fufurina@mail.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Рассмотрены научные тексты позитивной и негативной тональности. Отмечено влияние тональности на восприятие текста читателем и понимание смысла. Представлены виды соотношения информации и языкового выражения в текстах позитивной и негативной окрашенности. Описаны особенности подачи информации в текстах разной тональности. Показана позитивная тенденция подачи негативной информации.

Ключевые слова: научный дискурс, текст, английский язык, тональность, позитивная тональность, негативная тональность

Научный текст как хранилище научного знания дифференцируется по тональности эмоционально окрашенной лексики. По мнению Т.В. Матвеевой, тональность — способ выявления в текстах эмоционально окрашенной лексики и эмоциональной оценки авторов по отношению к объектам, о которых идёт речь в тексте. В тональности, или эмоционально-экспрессивном содер-

жании, находит отражение психологическая установка автора текста [1]. Поле тональности содержит в себе психологическое самораскрытие автора, обладающее, по закону эмоционального заражения, эффектом усиленного воздействия на адресата текста [2]. Именно тональность текста влияет на читательское восприятие и понимание смысла.

Традиционная классификация текста по эмоциональной окраске — положительной, отрицательной и нейтральной — указывает на соответствующую эмоциональную составляющую. Первая соответствует положительным эмоциям, которые определяются как эмоциональные состояния, характеризующиеся наличием положительных гедонистических сигналов, направленных на положительный результат работы.

Негативная метка идентифицирует негативные эмоции, характеризующиеся отрицательными гедонистическими сигналами, например, гнев или разочарование, несогласие с предложенной теорией. Нейтральная составляющая говорит об отсутствии либо положительной, либо отрицательной оценки возможного воздействия на читателя.

В.И. Шаховский предлагает следующие виды соотношения информации и её языкового выражения: а) позитивная информация и ее позитивная языковая репрезентация; б) негативная информация и ее негативная языковая репрезентация; в) позитивная информация и ее негативная языковая репрезентация; г) негативная информация и ее позитивная языковая репрезентация [3]. В.И. Шаховский считает, что именно такой подход к каждой тональности текста помогает раскрыть полную картину его репрезентации.

Позитивная тональность формируется от значения слова «позитивный», которое в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова определяется как: 1. от латин. *positivus* — положительный — основанный на опыте, на фактах, реальный. 2. выраженный в положительной форме. Первое значение относится к философскому «позитивизму», учению, основанному на единственном истинном источнике эмпирического исследования — человеческом опыте. Второе значение указывает на адекватный корректный стиль изложения или восприятия. Современное переносное значение слова «позитивный» расширено и включает образное значение «оптимистично настроенный». Позитивная семантика научного текста тесно связана с профессиональным этикетом написания статей и проведения исследований. Принимая во внимание все указанные значения слова «позитивный», мы соотносим позитивную семантику научного текста с положительными данными исследования на основе опыта автора, его позитивным настроем на благоприятный результат и оптимистической перспективой на дальнейшие исследования.

К позитивной семантике научного текста мы относим следующую научную информацию: характеристика научно-технической темы/вопроса; исторический экскурс; теоретические предпосылки; обоснование в целесообразности каких-либо действий; выдвижение гипотезы; описание эксперимента; рассуждение, доказательство или подтверждение той или иной точки зрения

фактами; опровержение негативной информации или точки зрения; подкрепление позитивно-направленными фактами исследований; прогнозирование будущих результатов.

Автор текста концентрирует свое внимание на обмене удачными результатами опытов и исследований, и представляет собой одобрительную (благоприятную) оценку автора текста, направленную на положительный результат исследования, который достигается оптимистичным отношением автора в отношении изучаемого вопроса. Тексты позитивной семантики выявляют позитивный настрой на исследование, положительный результат работы и перспективы на дальнейшее развитие. Заинтересованность автора текста в быстром распространении информации в среде специалистов и не-специалистов направляет авторов на то, чтобы сделать текст более выразительным и тем самым обеспечить доступ к читателям. Для взаимодействия автора и читателя научных текстов характерно использование позитивных языковых сочетаний, которые выделяются на фоне нейтральной лексики, доминирующей в научном стиле и подчеркивают авторскую индивидуальность при лучшей интерпретации результатов исследования и усвоении информации читателем.

Негативная тональность является противоположной стороной позитивной тональности научного дискурса в данном исследовании. Негативная тональность представляет собой оппозиционную точку зрения, отрицательное восприятие научного исследования, которое характеризуется разной степенью эмоциональной насыщенности. Значение слова «негативный» интерпретируется в толковых словарях как «отрицательный, неблагоприятный, неодобрительный, критический» [4].

Исходя из этих значений, данная часть статьи направлена на описание критических для автора-ученого ситуаций в процессе исследования, на анализ неодобрительного взгляда ученых на конкурентные отрасли знаний, отрицательную оценку результатов исследований и опровержение первоначальных теорий. Негативная семантика прослеживается, когда при представлении и доказательстве собственной новой гипотезы автор научного текста критически переосмысливает — отрицает, подвергает сомнению другие взгляды, сложившиеся в научных кругах [5]. Научному тексту негативной семантики присущи такие уровни, как: формулирование проблемы, доказательство той или иной точки зрения, опровержение, аргументирование. Опровержение, как одна из форм доказательства истинности утверждения, может быть облечена в негативную форму, где аргументированное выражение имеет не маловажную роль.

Необходимо уточнить, что информация негативного характера в научном тексте содержится в меньшем количестве по сравнению с позитивной информацией. Несмотря на то, что отрицательные результаты являются неотъемлемой частью любого исследовательского процесса, негативная информация с негативной репрезентацией не характерна для научно-технической литерату-

ры. Конфликтные тексты не встречаются в научно-техническом жанре согласно правилам профессионального этикета. Во-первых, инженерная этика не предполагает негативное высказывание в чей-либо адрес. Во-вторых, профессиональный этикет стремится к доброжелательному, бесконфликтному решению возникающих в процессе исследования проблем. Под этикетом подразумевается установленный порядок поведения, форм обхождения в каком-либо обществе [6]. Профессиональный этикет включает в себя соблюдение учеными речевых норм общения, научную учтивость и уважение к другим исследованием, культуру коммуникации, выражение форм согласия и несогласия, одобрения и неодобрения в тактичной форме. Поэтому, научный текст негативной семантики включает в себя содержательно-подтекстовую информацию, поскольку ученые комментируют отрицательный результат или отрицательное отношение к исследованию, используют завуалированные корректные выражения, соблюдая правила инженерной этики.

Принимая во внимание требования профессионального этикета, этичность и эстетичность научного текста, позитивизацию общения в целом, ученые начали трансформировать отрицательную информацию в положительную, т. е. они представляют ее таким образом, что корректное отражение негатива в тексте преображается в позитивное восприятие информации читателем и оставляет у него позитивное впечатление [3].

Однако негативный результат тоже является показателем подтверждения или отрицания какой-либо гипотезы и представляет ценность для исследователя. Подобный результат ведет к прозрачности и открытости в исследовании, раскрывает дальнейшие шаги исследователя к поставленной цели. Отрицательный результат может быть направлен на отсутствие качества или повторение эксперимента. Повторное исследование не может быть показателем успеха при первой попытке. Но даже отрицательные результаты являются ценными, когда они не очевидны и не подтверждают ранее сформулированные истины. Отрицательные результаты важны для того, чтобы сузить тему исследования. Они устраниют бесполезные гипотезы, помогают правильно поставить научные задачи и ускоряют исследования в нужном направлении.

Таким образом, научные тексты в основном направлены на проведение исследований и на анализ результатов, желая поделиться с коллегами собственным опытом. Позитивное мышление, свойственное экспрессивным научно-техническим текстам, открывает большие возможности на успех, больше привлекает читателя к новой информации, в отличие от нейтрального текста, лишенного эмоциональности.

Несмотря на то, что критика научных достижений бывает тактичной и корректной с точки зрения профессиональной этики, нельзя полностью исключать негативную тональность научных текстов, поскольку обмен мнениями, критический взгляд на развитие науки и техники является конструктивным, а не деструктивным для общих результатов исследования. Однако представление негативной информации и ее позитивной языковой

репрезентации говорит о конструктивном научном тексте, в то время как негативная репрезентация указывает на деструктивный научный текст. Поэтому мы не говорим о текстах негативной семантики как о негативной информации с ее негативной языковой репрезентацией.

Литература

- [1] Матвеева Т.В. Тональность разговорного текста: три способа описания // *Stylistyka v V.* Opole. 1996. Pp. 210–221.
- [2] Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
- [3] Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград, 1983.
- [4] Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Терра, 1996. Т. 3. П–Ряшка. 712 с.
- [5] Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория вторично-го текста в научной коммуникации. Ульяновск: Изд-во Средневолжского научного центра, 1996. С. 108.
- [6] Словарь русского языка: в 4 т. М.: ГНИИС, 1961. С. 1055.

The Expressiveness of Scientific Texts

Loseva Olga Mikhailovna

✉ loseva_om@mail.ru

Bauman Moscow State Technical University

Fufurina Tatyana Alekseevna

✉ fufurina@mail.ru

Bauman Moscow State Technical University

The article considers scientific texts of positive and negative expressiveness. The influence of expressiveness on text perception and its meaning is noted. The correlation between information and language expressiveness is presented. The specific features and ways of positive and negative text representation are described. The tendency towards positive representation of negative information is shown.

Keywords: scientific discourse, text, expressiveness, positive expressiveness, negative expressiveness, English language

References

- [1] Matveeva T.V. Tonal'nost' razgovornogo teksta: tri sposoba opisaniya // *Stylistyka v V.* Opole. 1996. Pp. 210–221.
- [2] Teliya V.N. Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic. M.: Nauka, 1986.
- [3] SHahovskij V.I. Emotivnyj komponent znacheniya i metody ego opisaniya: Ucheb. posobie k speckursu. Volgograd, 1983.
- [4] Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 tt. / red. D.N. Ushakov. M.: Terra, 1996. T. 3. P–Ryashka. 712 p.

- [5] Chernyavskaya V.E. Intertekstual'nost' kak tekstoobrazuyushchaya kategorija vtorichnogo teksta v nauchnoj kommunikacii. Ul'yanovsk, Izd-vo Srednevolzhskogo nauchnogo centra, 1996. P.108.
- [6] Slovar' russkogo jazyka: v 4 tt. M.: GIINS,1961. T. IV, p.1055.

УДК 811.111

Лексические средства реализации оценочности в новостном блоке английской газеты

Никонова Екатерина Андреевна

✉ ekatnikon2014@yandex.ru

Московский государственный институт международных отношений

Новостное сообщение — жанр, для которого характерны объективность и безэмоциональность; ведущая функция — информирование. Однако сегодня наблюдается снижение фактологичности содержательной структуры новостного сообщения. Под влиянием массмедиа дискурса в новостном сообщении усиливается тенденция к оценочности, которая на лексическом уровне выражается с помощью эмоционально-оценочной лексики, использования усилительных частиц и неформальной лексики.

Ключевые слова: дискурс, новостное сообщение, оценочность, массмедиа

Исследователи современного массмейдийного дискурса отмечают тенденцию к доминированию эмоционального над фактологическим, субъективного над объективным, стереотипного над беспристрастным. «Классические представления о журналистике как об ответственной и стремящейся к объективности сфере человеческой деятельности сегодня не пользуются спросом у медиа-профессионалов» [1, с. 118]. Расхожим стало представление о средствах массовой информации (СМИ) прежде всего как об инструменте создания постправды и манипулирования сознанием, а не трансляции информации. Тем не менее считаем данные высказывания преждевременными. Как показывают наши более ранние исследования [Никонова], несмотря на рост субъективности в ряде жанров СМИ сохраняется превалирование информативной функции. К таким жанрам можно отнести новостное сообщение.

Основная задача новостного сообщения — оперативное информирование аудитории о текущих событиях. Это определяет такие его черты, как точность, краткость, целостность, справедливость, объективность [2, с. 103]. В качестве главной черты новостного сообщения исследователи выделяют ясность содержания, при этом читателю предоставляются только факты таким образом, чтобы читатель сам смог сделать все необходимые выводы [3].

В связи с широким использованием новостных сообщений в информационном противостоянии различных политических сил — как на международ-

ной арене, так и во внутриполитическом пространстве США и других стран [Жиганова, с. 54] — исследователи обращают внимание на то, что в лингвистическом наполнении новостных сообщений снижается фактологичность содержательной структуры [Жиганова, с. 59]. На наш взгляд, одним из основных проявлений данной тенденции служит усиление оценочного элемента в новостных сообщениях.

Понятие «оценка» (наряду с оценкой существует понятие «оценочность»; данные понятия в рамках данного исследования будут рассматриваться как синонимичные) получило широкое освещение в лингвистике и в самом широком смысле может быть определено как приписывание говорящим положительных или отрицательных черт субъекту речи (Ивин А.А., Матвеева Т.В., Синепупова О.С., Телия В.Н.). Оценка базируется на мнении «субъекта оценки о положительной или отрицательной (негативной) ценности обозначаемого в целом или какого-либо его свойства, основанное на неписанных, но узуальных нормах ценностной картины мира, сложившейся в данном языковом коллективе и на основе его жизненной философии» [4, с. 54], позволяет транслировать отношение субъекта речи к объекту и всегда субъективна [5, с. 222]. Оценка может быть выражена средствами языка различных уровней. Поскольку новостные сообщения имеют достаточно жесткую композиционно-содержательную структуру и предполагают сведение к минимуму или полное отсутствие авторского начала, способы выражения оценочности в данном жанре весьма ограничены. На основе анализа 200 новостных сообщений ведущих англоязычных изданий *the Economist*, *the Week*, *the New York Times*, *the Guardian* за 2019–2020 гг. был сделан вывод о том, что лексические средства реализации оценки являются наиболее частотными. К ним относятся эмоционально-оценочная лексика, использование усилительных частиц, а также неформальной лексики.

Эмоционально-оценочная лексика

Эмоционально-оценочная лексика нехарактерна для новостных сообщений, ведущей функцией которых является информирование. В этой связи ее использование на фоне беспристрастного сухого повествования всегда выступает в роли яркого средства воздействия.

COVID-19 featured large in the vice-presidential debate between Kamala Harris and Mike Pence, a more *orderly affair* compared with the *fireworks* of the Biden-Trump encounter a week ago [*the Economist*].

В данном примере автор противопоставляет дебаты вице-президента США Майка Пенса и претендента на этот пост Камалы Харрис как “*orderly affairs*” (упорядоченный процесс) и “*fireworks*” (фейерверк). В контексте данного новостного сообщения слово “*fireworks*” выступает как эмоционально окрашенное и призвано подчеркнуть хаотичность и агрессивность дебатов кандидатов на пост президента. Во время дебатов оба лидера пренебрегали правилами, предусматривающими запрет на прерывание ответа оппонента, в итоге дебаты не удались. Вместо того чтобы высказать эту мысль прямо, ав-

тор прибегает к эмоционально-оценочному слову, позволяющему транслировать его позицию и оказывать воздействие на читателя.

Использование усилительных частиц

Использование усилительных частиц “too”, “much”, “hardly”, “even” и т. п. для придания определенного оттенка слову или предложению является распространенным приемом трансляции авторской оценки в новостных сообщениях.

In the week that international data confirmed that England has experienced the worst excess mortality in Europe <...>. Some have sought to blame this rise on young people — or, in the case of one Tory backbencher, on a lack of social distancing among ethnic minorities — but it's the Government's fault for relaxing measures *too* quickly [The Week].

В данном новостном отрывке автор сообщает о росте количества смертности в результате коронавируса, а также приводит различные мнения о возможных причинах. Автору не удалось сохранить беспристрастность: он прямо высказывает мнение, согласно которому правительство виновато в росте смертности, поскольку ограничительные меры были сняты слишком рано. Данное мнение выражено достаточно ярко благодаря усилительной частице “*too*”.

Использование неформальной лексики

Неформальная лексика, как правило, используется с целью придания экспрессии и создания эмотивности. Но поскольку новостные сообщения лишены выразительности, ведущей функцией неформальной лексики в новостных сообщениях является трансляция оценки:

If the British government was wondering what the next *clanger* in its handling of covid-19 would be, then outdated software provided the answer [the Economist].

В данном отрывке автор прибегает к слову “*clanger*” (промах), относящемуся к неформальному пласту лексики. Кэмбриджский словарь определяет “*clanger*” как что-то, что произнесено по ошибке, что смущает или расстраивает окружающих [6]. Термин призван не просто назвать явление, но косвенно передать отношение автора к политике правительства Великобритании по борьбе с коронавирусом, которое он считает неправильным.

Итак, будучи частью массмедиийного дискурса, для которого характерны субъективность и высокая степень эмоциональности, новостное сообщение переживает тенденцию к росту оценочности, которая на лексическом уровне выражается с помощью эмоционально-оценочной лексики, использования усилительных частиц, а также неформальной лексики.

Литература

- [1] Ильченко С. Как нас обманывают СМИ. СПб.: Питер, 2019. 320 с.
- [2] Дьянкова Т.В. Основные принципы и структура новостных сообщений // Lingua mobilis. 2011. № 2 (28). URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 18.10.2020).

- [3] Рейн М. Редакционное руководство Си-Би-Эй (телерадиовещательной ассоциации стран Британского содружества). URL: <http://eartist.narod.ru/text3/83.htm> (дата обращения 18.10.2020).
- [4] Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. М.: Наука, 1991. 54 с.
- [5] Клименко К.В. Оценочность как особый прием субъективации и как способ передачи авторской позиции // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 222–254.
- [6] Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed October 21, 2020).

Lexical Stylistic Divices of News-Block Evaluation Trends (On the Example of English-Language Newspapers)

Nikonova Ekaterina Andreevna ekatnikon2014@yandex.ru

Moscow, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia

News-block is an objective, unbiased and unemotional genre which is aimed at informing the audience, providing fact-based information. However nowadays we observe a tendency towards the reduction of factual information in news-blocks. Being a part of the mass media discourse news-block sees an evaluation tendency, which is realized by such stylistic devices as emotional vocabulary, intensifiers and informal language.

Keywords: news-block, evaluation, mass media, discourse

References

- [1] Il'chenko S. Kak nas obmanyvayut SMI. SPb.: Piter, 2019. 320 s.
- [2] D'yankova T.V. Osnovnye principy i struktura novostnyh soobshchenij // Lingua mobilis. 2011. № 2 (28). URL: <https://cyberleninka> (accessed: 18.10.2020).
- [3] Rejn M. Redakcionnoe rukovodstvo Si-Bi-Ej (teleradioveshchatel'noj associacii stran Britanskogo sotrudnistva). URL: <http://eartist.narod.ru/text3/83.htm> (accessed: 18.10.2020).
- [4] Teliya V.N. Mekhanizmy ekspressivnoj okraski yazykovyh edinic // Chelovecheskij faktor v yazyke. M.: Nauka, 1991. 54 s.
- [5] Klimenko K.V. Ocenochnost' kak osobyj priem sub"ektivacii i kak sposob peredachi avtorskoj pozicii // Sibirskij filologicheskiy zhurnal. 2015. № 3. S. 222–254.
- [6] Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 21.10.2020).

A Resume Sample as an EMPLOYEE Concept Frame in English-Language Business Discourse

Pashina Alyona Vladimirovna pashina14@mail.ru

Industrial University of Tyumen

The article is devoted to the analysis of various English resume samples in the Internet business discourse. This genre of business self-presentation is considered as a specific form

of concept verbalization. This is a text whose structure, determined by the laws of perception and axiological attitudes of the business community, imposes on the recipient a scenario for deploying the concept frame.

Keywords: English business discourse, resume, concept, frame, concept frame

The resume and cover letter form a set of «job application» documents required by the applicant in the search for a new job, which can be created using certain techniques developed by experts and presented in the Internet samples.

The purpose of the research is to identify the specifics of the mechanisms for implementing an EMPLOYEE concept in the resume samples of the English-language Intranet business discourse.

The term *discourse* is supposed to be a complex nonlinear system of interconnected texts that are implemented both in traditional written (printed) and audio-visual / graphic forms. These texts are determined by a sphere of human activity, a topic, goal, situation of communication, cultural experience of communicants, and they verbalize the concepts that constitute the conceptual sphere of this discourse.

The genre of the summary is fixed in the discourse of written correspondence, but there is no single universally recognized model of its description. We can find a set of specific recommendations for preparing a resume in the educational and academic discourse, as well as in the business media discourse. The style of recommendations for writing a resume on the Internet, as a rule, is far from official business and tends to colloquial speech, but in terms of subject matter, purpose, and conceptual content, these texts belong to the business discourse. Various Media, recruitment agencies and websites offer their own resume samples. In this regard, in relation to the resume, it is appropriate to talk about the English-language business discourse in general, taking into account the current trend of increasing the role of the Internet and the technical capabilities provided by it (resume designers, video resumes, the use of various graphic techniques, etc.).

In our opinion, a resume sample is a specific mechanism for verbalizing the EMPLOYEE concept.

A *concept* is an operational unit of human thinking that is expressed verbally, but has a larger information volume than the meaning of a word and includes both individual representations due to unique experience, and general stereotypes, often unconscious by a native speaker, transmitted by the national language picture of the world. A concept can be expressed in a single word, phrase, text, or visual image.

The term *frame* was proposed in the 70s by M. Minsky [1] to denote the structure of knowledge for the perception of spatial scenes in the development of artificial intelligence. Frame theory is based on the hypothesis that “knowledge about the world consists of structural cells with a fixed set of stereotypical situations.... Terminal nodes represent invariant parameters of the situation, and slots represent their variable implementation. Slots are a kind of cells that can be filled with different data in each particular case — groups of words that represent the potential for language updating of the frame» [2].

A resume sample is a kind of visualized frame, the points of which, like slots, reveal individual characteristics of a candidate. The *conceptual frame* is a structure used to describe the processes of thinking in human consciousness (artificial intelligence structures). However, this article attempts to consider a resume sample as a specific verbalized frame — an artificially structured (including graphically) text frame, the purpose of which is to create the concept of EMPLOYEE.

A resume is created for the purpose of structuring data within a stereotypical situation (presenting information about yourself as an employee for the purpose of employment). A recipient who receives a resume expects to read certain information organized in a certain way.

Completeness of this information varies depending on the needs of an employer or/and an employee, legislation, economic trends and society in general, unwritten rules in a particular national business community, corporations, companies, etc. In the twenty-first century in English business discourse individual characteristics (gender, age, race, marital status, etc.) are behind of the modern resume borders and they are pushed away to the periphery of the concept EMPLOYEE. In connection with laws that prevent discrimination, the relevant paragraphs are almost non-existent: “Adding your birthdate could lead to ageism. Add only if required, such as for jobs serving alcohol, for example” [4]. For the same reason, it is not recommended to accompany a resume with a photo: “A date of birth is no longer needed, owing to age discrimination rules. A photo is only essential for jobs such as acting and modelling” [5].

Two different trends should be taken into account when preparing a resume. On the one hand, like any official-business-style text, it should be easy to read, concise, and up to the point. On the other hand, the resume has to stand out from others, be a kind of marketing tool that promotes the compiler in the labor market: “Think of your resume this way: It’s an advertisement, and YOU are the product. Your goal is to get hiring managers to buy into what you’re selling — which means giving you an interview. To accomplish that, you need to see it as your marketing tool... Without it you are powerless” [6].

Some experts recommend starting with the *extended resume objective, summary* or *resume statement*. In this section in summary form a person *tailoring his\her own resume* should describe the experience, skills and qualities that an applicant seeks to apply for the desired position. Further information about work experience, education, and other achievements and interests only proves the thesis stated at the beginning.

The other items are arranged in a strict hierarchy: in the first place (at the very top or to the left on a specially highlighted strip in a different color), the information that most favorably characterizes the candidate will be located. The resume can be *chronological* (all career stages are listed sequentially), *functional* (the skills that a candidate currently has are indicated), or *mixed* one (combining these points). The reverse chronology allows to characterize the applicant «here and now», which not only saves a recipient’s time, but also helps to present a candidate as an accomplished specialist.

Thus, a resume sample is a frame that each candidate fills with individual information. Resume writing is largely a creative process that reflects the candidate's personality. On the one hand, original resumes are appreciated, stating the applicant's non-standard, innovative thinking. On the other hand, a resume should have a clear, recognizable structure that makes it easier to read (the frame should be recognizable). A compiler imposes on the recipient a scenario for deploying the concept frame, indicating the strengths in a visually strong position (beginning, left edge) and leaving his\her weaknesses on the periphery or glossing over. The *resume frame* is labeled culturologically and displays axiological attitudes adopted by the Western business community.

References

- [1] Minsky M. Frames for presentation of knowledge / Ed. from English. O. N. Greenbaum; edited by F. M. Kulakov. Moscow: Energia, 1979, 151 p. Translation of ed. Minsky, Marvin A framework for representing knowledge / Marvin Minsky Cambridge, 1974.
- [2] Voloshina N.V. The question of the interpretation of the concepts "concept" and "frame" in modern linguistics URL: [.https://ppglu.ru/upload/iblock/362/uch_2010_iii_00007.pdf](https://ppglu.ru/upload/iblock/362/uch_2010_iii_00007.pdf)
- [3] Gerencer T. Resume Summary Examples (30+ Professional Summary Statements) URL: <https://zety.com/blog/resume-summary>
- [4] How to make a resume for a job.
URL: <https://zety.com/blog/how-to-make-a-resume#contact-information>
- [5] Peachey K. How to write a successful CV.
URL: <https://www.bbc.com/news/business-15573447>
- [6] Slack M. How to Write a Resume: The Complete Guide.
URL: <https://resumegenius.com/how-to-write-a-resume>

УДК 811.111

Шаблон резюме как фрейм концепта EMPLOYEE в англоязычном бизнес-дискурсе

Пашина Алёна Владимировна pashina14@mail.ru

Тюменский индустриальный университет

Статья посвящена анализу различных шаблонов резюме, опубликованных в англоязычном сегменте бизнес-дискурса сети Интернет. Жанр деловой самопрезентации рассматривается как специфическая форма вербализации концепта. Резюме — текст, структура которого, обусловленная законами восприятия и аксиологическими установками бизнес-сообщества, навязывает реципиенту сценарий развертывания фрейма концепта.

Ключевые слова: англоязычный бизнес-дискурс, резюме, концепт, фрейм, фрейм концепта

Литература

- [1] Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О.Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 151 с. Перевод изд. Minsky, Marvin A framework for representing knowledge / Marvin Minsky Cambridge, 1974
- [2] Волосухина Н.В. К вопросу о трактовке понятий «концепт» и «фрейм» в современной лингвистике. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/362/uch_2010_iii_00007.pdf (дата обращения 09.10.2020).
- [3] Геренсер Т. Примеры резюме резюме (30+ профессиональных резюме). URL: <https://zety.com/blog/resume-summary> (дата обращения 09.10.2020).
- [4] Как написать резюме для работы. URL: <https://zety.com/blog/how-to-make-a-resume#contact-information> (дата обращения 09.10.2020).
- [5] Пичи К. Как написать успешное резюме. URL: <https://www.bbc.com/news/business-15573447> (дата обращения 09.10.2020).

УДК 81

Специфика текста и дискурса в сетевых дискурсивных практиках

Пиневич Елена Валентиновна

✉ elenapinevich@yandex.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Болдоева Татьяна Анатольевна

✉ bos1173@mail.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Рассмотрены методологические основы гипертекста, актуальные для ведения дискурса в виртуальном пространстве как в языковой среде. Поставлен вопрос о понимании системы восприятия и адекватного понимания множества различных текстов в гипертекстовом пространстве сети на основе разнообразных языковых, социокультурных информационных материалов как различных «сценариев» и специально созданных дискурсивных проектов. Особое внимание уделено объяснению цепочки свойств гипертекста, которые используются для разработки идентификационных, пространственно-временных текстов со сложными конфигурациями этих моделей ведения сетевого дискурса.

Ключевые слова: гипертекст, мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность, моделирование коммуникации, речевые ситуации, дискурс на основе гипертекста, профессиональный контекст дискурса, научная речь, «коммуникативный почерк»

В условиях сформировавшейся новой коммуникативной реалии актуальность проблемы текста и дискурса в сети заключается в том, что гипертексты — это особая коммуникативная среда, особое место реализации языка, никогда ранее не существовавшее и названное «социальным полем». С этой точки зрения, текст, его функционирование в виртуальной среде без отрыва от ре-

альной речевой действительности находится в сложной системе гипертекстов и их информационных потоков, тематических ресурсов определённой спецификой многоуровневого коммуникативного пространства. Например, WMC–Web* Mobile*Content*Collaboration, где [1, с. 12] констатируется появление языковой, виртуальной личности (*language identity*), а дискурс (от франц. (*discours*) — речь в виртуальном пространстве) есть связанный текст с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными и другими аспектами. Речь рассматривается как целенаправленное социальное действие, как компонент участвующий во взаимоотношении людей [2, с. 24], так как по мнению современных философов, при работе в интернете у человека задействуются «другие зоны» деятельности мозговых ареал, влияющие на процессы мышления, на способность к пониманию и критическому анализу текстов, на способность концентрации при активном чтении текстов, на коммуникацию, дискурс.

В научной традиции нет пока и единого мнения о терминологии, касательно гипертекстов и коммуникации в сети. Так, в английском языке используется термин компьютерно-опосредованная коммуникация; немецкие авторы ведут речь о коммуникативных практиках; российские исследователи говорят об электронном или виртуальном тексте, сетевом тексте. Сам гипертекст и его специфика как источника информации и отправного пункта для коммуникации требует определения, какой текст может быть использован в данном речевом сообщении, в данной конкретной ситуации. При этом текст выступает как система восприятия и адекватного понимания множества различных текстов в гипертекстовом пространстве, когда человек устанавливает многоуровневая связь между частями текстовой информации, создает оригинальные пути извлечения из сети разнообразных языковых, социокультурных материалов в виде собственно смоделированных информационных блоков познавательного характера, в виде различных «сценариев» и в специально создаваемых дискурсивных проектах, где дискурс организован в виде пучка интертекстуальных связей гипертекста. Такой текст выводится в виде отдельных коммуникативных элементов, связанных между собой. Затем, найденные фрагменты выводятся за пределы гипертекста, собираются вновь в новый текст (согласно Гамбургской концепции понимания текста [3, с. 45]).

Исходя из свойств гипертекста, его мультимедийности, интертекстуальности, интерактивности, можно говорить о сложных формах новой коммуникативной деятельности. Единицей для всех видов сетевой коммуникации становится определенным образом структурированный текст как носитель смысла, как высшая коммуникативная единица, где информация представлена мультимедийно винтертекстуальной системе [2, с. 6], а гипертекст рассматривается в качестве своеобразного интерфейса — среды взаимовлияния и обратных связей.

Для анализа степени мультимедийности электронных гипертекстов, с точки зрения их ценности используется заимствованная из психолингвистики

методика «взвешивания» текста [5, с. 28], когда присвоение количественного «веса» оцениваемым суждениям выстраивается в соответствии с основными мыслями читателя текста, выраженными в новом текстовом сообщении. Расчет итогового коэффициента делается по формуле среднего арифметического (выявление группы ценностных профилей). Например, «напряженность» текстов на сайте www.deutsch-als-fremdsprache.de имеет весовой коэффициент 3, сайт www.studien.de характеризуется меньшей напряженностью и имеет весовой коэффициент 2, в сайт www.bild-online.de вводится дополнительная информационная нагрузка в основной гипертекст, поэтому весовой коэффициент равняется 1. Ценность информации зависит от цели, с которой она генерируется (её выбор в условиях постоянно меняющейся информации) или воспринимается (при восприятии навязанного читателю выбора информации в электронных гипертекстах). Ценность информации выражается формулой М.М. Бонгарда [3, с. 54]:

$$W_1 = \log_2 \frac{P_i}{p},$$

где P_i — выражение цели до выбора любого варианта. Если до выбора варианта все вероятности одинаковы, то $p = 1/n$. Если ..., то ценность положительна. В противном случае ценность информации отрицательна.

Второе свойство гипертекста — гипертекстуальность позволяет интерактивно «вступать в контакт» с текстом или несколькими текстами для коммуникации с пользователями сети, а затем «следовать» по электронным соединениям или самостоятельно создавать их в форме собственной лексемы. В языковом плане это вызывает большие сложности, которые приводят к разрушению обычного синтаксиса. Большая часть таких сложностей относится именно к синтаксису предложений, когда наблюдается редукция, использование большого количества избыточной информации, ничего не выражающих предложений, когда усиливается агрегативность сообщений. Принципиальным отличием организации текстового материала является представление информационного материала, которое опирается на лингвистические принципы понимания текста. Например, на сайтах есть так называемые тезисы, подкреплённые ссылками к другим текстам, из которых одни являются неотъемлемыми (семантическими), другие подходящими (прагматическими). Проблема состоит в том, как определить, какие ссылки являются необходимыми и, какими языковыми средствами они должны быть выражены. Для решения этого вопроса важно понимать не только содержание, но и форму гипертекстового предложения и компоненты аргументации вводных аннотаций в текстах. Поиск информации на тактическом уровне — это уровень элементарной аргументированной единицы, т. е. не только план содержания, но план выражения текста. Он оказывается значимым для установления его информативности и корректности информации. Стратегический уровень в этом случае отвечает за описание общей организации гипертекста.

Интерактивность как третье свойство гипертекстов, которое предполагает активный диалоговый процесс на основе электронных гипертекстов, вынуждает ориентироваться в каждом сегменте сети как при отборе информационного материала, так и при построении речи, чтобы сделать сообщения максимально на основе текста коммуникации, но при этом образуя свой коммуникативный «почерк», с правилами сетевого этикета, соориентированный на коммуникативные диалоговые формы. В качестве коммуникативной единицы представления информации выступает высказывание, которое является либо самостоятельной когнитивно-коммуникативной единицей (в случае оформления гиперссылки), либо функционирует в качестве элемента текста.

Новая практическая задача по построению текста с «расширяющимися синтагмами» [3, с. 56], мобилизует внимание человека на более зрелое, так называемое критическое понимание информации, когда распределяется информационная нагрузка и сложен сам характер внутри текстовых связей. Особенно сложен здесь процесс проведения коммуникации, как выражение коммуникативного поведения в сети. Так как дискурс, рассматривается как текст, то все материалы гипертекстов одновременно могут быть как ресурсами, средствами коммуникации, объектами, так и все вместе — компонентами интернет-технологий, которые позволяют осуществлять аутентичную деятельность проблемного дискуссионного содержания. Коммуникация происходит через печатное слово и особые формы ведения диалога с использованием часто упрощенного языка (смайлы, эмотиконы, итерации, язык комиксов, англицизмы и т. п.) [4, с. 2], поэтому интеракция такого рода требует умения писать тексты спонтанно, с учетом реакции адресата и быстрой смены письменных высказываний. При этом, осуществляя поиск информации, превращая ее с сайта сети в «живой» дискурс, согласно особенностям коммуникативной ситуации, важно не допускать «потерянности» и дезориентации в теме дискурса. Для этого необходимо обладать «внутренним суплером», который необходим для правильного понимания коммуникативной типологии. Это означает расшифровку графической информации и культурных видео-указателей, требующих определенных знаний и реалий жизни, а также внеязыковых корреляций, которые соотносятся с понятийной структурой. Участвуя в коммуникации в кооперации с другими коммуникантами в сети, человек использует структурно-организованный текст собственного сообщения, соблюдая его последовательность, релевантность, структуризацию разделов и логическую последовательность мыслей, например, если это коммуникация происходит во время конференции. Так как научная речь — это всегда опосредствующее звено между специализированным языком или специализированными выражениями, называемыми научной терминологией, а также языком живым, то для участия в таких дискурсах (информационных, pragmatических, контактоустанавливающих) необходима включенность в ситуацию общения, когда важен и живой язык в интерактивном гипертекстовом пространстве.

Таким образом, коммуникация на основе гипертекстов имеет три направления, когда текст рассматривается как: продукт сложной деятельности по порождению текста и рецепции текстовой информации, происходящей в социальной сфере коммуникации; единица текстовой деятельности и текстовой коммуникации в сети; средство для решения проблем организации и «процессного» управления текстовой деятельностью в условиях сетевой коммуникации [6, с. 2]. В гипертекстах закодирована не только мыслительная задача или комплекс мыслительных задач, но и ключ к решению этих мыслительных задач, ровно как средство деятельности по дешифровки авторского коммуникативного намерения во время прямой коммуникации. Например, когда коммуникация на основе текстов в сети идёт от клишированной информации к не клишированной через фрагменты новой коммуникативной ситуации (изменение направленности действия в гипертексте).

Анализируя такой дискурс, следует обратить внимание, как адресаты используют язык для передачи своих мыслей и как они строят свои сообщения, а также как адресаты работают над их интерпретацией. Конкретные тексты имеют определенные шаблоны и показывают различные структуры дискурсов говорящих. Поэтому, дискурс возможен на любом «подключенном» из сети тексте. В него можно включить элементы или последовательности элементов, которые имеют идентичные или эквивалентные среды других элементов в предложение, пресуппозицию, импликатуру, которые будут как особое направление внимания со стороны говорящего через его выражения или формы. Наконец, поскольку участники дискурса, не имеют прямой доступ к замыслу говорящего, то следует полагаться на процесс дедуктивного вывода, основанного на контекстуальных знаниях, на организованных фоновых знаниях, которые приводят к прогнозированным аспектам высказываний в дальнейшей интерпретации дискурса. Это могут быть ментальные представления типичных ситуаций для прогнозирования содержания по теме.

В контексте коммуникации, учитываются предложения, фразы или слова, которые включает конкретная гипертекстовая ссылка на то, что упоминалось до и после во фрагменте беседы. Поэтому, чем больше текст в целом, тем надежнее его интерпретация, когда текст дискурса устанавливает сложность вложенности всех контекстов. В этом случае наблюдается узкая взаимосвязь риторики и грамматики. С риторической точки зрения дискурс может содержать все особенные элементы в теме беседы. Это могут быть очень широкие понятия с составляющими элементами в процессе коммуникации между людьми в специфике чата, через языковые театрально-инсценированные формы, интерактивные формы игры, базирующиеся на текстовой конструкции, где участники коммуникативного действия одновременно являются авторами, режиссерами и аудиторией. Речь идет об аутентичном представлении самого себя или имитации как совершенно другого лица. Элементы театральности в синхронной коммуникации обеспеченной компьютерными сетями — это: а) устная близкая к разговорной речи коммуника-

ция, б) рамки ситуативного представления, где есть осознание того, что это представление и является представлением, фиктивной сценой, в) социальная дистанция, когда общающиеся через чат друг друга не знают, но и не пытаются ничего знать друг о друге.

Таким образом коммуникация в сети — это миллионы взаимодействующих пользователей, которые в режиме реального времени могут обмениваться мультимедийной гипертекстовой информацией. За счет масштаба сети возникают новые свойства и отношения в строении и динамике дискурса через потоки мультимедийной информации, через сетевые модели. На современном этапе изучения гипертекста и дискурса в сети уже обобщён ряд разработанных направлений по теме, существует множество монографий на междисциплинарной основе. Все эти работы базируются на разработках по лингвистике, математике, по компьютерной науке (Computer Science, e-Social Science, в частности, Social Network, Computing, Supercomputing), информационной науке (Information Science), а также на методологических разработках научно-исследовательских лабораторий университетов разных стран www.abroad.ru/reference/ratings/rating9.php

Литература

- [1] National Science Foundation, Beyond Being There: A Blueprint for Advancing the Design, Development, and Evaluation of Virtual Organizations, Final Report from Workshops on Building Effective Virtual Organizations, May 2018. Available at: <http://www.ci.uchicago.edu/events/VirtOrg2008/> (accessed October 10, 2020).
- [2] Landow George P., Hypertext 3.0. Critical Theory and New Media in an Era of Globalization. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2016. Pp. 35–79.
- [3] Storrer Angelika (2001): Sprachliche besonderheiten getippter Gespräche: Sprecherwechsel und sprachliches Zeigen in der Chat-Kommunikation // Beißwenger (Hrsg.). 2017. Pp. 3–24.
- [4] Болдова Т.А. Культурный и образовательный интерфейс Интернета // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV, вып. 1. № 69–70. С. 292–298.
- [5] Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: учебник для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., испр. М.: Смысл; Издат. центр «Академия», 2005. 288 с.
- [6] Болдова Т.А. Возможности использования трехмерных моделей сценариев в преподавании иностранного языка. Вестник Московского государственного лингвистического университета // Образование и педагогические науки. 2017. Вып. 4 (775). Обеспечение качества и развития языкового образования в нелингвистическом вузе. С. 143–150.
- [7] Boldova T. Überlegungen zu den aktuellen Aufgaben und zukünftigen Perspektiven der Ausbildung der Fremdsprachenlehrer an den russischen Hochschulen. Vorträge am Slavischen Seminar der Universität Tübingen, No. 41. Herausgeber: Tilman Berger, Rolf-Dieter Kluge, Jochen Raecke Redaktion: Michaela Fischer. Tübingen, 2011.

The Specifics of the Text and Discourse in a Network of Discursive Practices

Pinevich Elena Valentinovna elenapinevich@yandex.ru

Bauman Moscow State Technical University

Boldova Tatyana Anatolevna bos1173@mail.ru

Bauman Moscow State Technical University

In the article considers the methodological foundations of hypertext relevant for conducting virtual discourse as a common linguistic environment in virtual space. The question is raised about understanding the system of perception and adequate understanding of many different texts in the hypertext space of the network based on a variety of language, socio-cultural information materials in the form of various "scenarios" and specially created discursive projects. Special attention is given to explaining the chain of certain properties of hypertext, which are used to develop identification, counterfactual and spatio-temporal texts with complex configurations of these models for conducting network discourse, which regulate the formation of language consciousness

Keywords: Hypertext, multimedia, hypertextuality, interactivity, modeling of speech situations of discourse based on hypertext, professional context of discourse, scientific speech, "communicative handwriting"

References

- [1] Boldova T.A. Possibilities of using three-dimensional models of scenarios in teaching a foreign language. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences. Issue 4 (775). Ensuring the quality and development of language education in a non-linguistic university. M., 2017. Pp. 143–150.
- [2] Boldova T.A. Cultural and educational interface of the Internet // Personality. Culture. Society. T. XIV. Issue 1. Nos. 69-70. Moscow, 2012. Pp. 292–298.
- [3] Boldova T. Überlegungen zu den aktuellen Aufgaben und zukünftigen Perspektiven der Ausbildung der Fremdsprachenlehrer an den russischen Hochschulen. Vorträge am Slavischen Seminar der Universität Tübingen, №41. Herausgeber: Tilman Berger, Rolf-Dieter Kluge, Jochen Raecke Redaktion: Michaela Fischer. Tübingen, 2011.
- [4] Leontiev A.A. Fundamentals of Psycholinguistics: A Textbook for Stud. higher. study. institutions. 4th ed., Rev. M.: Sense; Publishing Center "Academy", 2005. 288 s.
- [5] Landow George P., Hypertext 3. 0. Critical Theory and New Media in an Era of Globalization. The John Hopkins University Press, Baltimore, 2016. Pp. 35–79.
- [6] National Science Foundation, Beyond Being There: A Blueprint for Advancing the Design, Development, and Evaluation of Virtual Organizations, Final Report from Workshops on Building Effective Virtual Organizations, May 2018. Available at: <http://www.ci.uchicago.edu/events/VirtOrg2008/>
- [7] Storrer, Angelika (2001): Sprachliche besonderheiten getippter Gespräche: Sprecherwechsel und sprachliches Zeigen in der Chat-Kommunikation. In: Beißwenger (Hrsg.), 2017. Pp. 3–24.

УДК 81.13

Теория коммуникативных стратегий и дискурсивный анализ

Хорева Лариса Георгиевна novella2000@mail.ru

Российский государственный гуманитарный университет

Рассмотрен вопрос о роли коммуникативных стратегий в дискурсивном анализе текста. Автор статьи, опираясь на работы Ю. Лотмана, М. Бахтина, Л. Витгенштейна, Т. Ван Дейка, приходит к выводу, что термин «коммуникация» сегодня трактуется иначе, наполнен множеством новых смыслов. Новые представления о речевом акте, установке коммуникантов дают возможность прогнозировать итог коммуникации.

Ключевые слова: дискурс, коммуникативная стратегия, Ю. Лотман, М. Бахтин, Л. Витгенштейн, Т. Ван Дейк

Последние десятилетия XX века и первые десятилетия XXI века отмечены сменой классической традиции новой, структуралистской по своим основаниям, концепцией. Выросший из нее дискурсивный анализ становится отправной точкой анализа текстов. Основные идеи дискурсивного анализа принадлежат Ш. Балли, Т. Ван Дейку, И.А. Фигуровскому, З. Харрису, В. Дресслеру и др.

Во главу угла дискурсивный анализ ставит концепт коммуникации и изучает те факторы, которые способны на данный концепт повлиять. В частности, речь идет о социокультурных кодах (правила, традиции, моральные нормы). Кроме того, немаловажную роль здесь играет определенная социальная практика, в рамках которой люди и осуществляют коммуникацию.

Теория коммуникативных стратегий является неотъемлемой частью дискурсивного анализа.

Наука о коммуникации сегодня носит междисциплинарный характер: исследования науки о коммуникации являются достоянием историографии, литературоведения, культурологии, лингвистики, социологии, психологии, антропологии. Психологи и социологи берут на вооружение теорию коммуникативных актов Ньюкома, литературоведы и историки — учения Ю.М. Лотмана и М.М. Бахтина [1].

Все существующие на сегодняшний день исследования можно свести к единому знаменателю, а именно исходному тезису о социальной природе самого процесса коммуникации. В лингвистических исследованиях последней трети XX столетия это нашло отражение в анализе речевого поведения с точки зрения взаимодействия участников процесса коммуникации как членов общества. В рамках данного подхода сегодня активно развивается ряд таких направлений, как дискурсный анализ, когнитивные аспекты дискурса, национально-культурная специфика процесса коммуникации, анализ коммуникативные стратегии.

Сегодня термин «коммуникация» означает качественно иное понятие, чем то, которое сложилось в середине прошлого века. Тогда процесс коммуникации рассматривался как односторонний процесс, при котором происходит передача информации от отправителя (адресанта) получателю (адресату). В большей степени исследователей занимала фигура адресанта, чем адресата, а само сообщение интересовало лишь как объект дешифровки и интерпретации. Однако уже XX столетие подарило нам множество открытий о тексте. Так, Ю.М. Лотман, рассуждая о структуре текста [2, с. 90–91], делает заключение, что каждый текст может и должен стать предметом анализа как особым образом устроенный механизм, обладающий способностью максимальной концентрации информативной составляющей. Продолжая размышлять на эту тему, Ю.М. Лотман делает второй вывод о том, что объем информации в любом тексте можно рассматривать как функцию числа альтернативных сообщений. При этом, как подчеркивает ученый, текст часто обладает так называемой скрытой информацией, которая может качественно отличаться от лежащего на поверхности сообщения. Автор делает свой выбор в пользу того или иного множества, когда выбирает тот или иной жанр для передачи своего сообщения, поскольку жанр является тем самым контуром, который во многом определяет специфику сообщения и уже заранее предупреждает читателя о других, скрытых, сообщениях внутри основного текста. Таким образом, уже сама структура сообщения становится носителем информации, поскольку функционирует, ориентируясь на нормы данной структуры. Проникновение в систему скрытых смыслов заставляет читателя основательно подумать, прежде чем выбрать тот или иной дешифрующий код.

Ю.М. Лотман подчеркивает, что только структурно организованный материал может стать средством хранения информации. Безграничные возможности, отсутствие каких бы то ни было правил, отсутствие системности означает смерть коммуникации, а вовсе не ее расцвет. Лотман категоричен: чем сложнее система правил, тем свободнее автор в передаче информации и тем выше информационный потенциал текста. В качестве доказательства исследователь приводит пример светофора: три цвета светофора значительно проще, чем алфавит и правила грамматики, однако, сигналы, передаваемые световыми вспышками, значительно сложнее поддаются дешифровке, чем несколько фраз, написанных в соответствии с правилами русского языка [2]. В этом Лотман солидарен с Л. Витгенштейном, который заявлял, что в логике никогда не бывает неожиданностей [3, с. 36]. С исследованиями Ю.М. Лотмана были солидарны другие теоретики теории коммуникации (Р. Якобсон, У. Эко, М.М. Бахтин и др.).

В процессе передачи информации адресант кодирует ее в виде фреймов и передает ее адресату в соответствие с собственной интенцией. Задача адресата, получив информацию, расшифровать ее и осознать намерения адресанта.

Важно отметить, что воздействующим эффектом будут обладать все компоненты схемы коммуникации. Но в зависимости от того, какой из них

задействован в большей степени, будут различаться коммуникативные стратегии.

Что же такое коммуникативные стратегии? Концепт «стратегия» изначально являлся принадлежностью военной науки и определялся как искусство ведения военных действий. Сегодня лингвисты, психологи и литературоведы включают в семантическое поле значения термина «стратегия» ряд действий, связанных с социальной конфронтацией коммуникантов, прогнозирование поведения адресанта и адресата, особенности интерпретации переданного сообщения, иными словами, поведенческие и речевые тактики участников коммуникации.

Итог коммуникации может быть спрогнозирован с учетом представлений о речевом акте, установки коммуникантов (взаимодействие, оппозиция / конфронтация, создание определенного представления о ситуации), знания о ситуации в целом [4, с. 13].

Опираясь на работы Т. ван Дейка, Ю. Лотмана, М. Бахтина, мы можем сегодня выделить три типа когнитивных стратегий: воздействующие на поведение, образ мыслей и шкалу ценностей, хотя тут же оговаривается, что в условиях реальной коммуникации они могут быть представлены комплексно. К первому типу (воздействующему на поведение адресата) исследователь относит тактики совета, подчинения, угрозы, предупреждения. На шкалу ценностей адресата адресант воздействует, применяя тактики обвинения, упрека, издевательства, оправдания и другим, им подобные. Воздействие на представление ситуации адресат осуществляет при помощи собственной интерпретации событий, фреймирования и рефреймирование: происходило или нет событие, как происходило событие, кто участвовал, портреты участников события. Каждый из заданных вопросов может стать маркером стратегии.

В зависимости от намерения адресанта стратегии могут быть систематизированы следующим образом: регулятивные стратегии (цель которых — вызвать изменения в ситуации); диктальные стратегии (которые должны сообщить адресанту о произошедшем событии); модальные стратегии (цель которых — выразить эмоции и волеизъявление адресата). Эти стратегии являются общими для всех типов дискурсов и могут быть реализованы на всех уровнях текстового анализа [4, с. 16–19].

Литература

- [1] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- [2] Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. С.14–285.
- [3] Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2005. 440 с.
- [4] Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

УДК 82

Анализ повести «Метель» А.С. Пушкина с точки зрения лингвистики

Чэнъхуэй Цзи 1648577420@qq.com

Тайюаньский технологический университет

Творчество русских писателей неотделимо от уникальной природно-климатической среды: долгая суровая зима и снег, летящий по небу. С XIX века до наших дней «метель» всегда была одной из любимых тем русских писателей. Этот уникальный природный феномен кажется уникальным культурным символом, имеющим разные культурные коннотации в произведениях разных писателей. «Метель» Пушкина также следует этой теме. В нашей статье мы проанализируем эту повести с трёх сторон: субъект повествования, структура повествования и исследование на тему «метель», и также проанализируем культурную коннотацию, содержащуюся в «Метели» Пушкина, и значение для людей, стран и даже нации.

Ключевые слова: метель, судьба, таинственная сила, духовный мир

Благодаря своим высоким широтам и уникальной природной среде, зима всегда особенно долгая и холодная и часто сопровождается метелями. Язык часто отражает фокус внимания нации, и в русском языке есть много слов, которые указывают на метель, например «вьюга», «пурга», «блища́рд» и «буран». «Метель», как обычное для россиян природное явление, часто встречается в литературных произведениях, многие писатели даже ставят «метель» темой своих произведений. К примеру, «Мороз, красный нос» Некрасова, «Светлана» Жуковского, «Метель шумит, и снег валит...» и «Кто в утре зимнее, когда валит...» Лермонтова, «Шинель» Гоголя... Как русский писатель, творчество Пушкина часто уходит корнями в русскую почву, причём это природное явление выступает в качестве фона повести, таких как «Зимний вечер», «Бесы», повесть «Метель» непосредственно «метель» как название и тема.

Повесть «Метель» из цикла «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», одна из самых романтических и поэтических историй, она была написана в 1830 году, когда Пушкин был вынужден оставаться на карантине в родовом имении Болдино Нижегородской губернии из-за эпидемии холеры. «Метель» рассказывает историю любви, как шутку: богатая барышня Мария и бедный офицер Владимир полюбили друг друга, но из-за решительного противодействия родителей, супруги решили тайно пожениться. В ту ночь была метель, Владимир заблудился в метели и не приехал в церковь, а потерявшая сознание Мария по ошибке вышла замуж за другого офицера Бурмина, влюбленные в итоге не дождались друг друга. Позже Мария тяжело заболела в постели из-за разбитого сердца, и ее отец даже смягчился и согласился

быть вместе, но Владимир почему-то не появился, а участвовал в войне 1812 года и в итоге погиб на поле боя. Много лет спустя Мария и офицер Бурмин постепенно полюбили друг друга, но однажды Бурмин сообщил удивительную новость, что он женат, но даже не знает своей жены. Он рассказал историю о снежной ночи много лет назад, которая также напомнила Марии о прошлом, оказалось, что они были женаты много лет назад! Это действительно шутка судьбы! Но судьба не совсем жестока, она приносит людям страдания и в то же время оставляет возможность счастья. В этой истории метель является движущей силой развития всей истории, и поворотным моментом в судьбе главных героев, чтобы измениться. В творчестве Пушкина метель-это не просто природный климат, но имеет культурная коннотация, обладает некой таинственной силой, влияющей на судьбу личности и даже на будущее государства и нации. В нашей статье мы проанализируем эту повести с трёх сторон: субъект повествования, структура повествования и исследование на тему «Метель», и также проанализируем культурную коннотацию, содержащуюся в «Метели» Пушкина, и значение для людей, стран и даже нации.

Субъект повествования

Французский философ Зветан Тодоров делит повествовательный ракурс на три типа: всеведущий, внутренний и внешний. Всеведущая перспектива (то есть нулевая перспектива) состоит в том, что рассказчик больше роли, то есть рассказчик знает больше, чем любой персонаж, и не может объяснить читателю, откуда он все это знает. Внешняя перспектива состоит в том, что рассказчик меньше, чем персонаж, и рассказчик знает меньше обо всем, что он рассказывает, чем все персонажи. Внутренняя перспектива заключается в том, что рассказчик равен персонажу, то есть рассказчик знает столько же, сколько знает Персонаж, рассказчик использует только персонажа, с его точки зрения, чтобы передать все [1]. Различные субъекты повествования в работе подобны зеркалам множества призм, и они интерпретируют все аспекты статьи с разных точек зрения. Поэтому понимание роли каждого повествовательного субъекта чрезвычайно важно для понимания статьи. «Повести по-крайней мере Ивана Петровича Белкина» — это цикл повестей, состоящий из пяти произведений: «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка». Можно сказать, что работа была завершена тремя «авторами»: реальным автором Пушкиным, собирателем повести Белкиным и рассказчиком повести.

Прежде всего, реальный автор произведения Пушкин: В произведении воплощается авторское «я» — это собственные взгляды Пушкина на жизнь, ценности и личные переживания в полной мере отражены в произведениях, которые выражены через Беркина. Например, описание Бурмин в «метели»: «Бурмин был, в самом деле, очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмешливый» [2]. Это описание скрывает соб-

ственный взгляд автора на молодого человека. Кроме того, Пушкин также хорошо умеет использовать символические приемы, через описание окружающей обстановки и описание сцены показать трагический смысл повести. На пример, «поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего невзвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землею» и «Метель не утихала; ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу» [2]. Таким образом, автор намекает на то, что Мария и Владимир столкнутся с несчастьем и предстанут перед трагической судьбой, выражая пушкинские мысли о стремлении к освобождению личности, свободе любви и вызове традиционным моральным нормам в обществе того времени. Во-вторых, собиратель повести — Белкин.

Долгое время «Белкин» был в центре дискуссий среди литературоведов. Некоторые считают, что роль «Белкина» существует только для того, чтобы связать пять рассказов с разными темами, потому что каждый рассказ, как сюжет, так и тема, имеет мало общего с Белкиным, а рассказ в «Повести Белкина» не был задуман Иваном Петровичем Белкиным, но он слышал и записывал от разных людей: «Выстрел» рассказал ему «подполковник И.Л.П.», «Станционного смотрителя» — «титулярный советник А.Г.Н.», «Гробовщика» — «приказчик Б.В.», «Метель» и «Барышню-крестьянку» — «девица К.И.Т.». Но многие люди думают, что Белкин находится в центре повествования повести А. Григорьев поставил Белкина в центр пушкинского прозаического цикла, ему вторил Достоевский, считавший, что «в повестях Белкина важнее всего сам Белкин» [3, с. 134]. В предисловии к повестям Пушкин кропотливо описал биографию «Белкина» для того, чтобы сделать образ героя реальным, эти истории реальными. Кроме того, автор описывает такого персонифицированного повествователя, который также задает определенную перспективу и позицию для повествования повести. В-третьих, участник и рассказчик повести: это рассказчик, а в некоторых рассказах — это участник. Например, в повести «Станционный смотритель» рассказывается история встречи «я» со станционным смотрителем Вырином, дочерью Дуней, через общение с Выриным показывают трагическую жизнь маленького человека Вырина. Поэтому в рассказе рассказчик может не только участвовать во всей событии, но и с точки зрения стороннего наблюдателя описывать и комментировать события, что может понимать повести легче, это также является главной особенностью «Повести Белкина».

В «Метели» рассказчиком является благородная дама «Девица К.И.Т.». Поэтому повествование всего текста полно русского сельского аристократического стиля. Например, описание жизни и любви героини Марии: «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и следственно была влюблена... Наши любовники были в переписке, и всякий день видались наедине в сосновой роще или у старой часовни. Там они клялись друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предположения...» [2].

С одной стороны, эти детали отражают повседневные привычки русской аристократии XIX века, любовные свидания и т. д., но и в полной мере показывают аристократический статус рассказчика, который в принципе не отделен от русского аристократического жизненного круга XIX века. С другой стороны, это также показывает аристократическую жизнь XIX века в глазах Пушкина. Пушкин дразнил и высмеивал стремление дворян к французской романтике в то время, а также скучал с пошлой и скучной аристократической жизнью. Одним словом, трансформация трех субъектов повествования в повести значительно обогащает уровень «Повести Белкина», делая форму и содержание этого произведения более красочными.

Структура повествования

«Метель» — одна из самых поэтичных в «Повести Белкина», структура повести весьма причудлива, автор использует разнообразные повороты, чтобы сделать повесть более драматичным, углубить коннотацию повести: внезапная метель, потеря Владимира, обморок Марии, ошибочная свадьба, смерть Владимира, Мария и Бурмин встретились четыре года спустя... Так много перипетий и поворотов, что читатели не узнают результата, не увидев конца романа, всё из которых отражают судьбу персонажа «все возможно». По содержанию повесть можно разделить на две части: история любви Марии и Владимира, история любви Марии и Бурмина. Потому что в повествовании о любви Марии и Владимира не упоминается Бурмина, а последняя любовь Бурмина и Марии, хотя и неожиданная, но тоже логична. Некоторые подробности о метельной ночи, когда пересекаются две любовные линии, Пушкин не уточнил, например, что именно произошло в ту ночь с Марией? Добралась ли она до церкви? Что же увидел Владимир, когда наконец пришел в церковь? Почему Владимир не решился навестить Марию, когда она поправилась? И «Он объявлял им, что нога его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остается единую надеждою»^[2]? Ближе к концу «Истории любви Марии и Бурмина» Бурмин признался, что четыре года назад он женился на странной девушке, и вспомнил странное переживание ночи метели 1812 года, которое постепенно разгадало загадку. В отличие от обычной структуры, Пушкин хронологически не позволил Бурмину рано включиться в любовную историю Марии и Владимира, а позволил ему появиться несколькими годами позже в другом месте, влюбленным в Марию. Так что в мире любви Марии Бурмин и Владимир находятся в равном положении, а не в роли внезапного «нарушителя», их конечная судьба определена Богом.

Кроме того, Пушкин объявил правду четыре года назад в конце романа, тоже сделал метель еще более загадочной. Почему же так совпало, что в то время, когда Владимир заблудился, Бурмин забрел в церковь и женился на Марии, вместо Владимира метель стал распорядителем судьбы, изменив судьбу трех человек. Поворотным моментом повести является таинственная сила метели, так что влюбленные люди из-за этой природной случайности

разминулись друг с другом, в результате чего произошла трагедия их любви. Но именно в результате этой трагедии возник великий дух трагедии, сделавший их любовь более священной и драгоценной. Конечно, судьба не жестока, принося отчаяние и принося новую надежду. В конце концов Бурмин, вернувшись с триумфом, передал Марии святую любовь от имени Владимира. Пушкин также использовал таинственную силу метелей для решения реальных проблем и духовного утешения россиян. В то же время метель содержит религиозную мысль Пушкина, то есть люди после страданий возвестят новую надежду.

В конце концов, творчество Пушкина придерживаются лаконизм : четкой структуры, ясной темы, и образ персонажа также отражает простую красоту. Развитие сюжета романа с «метелью» как единственной ключ, кроме того, в повести отсутствует пролог и эпилог. Благодаря этому произведение обрело лёгкость, простоту и точность. Например, в конце повести: «Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам...» [2]. Повесть неожиданно закончилась, о чём ещё говорили Мария и Бурмин, мы не знаем. После того, как они узнали правду, у них обоих появилось какое-то настроение, это дает читателям бесконечное воображение. Пушкин создал типичный персонаж в нескольких простых словах, к примеру, описание Марии в повести: «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и следственно была влюблена» [2]. Таким образом, в повести представлен типичный образ девушки: у нее хорошая семья, и она очень жаждет романтической любви.

Исследование на тему «Метель»

«Метель» — это пространство русской литературы. Если вы сядете зимой в сани где-нибудь за Валдаем и поедете, в вас проснется не Брет Истон Эллис, а Некрасов или Тургенев [4]. «Метель» всегда была традиционной темой в русской литературе, у каждого писателя образ метели также имеет свои особенности: Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой, Блок, Бунин, Пастернак, Сорокин и др. К примеру, «Мороз, красный нос» Некрасова, «Светлана» Жуковского, «Метель шумит, и снег валит...» и «Кто в утре зимнее, когда валит...» Лермонтова, «Шинель» Гоголя... Эти работы были поставлены на фоне метели. Сорокин также рассказал в интервью о своей работе, что метель — это и субъект, и объект. И персонаж, и сцена. И герой, и декорация — задник, на фоне которого происходит действие. Это стихия, которая определяет жизнь людей, их судьбу.^[4] Поэтому в разных произведениях метель имеет несколько культурных значений: смерть, таинственная сила, социальная жестокость, революция...

В стихотворении «Светлана» Жуковского метель представляет собой предзнаменование смерти. Светлане приснился кошмар в гадании о ее замужестве, в котором девушка и ее жених собирались пожениться, но неожиданно перенесли похороны

*Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;*

*Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: печаль!
Коны торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы [5].*

Девушка была введена в хижину метелью и вороной, а в доме стоял гроб, в котором лежал ее жених. Но на самом деле, к счастью, ее жених наконец вернулся, все это просто кошмар. Метель — это предупреждение о смерти, тревожное чувство. Хотя метели на самом деле не было, это было проявлением внутренней тревоги Светланы и беспокойства по поводу замужества. В рассказе Светланы метель и Ворона стали вестниками девушки, увидевшей тело своего жениха. Можно сказать, что метель стала представителем «смерти» в творчестве Жуковского. Метель Пушкина вместо этого несет в себе какую-то таинственную силу. Стихотворение «Светлана» цитируется в предисловии к повести «Метель», чтобы показать на связь между двумя произведениями. Оба произведения связаны с любовью и личной помолвкой, но метель в «Светлана» представляет внутреннюю тревогу героя, и во всем произведении лишь второстепенное место, а в «Метели» Пушкина метель как ключ и центральная подсказка статьи, имеющей много значений. Для Марии на дворе была метель; ветер выл, ставни тряслись и стучали; всё казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием [2]. Плохая погода выражала сложное настроение Марии, метель также становилась пророком бедствий и несчастий, предполагая, что действия Марии не будут гладкими, настоящая опасность скрыта в метели. Для Владимира — «Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел», «Метель не утихала, небо не прояснялось» [2]. Владимир потерял рассудок в метель и заблудился. Для Бурмина — «вдруг поднялась ужасная метель... Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал» [2]. Как будто судьба все устроила. Поэтому, несколько отличаясь от Жуковского, метель Пушкина еще имеет таинственную силу.

Метели обладают непреодолимой таинственной силой, которая меняет судьбы отдельных людей и даже нации. Судьба издавна была вечной темой древнегреческой мифологии, сверхъестественной силой, господствующей над человеком, необратимой. Подобно тому, как писатель Пушкин женился на своей жене в феврале 1831 года, «Повести Белкина» вышел в феврале того же года, Пушкин умер в феврале 1837 года, «Метель» эта повесть произошла в феврале, жизнь Пушкина и февраля как будто имеет какую-то неразрывную связь, но также как судьба героев романа и метели также имеет неразрывную связь. Метель в творчестве Пушкина — это, в некотором смысле, представитель судьбы. Герой сталкивается с метелью в действии, план вынужден меняться, и даже судьба персонажей изменилась. Точно так же, как в рассказе»

метель» из-за метели изменились судьбы трех человек: Мария и Бурмин, чужие друг другу, в конце концов поженились, что привело Владимира к участию в войне, чтобы избежать этого огорчительный результата и в конечном итоге лишило его жизни...

В «Шинели» Гоголя метель имеет значение выражения жестокости общества и людей. Повесть рассказывает о жизни «маленького человека» в обществе. Он всем безразличен, но искренне любит свою маленькую должность. Лишь одно обстоятельство выдергивает его из привычного уклада жизни: покупка новой шинели [6]. Но после того как у него отобрали пальто, никто не захотел помочь этому маленькому человечку, и генерал даже накрепко и равнодушно ругал его, «В жизнь свою он не был еще так сильно распечен генералом, да еще и чужим» [7]. Акакий Акакиевич Башмачкин с отчаянием бродил в метели. «Он шел по выноге, свистевшей в улицах, разинув рот, сбиваясь с тротуаров; ветер, по петербургскому обычаю, дул на него со всех четырех сторон, из всех переулков» [7]. В это время метель кажется сообщницей равнодушного генерала, издевается над бедным человечком, лишая его последней надежды. Но, когда Акакий Акакиевич становится призраком на улицах Петербурга, чтобы отомстить большому человеку, метель, кажется, снова становится его партнером. Особенно когда Акакий Акакиевич снял шинель генерала: «Изредка мешал ему, однако же, порывистый ветер, который, выхватившись вдруг Бог знает откуда и невесть от какой причины, так и резал в лицо, подбрасывая ему туда клочки снега, хлобуча, как парус, шинельный воротник или вдруг с неестественною силою набрасывая ему его на голову и доставляя, таким образом, вечные хлопоты из него выкарабкиваться» [7]. Метель с Акакием Акакиевичем дразнила этого надменного генерала. Метель Гоголя избавилась от загадочного стиля, стала озорным ребенком, её присутствие показывает несправедливость общества и равнодушие человечества, а также безжалостный удар по судьбе маленького человека...

Заключение

Пушкин постепенно развивал в своем творчестве собственную метельную тему: тайна и благовенение. Например в «Зимнем вечере»:

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крути;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшающей
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит [8].*

Стихотворение описывает страшную и паническую катастрофу, выражая ненависть и отвращение автора к метели. Позже, в повести «Метель», метель обладает непреодолимой таинственной силой, способной изменить судьбы

людей, поэтому он рассматривал метель как проявление судьбы, через метель объяснял могущественную и таинственную судьбу. Его творческое настроение также сменилось от сопротивления и ненависти к миру и благоговению.

В целом метель как проявление природных и социально-исторических проблем, ее культурная коннотация меняется в разные эпохи и в разных произведениях, показывая глубокое мышление интеллектуалов. В последние два столетия русские писатели размышляли о судьбах человечества, общества, государства и даже нации через природное явление «метель», через непрерывный анализ смысла метели национальный дух России постепенно углублялся. Писатели, все без исключения, считают, что человек хрупок перед лицом природы, точно так же, как человек ничего не может сделать перед лицом могучей судьбы, но русские продолжают двигаться вперед с твердой верой в метели. Ведь метель сильна, но добро и красота человечества также могут победить эту злую силу. Точно так же, как Мария и Владимир в рассказе «метель» перед лицом сурового климата все еще настаивают на встрече друг с другом, Владимир ехал на санях по полям, хотел выбраться из этого заблудшего состояния. Это также отражает то, что русские продолжают размышлять, постоянно пересматривать и стремиться найти смысл своего существования, и их духовный мир также перестраивается в размышлении и исправлении.

Литература

- [1] 倪静 · 一个灵魂的自述——浅谈苏童《菩萨蛮》的叙述视角 [J]. 当代小说, 2010, (1) : 78 . // Ni Jing. A soul tells about itself-On the Narrative Perspective of Su Tong's "Bodhisattva" // [J]. Contemporary novel. 2010. Vol. 1. P. 78.
- [2] Александр Пушкин — Повести Белкина. URL: <https://skazki.rustih.ru/rasskazy/aleksandr-pushkin-proizvedeniya-rasskazy/aleksandr-pushkin-povesti-belkina/> (дата обращения 12.10.2020).
- [3] Григорьев А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
- [4] Сорокин В. Обнять Метель [N] // Известия. 2 апреля 2010. URL: <http://izvestia.ru/news/360256> (дата обращения 12.10.2020).
- [5] Светлана: стихотворение Василия Жуковского. URL: <https://rupoem.ru/zhukovskij/raz-v-kreschenskij.aspx> (дата обращения 12.10.2020).
- [6] Шинель. Н.В. Гоголь [Электронный ресурс]. URL: <https://obrazovaka.ru/books/gogol/shinel>
- [7] Краткое содержание «Шинель» [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/980/p.1/index%20html> (дата обращения 12.10.2020).
- [8] Пушкин А. Зимний вечер [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihixix-xx-vekov.ru/pushkin198.htm> (дата обращения 12.10.2020).
- [9] 段丽君.俄罗斯经典作家笔下的暴风雪主题 [J]. 俄罗斯文艺, 2015 (04): 46–58. // Duan Lijun. Snowstorm theme in classic Russian writers' works // [J]. Russian Literature. 2015. Vol. 4. Pp. 46–58.

УДК 82

Мотылек, бабочка, муха — метафизика языка в поэзии Иосифа Бродского

Ян Сюоди yangxiaodi1984@163.com

Тайюаньский технологический университет

Внимание к метафизическому полю всегда было отличительной чертой поэзии русско-американского поэта Иосифа Бродского. В своих стихотворениях, написанных в 1960-х, 1970-х и 1980-х годах, он сосредоточился на метафизических проблемах, таких как «мечта и свет, ничто и существование, творение и смерть» на основе трех крошечных созданий природы — мотылек, бабочка и муха. По анализу поэтической группы, составленной этими тремя насекомыми, в данной статье сделана попытка углубиться в философскую коннотацию поэта и через эволюцию ее смысла раскрыть художественно-эстетическую и творческую концепцию поэта.

Ключевые слова: Метафизика, мотылек, бабочка, муха

И. Бродский и метафизика

Еще в 1963 году молодой Бродский (1940–1996) привлек к себе внимание критиков поэмой «Большая элегия Джону Донну». Бессспорно, что английский поэт-метафизик XVII века в лице Джона Донна оказал на него огромное влияние. Этот жанр поэзии эпохи барокко известен своими отличительными чертами — «рациональной связностью, концептуализмом, точностью и богатым воображением» [1, с. 113]. В ранних поэтических произведениях Бродского мы уже находим характерные черты этого литературного жанра: поэт соединяет повседневное с неповседневным и сочетает отдаленную реальность с метафорическим мышлением. Он наблюдает эфемерные, преходящие явления жизни и пытается проникнуть в ее видимость, чтобы обнаружить присущую ей непреходящую ценность за пределами времени. Как выразился поэт: «А меня как раз заботит метафизический потенциал человека — это то, в чем я упражнялся и буду упражняться всю мою жизнь» [2, с. 551].

По этой причине Бродский в своей поэзии всегда опирался на ряд конкретных объектов для исследования заключенной в них вечной философской ценности. По его мнению, мысль о вещи более ценна, чем сама вещь. В своем стихотворении «Колыбельная трескового мыса» (1975) поэт писал: «Время больше пространства. Пространство — вещь. / Время же, в сущности, мысль о вещи» [3, с. 215]. Эта точка зрения была затем повторена в его эссе «путешествие в Стамбул» (1977): «Пространство для меня действительно и меньше, и менее дорого, чем время. Не потому, однако, что оно меньше, а потому, что оно — вещь, тогда как время есть мысль о вещи. Между вещью и мыслью, скажу я, всегда предпочтительно последнее» [4, с. 308].

Итак, в поэтическом мире поэта мы видим множество конкретных объектов: звезды, море, пустыню, деревья, воду, снег, сады, фонтаны, бабочек, мух, скульптуры и т. д. Эти зрительные и воспринимаемые объекты становятся конкретными объектами, несущими метафизическую философию поэта и являющимися основой его философского мышления о реальном мире, в котором он находится.

В данной статье рассматриваются объекты-«насекомые» в поэзии Бродского — мотыльки, бабочки и муhi — и исследуются философские выводы, содержащиеся в них. Можно сказать, что, являясь символом души, мотыльки, бабочки и муhi независимы от тела лирического героя, раскрывая глубокие размышления поэта над такими метафизическими вопросами, как жизнь и смерть, существование и ничто, творение и наследственность.

Мотылек: мечта и свет

В 1960-е годы в ранней поэзии Бродского образ «мотылька» впервые появился как символ идеала и света, дающий молодому поэту безграничный духовный комфорт. Впервые это нашло отражение в его стихотворении 1960 года «Лети отсюда, белый мотылек».

В начале стихотворения лирический герой предстает себя в образе защитника, нежно ухаживающего за хрупкими на вид мотыльками:

*Лети отсюда, белый мотылек.
Я жизнь тебе оставил. Это почесть
и знак того, что путь твой недалек.
Лети быстрей. О ветре позабочусь.
Еще я сам дохну тебе вслед.
Несись быстрей над голыми садами.
Вперед, родной. Последний мой совет:
Будь осторожен там, над проводами [5, с. 29].*

Лирический герой знает, что у этого мотылька жизнь недолгая, дорога небезопасная, сердце его полно жалости, беспокойство осозаемо. В то же время мотылек в его глазах — не только простой организм, он также несет в себе надежды и мечты поэта на будущее:

*Что ж, я тебе препоручил не весть,
а некую настойчивую грезу [5, с. 29];*

Очевидно, что мотылек, несущий мечту лирического героя, не только может достичь высот свободы, но и является символом перевоплощения души, наделенной метафизической окраской. В этот момент поэт еще раз осторожно предупредил об этом крошечном, но загадочном белом мотыльке:

*Смотри ж, не попади под колесо
и птиц минуй движением обманным.
И нарисуй пред ней мое лицо
в пустом кафе. И в воздухе туманном [5, с. 29].*

«Она» здесь либо относится к сердцу женщины лирического героя, либо к его мечте (греза), но они существенно связаны. Поэтому мотылек вновь стал средством связи лирического героя с благими ожиданиями будущего. Можно себе представить, что лирический герой, прикованный к действительности дилеммой, смотрит на мотылька перед собой, как будто смотрит на свою мечту, тревожится о ее хрупкости, бренности; завидует ее свободе, таинственности. Он позаботился о мотыльке и попросил его отвезти себя в твердую мечту, пусть даже пока неясную и расплывчатую: ...*в пустом кафе. И в воздухе туманном*. Можно сказать, что 20-летний Бродский посредством белого мотылька, обладая таинственной силой (перевоплощением души), соединяет лирического героя и мечту и смотрит в будущее со смутной надеждой.

Этот мотылек, олицетворяющий жизненную силу и надежду, затем упоминается в стихотворении «Я обнял эти плечи и взглянул...» (1962). В комнате этой «пыльной, затвердевшей среды» только летящий мотылек будет отводить глаза лирического героя от тех неподвижных, безжизненных «вещей», так что окружающий затвердевший воздух потечет вверх, принесет свежее дыхание жизни.

Затем в написанном в 1965 году стихотворении «Зимним вечером на сеновале» образ мотылька появляется снова и несет лирическому герою свет и тепло.

В начале стихотворения мы видим это «сено, покрытое зимним снегом», чувствуем прикосновение холодного и меланхолического дуновения. Однако когда лирический герой встречает мотылька, все, кажется, меняется. Насторонение лирического героя улучшилось, сено стало теплым, температуры достаточно, чтобы защитить слабого мотылька:

Снег сено запорошил
сквозь щели под потолком.
Я сено разворошил
и встретился с мотыльком.
Мотылек, мотылек,
от смерти себя сберег,
забравшись на сеновал.
Выжил, зазимовал [6, с. 144].

По-видимому, лирический герой восхваляет это существо. Он еще раз с жалостью посмотрел на мотылька, убедил его защитить свою жизнь, пожелал ему выжить, продолжить чудесную жизнь.

В начале второго восьмистишия поэт начинает с точки зрения «мотылька» и описывает живую окружающую среду в его глазах. И эта жизненность отчетливо согласуется с образом самого мотылька в глазах лирического героя:

Выбрался и глядит,
как «летучая мышь» чадит,
как ярко освещена

*бревенчатая стена.
Приблизив его к лицу,
я вижу его пыльцу
отчетливей, чем огонь,
чем собственную ладонь [6, с. 144].*

В глазах мотылька мы видим присутствие огня, который всегда символизировал надежду, освещая окружающие бревенчатые стены. В этой яркой и теплой обстановке образ мотылька становится все более четким. Видимо, в этот холодный зимний вечер лирический герой видит в мотыльке жизненную силу и надежду. Она чудесным образом приносит ощущение лета, согревает одинокое сердце лирического героя, возвращает в его память июльскую полиру. В результате стог сена становится частью лета и источает тепло в холодную зиму:

*Среди вечерней мглы
мы тут совсем одни.
И пальцы мои теплы,
как июльские дни [6, с. 144].*

И все это происходит из появления маленького мотылька. Можно сказать, что именно появление мотыльков олицетворяет жизненность и свет, так что атмосфера стихотворения меняется от темной к светлой, от холодной к теплой. Белый мотылек как близкий друг героя в холодных зимних сумерках приносит ему утешение. Начало и конец стихотворения замыкаются перекрестными рифмами, а середина —двойными рифмами, отражающими высокую гармонию между мотыльком и лирическим героем, природой и даже всем миром.

Очевидно, что в целом в описании «мотылька» в 1960-е годы молодой поэт изобразил идеал, свет и тепло романтическим тоном. Это мечта, душа, символ энергичной жизненной силы. Но в образе бабочки, появившейся в 1970-х годах, эта «белизна» больше не существует, и ее значение изменилось.

Бабочка: ничто и существование

В 1972 году, в год ссылки, Бродский написал стихотворение «Бабочка», где бабочки заменили мотыльков как объект внимания поэта. Если мотылек является символом идеала и света, то бабочка в этом стихотворении предстает в образе «смерти», несущей поэту вопрос о смысле существования.

Говоря о причине, по которой он написал «Бабочку», Бродский слегка пошутил: «Много лет назад, в России, я ухаживал за девушкой. После концерта, концерта Моцарта, когда мы бродили по улицам, она сказала мне: «Иосиф, в твоей поэзии все прекрасно», — и прочее, «но тебе никогда не удастся сочетать в стихотворении ту легкость и тяжесть, какая есть у Моцарта». Это меня как-то озадачило. Я хорошо это запомнил и решил написать стихи о бабочке. Что ж, надеюсь, у меня получилось» [7, с. 65]. Ясно, что сочетание «легкости и тяжести» здесь относится к легкости позы бабочки и тя-

жести смысла её жизни. Подобно мотыльке, бабочка также является символом «души». В древнем и современном Китае и за рубежом, образ бабочки всегда был неотделим от «небытия и смерти». В этом стихотворении поэт выражает свои мысли о времени, существовании и небытии через прекрасную, великолепную, но недолговечную бабочку.

В начале стихотворения поэт пытается показать, что парадоксальное существование бабочки похоже на шутку создателя:

*Сказать, что ты мертва?
Но ты жила лишь сутки.
Как много грусти в шутке
Творца! [3, с. 51].*

Ни одно существо на земле не может сравниться с вечностью вселенной, и именно в этом несоответствии поэт видит «грустную шутку» творца. Но что еще более отчаянно, так это то, что не только короткая жизнь бессмысленна, но даже уходящие годы не оставили значительного следа, став неизбежным ничтожеством для тех, кто ее проводит:

*Затем, что дни для нас — ничто.
Всего лишь ничто [3, с. 151].*

Очевидно, что каждый день приближает людей к смерти. Поэт внимательно наблюдает за бабочкой смерти: с одной стороны, она символизирует каждый проходящий день; с другой стороны, она символизирует эфемерную человеческую жизнь в целом. Но в то же время яркие цвета бабочек кажутся отрицанием небытия. Его развернутые крылья отпечатаны таинственными узорами, которые очерчивают загадочный контур:

*Сказать, что вовсе нет
тебя? Но что же
в руке моей так схоже
с тобой? И цвет —
не плод небытия.*

.....
*На крылышках твоих
зрачки, ресницы —
красавицы ли, птицы —
обрывки чьих,
скажи мне, это лиц,
портрет летучий?*

.....
*Возможно, ты — пейзаж,
и, взявши лупу,
я обнаружу группу
нимф, пляску, пляж [3, с. 152].*

Это неодушевленное насекомое прекрасно. Мы видим, что великолепные крылья бабочки полны «неземных узоров, образов и пейзажей» [8, с. 101]. Это хрупкое насекомое явно мертвое, но его крылья, кажется, содержат в себе весь таинственный мир, символизирующий энергичную жизненную силу. С одной стороны, он неподвижен, с другой стороны, но в нем представлена динамика полета, с «летающим портретом». Ясно, что бабочки принадлежат к идеальному и духовному царству, летят над людьми и вещами, прочь от пошлого реального мира. И хотя бабочка рождается лишь на краткий миг — но вы живете только один день. Это может быть потому, что «рождение и смерть происходят в один и тот же день, когда бабочка помещается вне времени» [9, с. 252–253], свободные от плоти. Это подобно идее вечной красоты, легкости, таинственности, вдали от материального мира, принадлежащего времени. Она полна искушений из-за своего собственного совершенства.

Очевидно, идея «бессмысленности» в поэме о бабочке не вызывала у Бродского абсолютного пессимизма. Пристально взглядаваясь в загадочный узор на крыльях бабочки, лирический герой пытается разобраться во всем, чего не может понять в реальности:

*Я думаю, что ты —
и то, и это:
звезды, лица, предмета
в тебе черты.
Кто был тот ювелир,
что бровь не хмуря,
нанес в миниатюре
на них тот мир,
что сводит нас с ума,
берет нас в клещи,
где ты, как мысль о вещи,
мы — вещь сама? [3, с. 153]*

Здесь снова предлагается «мысль и мысль о вещах» — люди суть вещи, а бабочка — суть мысли о вещах, принадлежащих к более высокому уровню существования. А «тот мир» — это другая сторона, гармоничная, прекрасная. Люди могут оценить его красоту, даже если они не могут понять ее. В этот момент, видя эту «смертную бабочку» как объект философского мышления, поэт, кажется, дал ей вторую жизнь. Пальцы лирического героя отбивают «совершенно безмолвное слово», это слово подобно лишенной голоса бабочке трепещет, смертная бабочка так и воскресает — поэзия возродила бабочку в эстетическом явлении. Здесь через слова поэт как бы преодолевает пропасть между собой и творцом и тоже становится творцом новой жизни:

*Так делает перо,
скользя по глади
расчерченной тетради,*

*не зная про судьбу своей строки,
где мудрость, ересь
смешались, но доверяясь
толчкам руки,
в чьих пальцах бьется речь
вполне немая,
не пыль с цветка снимая,
но тяжесть с плеч [3, с. 155].*

Очевидно, Бродский здесь пытается указать на то, что человек подобен сознательному носителю языка и должен бороться со временем. В то время как время создает бессмысленность и ничто, язык — единственная надежда конкурировать с ним.

С точки зрения Бродского, мир подобен эстетическому феномену, и только экзистенциальная эстетика может гарантировать вечность. Поэзия, литература, живопись и т. д. могут сохраняться в мире и после смерти человека, что является истинным смыслом человеческого существования. Вот почему люди заслуживают того, чтобы выжить. Можно сказать, что человечество ищет выход перед лицом почти отчаянного, вечного страха смерти. И этот выход во имя «созидания» дает лирическому герою надежду выбраться из беды. Иными словами, создавая другую фантазию, эстетическую реальность, человечество обретает возможность спасения, примиряется со своим бессмысленным существованием и тем самым обретает вечную индивидуальную свободу.

Но в то же время люди, несмотря на свой интеллект и воображение, являются всего лишь «объектами», игрушками в руках «невидимой силы — Творца», неспособной предсказать будущее. От центра построения мира вниз к звену вспомогательной цепи. Поэт отмечает зависимость и беспомощность человека в этом мире, указывая на то, что это не является целью сотворения мира:

*Такая красота
и срок столь краткий,
соединяясь, догадкой
кривят уста:
не высказать ясней,
что в самом деле
мир создан был без цели,
а если с ней,
то цель — не мы [3, с. 155].*

Если целью познания мира является не человек, то его существование и его представление о том, что происходит вокруг него, потеряют свой смысл. Этот трагический аргумент еще раз связан с «размышлениями о времени» поэта. Можно сказать, что эта смертная бабочка полна парадоксов, она символизирует притягательную жизненность, но подчеркивает жестокость огра-

ниченного временем превращения Богом всего искусства в мире за пределами природы, включая человека, в ничто. Но поэт явно не собирался сдаваться. Вот почему он вдохновил поэта, открыв на крыльях бабочки таинственный мир, который остался прекрасным после его физической смерти. Можно сказать, что именно искусство (литература) как цепь между человеческим существованием и вечностью, наполняет смыслом его жизнь. Поэтому в конце поэмы поэт утешительными словами дает бабочке смерти новое положение между существованием и небытием: лучше, чем небытие:

*Ты лучше, чем Ничто.
 Верней: ты ближе
 и зримее. Внутри же
 на все на сто
 ты родственна ему.
 В твоем полете
 оно достигло плоти;
 и потому
 ты в сутолоке дневной
 достойна взгляда
 как легкая преграда
 меж ним и мной [3, с. 156].*

Короче говоря, легкая грусть, проходящая через стихотворение «Бабочка», вопрос о смысле жизни, мысль о ценности существования, свидетельствуют о противоречии между поэтом и действительностью и попытками найти путь к спасению. Очевидно, что новая и трудная жизнь после эмиграции заставляет поэта вновь задуматься о смысле и ценности жизни, о стремлении к самоспасению. Это сложное душевное состояние отражено в парадоксальных размышлениях поэта о таинственном и прекрасном «ином мире», представленном «смертной бабочкой» и ее крыльями в реальном мире.

Муха: творение и смерть

Спустя 13 лет после написания «Бабочки», в 1985 г., поэт обратил свой взор на муху. Если мотылек и бабочка принадлежат к идеальному и духовному полу, то это должно заставить поэта восхищаться существованием; тогда муха принадлежит к низкому уровню диапазона повседневной жизни, но также и объект собственной аналогии поэта. Подобно бабочке, структура стихотворения «Муха» также является графической, и его стихи выглядят как связь с телом мухи.

На самом деле в русской поэзии мухи неизменно воспринимаются как отталкивающие мысли. Еще в конце XIX в. поэт А.Н. Апухтин в стихотворении «Мухи» (1873) писал мухи как «Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покоя», и И.Ф. Анненский написал стихотворение под названием «Муки как мысли»(1904), посвященное его предшественникам, смысл тот же самый:

*Поздней осенью мухи так злы,
Их холодные крылья так липки.*

*Мухи-мысли ползут, как во сне,
Вот бумагу покрыли, чернея...*

Но эта основная идея изменилась в поэзии Бродского. Он отказывался поносить муху или даже отождествлять ее с собой. Но если мотылек и бабочка загадочны, то мухи лишены символической двусмысленности-их сонное, болезненное состояние только «порождает смерть» [10, с. 194]. Он живет и умрет в черном мире, как ранние немые фильмы:

*Aх, цокотуха, потерявши юркость,
ты выглядишь, как старый юнкерс,
как черный кадр документальный
эпохи дальней [3, с. 332].*

В начале стихотворения выделена основная направленность. Мы видим, что мировоззрение поэта коренным образом изменилось в 1980-е годы, и между словами отчетливо ощущается истощение:

*Пока ты пела, осень наступила.
Лучина печку растопила.
Пока ты пела и летала,
Похолодало.
Теперь ты медленно ползешь по глади
замызганной плиты, не глядя
туда, откуда ты взялась в апреле.
Теперь ты еле
передвигаешься [3, с. 331].*

Здесь ошеломленные, едва шевелящаяся муха стала предметом исследования поэта, размышляющего о бессмысленном существовании этого насекомого, потерявшего интерес к жизни. Перемены в природе, проходящие через стихотворение, — опустошение осени, опадающие листья, увядшая трава, мрак окружающего пейзажа и т. д. — резко контрастируют с состоянием мухи. «Муха потеряла свою гибкость и больше не способна ни на что реагировать» [8, с. 107].

Осенью в жизни, уже немолодой поэт внимательно наблюдал за ползущими по «грязной ровной поверхности» вялой мухой. По-видимому, Бродский несколько более пессимистичен в стихотворении «Муха». Он видел осень как «время бесплодной и близкой смерти для поэтов и поэзии» [10, с. 196].

В стихотворении скучное жужжание мухи трактуется как пение (искусство), которое явно исполнено иронии. Но Бродскому нужна эта ирония. Он приравнивает себя к мухе, приобретая наибольшую возможность самоотчуждения. Мы видим поэтическую характеристику лирического героя в «Мухе», хотя и не очевидны, но и слабо раскрыты:

*Что было
бы, видимо, моей рукою.
но пальцы заняты пером, строкою,
чернильницей [3, с. 337].*

Все это время Бродский описывал себя сторонним тоном. Еще в «Лагуне» (1973) он называл себя «совершенно никто, человек в плаще, / потерявший память, отчизну, сына»; а в «Квинтете» (1977) поэт указывал, что жужжание мухи было единственным звуком, который он мог отличить от шума вокруг себя: «Я понимаю только жужжанье мух/ на восточных базарах!» В «Эклога 5-я летняя» (1981) поэт прямо изобразил себя в свете муhi-человеческий язык и жужжание мухи в некотором смысле дно и то же: Жужжанье мухи, / увязшей в липучке, — не голос муки, / но попытка автопортрета в звуке / «Ж»).

На самом деле муха издавна считалась переносчиками зла и заразных болезней, но удивительно, что в стихотворении «Муха» поэт случайно сравнивает себя с насекомыми, распространяющими болезнь:

*И только двое нас теперь — заразы
разносчиков. Микроны, фразы
равно способны поражать живое [3, с. 336].*

Здесь «тусклое, монотонное жужжание мухи» уже не является подходящей метафорой для языка поэта. Но поэт, кажется, уже не творит, а муха уже не поет, она почти впадает в состояние оцепенения. Поэт нашел в себе черты мух: «Вредные, бесполезные, беспомощные перед лицом времени — смерти [10, с. 199–200]. Очевидно, в стихотворении «Муха» Бродский больше размышляет о смысле творчества: утрачен контакт с реальной жизнью, возможно, его поэзия становится мертвым приговором, который никому не нужен; начало эмигрантской жизни и прерывание прошлого — все это не приносит поэту пользы. Подобные идеи, подобно бактериям, способны заразить присутствие индивидуума и превратить его в ничто. Таким образом, реальность, описанная в стихотворении, приобретает метафизический смысл и становится основой для размышлений поэта о ценности самосозидания. И в конце концов, обреченная гибель мух относится не ко всему роду человеческому, а к смерти самого поэта. Бродский чувствовал приближение осени своей жизни и видел приближение смерти. Он сам — почти точка существования в невидимом теле, и он может дать мухе только смерть:

*И ничего не стоит
Убить тебя. Но, как историк,
Смерть для которого скучней, чем мука,
Я медлю, муха [3, с. 331].*

На самом деле, сочетание «поэт и муха» может еще раз намекнуть на «поэт и Бог». Бог — это не только Творец, но и распорядитель жизни. Но ес-

ли перед мотыльком и бабочкой поэт выказал удивление и тихую радость перед чудом жизни, то в стихотворении «Муха» есть только осенний ветер и холодное отчаяние. Умирающее насекомое напомнило поэту о его жизни: Мной овладело оцепенение — сиречь, твой вирус.

Нетрудно заметить, что голос смерти все сильнее вспоминается в «песни» поэта 1980-х годов: «Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной» (Я входил вместо дикого зверя в клетку..., 1980); «Век скоро кончится, но раньше кончусь я» (Fin de Siecle, 1989).

В результате осення муха, обреченная на гибель, в данный момент явно ближе к поэту. Но даже в это трудное время поэт не хочет сдаваться. Он призывает стареющее насекомое попытаться вывести его из оцепенелого состояния:

Не умриай! сопротивляйся, ползай!

...

*Не умриай, покуда
не слишком худо,
покамест дергаешься [3, с. 336–337].*

А муха ведь не дохлая. В последней части стихотворения с помощью метафор она действительно воскрешается и возвращается в мир после деформации в табуретке. Но на этот раз поэт уже не надеялся, что она снова станет его спутницей, ибо музу выбрала новую жизнь:

*Я тебя увижу
весной...
но твоей душою,
летящего совнаст с чужою
личинкой, чтоб явить навозу
метаморфозу [3, с. 340].*

Это новое рождение. От муhi до муhi, периодически повторяется. По-видимому, здесь проявляется мысль поэта о наследии творения после смерти. Это означает, что работа будет продолжать существовать и после смерти творца. После смерти группы поэтов всегда будет другая группа поэтов, чтобы заменить ее, так что все начинается снова.

Можно сказать, что в стихотворении «Муха» Бродский сравнивает себя с мухой, размышляет о смысле собственного творения и смерти. Поэт пытается сказать нам, что даже если творение находится в беде, мы должны попытаться преодолеть состояние оцепенения и продолжить путь, начатый нашими предшественниками. Даже если смерть придет, Муза будет искать преемника в следующем поколении. Индивидуальная жизнь коротка, но человеческое творение в целом вечно.

Заключение

В целом с 1960-х по 1980-е годы поэт разъяснял различные философские воззрения (идеи) в «мотыльке, бабочке и мухе» — белый мотылек несет иде-

ал и светлую веру, приносит молодому поэту теплый уют; бабочка недолгого существования показывает ничтожество жизни, но ее великолепные крылья показывают другую сторону таинственного мира, а вместе с красотой вечного искусства по ту сторону смерти и небытия раскрывают истинный смысл существования; образ мухи с ее оцепенелым, вялым состоянием намекает на тупик творчества, предвещая приход смерти. Но в то же время поэт призывают муху продолжать ползать, побуждая себя продолжать творческий путь своих предшественников. Ибо, хотя индивидуальной жизни суждено умереть, человеческое творение в конечном счете воскреснет в следующем поколении. Можно сказать, что от мотылька, бабочки к мухе, от весны к осени жизни, от тайны прочь от реальности к соответствующей земной реальности мышление Бродского о вещах более рационально и объективно, тон более тяжелый. Но в то же время нетрудно обнаружить, что, даже когда мы сознаем ничтожество жизни, тупик творчества и даже обреченный приход смерти, поэт всегда ищет путь к спасению — искусство, литература, язык, творчество и другие духовные занятия, по мнению Бродского, это и вечное спасение человеческого существования.

Литература

- [1] Грыгель М. Метафизика обыденности в ранней поэзии Бродского // сост. А.Г. Степанов, И.В. Фоменко, С. Ю. Артёмова. Иосиф Бродский: проблемы поэтики: сб. науч. тр. и матер. Новое литературное обозрение. М., 2012. С. 113.
- [2] Бетеа Д. Наглая проповедь идеализма // сост. В.П. Полухина. Книга интервью / Иосиф Бродский. М.: Захаров, 2011. С. 551.
- [3] Иосиф Бродский. Часть речи. Избранные стихотворения. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 151–153; 155–156; 215; 332; 336–337.
- [4] Сочинения Иосифа Бродского. Т. V / под общ. ред. Я.А. Гордина. СПб.: Пушкинский фонд, 1999. С. 308.
- [5] Сочинения Иосифа Бродского. Т. I / сост. Г.Ф. Комаров. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. С. 29.
- [6] Сочинения Иосифа Бродского. Т. II / сост. Г.Ф. Комаров. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. С. 144.
- [7] Берч Е., Чину Д. Поэзия-лучшая школа неуверенности // сост. В.П. Полухина. Большая книга интервью. Изд. 3-е. М., 2005. С. 65.
- [8] Глазунова О.И. Иосиф Бродский: метафизика и реальность. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 101; 107.
- [9] Плеханова И.И. Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Поэт и время. 2-е изд., перераб. и доп. Томск, 2012. С. 252–253.
- [10] Ранчин А. О Бродском. Размышления и разборы. М.: Водолей, 2016. С. 194; 196; 199–200.

Актуальные проблемы терминоведения и профессиональной коммуникации

English-Language Gluttonics in the Optics of a Professional World Perception: Linguistic Gastro-Diplomacy Figures in Economics

Vorontsova Irina Igorevna

✉ iravorontsova1@gmail.com

Russian State University For The Humanities

Modeling a professional cultural and linguistic personality infers the perception of language in terms of the metasystem regularities of professional culture. Gastro diplomacy and, accordingly, the signs of “cuisine” are becoming a must-have of professional foreign language education as a new dynamic driver of the economic picture of the world. Food is a sign of a nation identification, a social marker of society and has a magical property of a historical era attribute. Today this is most vividly manifested in the terminological “kitchen” of finance, where figures of speech, originally dating back to the gastronomic communicative space, are freely transposed into economic discourse. The source of formation of new figures of speech quite consistently shifts from the sphere of traditions to the spheres of economy and finance that dominate today. The study of the linguistic metaphors of gastro-diplomacy in nominating subjects and precedents of economic history expands not only linguistic, but also professional horizons and fosters the professional culture of modern economists.

Keywords: cultural code, figures of speech, linguistic metaphors, metasystem regularities, gastrosophia, economic discourse, professional culture of economists, linguistic signs of English-speaking gluttonics

Overview

The efficiency of modern practice of teaching foreign languages in non-linguistic universities is largely due to presenting linguistic material through the symbiosis of linguistic and cultural paradigms.

The meta-methodic approach in modern scientific theory and practice reflects the strategic focus in teaching and lies at the core of a constructive model of teaching a foreign language. The idea of the meta-methodic approach shows in the name «meta» and proceeds from the following statement: “The educational process must be built... in the logic of formation of an integral image of the world and a person in it” [1].

The intensive development of multicultural communication processes is aimed at the conscious and purposeful regulation of cultural and linguistic contacts. The cultural and pragmatic function of the language acquires special significance, highlighting socially and personally significant meanings that are developed and acceptable in another culture. The formation of a professional cultural and linguistic personality presupposes the perception of a language as an object that conforms to

the meta-system laws of the professional culture which it is inherent in. Cultural and linguistic pragmatics focuses on cultural adaptation in a multicultural society.

Foreign language learners come to contact not only a new language system, but also the enormous potential of another culture. The role that food products play at a certain time make it possible to figuratively and vividly mark the relevant historical era. Food is a sign of a nation identification, a social marker of society and it boasts of a magical property of an attribute of a national coordinate system. Nowadays gastrosophia as a whole and gastro-diplomacy in particular refer to national practices within the framework of public diplomacy, pursuing a specific goal — to promote the country's international influence.

Metaphorics of the language of gastro-diplomacy

Contemplating the axiology and linguosemiotics of the gastro-diplomacy discourse and, more broadly, the gastro-economic discourse, brings forward allusions to the 16th century French novel “Gargantua and Pantagruel” by François Rabelais, which Bakhtin traced to carnival novels [2]. Rabelais... asserts the high importance of food in human life. <...> Here, on the basis of ancient material... the whole philosophy of Gaster (Womb) develops as a driving force of economic and cultural development of mankind. Bakhtin claims that «special contexts» [3, p. 258] push forward the limits of linguistic freedom. It is this linguistic freedom that gastro-economic discourse inherits.

The uniqueness of the cultural sphere of various nations can also be traced through the peculiarities of the national cuisine, which reveals the peculiarities of the national food culture, specific ways of cultural self-expression and self-affirmation, though subtly and authentically. The formation of new linguistic figures previously rooted in traditional spheres shifted quite naturally to the spheres of economy and finance that dominate today. Modern economics features the terms that employ the names of dishes from different national cuisines, as a result of internationalizing the economic terminology. Gastronomic terms based on tropes that use the names of food, kitchen utensils, or cooking procedures can manifest an interesting example of nationally-labeled lexis: macaroni defense (from Italian Maccheroni) — a method of defense against a takeover in which the target company bulks up the amount of bonds, which, according to the terms of the issue, must be redeemed ahead of schedule at a higher price in case of the company takeover; marzipan layer (from Italian Marzipane) — a form of financial compensation in case of a takeover; salami tactics (where salami is a special type of sausage in Italian and Hungarian cuisines). In 1975, the term salami technique appears in America to denote a computer fraud when small amounts of money are transferred (or cut off in small pieces of sausage) from a large number of customer accounts to the account of a fictitious person.

Obviously, the reason for the appearance of metonymic transferences is the brainwork, which takes into account national and cultural characteristics. Every nation has that distinct culinary code or “food code” that claims identity. “Food code” explains and arranges a complex system of information related to history, geography, agriculture, ethnography, design, semiotics of everyday life and eco-

nomics. What is the magic of this code? The culinary language is history-oriented. Using the “food code” makes it possible to discover the exuberance of an ethnic group, its historical memory, and admire its rarities. “Food code” is, along with the cultural code, a kind of universal key to a country’s cuisine, everyday life and diversity. This is the most joyful layer of culture for a researcher. It is like a scale of values, topping everything old, favorite, saturated with the scent of time.

Gastronomic chronos in economic discourse

The English-language gastronomic chronos of the ritual component of food intake varies in the qualifiers lunch, dinner, supper and presents itself in composite linguistic gastronomic nominations, placed in the economic context:

Breakfast index — according to the Financial Times, the breakfast index shows the notional value of a morning meal for six commodities — wheat, milk, coffee, orange juice, sugar, and lean pork — and reflects food deflation in a certain year; whilst bed and breakfast deal is a short-term sale and purchase of shares for tax purposes.

In recent years, many companies — Google, Pixar, Apple, Dropbox, Facebook, Yahoo — have been innovating to provide free meals and food to their employees. The strategic focus of this artful people management is transparent: to create a venue for employees to communicate (cafes, dessert bars, micro-kitchens, small areas near workplaces with food and drinks) and inspire people for group innovative brainwork — they can get into an interesting conversation, at least, and optimally they will come up with an idea that they have not previously thought about. A similar argument is often put in educational settings, such as in Oxbridge colleges, where a free lunch is usually part of the staffing agreement. It is the casual food conversations between teachers of different subjects that can lead to interdisciplinary collaboration. Free lunch is something you get for free, although you usually have to pay or work it off: But it is wrong to think that massive accumulation of debt is a free lunch.

Continuing the theme of lunch can be a three-martini lunch or noontime three-martini (a lunch with three martinis, from the name of the Italian manufacturer of vermouth Martini & Rossi) — a sumptuous midday business lunch with three cocktails-martini at the expense of the company (a term used in the United States to describe a leisurely lunch of businessmen or lawyers with clients or colleagues — three martinis can stretch over 3 hours).

Economic history precedents

“The most diverse phenomena of the world, including the most spiritual and sublime ones, are brought into the immediate vicinity of food”, asserts Bakhtin [4, p. 327].

The study of the linguistic metaphors of the language of gastro-diplomacy in nominating subjects and precedents of economic history does expand linguistic but also professional horizons and foster the professional culture of modern economists. This terminological study will allow them to form their own vision of the trends and directions of economic thought: goulash communism (a jokey denomina-

nation of the Hungarian version of socialism and the command economy of the 1960–1980s), Tequila crisis (a financial crisis in Mexico in 1994).

Terminological “kitchen” of finance

Euphemistic economic terms are a convenient means of lexical manipulation. During an economic crisis, the expression credit crunch is used instead of the word crisis. Anne Karpf, the author of the article “Economic with actuality”, subtitled ‘Credit crunch is just a euphemism for financial crisis’ [1], expressed her disapproval of such euphemisms: “In the financial gloom one piece of news is good: we’re not, repeat not, in recession. No, all we’re suffering from is a credit crunch. <...> For recessions are serious, but credit crunch sounds like a cheery breakfast cereal”. Let’s clarify that the credit crunch expression (synonymous with credit squeeze) in financial and economic terminology is meant as restriction of credit and essentially denotes a liquidity crisis. The euphemism banana refers to contextual or occasional euphemisms. In 1978, the independent American economist Alfred Kahn (1917–2010) warned of an impending deep depression should inflation not stop. A. Kahn received a serious warning from the administration of President Jimmy Carter for using the word depression followed with a recommendation to avoid such expressions. Subsequently, the criticized A. Kahn excluded the word depression (reminiscent of the years of the Great American Depression of the 1930s) from his vocabulary and began to use the word banana. True, he had to replace this euphemism with the word kumquat because of the discontent of fruit producers. In the wake of the recent global financial crisis, the euphemism banana has become widespread again. In fact, this euphemism means crisis, but to convey the necessary shade into Russian, the word banana may correspond to the contextual meaning of unpleasant situation.

The authors of economic texts seem to taste them, and these tastes are diverse:

Economics is not a science; it's not even a social science. It is a gooey antisocial theory. This is a sticky and corny antisocial theory, writes Susan Moore in Why Do We Take Economists So Serious? [2]

Confectionery at the service of the economics

In describing economic laws, economists freely expropriate sweet products that have become popular brands by transferring the positive taste of sweets to the positive qualities of economic trends — a kind of smorgasbord.

Doughnut economics needs a new flavour. The “Doughnut Economics” is pandering to ideological sweet-tooth [3].

How Cupcakes Can Demonstrate A Law Of Economics — Two gourmet cupcake shops opened last spring in downtown Coeur d’Alene, Idaho. It’s an example of an economic phenomenon: Hotelling’s law — a tendency for rivaling companies to make their products alike which actually brings competition to a matter of taste [4].

Translinguistic principle in gastro-economic discourse

Describing a specific functioning of words in different discourses requires a translinguistic approach. Although at first glance, economics and gastronomy have

little in common, the English words Economy and Gastronomy are similar not only in phonetic consonance. By giving the economy the properties of a living organism, the metaphorical mentality of a native English speaker recognizes that it has physiological properties. This includes the figure of speech that has come into use since the end of the 16th century: Your eyes are bigger than your stomach — a hint that someone is taking more food than they can eat: They're pondering starting a second desert-bar but it looks like their eyes are bigger than their stomach.

Conclusion

With a certain amount of metaphoricity, it can be argued that food is a window to culture. Gasrosophia — scientific knowledge about food, traditions and a different eating culture — promotes an axiological component of perceiving professional culture and scientific thought and, therefore, boosts the level of tolerance in the poly-cultural environment of the scientific community, where cuisine functions as an actor of constructive interlocution and a tool for promoting diplomacy.

References

- [1] Shchukin A.N. Linguodidactic Encyclopedic Dictionary. M.: Astrel, AST, 2008. 746 p.
- [2] Bakhtin M.M. Francois Rabelais in the History of Realism, Materials for the book of Rabelais (1930–1950s). M.: Comments and applications, Languages of Slavic cultures, 1996. 1120 p.
- [3] Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. M.: Art, 1986.
- [4] Bakhtin M.M. Issues of literature and aesthetics: Studies of different years, M.: Fiction, 1975. 327 p.

УДК 81

Практико-ориентированное описание языка профессиональной коммуникации

Колтакова Софья Владимировна

✉ koltakova2007@yandex.ru

Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина

Неровная Надежда Александровна

✉ nnerovnaya@yandex.ru

Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина

В статье рассматриваются различные подходы к наименованию и описанию понятия языка профессиональной коммуникации, его отличительные характеристики. Обосновывается необходимость комплексного лингвистического описания данного языкового явления. Авторы также размышляют об особенностях лингвистического описания языка военной профессиональной коммуникации. Особое внимание уделяется практико-ориентированному описанию профессионального языка в военной сфере.

Ключевые слова: язык профессиональной коммуникации, язык военной профессиональной коммуникации, профессиональный язык, лингвистическое описание языка профессиональной коммуникации.

В настоящее время изучение иностранного языка становится все более профессионально ориентированным, следовательно, изучение особенностей языка профессиональной коммуникации, его описание становится одним из приоритетных направлений лингвистических исследований.

Несмотря на то, что лингвистическое описание подъязыков гуманитарных, технических и естественных наук началось еще в 1990-х годах прошлого столетия (М.В. Вербицкая, А.И. Глазырина, А.А. Прошина и др.), на настоящем этапе развития языкоznания открытыми остаются достаточно много теоретических вопросов.

Определение самого понятия профессионального языка является дискуссионным. Более того, для описания данного языкового явления исследователи используют различные наименования. Так, синонимичный ряд включает в себя следующие компоненты: профессиональный язык, профессиональный подъязык (Н.Д. Андреев), профессиональный субъязык, подъязык специальности, профессиональный диалект, специальный язык, язык для специальных целей (Л. Дрозд, М.В. Лейчик), профессиональный стиль, язык профессиональной коммуникации (Е.И Голованова). Разнообразие наименований является следствием отсутствия единства мнений относительно статуса данного языкового явления. Так, в работах различных исследователей средство общения специалистов рассматривается как одна из форм существования национального языка, как автономная подсистема, как функциональный стиль общения, терминологическая система, разновидность социального диалекта.

В рамках современной коммуникативно-когнитивной парадигмы закрепился термин «язык профессиональной коммуникации». Данный термин объединяет в себе систему единиц, с одной стороны вербализующую некое когнитивное пространство, с другой — функционирующую в определенной сфере коммуникации и представленную в текстах, используемых в этой сфере [1, с. 71]. Большинство ученых отмечают, что язык профессиональной коммуникации представляет собой: 1) средство общения специалистов определенной области, 2) средство обмена, накопления, интерпретации профессиональных знаний, 3) отражение профессиональной картины мира, а также 4) включает профессионально маркированные единицы словарного состава, используемые в рамках определенной коммуникативной сферы, а также языковые средства общенационального языка.

Дискуссионным остается вопрос о критериях выделения профессионального языка. Однако большинство ученых выделяют ряд отличительных характеристик профессионального языка. Так, одной из главных особенностей профессионального языка является его лексико-фразеологический состав.

Результаты научно-технического прогресса нуждались в языковом осмыслинении и фиксации, что привело к возникновению специальной лексики, изучение которой в большинстве исследований профессиональных подъязыков занимает центральное место. Язык для специальных целей — открытая, постоянно меняющаяся система, которая непрерывно взаимодействует с общенациональным языком, а также с другими отраслевыми подъязыками, как следствие характеризуется процессами терминологизации, детерминологизации и ретерминологизации [1, с. 32]. Высокая степень метафоричности также является отличительной чертой языка профессиональной коммуникации. Коммуникация в свою очередь определяется сферой деятельности, что ведет к сужению функции профессионального подъязыка. В частности, цель текстов по специальности, как правило, дать комплексное описание или объяснение явлений, предметов, действий, как следствие, такие тексты характеризуются определенными грамматическими структурами (безличные предложения, сказуемое в страдательном залоге, инфинитивные и причастные обороты и т. д.).

Суммируя все вышесказанное, отметим, что особенности языка профессиональной коммуникации требуют системного лингвистического описания, а дискуссионные теоретические аспекты — комплексного осмысления. В этом смысле язык военной профессиональной коммуникации представляет для исследователей особый интерес. Многочисленны исследования отдельных языковых явлений военного подъязыка, однако системное комплексное описание языка профессиональной коммуникации требует теоретического объяснения.

На наш взгляд, описание языка военной профессиональной коммуникации должно быть: 1) интегративным, т. е. включающим в себя исследования на стыке смежных наук, разработку междисциплинарных научных методов [2], а также стремящимся объединить частные мозаичные исследования отдельных языковых явлений в единую систему изучения языка; 2) когнитивно-дискурсивным, т. е. имеющим своей целью изучать типы знаний, информации, ментальные единицы, которые вербализуются в научном тексте, а также описывать способы представления информации адресату с учетом pragmatической направленности текста и намерений автора; 3) экспланаторным, т. е. стремящимся объяснить сущность различных языковых явлений и языка в целом [3], 4) функциональным, т. е. возводящим изучение функций объекта исследования в ранг центральной проблемы; 5) практико-ориентированным, т. е. имеющим конечной целью исследования применение полученных результатов в практике обучения языку.

Остановимся подробнее на последней характеристике. Прагматический характер лингвистического описания языка профессиональной коммуникации определяется тем фактом, что основным требованием Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по иностранным языкам для неязыковых специальностей является практическое владение иноязычной речью не только в повседневном, но и в профессио-

нальном общении. Таким образом, лингвистический анализ языка специальности становится не самоцелью, а средством достижения главной цели — овладение языком профессиональной коммуникации. Из этого следует, что результаты лингвистических исследований должны быть эффективно интегрированы в практические занятия по английскому языку специальности. Приведем несколько примеров.

Языковые средства, обслуживающие любую профессиональную сферу, представляют собой систему с развитыми логическими отношениями между ее единицами. Элементы данной структуры могут быть расположены на разных уровнях и характеризоваться различными отношениями. Более того в профессиональном языке номинативная система является отражением профессиональной картины мира. Все сказанное определяет актуальность исследований различных тематических групп военного профессионального языка. Такого рода исследования, как правило, имеют сопоставительный или контрастивный характер, а их результаты представляют собой структурированную номинативную систему. Выполнение заданий, разработанных на основе полученных тематических групп, способствуют расширению профессионального тезауруса. Так, используя результаты описания тематической группы «Оружие», курсантам могут быть предложены следующие задания: 1) Label the parts of the weapon and speak about it; 2) Study the given specifications of the weapon and be ready to make a report at the conference; 3) Study the given specifications of the weapon and be ready to advertise the weapon; 4) Use a set of specifications to assess performance of the weapon; 5) Restore the manual of the weapon, using the given words; 6) Make up a manual of the weapon, using the given verbs и т. д. Лексические и фразеологические единицы тематической группы «Наименования устройств, применяемых в авиации» могут быть использованы для написания 1) рапорта о технической неисправности летательного аппарата, 2) отчета об устраниении технической неисправности летательного аппарата, 3) рапорт о недостатках модели летательного аппарата и т. д.

Подводя итог, отметим, что язык профессиональной коммуникации в военной сфере требует комплексного и системного описания. Результаты лингвистических исследований военного профессионального языка могут служить базой для разработки заданий, способствующих развитию всех речевых умений. Более того, целостное описание языка профессиональной коммуникации в военной сфере поможет преподавателям, начинающим работать в военном вузе, составить комплексное представление об особенностях данного языка и скорректировать свою будущую методическую деятельность.

Литература

- [1] Хасanova З.С. Подъязык и его функционально-системные характеристики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podyazyk-i-ego-funktionalno-sistemnye-harakteristiki> (дата обращения 18.05.2020).

- [2] Губбыева З.О., Каширин А.Ю., Шлапакова Н.А. Концепция современного естествознания. Тула: Тул. ГПУ им. Л.Н. Толстого, 2001. URL: <http://www.tula.net/tgpu/resources/kse/lec2html> (дата обращения 18.05.2020).
- [3] Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63, № 3. С. 3–12.

УДК 808.5

Культура делового общения будущих специалистов

Красикова Марина Борисовна marina_krasikova@mail.ru

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков

Описаны особенности культуры делового общения специалистов в рамках современного компетентностного подхода в сфере высшего образования. Реализация данного подхода на практике означает создание модели специалиста и переход от учебной деятельности к профессионально ориентированной, объединяющей в себе теоретическую подготовку с профессиональной деятельностью. В языковой подготовке будущего специалиста первостепенной задачей является обучение языку как средству общения, что подразумевает доминирующую роль принципов коммуникативности и принципа интеграции профессиональных и языковых знаний.

Ключевые слова: культура делового общения, компетентностный подход, профессионально ориентированное ситуативное общение, академическая мобильность

Среди многих задач, стоящих сегодня перед высшей школой, как нам представляется, на первый план выдвигаются две основные. С одной стороны — подготовка специалиста, способного соответствовать современным вызовам и удовлетворять требованиям работодателя, с другой — присоединение к единому европейскому пространству высшего образования. То, что объединяет эти две задачи — это осознанный и тщательно проработанный переход к обучению на основе компетентностного подхода. Реализация данного подхода на практике означает создание модели специалиста, описывающей ключевые/базовые и профессиональные компетенции, и переход от сугубо учебной деятельности к профессионально ориентированной, объединяющей в себе теоретическую подготовку с профессиональной деятельностью.

Если говорить об обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов, то уже стало аксиомой понимание того, что первостепенной задачей здесь является обучение языку как средству общения, что подразумевает доминирующую роль принципов коммуникативности и принципа интеграции профессиональных и языковых знаний. Таким образом, организация профессионально ориентированного ситуативного общения, моделирующего элемен-

ты реальной деятельности будущего специалиста, должна быть ориентиром. Нельзя не согласиться с мнением А.К. Крупченко о том, что «сегодня грамотно представленное компетентным преподавателем предметно-понятийное (составлено профессиональное) содержание иноязычного обучения вскрывает резервы опережающего обучения, вооружает обучающегося новой профессиональной информацией и тем самым доказывает, что язык может быть средством приобретения новых профессиональных знаний» [1, с. 158].

Одной из основных задач обучения иностранному языку является выстраивание учебной деятельности таким образом, чтобы в ее основе лежало «обыгрывание» профессиональных ситуаций, посредством которых студенту задаются контуры и контексты его будущей профессиональной деятельности. Эти ситуации отбираются преподавателем исходя из модели специалиста.

Остановимся на специфике предметного содержания при обучении иностранному языку будущих специалистов.

Сегодня эксперты в области образования говорят о том, что «в основе обучения иностранному языку лежит коммуникативная техника общения, владение которой является важным признаком профессиональной пригодности будущего специалиста. Коммуникативная компетенция выпускника предполагает, что специалист должен:

- знать речевой этикет и уметь его использовать;
- уметь формулировать цели и задачи общения;
- организовывать общение и управлять им;
- анализировать предмет общения, ставить вопросы и конкретно отвечать на них;
- владеть навыками и приемами делового общения, его тактикой и стратегией;
- уметь вести беседу, собеседование, деловой разговор, спор, полемику, дискуссию, диалог, дебаты, прения, диспут, круглый стол, деловое совещание, деловую игру, переговоры;
- иметь навык доказывать и обосновывать, аргументировать и убеждать, критиковать и опровергать, достигать соглашений и решений, компромиссов, давать оценки и делать предложения;
- владеть техникой речи, риторическими приемами и фигурами речи, уметь правильно строить речь и другие публичные выступления;
- уметь управлять коллективом, с помощью слова проводить психотерапию, снимать стресс, страх, адаптировать собеседника к соответствующим условиям, корректировать его поведение и оценки» [2].

Обучение иностранному языку, несомненно, будет способствовать формированию всех этих навыков. Однако необходимо учитывать тот факт, что собеседниками специалистов являются тоже люди, говорящие с ними на одном языке, поэтому с целью осознанного обучения и повышения мотивации крайне важно отобрать те ситуации профессионального общения специалистов, в которых использование иностранного языка на самом деле является актуальным.

По нашему мнению, моделирование и разработка данных ситуаций должны быть связаны со следующими типичными сферами деятельности будущих специалистов:

– изучение и анализ зарубежного опыта на основе источников, которые еще не были переведены (известно, что перечень профессий был официально определен на постсоветском пространстве лишь в 1990-х годах, поэтому зарубежный опыт, по-прежнему, является ценным источником и генератором идей для отечественной отрасли);

– участие в международных семинарах, круглых столах, мастер-классах (тот род деятельности, который сейчас поощряется на государственном уровне);

– контакты с международными организациями и работа над проектами: подготовка заявки, ведение документации и составление отчетности, работа с аудиторами и т. д.;

– ведение переговоров;

– осуществление PR-деятельности в интересах своих бенефициаров: написание статей и заметок для сайтов, страниц в социальных сетях и т. д.

Кроме того, с момента присоединения Российской Федерации к Болонскому процессу иностранный язык становится для будущих специалистов важным инструментом академической мобильности, позволяя им получать соответствующие навыки, знания и умения в зарубежных вузах и способствуя быстрому личному и профессиональному росту.

Для языкового обеспечения данных ситуаций учебный процесс формирует следующие речевые навыки:

– деловой переписки;

– составления письменного академического письма;

– телефонного этикета;

– ведения дискуссии, презентации (выступление с докладом);

– работы с большим массивом текстовой информации, его анализа и последующей обработки.

Хотелось бы отметить, что при выборе форм работы при обучении иностранному языку будущих специалистов необходимо отдавать приоритет диалогическим и групповым формам работы, поскольку в основе их деятельности лежат навыки активного слушания. Профессионально ориентированное обучение иностранному языку будущих специалистов может стать мощным стимулом в их профессиональной самореализации и формировании эффективной системы социального обеспечения нашего государства.

Литература

- [1] Крупченко А.К. Профессиональная лингводидактика // Высшее образование в России. 2006. № 5. С. 158–160.
- [2] Красикова М.Б. Специфика компетентностного подхода при обучении специалистов в сфере социальной работы // Профнавигация молодежи: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2018. С. 298–301.

Проблемы межличностной и межкультурной коммуникации

УДК 811.161.1

Комplимент как жанр виртуального общения

Касьянова Вера Михайловна vkasianova@mail.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Рассмотрен комплимент как жанр виртуального общения на примере тематического сайта Дети.Mail.ru. Проанализировано около 750 комментариев подписчиков, адресованных известным актёрам, спортсменам, представителям шоу-бизнеса и т. п. Определены основные тенденции в развитии сетевых комплиментов. Проведено исследование лексико-семантического наполнения комплиментарных реплик и выявлены их основные структурные особенности.

Ключевые слова: виртуальное речевое общение, комплимент, лексико-семантические и структурные особенности комплиментарных высказываний

Комплимент как «похвала, вызванная стремлением сказать любезность или польстить кому-либо» [1, с. 126], является неотъемлемым компонентом деловой беседы, но может принести большую пользу и в повседневном общении: каждому человеку приятно, когда его хвалят. Комплимент в известной степени противопоставлен лести: за объединяющим значением ‘похвала’ скрывается степень преувеличения достоинств, которая при лести достигает порой чудовищных размеров. Именно поэтому комплименты уместны, а лесть, то есть прямолинейная, однозначная похвала, нет.

Умением делать красивые и уместные комплименты владеют далеко не все, что в известной степени объясняется и традициями русского коммуникативного поведения: русские люди часто воспринимают похвалу со стороны другого человека с осторожностью, видя в ней проявление неискренности. Тем интереснее проанализировать виртуальное общение в ситуации, когда реальная коммуникация автора комплимента и адресата принципиально невозможна. С развитием информационных технологий увеличилось количество тех, кто хотел бы почувствовать себя ближе к эlite — к миру «звезд». Псевдообщение со знаменитостями заменяет их фолловерам — подписчикам — реальность, поднимает в собственных глазах и дарит надежду на то, что они становятся частицей притягательного мира «звезд». Одним из жанров такого виртуального общения становится комплимент.

В качестве источника информации был выбран сайт Дети.mail.ru, открытый в мае 2008 года как проект портала и компании Johnson & Johnson. Было проанализировано около 750 размещенных на сайте в течение сентября-ноября 2020 года комплиментов, адресованных как непосредственно детям «звездных» родителей, так и самим родителям. Собранный материал позволяет определить основные тенденции в развитии сетевого комплимента и его характеристики в лингвистическом плане.

1. Широкое использование комплиментов в адрес детей как свидетельство изменений, происходящих в национальном сознании. Многочисленные комментарии подписчиков доказывают: вековые традиции русского народа, согласно которым, в частности, нельзя было хвалить не только собственных, но и чужих детей, разрушаются. Издавна бытovала уверенность в том, что похвала в адрес собственных и чужих детей не вызывает у слушающих ничего, кроме черной зависти; то же самое касалось и похвалы в адрес чужих детей: родители стремились закрыть, защитить их от дурного глаза, видели в добрых, казалось бы, словах скрытую угрозу здоровью ребенка или просто стремление войти в доверие и потом изменить в плохую сторону наложенную жизнь.

2. Комплимент как средство манипулирования общественным сознанием. Восприятие новой информации о жизни детей «звезд» вызывает у их поклонников определенные эмоции, которые выражаются глаголами любить (*Очень люблю смотреть видео с Лизой!*), любоваться (*Счастливый папа и муж, любуюсь вашей семьей*), восхищаться (*Не перестаю вами восхищаться*), нравиться (*Так нравятся ваши мальчики!*), обожать (*Обожаю вашу семью*), радоваться (*Душа радуется, глядя на них*), скучать (*Мы соскучились по такой девочке*), удивляться (*Надя не перестает удивлять*), умиляться (*Всегда смотрю на нее и умиляюсь*) и др. Часто комплимент по сути перерастает в неприкрытою лесть: *Королева матер и принцесса / Настоящие принцессы! / Дочь красавица, маленькая принцесса / Супер принцесса / Принцессы, обе / Два принца / С днем рождения, наша королева* — эти высказывания, воспринимаются с изрядной долей иронии.

Достоверность многих подобных комплиментов сомнительна, так же как невозможно проверить истинность утверждений типа: *Подписчики завалили (кого) письмами или Фолловеры умиляются (чем)*. Поэтому нельзя исключить наличие «литературных негров», которые под видом восторженных почитателей талантов «звезд» стремятся привлечь к ним внимание со стороны рядовых пользователей Интернета.

Тем не менее данные комментарии выступают как средство манипулирования сознанием общества, повышают интерес к адресату, формируя его имидж как прекрасного родителя, что всё еще высоко ценится обывателем.

3. Смещение ценностных акцентов, утверждение новых жизненных ориентиров. Невидимые подписчики, расточая комплименты по отношению к детям, возвеличивают внешние, телесные достоинства и сознательно остав-

ляют в стороне достоинства внутренние (только в небольшом количестве посланий звучит, например, восхищение добротой). Так постепенно, шаг за шагом формируются новые идеалы, противоречащие вековой народной мудрости, отраженной в русских пословицах, где всегда подчеркивалась вторичность внешней красоты: *Не родись красивой, а родись счастливой; Красота до венца, а ум до конца* и др. Комplименты в адрес детей стараются убедить читателей в том, что главное — иметь красивые глаза (*Ой, глазки-то какие / Какие красивые глаза*), губы (*Губки бантиком, просто загляденье*), зубы (*Маленький ангел, с двумя зубиками*), нос (*Носик, у кого-то в маму, а у кого-то в папу*), волосы (*А где кудряшка?*), часто улыбаться (*Какая улыбка / Улыбка такая же потрясающая / Улыбчивый милый мальчик!*) и следовать моде (*Вот это модная девчугля / Стильная маленькая девочка / Какой стильный мальчишка!* (неважно, что адресаты часто еще даже в школу не ходят!).

4. Культивирование жизненного успеха. Еще 30 лет назад детей учили: самое важное — быть прилежными, правдивыми, смелыми, ловкими, умелыми, дружными, трудолюбивыми, любить школу и уважать старших. Сейчас дети звёзд очаровывают подписчиков только внешностью и вокальными данными. Никто не гордится тем, как прекрасно их дети знают, например, математику, нет даже намека на самостоятельность и поиск себя в других сферах или областях. Последовательно проводится идея: судьба детей «звезд» практически определена. Главными качествами становятся артистизм (*Белла в маму — артистичная красотка*), пластичность (*Какая пластичная!*), наличие голоса (*Какой красивый ангельский голос!*) и музыкального слуха (*Здорово, замечательно поет, слух отличный! / Молодец, слух идеальный*). И вслед за констатацией несомненного таланта следуют пророчества типа: *Актрисой быть, не иначе / Будущий дизайнер / Тоже будет великий фигурист / Эта девочка Зыкину перепоет / Певунья от души, от самого сердца! / Какая дикция и память!* Таким образом, настойчиво проводится мысль о том, какие профессии являются перспективными: актриса, дизайнер, фигурист, певица, танцор. И самое главное, подписчики единодушны: дети звёзд талантливы уже от рождения, талантливы только потому, что родились в семье «талантливых» родителей.

Что касается лингвистической составляющей сетевого комплимента, то можно отметить следующее.

1. Широкое использование экспрессивно-оценочной лексики. Анализ собранного материала показывает высокую степень оценочности комплимента. При этом преобладающей является положительная оценка, которая усиливается путем включения сравнительных оборотов и различного рода интенсификаторов (лексических и синтаксических, в силу чего многие комментарии характеризуются гиперболизированной экспрессивностью).

В основе более чем 70 % всех комментариев лежат качественные имена прилагательные, среди которых наиболее популярны: красивый — 79 (*Девочка очень красивая / Красивый мальчишка!!! / Какие красивые дети!*),

милый, миленький, милейший — 36 (Очень милая девочка / Такие милые девочки / Какой миленький / Очаровательная девочка, милейшее создание); прелестный — 32 (Лида — прелестное создание); хорошенький — 18 (Какой он хорошененький!); прекрасный — 27 (Прекрасный сынуля); чудесный — 27 (Какие чудесные у вас дети!); замечательный — 20 (Тимур, у вас замечательный малыш); очаровательный (Очаровательная девочка). Подписчики просто жонглируют эпитетами: хороший (Хорошая и бессстрашная девочка), шикарный (Мария, какой шикарный парень у вас), невероятный (Невероятная девочка), необыкновенный (Очень красивая, необыкновенная девочка), обаятельный (Очень талантливая и обаятельная девочка), славный (Какой славный паренек растет), необычный, потрясающий, светлый, обворожительный, позитивный, превосходный, роскошный, элегантный и пр.

Очень популярен эпитет сладкий — 30 (Какой сладкий ребенок / Сладкий мальчишка / Ой, какие сладкие), сладенький (Сладенький такой), сладость (Такая сладость и радость ваша Кирочка) и пр.

За обилием оценочной лексики (Прелест какая! / Какая красотка! / Красавцы оба!/ Красотуля Белочка! / Красотулечки папулины! / Микелочка красоточка, маленькая принцесса из сказки! / Парень — красавчик / Девочки — просто лапочки / Невероятное чудо! / Ну просто чудо-ребенок! / Очаровашка) и лексики, коннотативно окрашенной (солнышко, куколка, зайчик, медвежонок, конфетка, булочка), теряются другие характеристики, такие, как, например, ум (Умный, рассудительный и позитивный ребенок! / Умница малышка! / Очень развивается быстро, умничка!); еще реже отмечаются смелость (Отважная девочка! / Какая смелая девочка!), любознательность (Такие они творческие, любознательные), сообразительность (Сообразительная такая), серьезность (Взрослый парень, серьезный), старательность (Как старается Лизок!), усидчивость (Какая же Маша усидчивая), внимательность (Ученица послушная и внимательная), рассудительность (Видно, что спокойная, рассудительная!), скромность (Клавуся очень скромный и прекрасный ребенок), хозяйственность (Хозяйственные какие), доброта (Нежная, добрая девочка), нежность (Какой Саша нежный старший брат, оказывается), искренность (Такая искренняя девочка), открытость (Какие замечательные ребята, эмоциональные, открытые, подвижные, отрада маме и папе!). Наверное, эти черты характера кажутся какими-то приземленными, немодными, между тем именно развитие их определяет то, как сложится жизнь человека, насколько сумеет он показать себя.

2. Высокая частотность конструкций со значением сходства и подобия.

Многие подписчики, понимая, как приятны родителям уверения в их сходстве с детьми, настойчиво подчеркивают это, используя как традиционные конструкции с большей или меньшей степенью эмоциональности: кто похож на кого (Как она похожа на Надю! / На маму и дедушку похож / На тебя в детстве похожа); кто напоминает кого (Мне она Надю напоминает!); весь/вся в кого, что в кого, кто в кого (Старшенький — весь в папу,

а младшенький — в маму); кто копия кого (*Дочери — копия папы*); притяжательное прилагательное/местоимение + что (*Папины глазки / Юленька, а глазки у дочки ваши*); сочетания вылитый кто (*Вылитый папа*), маленький кто (*Просто маленький Володя*); что от кого (*Глазки от дедушки*); фразеологизм одно лицо (*Гарри с Максом одно лицо*); сравнительные обороты (*Как две сестренки / Как будто брат и сестра*), так и но встречаются и достаточно неожиданные реплики: *Симба — копипаст бабушки / Ксерокопия Примадонны / Мамина с папой помесь! / Мини Ваня / Троє из ларца одинаковы с лица*, авторы которых, желая сделать приятное своим кумирам, не чувствуют двусмысленности и отрицательной коннотации, заложенной в данных словах и оборотах.

3. Использование уменьшительно-ласкательных имен детей. Это явление обусловлено стремлением многих подписчиков играть роль близких друзей, а то и родственников «звезд». Но если такие формы, как: *Лизочка прекрасная / Машенька как всегда прекрасная девочка / Кларочка — прелесть. / Как старается Лизок! / Спасибо Надюше за улыбку*, традиционны для русской антронимии, то примеры, в которых к иноязычному имени автоматически присоединяется русский суффикс, звучат странно: *Вагаша подрастает с каждым днем / Какой милый ты, Ваганчик. / Микелочка красоточка, маленькая принцесса из сказки / Наконец-то дождались Тильдочку / доченьки лапулечки, не хватает Этелечки*. Совершенно неуместно выглядят подобные интимные обращения к матерям (*Танечка, чудесный малыш. / Перочка, вы большая умница, прекрасная жена и шикарная мамочка / Кристиничка, какая замечательная мамочка*, и др.), показывающие отсутствие элементарного такта у авторов поздравлений, невладение ими русским речевым этикетом.

4. Включение в комплимент окказионализмов и жаргонизмов. Фолловеры (современный сленговый аналог русского подписчики) в попытках обратить внимание на собственное высказывание проявляют чудеса словотворчества, и комментарии пестрят разнообразными окказионализмами, типа: *Мимишки / Хохотушка и умняшка! / Шедеврально/ Чудесное фото, сыночек сладуся просто! / Милашество невозможное* и др. Среди жаргонизмов наиболее частотны бомбический (*Ну просто бомбическое фото*), класс (*Класс! Молодцы просто!*), классный (*Кристина, у вас такая классная семья*), классно (*Классно, когда и мама, и папа!*), кайфовый, крутой (*Самая крутая мама в мире*), суперский (*Воспитывать 4 детей, быть ... суперским блогером — обожаю вас*), клёвый (*Какая же клевая троица*), прикольно (*Очень прикольно получилось*), балдеть (*Я балдею с Таси*). Данные жаргонизмы в подавляющем большинстве не относятся к числу новых, что косвенно выдает возраст комментаторов.

5. Употребление высокой лексики и десемантизованных обращений, выступающих в роли междометий. Почитатели талантов «звезд» стремятся выразить свои чувства и, не находя других языковых средств, обращаются даже к высокой лексике: дети отождествляются с ангелами (*Ангел! / Маленький ангел, с двумя зубиками*), добавление уменьшительно-ласка-

тельного суффикса придает подобным сравнениям еще больше трепета: *Ангелочек! / Просто Ангелочек!!! / Маленький ангелочек*. И даже голоса «звездных» детей совершенно иные: *Какой красивый ангельский голос!* Мать такого ребенка подписчики могут сравнить с богиней (*Вы богиня*), а ее совместная фотография с детьми напоминает полотно Леонардо да Винчи (*Мадонна с младенцем*). Чувство восхищения настолько переполняет невидимых корреспондентов, что заставляет их прибегать к междометиям типа: господи, боже, бог мой (*Господи, он волшебный / Господи, как мило! / Боже мой, только родился, и уже взрослый осмысленный взгляд! / Ой боже ангелочек / Бог мой, как вы прекрасны!*) Встречается и современное сленговое обращение: *Божечки, какая красота, даже свитшот в цвет коляски*.

6. Частое использование диминутивов. Это могут быть наименования отношений по родству (*Поздравляю мамочку и сыночка! / Похож на вас сынок / Доченька — это любовь навсегда / Сколько любви к братику*); названия частей тела (*Такой животик красивый / На его личике любовь из самого сердца видна / Ой, глазки-то какие / Мамины глазки! / Губки бантиком, просто загляденье / Маленький ангел, с двумя зубиками / Там, а носик, у кого-то в маму, а у кого-то в папу*); названия сверхъестественных или мифологических существ (*Просто Ангелочек!!! / Такой миленький, просто ангелочек; Русалочка / Такая русалочка на фото*); наименования животных (*Зайчик! / Такой зайчонок / Медвежонок маленький*), продуктов (*И детки — конфетки / Сладкая конфетка / Какой уже у вас большой пирожочек! / Ягодки все / К какой батончик уже сладкий / Сладкая булочка / Ну какая она сладкая крошка*), игрушек (*Какая же куколка / Сладкий пупсик*), предметов обихода (*Мамин клубочек / Любуюсь вашей кнопкой! / Сладенькая бусинка*), природных объектов (*Солнышко Кларочка*) и даже обозначение национальности (*Какая хохлушечка красавая; Кларочка и Этелечка — миленькие украиночки!*);

7. Употребление изобразительно-выразительных средств, в частности гипербол (*Вы красотка навсегда... / Вы самые-самые лучшие / Это лучшее исполнение этого стихотворения за последние 180 лет*), сравнений (*Какой очаровательный малыш, выглядывает как мышонок из-под стола / Третья фотография — как с обложки журнала*), метафор (*Произведение искусства эти детки! / В глазах можно утонуть / Глаза просто море / Два бездонных океана глаз*), эпитетов (*ангельский голос / Волшебная девочка / Нежное солнышко / Роскошные девочки / Шикарные мальчишки!* и др.).

8. Восклицательные конструкции как преобладающий тип предложений. Такие предложения повышают эмоциональность высказывания, в наибольшей степени позволяя подписчикам выразить свое отношение: *Что за дети! / Что за чудо! / Какая красотка! / Какой у вас взрослый и красивый сын! / Какая у вас дочь красавая! / Какая Маша взрослая уже! / Вот что значит старшая сестра! / Как доченька выросла! / Какая Ода уже большая! / Как хорошо, когда у женщины есть дочь! / Вы такие классные! / Какие вы классные! / Сколько любви к братику! / Милота! / Какие милахи! / Просто*

Ангелочек!!! / Так держать! и др. Возможны и риторические восклицания и вопросы: Как 13? Выглядит очень по-взрослому / Когда успела так вырасти? и др. Иногда авторы комментариев, видимо не находя слов, используют восклицательные предложения с междометиями: Ааааа, наконец-то! / Ааааааа!!! / Здорово!

9. Использование эмотиконов. Нередко в качестве добавления к комментарию или самостоятельной реакции, заменяющий текст, выступают **эмотиконы — смайлики**. Их количество сравнительно небольшое, это преимущественно изображения сердечка, цветочка, шарика, руки с поднятым вверх большим пальцем (♥ ♡ ♢ ♣ ♤ ♦ ♪) или лица, чаще улыбающегося: ☺ ☻ ☼ ☽ ☾ ☿ ☷ ☸ ☹ ☻; возможно сочетание нескольких смайликов: ☺ ☻ ☼ ☽ ☾ ☿ ☷ ☸ ☹ ☻.

Таким образом, комплимент, представляя собой один из интереснейших жанров современного виртуального общения, показывает основные тенденции в развитии русской коммуникации и ее лингвистического оформления.

Литература

[1] Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. М.: Наука, 1956.

УДК 372.881.111.1

Клиповое мышление современных студентов и связанные с ним особенности подачи материала на занятиях иностранного языка

Купершинская Елена Александровна kupershinskaya@gmail.com

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Левина Наталья Леонидовна karnatalya@yandex.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Рассмотрено понятие «клиповое мышление» и связанное с ним понятие «клиповое чтение». Клиповое сознание ждет от преподавателя умения упаковывать мысль в образ, а преподаватель привык к вербальному выражению мысли. Рассмотрены факторы, влияющие на восприятие современными студентами текстовой информации. Приведены аспекты, влияющие на улучшения качества усвоения материала занятий. Авторы приходят к выводу о невозможности не учитывать психологические особенности восприятия информации современной молодежью, доказывают необходимость обучения студентов аспектам линейного мышления.

Ключевые слова: клиповое мышление, клиповое чтение, линейное мышление

Принимая участие в конференциях и научных мероприятиях, мы можем наблюдать, как изменились за последние 10–15 лет стандартные презентации, сопровождающие выступления передовых спикеров. Еще совсем недавно стандартными и привычными были слайды, содержащие текстовые компоненты, для поддержки которых на слайдах размещались графические компоненты — рисунки, графики, фотографии. Анимация была или минимальна, или не присутствовала вовсе. Шаблоны презентаций были просты и предполагали заполнение существенной части слайда текстовой информацией. В настоящее время презентации не просто стали сложнее, они превратились в большинстве своем в куда более сложные структуры благодаря появлению инфографики — графического способа подачи информации, данных и знаний, целью которого является быстро и четко преподносить сложную информацию. Инфографика способна не только организовать большие объемы информации, но и более наглядно показать соотношение предметов и фактов в пространстве и времени. Интересным примером является следующий факт: в 2011 году в России появился журнал «Инфографика», главной особенностью которого стало отсутствие текстов и представление всей информации в виде инфографики.

Клиповое сознание ждет от преподавателя умения упаковывать мысль в образ, а преподаватель привык к выражению мысли языком — и в этом проблема. Старая проблема отцов и детей означает сегодня столкновение двух реальностей: нарождающейся экранной и отмирающей книжной. Школы и вузы пытаются навязать ученику мышление линейное, т. е. текстовое и медленное, а настоящее и будущее требуют от него мышления клипового, т. е. образного и быстрого. Так стоит ли нам, преподавателям, пытаться полностью подстроиться под существующий формат, чтобы быть легко воспринятым современными студентами? Ниже рассмотрим факторы, влияющие на получение учебной информации на занятиях иностранным языком.

Человек с клиповым мышлением быстрее сориентируется в ситуации, быстрее найдет нужную информацию, но только его коллега с, казалось бы, устаревшим понятийным мышлением сможет понять, почему она вообще произошла и что следует в этой ситуации сделать, чтобы в будущем такая проблема или ситуация никогда не повторилась. Таким образом можно сказать, что человек с клиповым мышлением может успешно жить в современном быстроменяющемся мире, но познать его законы способен только тот, кто оперирует мышлением понятийным. Человек с клиповым мышлением не задумывается о выходе из стандартной схемы, в которой прекрасно разбирается и навигация в которой ему понятна.

Клиповое мышление требует меньшего ресурса, но с точки зрения глубокого анализа информации оно не годится. Если ты мыслишь клипами, то тебе нужно за несколько секунд в дефиците времени выбрать некую соответствующую картинку, и смысл этого самого подходящего клипа определяется по всему лишь по нескольким чертам и довольно стереотипно.

Как пишет Ф.И. Гиренок в своей книге «Клиповое сознание» «Сознание не связано и с языком. Говорить — не значит мыслить. Если кто-то говорит 90 минут, это не значит, что он хотя бы одну минуту за это время мыслил. Разговор — это навык. Можно научиться говорить по-умному и больше никогда в жизни не думать. Это значит, что у языка и сознания разные истории» [1, с. 18]. Современное сознание хочет успеть все и сразу: одновременно человек просматривает ленту новостей в социальной сети, общается с друзьями и слушает лекцию на интересующую его по работе тему. Для того чтобы все успевать, сознание нуждается в образе, потому что именно в образе возможно мгновенное схватывание сути. Наглядность нужна сознанию для поддержания той скорости, к которой оно привыкло.

В современных новостных программах один сюжет не должен длиться более полутора минут. Авторы такого формата новостей объясняют это тем, что зрители не могут концентрировать внимание на одной теме более этого времени. Советское телевидение задавало другой формат подачи новостей, пыталось подтянуть зрителя к своей культурной планке. Но спорить с уже сформированным к настоящему времени форматом сложно, а вот учитывать особенности психических процессов потребления информации при общении с поколением, которое с детства воспринимало такой способ ее подачи просто необходимо. Зачем запоминать даты, имена, формулировки, если их можно в любой момент посмотреть в Интернете?

Учителя и психологи по всему миру замечают — дети стали меньше читать. Академик Владимир Совкин, который с 1970-х годов ведет исследование о том, кто сколько читает и как, в своих статьях описывает выводы своих исследований — современный подросток 16–17 лет читает в среднем не более 4,5 книг в год. Еще совсем недавно люди читали книги, толстые журналы, газеты, в которых целые развороты статьи на наиболее важные темы занимали целые развороты. Теперь такого рода времяпрепровождение характерно только для интеллектуальной элиты, остальные хорошо если проходятся по анонсам на главной странице или даже просто по заголовкам печатных изданий или новостных сайтов.

По словам педагога Е.А. Седовой, преподающей иностранные языки в неязыковом вузе, «В процессе обучения просмотровому чтению важно обратить внимание студентов на подсказки в виде схем, рисунков, чертежей, содержащихся внутри текста. В связи с этим возможно выполнение следующих заданий: ознакомиться со схемами, чертежами, иллюстрациями и озаглавить текст, составление предложений, формулирование вопросов по схемам, чертежам, иллюстрациям, составление возможного плана текста. Этапы работы с отрывками, предназначенными для просмотрового чтения сходны с этапами работы над текстом, предназначенным для детального изучающего чтения. Однако в связи с просмотром чтением необходима быстрота выполнения действий» [2, с. 1027].

Понятие *клиповое мышление* породило понятие *клиповое чтение*. Это так называемое секущее чтение, когда человек, сканируя страницу с помощью

просмотрового чтения, лишь немногого сбавляет темп сканирования страницы в местах, где он определил некие соответствия с его запросом. Выхватывая основные события из всего повествования при таком виде чтения без внимания оставлены бывают именно важные переходы от мысли к мысли, логика нахождения ответов на вопросы, связи между событиями и закономерности в общем содержании повествования.

Если у современного студента есть выбор, читать ли ту или иную книгу в напечатанном формате или иметь ее скаченной в свое портативное устройство — телефон или планшет, он всегда выбирает последнее. Очень часто человек выбирает именно аудио книгу — это экономит время ознакомления с материалом именно благодаря тому, что информация из аудиокниги потребляется во время выполнения другого действия, которое, конечно же, берет на себя существенную долю внимания этого человека. Разве мы слушаем аудиокниги, концентрируясь на ней? — ответ, к сожалению, очевиден. Ребенок не хочет углубляться, не хочет фантазировать, когда он знает, что без усилий может получить впечатление в видео или аудио формате. Что происходит в результате постоянного или частого замещения аналитического чтения чтением просмотровым — человек обладает информацией во многом только при наличии источника у него того текста, который он может просматривать с целью извлечения нужной ему сейчас информации.

Изучив ряд работ и обобщив опыт преподавания иностранного языка современным студентам в неязыковом вузе, мы приходим к выводу о невозможности не учитывать психологические особенности восприятия информации современной молодежью, но и хотим подчеркнуть необходимость обучения студентов аспектам линейного мышления.

Литература

- [1] Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. 256 с.
- [2] Седова Е.А. Особенности обучения просмотровому чтению студентов нелингвистического вуза // Молодой ученый. 2016. № 8 (112). С. 1026–1028. URL: <https://moluch.ru/archive/112/28524/> (дата обращения 07.12.2020).

Phonetic Features of Oral Speech of Native Hebrew Speakers Using English as a Foreign Language (Based on the Interview of Y.N. Harari)

Patrikeeva Irina Sergeevna

✉ irpatrikeeva@gmail.com

Higher School of Economics

Doshlygina Anna Vladimirovna

✉ anna.doshlygina@gmail.com

Higher School of Economics

The article addresses the problems of phonetic variation in English as a lingua franca used in multicultural communication. Focus is given to the specific phonetic features traced in

the oral speech in English of Hebrew native speakers. The phenomenon of phonetic interference is reflected in the pronunciation of speech sounds, stress placement, and intonation contours in oral speech discourse. The study was based on the analysis of an extract from an interview of the Israeli macro-historian Prof. Yuval Noah Harari given to the journalist Romi Neimark for the Hebrew University of Jerusalem in October 2020. The choice of the material has been stipulated by the increasing popularity of Prof. Harari's literary works and public speeches around the globe, therefore, it is of great research interest to examine the markers of Hebrew in English speech with regard to the international character of communication. Moreover, the speech of the interviewer, Romy Neimark has also been marked by the Hebrew influence. The main methods used were auditory and comparative analysis, which allowed to draw a conclusion about the influence of Hebrew phonetics on the speech of both speakers. Special attention is given to the problem of using English as a means of international communication in the era of globalization, as well as the phenomenon of linguistic interference and the issue of preserving individual features of pronunciation of the speaker's native language. The article considers options for using the results of the study for the development of cross-cultural competence in teaching English as a foreign language.

Keywords: phoneme, phonetic interference, phonetics, cross-cultural communication, linguistic and extralinguistic factors

Introduction

The problem of second language acquisition has always been one of the key questions in the study of the English language. The question has become especially relevant in the era of globalisation when English is regarded as a lingua franca used for intercultural communication around the globe. The increasing need for studying English as a second language inevitably leads to the cases of native language interference with English. The most notable changes may be observed in the phonetic structure of speech which appears most vulnerable [1], while grammatical and lexical changes also take place but to a lesser extent [2]. Moreover, according to J.C. Wells, interference occurs due to the fact that it is natural to perceive a foreign language through the phonetic system of a native language which leads to the specific manner of speech production that is also done on the basis of the mother tongue's articulation [3]. As a result, the current situation with the use of English as the language of global communication may as well be reflected through the prism of the other world languages native to the speakers participating in international discourse. One of such languages is Hebrew being native to over nine million speakers around the world and considered to be the official language of Israel. Increasingly, the speakers of Hebrew are becoming the dominant figures on the global arena in the spheres of science, art, medicine and technology that is why it is of primary importance to study the ways in which Hebrew and English are intertwined in the oral speech of public figures.

The study of phonetic interference heavily depends on the analysis of the sociocultural background of the particular speaker which is significant in terms of cross cultural communication. Therefore, it is essential to regard this aspect as the

key one while analysing the audio material of a speaker which is going to be conducted in his paper.

Methods and Materials

The main informant of the research presented here is the historian Prof. Yuval Noah Harari who is regarded as one of the notable representatives of modern Israeli scientists. The biographic data presented further in this paragraph contributes to the overall analysis of his speech both from linguistic and sociocultural perspectives. According to his official website, Harari was born on 24 February in 1976 in Kiryat Ata, Israel to a secular Jewish family. His parents were employed primarily in the spheres of state service and office administration which makes it possible to refer to his family as middle class. It is worth mentioning that as a socialist state at the period of Harari's growing up, he had all the educational opportunities given to the citizens of Israel. Having used this opportunity, he first enters the Leo Beck Education Center located in Haifa joining a group of intellectually gifted children and then continues his studies in the Hebrew University of Jerusalem to research history and international relations specializing in medieval and military history. He then completes his PhD at Jesus College in Oxford and continues his postdoctoral studies as a Yad Hanadiv Fellow which is an Israeli philanthropic fund. As for the present time, Harari lives in the suburbs of Tel Aviv and continues his work in the study of macro-history publishing popular scientific books and touring the globe delivering public speeches and giving interviews. Some of the most bestselling books include *Sapiens: A Brief History of Humankind* (2014), *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow* (2016), and *21 Lessons for the 21st Century* (2018).

The choice of the primary source for the phonetic analysis lay on the interview given by Yuval Noah Harari in October 2020 for the official website of the Hebrew University of Jerusalem titled “The Era of the Coronavirus: Living in a New Reality”. The video material of the interview lasts for 35 minutes and is held in English. The speech of the interviewer, however, is also of special interest for this research and therefore, it is necessary to introduce some of the background data about the interviewer as well.

To conduct the conversation with Prof. Harari, Israeli journalist Romy Neumark had been appointed. Romy Neumark was born in 1982 in Israel. She grew up in the Hefer Valley region of the Sharon plain in central Israel. She holds an undergraduate degree in Literature and a graduate degree in the History of the Middle East from Tel-Aviv University. Since 2000 Neumark has been a TV and radio reporter covering news on culture and anchoring weeknight broadcasts on IPBS (Israeli Public Broadcasting Corporation). Speaking Hebrew as the mother tongue, she also uses English for intercultural communication in the professional sphere.

In order to analyse the phonemic peculiarities of the informants' speech, the comparative table of both languages (Hebrew and English) has been designed. The tables presented in the Appendices section show the system of consonants and vowels where English phonemes are given below the line and Hebrew phonemes are placed above the line.

It follows from the charts in the Appendices section that the phonemic systems of these two languages have both similarities and differences. As regards consonants, Hebrew has the alveolar affricate [ts] and velar, uvular and pharyngeal fricative sounds which are absent in English. It is notable that Hebrew uses a glottal stop which is absent in Standard English, however, some varieties, like Cockney and other regional accents, use glottal stops extensively [4]. Moreover, the quality of some particular sounds differs in both languages: English sonorous [r] in English is postalveolar and Hebrew [ך] is guttural meaning that it is produced in the back of the vocal tract. Also, in Hebrew such phonemes as fricative interdentals [θ] and [ð] and sonorants [ŋ] and [w] are virtually non-existent. Considering the vowel system, it is rather obvious that in Hebrew there are no diphthongs and triphthongs which are common in English. What is more, the overall system of Hebrew vowels contains fewer monophthongs than the English one: high and mid central and low front and back vowels are absent. The quality of some vowels is different, too. For instance, [ɒ] is a near-open central vowel, while Hebrew [o] is a mid back rounded vowel. Also, Hebrew [a] is an open central unrounded vowel, whereas [ʌ] is a near-open central vowel. Overall, English phonological vowel system shows more diversity especially in terms of the diphthongs and triphthongs [5], on the contrary, Hebrew and English consonants coincide only partially with some of the phonemes being characteristic only for English or Hebrew systems.

Results

As a result of comparative auditory analysis, some specific phonetic characteristics have been revealed. The findings are presented below:

Palatalization. Harari and Neumark have a strong tendency to palatalise both vowels and consonants which is characteristic for Hebrew. Most evidently, palatalisation occurs primarily in the sonorant [l] and the sounds surrounding it e.g. will, long run, unsustainable, political, fall, leaders, technological, scholar, look, message election.

Yod-dropping. The omission of [j] sound, especially in the combination with the vowel sound [u] is connected with the absence of such combinations in Hebrew which is present only in loan words, e.g. opportunity, students, huge.

H-dropping. The English consonant sound [h] does not exist in Hebrew with the same quality as it is in Hebrew where the corresponding sounds are pronounced in a more backlingual manner which is almost glottal. Interestingly, English [h] is substituted by a voiced glottal fricative referring to the letter ט and is hardly ever pronounced with only air stream to be heard, e.g. huge, human, hack.

TH-fronting. Interdental sounds characteristic for English are not represented anyhow in Hebrew, therefore, Hebrew speakers struggle pronouncing them. Regardless of the effort, occasionally the slips into alveolar and labiodental sounds may be observed, e.g. think the way, thought.

Monophthongization of diphthongs. As far as vowel structure of the Hebrew language consists of monophthongs only, English diphthongs and triphthongs do not come naturally to Hebrew speakers, e.g. airport, airplanes [r] > [ך]. One of the

prominent features is the specific pronunciation of the sonorous post alveolar [r] sound in English which is frequently but not always substituted by the typical for Hebrew uvular fricative [χ] sound, e.g. university, other, year, are, recorded, important, course, current, foreigners [k] > [χ]. The excessive aspiration of [k] sound in Hebrew speech may be associated with its substitution to the uvular (therefore, pronounced deeper in the throat) sound [χ] used for the letter ח, e.g. click, class, technology.

Another important feature to be mentioned is stress placement. In most Hebrew words, lexical stress is placed on one of the two last syllables, which is reflected in the natives's English speech. Therefore, the lexical stress of English words will often be shifted to the terminal syllables which may not coincide with the English stress.

Furthermore, it is worth mentioning intonational features of the informats' oral speech.

Upspeak. The speakers tend to use rising tones instead of Falls in the declarative sentences in terminal positions. The feature is common for younger generations of English users and also for some of the geographical varieties such as Australian English [6]. In this case, the use of Rises is stipulated by the Hebrew prosody which has the tendency for such tones due to its rhythmical structure [7].

Harari: The semester was sup/posed, the term was supposed to begin / in... I was teaching three / courses, supposed to begin /March /2020 and within a week or/ two, like, everything moves on/line and yeah I had to reinvent /everything, really.

Rise-Fall-Rise instead of Low Rise. The use of such a complex nuclear tone as Rise-Fall-Rise (or The Highdive) is justified in the Standard English pronunciation when the speaker conveys a very emotive attitude appealing to the interlocutor's response [8]. When such intonation occurs in the speech of Hebrew natives, this phenomenon may be regarded as the feature of Hebrew intonation and the desire of the speaker to get a response and grab the listener's attention.

Neumark: This is your academic /\home in Jerusalem /\ actually and I /\ wonder in this time of the /pandemic the covid /19 global pandemic... did your /work is /changing right now?

Strong Rises. Question-final utterances in Hebrew are marked with strong prominent Rises in intonation [9] which, as seen in the example below, is transferred into English as well.

Neumark: You're talking about the US and the way it... the ideas that the US might /collapse? Hesitation pauses. Both in Hebrew and English colloquial speech hesitation pauses are widely used. However, the sounds used as fillers in English are often referred to as ah or uh [ʌ] and um [ʌm], while Hebrew speakers tend to fill in the pauses with the front mid sound eh [e] or em [em] [10].

Interestingly, there is strong interference of Hebrew fillers and English fillers as Harari tends to use both of them:

Harari: At present, the main challenger to the current prime minister is somebody who is an education minister thought to install the so-called ethical code which is really

meant to curb academic freedom of expression and to police and monitor even what uh... eh... eh scholars are saying in the classrooms, in the university.

Conclusion

In the present article we compared the phonetic systems of modern Hebrew and English and applied the results of such comparison to the analysis of the oral speech of two native Hebrew speakers (Y.N. Harari and R. Neumark) having a conversation in English as a second language. The conducted analysis showed features of phonetic interference of the modern Hebrew phonology with the Standard English phonetic system. Furthermore, in the talk of the two speakers mentioned above we determined phonetic features peculiar to their mother tongue represented in the English oral speech thus representing the phonetic interference of the two. Further investigation may be connected with the research of the communication between two native Hebrew speakers in ESL in contrast with similar interaction taking place between one native Hebrew speaker and a native English speaker in English. The results of the present research may be used in the university courses of cross-cultural communication, theoretical phonetics and sociolinguistics to illustrate phonetic variation in English used as a lingua franca. The material may also be beneficial for Hebrew speakers aiming to avoid pronunciation inaccuracies caused by the interference of their mother tongue and having a goal to master their colloquial English.

References

- [1] Jenkyns, J. (2000). *The Phonology of English as an International Language*. Oxford: Oxford University Press.
- [2] Crystal, B., Crystal, D. (2014). *You Say Potato. A Book about Accents*. London: Macmillan.
- [3] Wells, J.C. (1982). *Accents of English. Three volumes*. Cambridge: Cambridge University Press.
- [4] Crystal, D. (1987). *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- [5] Cruttenden, A. (1994). Gimson's Pronunciation of English. Fifth edition of A.C. Gimson, *Introduction to the pronunciation of English*. London: Edward Arnold.
- [6] Paradis, J. Genesee, F., (1996). "Syntactic Acquisition in Bilingual Children: Autonomous or Interdependent?". *Studies in Second Language Acquisition*. pp. 1-25.
- [7] Laufer, Asher. (1987). Intonation (in Hebrew). Jerusalem: Publications of the Institute of Jewish Studies, The Hebrew University of Jerusalem.
- [8] O'Connor J. D. & Arnold G. F. (1973) *Intonation of Colloquial English*. Second Edition. London: Longman
- [9] Mixdorff, Hansjörg and Noam Amir. (2002). "The prosody of Modern Hebrew: A quantitative study". *Proceedings of SP2002*, 511–514.
- [10] Intonation of Israeli Hebrew. *Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics*. (2013). Leiden/Boston: Brill.

УДК 8125

К вопросу о вербализации понятия «лицо» в китайском языке

Селезнева Наталья Викторовна

✉ xie-ling@yandex.ru

Новосибирский государственный технический университет

Данная статья посвящена рассмотрению одного из важных культурно-психологических феноменов китайского общества — понятия мяньцзы, или лица. Понимание сущности данного понятия позволяет выявить механизмы и принципы межличностного взаимодействия, характерного для китайской культуры. В статье также уделяется внимание языковой репрезентации понятия мяньцзы в китайском языке и приводится сопоставительный анализ двух близких по значению лексических единиц 脍 и 面子.

Ключевые слова: понятие лица, китайский язык, этика лица

Стремительный рост интереса к китайскому языку в последние десятилетия естественным образом обращает внимание китаистов-практиков и китаистов-теоретиков к более глубокому осмыслению различных аспектов китайского языка. С ростом общего уровня владения китайским языком в вопросах межкультурной коммуникации и ежедневной практике межличностного общения на первое место выходит вопрос не КАК, а ПОЧЕМУ. Понимание механизмов, заложенных китайской культурой в практику взаимодействия между людьми, позволяет носителям языка лучше вписываться в рамки и нормы культуры, осуществлять более успешную коммуникацию и терпеть меньше коммуникативных неудач.

Одним из общепризнанных культурно-психологических феноменов в традиционном и современном китайском обществе является мяньцзы, или лицо. Мяньцзы (面子) — базовый архетип поведения китайцев, который проявляется в межличностных отношениях, как между самими китайцами, так и между китайцами и иностранцами. Лицо в китайской культуре представляет собой сложный и многомерный феномен, который может выступать объектом междисциплинарного исследования. В данной статье автором будет предпринята попытка на основании одноязычных китайско-китайский словарей разобраться в вопросе вербализации феномена лица и его репрезентации в словарях китайского языка.

Говоря о вербализации культурно значимых понятий, мы напрямую подходим к проблеме языковой картины мира, а точнее — к языковой картине мира национального языка. Под национальной языковой картиной мира мы вслед за О.А. Корниловым будем понимать «запечатленное в лексике соответствующего языка национально-специфическое видение всего сущего, где в слово видение вкладываются понятия: логическое осмысление, чувствование и оценивание, а в понятие сущего — не только реальный материальный

мир, но и все привносимое в него человеческим сознанием» [1, с. 140]. Таким образом, именно лексический уровень языка, имеющиеся в языке лексические и фразеологические единицы позволяют делать выводы о том, как человек мыслит этот мир. Как отмечала Е.С. Кубрякова, «...в языке ярко отражены и воображение, и фантазии, и эмоции, и оценки, и просто жизненные потребности человека» [2, с. 90].

Каждый национальный язык в силу своих генетических и типологических особенностей предоставляет специфическую и уникальную форму вербализации ментальных феноменов — это относится и к понятию *лица*. Если мы обратимся к двуязычным китайско-русским словарям, то обнаружим, что понятие *лицо* вербализуется двумя лексическими единицами — простым словом 脸 и производным словом 面子, образованным суффиксальным способом. Если же обратиться к значению данных иероглифов, зафиксированных в китайских толковых словарях, то иероглиф 面мянь является многозначным — имеет значение не только лица, но и стороны, поверхности, внешней оболочки и др. В контексте данной темы важно отметить, что 面мянь в значении лицо толкуется словарем через 脸 лянь: 面 — 1) 头的前部; 脸 / передняя часть головы; лицо [3, с. 878]. Обратимся к толкованию иероглифа 脸 лянь в том же толковом словаре: 脸 — 1) 头的前部, 从额到下巴 / передняя часть головы, от лба, до нижней челюсти; 2) (儿) 某些物体的前部 / передняя часть вещей; 3) 情面; 面子: 丢· | 不要· / репутация, лицо-мяньцы [3, с. 786].

Исходя из словарных дефиниций очевидно, что значение *лица*, как *статуса, репутации, престижа* является переносным и фиксируется только у иероглифа 脸 лянь, который поясняется через производное слово 面子, образованное путем присоединения к корневой морфеме 面 суффиксальной морфемы 子. Таким образом, синонимичным следует признавать не пару 面мянь и 脸 лянь, а пару 面子 мяньцы и 脸 лянь. Обратимся к толкованию слова 面子: 面子 — 1) 物体的表面 / внешняя сторона, поверхность предметов; 2) 体面; 表面的虚荣: 爱· | 你的话伤了他的 / репутация; показная слава; 3) 情面: 给· | 碍于, 只好答应了 / вес в обществе, репутация [3, с. 880]. Таким образом, для носителя китайского языка 面子 трактуется в двух понятиях 情面 и 体面. Для прояснения значения двух этих понятий также обратимся к словарным толкованиям: 情面—— 私人间的情分和面子 / чувства, расположение между близкими людьми и лицо-мяньцы [现代汉语词典, 2003: 1035]. 体面—— 1) 体统; 身份 / приличие, достоинство; статус, авторитет 2) 光荣; 光彩 / слава, честь, почёт 3) (相容或样子) 好看; 美丽 / красота (о внешнем виде) [3, с. 1240].

Из словарных дефиниций следует, что содержание слова 面子 амбивалентно: один из лексико-семантических вариантов указывает на внутрен-

нюю сторону феномена мяньцзы, делая акцент на чувствах между людьми и ощущении своего собственного достоинства, с другой стороны — внешние показатели — статус, слава, почёт, которыми наделяет человека общество. Исходя из анализа словарных дефиниций можно сделать вывод, что содержательные стороны понятий 脸 и 面子 совпадают не полностью: 脸 и 面子 можно рассматривать как синонимы в трактовке 情面 — 私人间的情分和面子 / чувства, расположение между близкими людьми и лицо-мяньцзы; но у 脸 нет трактовки 体面 и всех присущих ему значений. То есть 脸 понимается в большей степени как ощущение себя, своего достоинства именно в плоскости межличностных отношений; в то время как 面子 — это скорее та оценка, которую дает человеку социум, а с позиций самого человека мяньцзы — это «держать марку» по отношению к группе лиц и обществу в целом.

Выводы, полученные путём анализа словарных дефиниций, подтверждаются и коммуникативными примерами. В качестве источника используются реплики героев китайского телесериала «大江大河» (2018 г.), в котором повествуется об этапах осуществления модернизации в Китае, начавшейся с 1978 г. вместе с политикой реформ и открытости. В речи главных и второстепенных героев реплик, имеющих прямое отношение к понятию лица, насчитывается более 70, что говорит об особой значимости данного феномена в коммуникации. Чаще всего понятие лица вербализуется через устойчивое словосочетание, образованное по глагольно-объектной модели глагол + лицо. Выражение с 脸 будет использоваться в ситуациях, когда человек заботится о своей репутации в глазах лиц из близкого круга, например:

1) Брат говорит сестре, что его племянник сможет им гордиться:

放心吧，姐，我一定不会给我的外甥丢脸的。 / Будь спокойна, сестрёнка, я не потеряю лица (не осрамлюсь) перед племянником.

2) В магазине молодой человек пытается поцеловать свою девушку, девушка уворачивается и говорит:

叫人看见，你要不要脸呢？ / Люди увидят — не стыдно тебе？

3) После удачного запуска оборудования ученик отвечает на похвалу своего учителя:

没给师父丢脸就行。 / Не опозорил учителя и хорошо.

4) Девушка выглядит очень расстроенной и молодой человек спрашивает у неё:

快说呀，那个不要脸的敢欺负我们的小启明啊？ / Говори скорее, кто тот бесстыжий, что посмел обидеть нашу маленькую Цимин？

5) Начальник очень зол на своего младшего соратника за то, что тот за его спиной провернул дело, на которое он не был согласен:

你还有脸跟我说，这叫新村改造啊？！ / И тебе не стыдно со мной разговаривать？ Это называется новая деревня？

В то время как словосочетание с 面子 будет использовано в ситуациях, когда человек беспокоится о том, как будет выглядеть в глазах не только знакомых, но и незнакомых ему людей, например:

1) Начальник наедине после общего собрания говорит своему молодому, но очень талантливому коллеге, который публично ему возразил:

你简直就是不给我面子，以后可不许这样。 / Твоя прямота — удар по моей репутации. В другой раз не надо так.

2) Жена говорит мужу, который собирается выбросить подарок от неприятного человека и об этом сразу узнает вся деревня:

你把这[礼物]扔了，人面子上多难看啊。 / Если ты это (подарок) выбросишь, то выставишь человека в дурном свете.

3) Молодой человек зовет свою девушку пойти с ним на деловой ужин с партнером:

你愿不愿意跟我一起去？是我带着我媳妇，多给他面子，是不是？我媳妇长得那么漂亮！ / Ты согласна пойти со мной? Если я возьму с собой свою невесту, это ли не дань уважения ему? Моя невеста такая красивая!

Тот факт, что в большей степени имеет отношение к публичной репутации, к мнению социума о том или ином индивидууме, о соответствии человека установленным этим обществом правилам можно проиллюстрировать и другим примером, взятым из романа известного современного китайского прозаика Лю Чжэнъюня «*«一地鸡毛»*»:

4) Молодой человек говорит своей девушке, которая не хочет бросать работу, чтобы заниматься с ним торговлей:

我知道你是爱那个面子！你还是天真幼稚，现在普天下谁还要面子？要面子一股子穷酸，不要面子享荣华富贵。 / Я знаю, что ты печешься о своей репутации. Ты еще так молода и доверчива, да только кто сейчас заботится о своей репутации? Кто дорожит репутацией, тот нищий, а кто не дорожит — наслаждается богатством и славой.

Подводя краткий итог анализа двух схожих лексических единиц китайского языка, являющихся номинациями понятия лицо — 脍 и 面子 — можно сделать вывод, что несмотря на то, что китайско-русским словарями данные лексические единицы переводятся как синонимичные, однако лексические значения данных слов совпадают лишь частично, о чём свидетельствует анализ словарных дефиниций, представленных в китайско-китайских толковых словарях, и подтверждающие данный вывод речевые примеры из современного китайского кино и литературы. Данная тема заслуживает серьёзного исследовательского внимания и будет разрабатываться автором в последующих работах.

Литература

- [1] Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 4-е изд., испр. М.: КДУ, 2013. 348 с.

- [2] Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- [3] 现代汉语词典。—北京：商务印刷馆，2003. 1767页。
- [4] 大江大河：电视剧/上海广播电视台、东阳正午阳光影视有限公司、SMG, 2018. 47集。
- [5] 刘震云. 一地鸡毛. Available at: <https://www.kanunu8.com/book3/7244/> (accessed November 24, 2020).
- [6] 同义近义反义多音多义词典 / 高雅君主编。长春: 吉林文史出版社, 2006年。1108页。

About Verbalization of Face-Concept in the Chinese Language

Selezneva Natalia Viktorovna xie-ling@yandex.ru

Novosibirsk State Technical University

This article deals with consideration of important cultural and psychological phenomenon of Chinese society - the idea of face or "mianzi". Understanding the concept of this idea helps to find out the principles and mechanisms of person-to-person interactions in Chinese culture. The article also analyses linguistic representation of the idea of "mianzi" in the Chinese language and provides comparative analyze of two early meaning words — 脸 and 面子.

Keywords: concept 'face', Chinese language, mianzi, the ethics of face

References

- [1] Kornilov O.A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov. 4-e izd.ispr. M.: KDU, 2013. 348 s.
- [2] Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanii o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. — M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 560 s. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura).
- [3] Dajiang dahe (Like a flowing river): TV series — Shanghai guangbo dianshitai, Dongyang zhengwuyang guangyingshi youxiangongsi, SMG, 2018. 47 series.
- [4] Xiandai hanyu cidian. Beijing: Shangwu yinshuaguan, 2003. 1767 p.
- [5] Liu Zhenyun. Yidi jimao. Available at: <https://www.kanunu8.com/book3/7244/> (accessed November 24, 2020).
- [6] Tongyici, jinyici, fanyici,yinduoyici cidian / Red. GaoYajun. Changchun: Jilin wenshi chuanshe, 2006. 1108 p.

Phubbing as a New Type of Communication

Yacevich Ol'ga Evgen'evna marusafronova@gmail.com

Tyumen Industrial University

In the article the author describes modern types of communication. True communication is given an optional value to cultivated by newfangled technical inventions which put under question the existence of humanity and the status of a person as a Homo Loquence; the reasons for turning to such substitutes for communication are explained; a description of

the person inclined to phubbing is given; the conclusion is made that phubbing can be partially considered as the norm in modern society.

Keywords: *phubbing, destructive communication schemes, reflection, asymmetry, communication*

Man as a rational being was distinguished not only by upright walking but also by the ability to communicate with his own kind, which made it possible to unite in groups and transfer the knowledge and experience through communication. Scientists called such a person *Homo loquence*, i.e. a being who speaks, writes and, importantly, listens. Alas, time makes its own adjustments, putting emphasis not in favor of natural language, stubbornly pedaling artificial means of communication. Newfangled gadgets with a slight submission of a person were named smart phone meaning “phones with intellect”. These smart phones smoothly changed the status of a person in the communication chain breaking and saturating it with electronic texts. Once, Ray Bradbury wrote a powerful phrase: “I need to talk, but there is no one to listen to me. I cannot speak to the walls, they are screaming at me” [1].

Communication has ceased to be “the only real luxury” [2] being replaced by other assistants in the face of computers, telephones, cars and other “super-assistants” who are pushing the second communicator out of the chain, replacing it. Screensavers on phones, avatars on social networks are nothing more than a skillfully disguised grin of a thing that can show itself not from its best side at the very moment when a person does not expect it at all. A soulless machine skillfully manipulates a person, dictates its dishonest rules subjecting them to a person who pours out his own “striptease of the soul” not to another communication agent, but to a gadget.

Furious admiration a new little thing disorients a person not only in communication, but also in everyday life, turning into a mass of problems that at first glance seem to be mere trifles resulting in serious consequences. In this context, it is possible to compare a material invention, which is prescribed many feats and sung innumerable odes to, with the Trickster pushing not only man but also mankind towards progressive degradation. The cultivation of new technical means leads to the emergence of newfangled communication schemes, which are often destructive but gradually becoming habits. And habits, as you know, are second nature of a person, which are very difficult to get rid of.

The older generation, who grew up reading books, complains that today's young people are not only able to communicate, but more often not able to listen. Generation “next” is brought up by television, computers, receiving lessons from the “net”, which makes it possible to talk about the new phenomenon of net nursing (English NET-network, nursing-education). Passive perception of information coming from the network is much easier, simpler than that which could be obtained from reading a book, when the right hemisphere of the brain would be turned on, which allows empathizing with the characters, thinking over the further development of the plot, and ultimately reflecting. But in fact, it turns out that there

is a reaction, but there is no reflection, which forms a functional asymmetry of the brain, loading one hemisphere, but completely emptying the other. Before television and other media became available to absolutely everyone, the book was not only the best gift, but also the most favorite form of leisure. Reading is like a healing elixir that can relieve nervous excitement and fuss, motivate for creative activity, take an example from positive heroes, and build a mental dialogue with them. Today, it turns out that modern society lives on the principle of the optional need for reading, and with it communication loses the status of Homo Loquence and acquires one of Homo Digitales.

The beeping pagers of the 90s were replaced by more advanced means of communication, which introduce discord in the communication of two personalities, in which there is no place for thirds. Is the third one a superfluous? Dependence on the Internet communities, various mobile devices, the habit of being distracted by small but necessary «helper» is called phubbing, formed from two English words phone and snubbing (attitude to something or someone with disregard). The term has been in use since 2012, and has found both supporters and opponents of this movement. Phubbing is getting out of control offering us realistic images of the future, when couples will sit opposite each other in complete silence updating their statuses on social networks. The ability to communicate in this way will gradually be eradicated.

Scientists are sounding the alarm, and people meanwhile choose phubbing, believing that this is not the third superfluous, but a way to fill in the network pauses those moments when you have nothing to do and don't know what to say. On the site stopphubbing.com/ [3] there is a permanent counting of votes pro / contra phubbing. At the time of writing this article, 156,472 people took part in the voting. The poll results, alas, are not encouraging (72 % of respondents) choose phubbing. The creators of the project aimed at true communication, argue that phubbing is a disease that could destroy the population of China, multiplied by six. People can be compared to the victims of phubbing and it is an annoying factor, since phubbing scenes people stop feeling the taste of food, and in one evening in an average restaurant, up to 37 cases of phubbing happen. People explain the reasons for resorting to such substitutes for communication by a number of circumstances: it is easier to communicate through devices, since there is less chance of getting into an awkward situation, faster, and in addition, the victim of the phubbing pushes his interlocutor to use the phone during the dialogue, which leads to the fact that phubbing becomes a social norm in society. Phubbie, as a victim of a phubbing is more exposed to risks both emotionally and physically, and the race for the news, the fear of missing an unimportant detail drives a person into permanent fear and leads to psychosis. Is it possible to avoid phubbing? — Perhaps, if we consider as the norm the point that using the phone in personal communication is not only impolite, but also offensive, since such a communication like a way can be considered quasi-deformational.

Couple of years ago the use of functional means of communication was considered unacceptable during a conversation, but in the deformed structure of communication in a contemporary society, «digging» in a smartphone is no longer something unusual, but becomes generally accepted. And we ourselves are witnesses of such situations; the person gets out of self-control constantly being distracted by the sound of his mobile device notifications.

How to determine if you or your partner are susceptible to phubbing? (phubbing between partners) Scientists suggest answering the following questions:

– during a joint meal, my partner loses the essence of the matter, being distracted by his cell phone;

– my partner always puts the phone in a prominent place;
– the partner does not take the phone out of his hands;
– when sound notifications come, the partner must check the phone;
– if there is a pause during a conversation, the partner will certainly start using his cell phone;

– the partner now and then looks at the phone screen during our dialogue [4].

Thus, it can be stated that phubbing is not a norm, but a serious risk factor that entails a depressive mood in the older generation, when partners do not want the other half to be distracted by a mobile device during a dialogue, since there is an illusion of communication; a person falls out of communication perceiving only a small part of the information coming from the interlocutor. The information flow gets out of control, desynchronizing the interlocutors. This does not mean at all that we should send all the gadgets to the trash can, but simply have to develop a habit of using them: for example, check mail twice a day, in the morning, before work and in the evening after work, ask loved ones to call on really important issues, and not to discuss yesterday's football match or a new dress, not to waste such precious time on meaningless surfing the Internet, which can irrevocably drag you into its abyss, getting out of which you can lose people close to you forever.

References

- [1] Ray Bradbury. 451 degrees Fahrenheit. Moscow, 2013. 160 p.
- [2] Antoine de Saint-Exupéry. The land of people: In 3 volumes. Riga, 1997. Pp 179–308.
- [3] Stop phubbing. Available at: <http://stopphubbing.com> (accessed November 12, 2020).
- [4] Does your partner love his cellphone more than you? Take this survey. Available at: <http://www.today.com/series/wired/does-he-love-his-cellphone-more-you-survey-t47046> (accessed November 12, 2020).

УДК 316.6

Фаббинг как новый тип коммуникации

Яцевич Ольга Евгеньевна marusafronova@gmail.com

Тюменский индустриальный университет

Описаны современные общениеподобные виды коммуникации. Истинному общению придается факультативная значимость, культивируемая новомодными техническими изобретениями, что ставит под вопрос существование человечества и его статус в качестве Homo Loquace. В статье объяснены причины обращения к такого рода заменителям коммуникации; дано описание личности, подверженной фаббингу; сделан вывод о том, что фаббинг может частично рассматриваться как норма в современном обществе.

Ключевые слова: деструктивные схемы общения, рефлексия, асимметрия, Фаббинг, Коммуникация

Литература

- [1] Брэдбери Р. 451 градус по Фаренгейту. М., 2013. 160 с.
- [2] Экзепюри А. Земля людей // Соч.: в 3 т. Рига, 1997. С. 179–308.
- [3] Stopp phubbing. Available at: <http://stopphubbing.com> (accessed November 12, 2020).
- [4] Does your partner love his cellphone more than you? Take this survey. Available at: <https://www.today.com/series/wired/does-he-love-his-cellphone-more-you-survey-t47046> (accessed November 12, 2020).

Современные методы и технологии корпусной лингвистики

УДК 83'33

Параллельный корпус научно-технических текстов как инструмент переводчика

Авагян Нарэ Артуровна

✉ nareavagyan98@mail.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Статья посвящена исследованию возможностей параллельного корпуса научно-технических текстов при переводе специальной терминологии. Описаны отличительные черты научно-технических текстов, проявляющиеся в их жанровых особенностях. Показано, что корпус параллельных текстов представляет собой эффективный инструмент, обеспечивающий аутентичный и корректный перевод текстов общего и специализированного дискурса с одного языка на другой. Рассмотрены многозначные лексические единицы в научно-технических текстах. Показано, что научно-технические тексты отличаются своей краткостью, сжатостью, однообразностью.

Ключевые слова: параллельный корпус, научно-технические тексты, многозначность, параллельные тексты, перевод, терминология

Колоссальные темпы развития науки и техники стремительно наращивают объем научно-технических текстов, где с одной стороны детальное изучение научно-технического стиля дает широкий набор средств оперирования языком как для лингвистов, филологов, так и для переводчиков; а с другой стороны порождает необходимость их автоматической обработки [1]. Параллельные двуязычные и многоязычные корпусы текстов в XXI веке активно интегрируются в глобальную сеть для разработки систем автоматического перевода, основанного на статистическом методе, являясь одним из направлений развития корпусной лингвистики — раздела языкоznания, занимающегося созданием и использованием текстовых корпусов. Термин «корпусная лингвистика» появился в 60-х годах XX века. Причин для образования новой области лингвистики было несколько: появление первых компьютеров, а вместе с ними и возможности цифровой обработки текстов; необходимость анализа как грамматического, так и лексического состава языка [1].

Параллельные корпуса текстов становятся одним из наиболее интересных и быстро развивающихся направлений лингвистики, чему в немалой степени

способствовало интенсивное развитие компьютерных технологий. В соответствии с определением М. Бейкер, параллельный корпус это тексты с переводами на один или более языков, представленные в электронном формате.

Параллельные тексты являются ценным вспомогательным средством при обучении переводу, и, в сущности, ни одно пособие по практике перевода не обходится без корпуса параллельных текстов [2]. Проблема эквивалентности языковых структур в исходном тексте и тексте перевода рассматривается:

а) выработки методик перевода ряда языковых реалий, характерных для научно-технических текстов;

б) создания корректных алгоритмов семантического выравнивания параллельных текстов на уровне значимых компонентов.

Корпуса технических текстов стандартов являются предметом лингвистического исследования. На основе лингвистического исследования технических текстов стандартов выявлены несоответствия перевода модальных глаголов с английского языка на русский язык [3].

Технические тексты отличаются своей краткостью, сжатостью, однообразностью. Терминология технических текстов стандартизирована и точна, стиль научно-технических текстов является информативной, содержательной, логичной со строгой последовательностью. Стиль научно-технических текстов является точной и объективной. В научно-технических текстах всегда присутствует четкая связь между основной идеей и второстепенной.

Лексические особенности научно-технических текстов является насыщенность узкоспециальными и общенаучными терминами, в связи с их точностью и информативностью [4]. В научно-технических текстах нами была замечена специальная общетехническая лексика — слова и словосочетания, не являющиеся терминами, всевозможные производные от терминов, а также общенародные слова, употребляющиеся в строго определенных сочетаниях и потому являющиеся специализированными [5].

Применение различных видов сокращений являются еще одной лексической особенностью научно-технических текстов. Сокращения считаются лексическими единицами научно-технического языка, поскольку могут функционировать самостоятельно и фиксироваться в лексикографических источниках. В научно-технических текстах важную роль играют служебные или функциональные слова, такие как предлоги, союзы, а также наречия.

Грамматики научно-технического текста характеризуется частым употреблением причастных и деепричастных оборотов [6, 7].

Основной формой предложений являются сложноподчиненные и сложносочиненные. Они, в свою очередь, обусловливают широкое употребление составных союзов и предлогов, неличных форм глагола в функции дополнения или обстоятельства и соответствующих инфинитивных и герундиональных оборотов.

Для обозначения временных и постоянных признаков предметов часто употребляются краткие прилагательные. Также характерно широкое использо-

зование отвлеченных существительных, особенно среднего рода (явление, свойство и др.), глаголов на «-ся» (программы запускаются автоматически), цепочки из нескольких существительных в родительном падеже.

Ещё одной особенностью является редкость использования формы 2-го лица, а форма 1-го лица единственного числа часто заменяется множественным числом, так называемое «авторское мы» (Таким образом, полученные нами данные говорят о...). Кроме того, следует выделить распространённость номинативных рамочных конструкций с таким порядком слов, при котором группа слов, поясняющая причастие или прилагательное, выступает вместе с ним в роли препозитивного определения (выделяемые в процессе ядерного распада частицы и т. п.) [8].

Морфологические особенности составляют сочетания с существительными в винительном падеже (скорость (в) 60 км/ч) для выражения определятельных отношений, а также преобладают беспредложные конструкции (размером 3 Гб) [9, 10].

Что касается прилагательных, то качественные реже представлены, чем относительные (шпионская программа), а полные формы прилагательных преобладают над краткими. Широко распространена форма положительной степени прилагательных, в основном со словами более, менее.

Превалируют глаголы в форме настоящего времени несовершенного вида. Ими передается чаще всего атрибутивное, вневременное значение, которое выражает длительность, постоянство действия или значение констатации факта. Кроме того, некоторые глаголы употребляются только в одной видовой форме, другие вообще не имеют парного глагола совершенного вида.

В научно-технических текстах встречается много перечислений, состоящих из законченных и незаконченных фраз. Незаконченные фразы пишутся со строчных букв и обозначаются арабскими цифрами или строчными буквами с полукруглой закрывающей скобкой.

К синтаксическим особенностям научно-технических текстов можно отнести развернутую систему связующих элементов (союзов, союзных слов), синтаксическую полноту оформления высказывания, частое употребление клишированных структур, наличие аналитических конструкций, преимущественно именной характер морфологических компонентов предложения и т. д. [11].

Не менее характерна нагруженность придаточными предложениями, причастными и деепричастными оборотами. Обилие параллельных конструкций и вводных слов обусловлено необходимостью аргументировать высказываемое.

Важной характеристикой научно-технического стиля является его стремление к лаконичности, краткости и компактности изложения, что приводит к синтаксической компрессии — сокращению избыточности при сохранении объема информации, например, для английской научно-технической литературы свойственно широкое использование эллиптических конструкций, для русского языка — бесподлежащих односоставных предложений; не менее

важной характеристикой является наличие большого числа предложений с однородными членами, распространность причастных, предложно-падежных, инфинитивных и других оборотов [12]. Что касается простых предложений, то, кроме ритмообразующей роли, они также служат для введения новой мысли, находясь в начале абзаца, а помещенные в конце — подытоживают рассуждение.

В технических текстах часто встречаются многозначные слова. Одной из главных переводческих проблем при переводе научно-технической терминологии является полисемия и омонимия. Под полисемией понимается способность слова иметь одновременно несколько значений. Явление полисемии, или многозначности, относится к числу важнейших проблем семасиологии и постоянно находится в центре внимания лингвистов. Под омонимии понимается слова одинаковые по написанию и звучанию, но разные по значению слова и другие единицы языка. Полисемия основана на связанности значений слова, их семантическом «родстве», а омонимия — на их разрыве, невыводимое одного из другого. В толковом словаре русских научно-технических терминов были проанализированы большое количество многозначных слов. Например, термин «модуль» в технических текстах встречается в двух разделах:

- 1) в физике — модуль Юнга (англ. Young's modulus, elastic modulus в терминологическом словаре «Металлы»);
- 2) в математике:
 - а) модуль Вектора (англ. absolute value of a vector, vector magnitude, scalar of vector, magnitude of vector magnitude);
 - б) модуль комплексного числа (англ. complex number modulus, modulus of complex number, absolute value of complex number);
 - в) модуль непрерывности (англ. modulus of continuity);
 - г) модуль перехода (transition module).

Эффективным средством исследования явлений полисемии и омонимии терминологических единиц является параллельный корпус научно-технических текстов. В нем наглядно можно отслеживать способы перевода того или иного термина средствами другого языка, а также проследить употребление терминов в рамках узкой предметной области или в целом в науке и технике. Подбор правильного переводного эквивалента многозначного слова или сокращения из словаря традиционно является сложным процессом, требующим от переводчика изучения дополнительных материалов по теме. При этом не всегда переводимый термин можно легко найти в дополнительной литературе. В таких случаях целесообразно прибегнуть к параллельному корпусу научно-технических средств, где поисковая выдача на запрос переводимого термина будет содержать и сам термин, и способы его перевода в некотором контексте. Более того, пользователь может сам ограничить предметную область для поиска или же выбрать определенные тексты, где по его мнению содержится искомая информация.

Литература

- [1] Бутенко Ю.И. Метод разрешения лексической многозначности поискового запроса на основе онтологий /Ю. И. Бутенко // Прикладная информатика, 2020. Т. 15, № 5. С. 103–110. DOI: 10.37791/2687-0649-2020-15-5-103-110
- [2] Бутенко Ю.И., Маргарян Т. Д., Кочеткова Е.Л. Переводческая деятельность в условиях цифровизации: обучение и трудоустройство // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 9. С. 98–103. DOI: 20339/AM.09-20.09810
- [3] Бутенко Ю.И. Модель текста стандарта при информационном поиске в коллекции документов нормативной базы // Вестник компьютерных и информационных технологий. 2020. Т. 17, № 11. С. 23–32. DOI: 10.14489/vkit. 2020.11.pp.023-032
- [4] Беляева Л.Н. Словари систем машинного перевода и параллельные корпуса текстов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Изд-во РГГУ, 2004. С. 54–62.
- [5] Беляева Л.Н. Параллельный корпус текстов в задачах лексикографического анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 12–15.
- [6] Рыжкова А.Г. Функциональные и типологические характеристики перфекта в научно-техническом тексте (на материале параллельных переводов). Воронеж.: Изд-во ВГУ, 2011. С. 233–237.
- [7] Зубов А.В. Использование параллельного корпуса текстов для перевода несвободных словосочетаний. М.: Изд-во МГОУ, 2011. С. 26–37.
- [8] Беляева Л.Н. Исследование параллельных корпусов в процессе создания и ведения переводных словарей. Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2013. С. 82–91.
- [9] Сичинава Д.В. Параллельные тексты в составе национального корпуса русского языка: новые направления развития и результаты. М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, 2015. С. 27–40.
- [10] Молодкин А.М. Использование корпусных технологий в исследовании переводных параллельных текстов. Саратов: Издат. дом «МарК», 2016. С. 45–63.
- [11] Садыков А.Р., Недава С.А., Салляхова Г.И. Электронные параллельные корпуса текстов. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. С. 11–30.
- [12] Бутенко Ю.И., Семенова Е.Л. Влияние лингвистических особенностей текстов стандартов на информационный поиск // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 6. С. 29–35. DOI: 10.20339/PhS.6-19.029

Possibilities of Parallel Scientific and Technical Texts Corpus in Translating Special Terminology

Avagyan Nare Arturovna

✉ nareavagyan98@mail.ru

Bauman Moscow State Technical University

The article is devoted to studying the possibilities of parallel corpus of scientific and technical texts in translation of special terminology. Distinctive features of scientific and technical texts manifested in their genre features are described. It is shown that the corpus of parallel texts is an effective tool that provides authentic and correct translation of texts of general and specialized discourse from one language to another. Multivalued lexical units

in scientific and technical texts are considered. It is shown that scientific and technical texts differ in their brevity, compactness, and monotony.

Keywords: parallel corpus, scientific and technical texts, multivalued words, parallel texts, translation, term

References

- [1] Butenko Yu.I. Metod razresheniya leksicheskoy mnogoznachnosti poiskovogo zaprosa na osnove ontologij // Prikladnaya informatika, 2020. Vol. 15, no. 5. Pp. 103–110. DOI: 10.37791/2687-0649-2020-15-5-103-110
- [2] Butenko Yu.I., Margaryan T.D., Kochetkova E.L. Perevodcheskaya deyatel'nost' v usloviyah cifrovizacii: obuchenie i trudoustrojstvo // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). 2020. No. 9. Pp. 98–103. DOI: 20339/AM.09-20.09810
- [3] Butenko Yu.I. Model' teksta standarta pri informacionnom poiske v kollekciy dokumentov normativnoy bazy // Vestnik komp'yuternykh i informacionnykh tekhnologij. 2020. Vol. 17, no. 11. Pp. 23–32. DOI: 10.14489/vkit.2020.11.pp.023-032
- [4] Belyaeva L.N. Slovari sistem mashinnogo perevoda i parallel'nye korpusa tekstov // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. M.: Izd-vo RGGU, 2004. Pp. 54–62.
- [5] Belyaeva L.N. Parallel'nyj korpus tekstov v zadachah leksikograficheskogo analiza // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. M.: Izd-vo RGGU, 2013. Pp. 12–15.
- [6] Ryzhkova A.G. Funkcional'nye i tipologicheskie harakteristiki perfekta v nauchno-tehnicheskikh tekste (na materiale parallel'nyh perevodov). Voronezh.: Izd-vo VGU, 2011. Pp. 233–237.
- [7] Zubov A.V. Ispol'zovanie parallel'nogo korpusa tekstov dlya perevoda nesvobodnyh slovosochetaniy. M.: Izd-vo MGOU, 2011. Pp. 26–37.
- [8] Belyaeva L.N. Issledovanie parallel'nyh korpusov v processe sozdaniya i vedeniya perevodnyh slovarej. Perm': Permskij nacional'nyj issledovatel'skij politekhnicheskij universitet, 2013. Pp. 82–91.
- [9] Sichinava D.V. Parallel'nye teksty v sostave nacional'nogo korpusa russkogo jazyka: novye napravleniya razvitiya i rezul'taty. M.: Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2015. Pp. 27–40.
- [10] Molodkin A.M. Ispol'zovanie korpusnyh tekhnologij v issledovanii perevodnyh parallel'nyh tekstov. Saratov: Izdatel'skij Dom "Mark", 2016. Pp. 45–63.
- [11] Sadykov A.R., Nedava S.A., Salyahova G.I. Elektronnye parallel'nye korpusa tekstov. Kazan': Kazanskij (Privolzhskij) federal'nyj universitet, 2017. Pp. 11–30.
- [12] Butenko Yu.I., Semenova E.L. Vliyanie lingvisticheskikh osobennostej tekstov standartov na informacionnyj poisk // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. 2019. No. 6. Pp. 29–35. DOI: 10.20339/PhS.6-19.029

УДК 81'33

Сфера применения корпуса научно-технических текстов по конструкциям летательных аппаратов

Болотова Елизавета Евгеньевна

✉ bolotovaee@mail.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Рассмотрены теоретические основы лингвистического проектирования корпусов, обобщены результаты основных теоретических исследований отечественных и зарубежных специалистов в области корпусной лингвистики. Описаны перспективы применения корпусов научно-технических текстов в лингводидактике и терминоведении. Реализован этап концептуального проектирования корпуса, содержащего тексты авиакосмической тематики. Определены источники текстов, которые могут быть включены в данный корпус, а также описаны типы разметки научно-технических текстов.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, терминология, авиация, разметка текста, научно-технические тексты

Корпусная лингвистика предназначена для решения широкого спектра вопросов в различных областях современного языкоznания. Корпус представляет собой массив лингвистических данных, полученных на основе разметки большого количества текстовой информации. Корпусные данные активно применяются в качестве исходного материала для многих систем обработки естественного языка, позволяющих исследовать различные языковые явления [1, 2]. Корпусная лингвистика предлагает методологию для расширения границ научных исследований в таких дисциплинах, как переводоведение, лексикология, грамматика, лингводидактика, а также выступает в качестве самостоятельной дисциплины, включающей два основных компонента: технологию создания корпусов (оцифровку и предобработку текстов, разметку) и последующий анализ содержания лингвистической информации, представленной в корпусе. Инструментарий корпусной лингвистики позволяет получать достоверные результаты относительно функционирования языковых единиц [3, 4].

Электронные корпуса стали появляться еще в 1960-х годах, когда на многие сферы науки оказала большое влияние третья научно-техническая революция, в результате которой произошел качественный скачок в развитии электронно-вычислительной техники. Брауновский корпус (The Brown Corpus) стал первым компьютеризированным корпусом, составленным учеными Г. Кучерой и Н. Френсисом из университета Брауна [5]. Это структурированный корпус американского английского языка, содержащий около 500 текстов из американских книг, газет и журналов, впервые опубликованных в США в 1961 году. Составители корпуса включили в него некоторую

первичную статистическую информацию о частоте вхождения лексических единиц, что стало предпосылкой к составлению новых корпусов для проведения последующих статистических исследований. Как отмечается в работе [6], построение частотных списков слов и фразеологических единиц, включающих информацию о частоте их употребления в определенной области дискурса, является одним из наиболее популярных и значимых способов применения корпусных исследований за последние 80 лет. Такие частотные списки стали активно применяться в лингводидактике с 40-х годов 20 века. Как отмечает Г. Кеннеди [7], корпусная лингвистика и лингводидактика имеют тесную связь, и словарные списки для обучения иностранным языкам часто составляются на основе корпусов. Можно с уверенностью предположить, что учащимся проще развивать как рецептивные, так и продуктивные языковые навыки, когда они изучают наиболее распространенные лексические элементы языка, по сравнению с теми случаями, когда в процессе изучения языка приоритет отдается редким словам, с которыми учащиеся практически не сталкиваются в реальных жизненных ситуациях.

Отечественные лингвисты наряду с зарубежными исследователями обращаются к корпусному инструментарию и рассматривают возможности применения корпусных исследований в лингводидактике, как показано в работах [8, 9]. Стоит отметить, что частотные списки слов включают в основном общеупотребительную лексику, которая выделяется на основе статистического корпусного анализа, а лексические единицы распределяются в порядке убывания частоты встречаемости относительно всей совокупности лексических единиц корпуса. Для составления частотных списков, включающих профессиональную и терминологическую лексику определенной предметной области, с целью обучения иностранным языкам студентов технических специальностей необходимо наличие специальных корпусов текстов. Сегодня существует множество корпусов, но большинство из них создано для определенных исследовательских проектов и находится в закрытом доступе. Особенно распространены являются корпуса, содержащие тексты художественной и публицистической литературы. На сегодняшний день самым крупным и представительным отечественным онлайн-корпусом является Национальный корпус русского языка (НКРЯ), открытый в 2004 году. Корпус содержит коллекцию письменных текстов (публицистика, художественная и религиозная литература, мемуары), а также записи устных текстов. В корпус входят тексты различных жанров и стилей, объем которых в целом превышает 600 млн словоупотреблений, однако для составления частотных списков определенной предметной области с целью изучения языка для специальных целей, известного как «Language for Specific Purposes» или LSP, необходимо наличие корпусов научно-технических текстов. С помощью подобных корпусов можно формировать частотные терминологические списки, то есть выбирать наиболее релевантную лексику для изучения языка. Такие корпуса научно-технических текстов в настоящее время закрыты для

общего доступа или вовсе отсутствуют. Создание корпуса узкоспециальных текстов для описания подъязыка определенной предметной области является актуальной задачей, так как общие корпуса не подходят для изучения определенных предметных областей в силу их большого объема, разнообразного материала, а также отсутствия специальной терминологии.

С помощью корпусных исследований научно-технических текстов можно решить некоторые актуальные задачи не только в области лингводидактики, но и одну из основных проблем современного прикладного языкознания — проблему стандартизации научно-технической терминологии. Унификация терминологических лексических единиц, то есть приведение терминов к единой форме, является актуальной проблемой лексики любого языка, так как инвариантность в терминологии приводит к использованию неоднозначной и противоречивой системы терминов в литературе и научно-технической документации [10]. Проблемы терминологии, связанные с изучением ее структуры и функционирования, а также возможностями ее регулирования и стандартизации, пользуются интересом среди специалистов различных сфер деятельности, однако в зарубежной и отечественной научной литературе не упоминается о том, что корпусные исследования пригодны для решения проблемы стандартизации научно-технической терминологии.

В связи с активным развитием теоретических и прикладных исследований в области авиации и космоса, а также отсутствием открытых корпусов научно-технических текстов, основной целью данной работы является концептуальное проектирование корпуса предметной области «Авиакосмическое приборостроение». Терминология данной предметной области особенно нуждается в проведении работы по стандартизации из-за наличия большого количества синонимичных и омонимичных терминов (*интерцептор — спойлер, маслуловитель — маслосборник, космонавт — астронавт, авиаилайнер — воздушный лайнер*). Корпус текстов авиакосмической направленности можно будет использовать в качестве основного инструмента упорядочивания терминологии, а также создания лингводидактических списков слов. Термины в таком списке могут быть распределены по частоте встречаемости или в алфавитном порядке. На основе корпуса возможно также создать семантические сети и онтологии, терминологические гнезда для адекватной оценки состояния терминологии определенной предметной области. С целью создания подобного корпуса опишем основные характеристики, которые должны быть учтены при построении корпуса научно-технических текстов данной предметной области.

В первую очередь необходимо определить источники текстов, которые войдут в данный корпус. Источниками текстов, обеспечивающих репрезентативность создаваемого корпуса, могут являться следующие материалы:

- 1) учебно-методическая литература в области космоса и авиации;
- 2) руководства по летной и технической эксплуатации летательных аппаратов;

- 3) научные статьи, опубликованные в специализированных журналах;
- 4) энциклопедии;
- 5) стандарты (отраслевая нормативная документация).

Одним из ключевых аспектов проектирования корпусов является также метаразметка текстов — процесс приписывания тексту различных характеристик, описывающих обстоятельства его создания, автора, соотнесенность с определенным жанром и стилем изложения. Основное назначение метаразметки — дать возможность пользователям корпуса настроить внешние параметры поиска текстов: например, осуществлять поиск по текстам, созданным авторами определенного года рождения, страны происхождения, гендерной принадлежности. Метаразметка содержит основную информацию о каждом тексте, включенном в корпус. При создании корпуса научно-технических текстов в области космоса и авиации подобная разметка не будет иметь столь существенного значения, как для корпусов художественных текстов. Для научно-технического корпуса значимой будет являться информация о соотнесенности текста с тем или иным описываемым тематическим разделом. Наличие тематических рубрикаторов позволит структурировать информацию внутри корпуса и обеспечит эффективный информационный поиск. Например, тексты в корпусе могут быть разбиты по следующим тематическим рубрикаторам:

- 1) типы авиации (гражданская, государственная, военная, экспериментальная);
- 2) летно-технические характеристики (вес и нагрузка летательных аппаратов, нормативы и ограничения, управляемость и устойчивость);
- 3) виды летательных аппаратов (беспилотные, гиперзвуковые, космические) и т. д.

Разметка позволяет сделать корпус гораздо удобнее в использовании и является главной отличительной особенностью корпуса по сравнению с любыми другими коллекциями текстов. Метаразметка является экстралингвистическим уровнем разметки, позволяющим быстро находить в корпусе наиболее релевантные тексты в соответствии с запросами пользователей, однако особую значимость для проведения корпусных исследований имеет лингвистическая разметка — приписывание компонентам текста специальных меток (тегов). Лингвистическая разметка описывает сугубо лингвистические характеристики языковой выборки корпуса и представляет собой сложный процесс, требующий длительной и кропотливой работы над каждой лексической единицей, представленной в корпусе. Лингвистическая разметка обычно включает в себя разметку морфологическую, синтаксическую, семантическую [11]. При проектировании корпуса научно-технических текстов ключевой будет являться терминологическая разметка, под которой мы подразумеваем разметку лексических единиц по принципу их соотнесенности с терминологическим аппаратом определенной предметной области. Более того, необходимо указывать модели терминов (например, прил. + сущ.), что позволит осуществлять быстрый поиск

по терминам в корпусе. В процессе терминологической разметки необходимо также обращать внимание на многосоставные термины, которые должны восприниматься системой как единые терминологические словосочетания. Например, словосочетание «гидравлический усилитель» должно пониматься в совокупности, как единая терминологическая единица. Терминология авиакосмической предметной области содержит множество других особенностей, которые должны быть отражены в разметке проектируемого корпуса, включая явления синонимии и омонимии терминов [12].

Таким образом, корпусная лингвистика дает объективный взгляд на язык и позволяет исследовать практически любые языковые структуры и явления. Наличие корпуса научно-технических текстов позволит составлять на его основе частотные списки слов, которые можно использовать как самостоятельные лингводидактические материалы, так и включать в учебные пособия в качестве терминологического тезауруса. Частотные списки слов, составленные на основе корпусов научно-технических текстов, позволят отбирать наиболее релевантную лексику для обучения студентов технических специальностей иностранным языкам. На основе корпуса научно-технических текстов можно также создавать семантические сети и онтологии, терминологические гнезда для адекватной оценки состояния терминологии определенной предметной области. Перспективное будущее корпусной лингвистики обусловлено возможностью использовать инструменты корпусной лингвистики для оценки состояния авиакосмической терминологии с целью проведения ее последующей стандартизации.

Литература

- [1] Сидняев Н.И., Бутенко Ю.И., Болотова Е.Е. Экспертная система продукционного типа для сознания базы знаний о конструкциях летательных аппаратов // Авиакосмическое приборостроение. 2019. № 6. С. 38–52.
- [2] Бутенко Ю.И., Маргарян Т. Д., Кочеткова Е.Л. Переводческая деятельность в условиях цифровизации: обучение и трудоустройство // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 9. С. 98–103.
- [3] Нагель О.В. Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении // Язык и культура. 2008. № 4. С. 53–59.
- [4] Biber D. Corpus linguistics and the study of English grammar // Indonesian JELT. 2005. Vol. 1. Pp. 1–21.
- [5] Соловьева А.Е. Англоязычные тексты военной авиации как основа лингвистического корпуса // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 3 (28). С. 369–372.
- [6] Miller D., Biber D. Evaluating reliability in quantitative vocabulary studies: The influence of corpus design and composition // International Journal of Corpus Linguistics. 2015. Vol. 20. Pp. 30–53.
- [7] Kennedy G. Preferred ways of putting things with implications for language teaching // Directions in Corpus Linguistics. Proceedings of Nobel Symposium 82. 1992. No. 4–8. Pp. 335–373.
- [8] Сысоев П.В. Лингвистический корпус в методике обучения иностранным языкам // Язык и культура. 2010. № 1 (9). С. 99–111.

-
- [9] Базарова Б.Б. Корпусная лингвистика и преподавание иностранных языков // Вестник БГУ. 2015. № 15. С. 88–92.
 - [10] Лотте Д.С. Очередные задачи научно-технической терминологии // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. Сер. VII. 1931. № 4. С. 883–591.
 - [11] Лесников С. В. Виды разметок текстовых корпусов русского языка // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2019. №. 9. С. 27–30.
 - [12] Бутенко Ю.И., Семенова Е.Л. Влияние лингвистических особенностей текстов стандартов на информационный поиск // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 6. С. 29–35.

УДК 81'33

Исследовательский прототип параллельного корпуса научно-технических текстов

Бутенко Юлия Ивановна

✉ iuliabutenko2015@yandex.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Строганов Юрий Владимирович

✉ stroganovyv@bmstu.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Бабаджанян Роман Владиславович

✉ rbabadzhanian@parallels.com

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Представлен исследовательский прототип параллельного корпуса научно-технических текстов. Описано устройство разрабатываемого параллельного корпуса. Показаны роли пользователей в параллельном корпусе. Рассмотрены виды разметки, отражающие особенности научно-технических текстов. Особое внимание уделено терминологической разметке. Предложены источники научно-технических текстов для наполнения корпуса.

Ключевые слова: Параллельный корпус, научно-технические тексты, разметка, роль пользователя, термин

При проведении лингвистических исследований ручной сбор иллюстративного материала традиционно является трудоемким и дорогостоящим этапом работы. Использование электронных ресурсов позволяет существенно сократить время на сбор информации для проведения исследования. Одним из наиболее эффективных инструментов реализации такой задачи является использование электронных корпусов текстов. Сфера применения корпусов текстов включают автоматизированное извлечение информации, обучение на основе данных, текстовые поиски в крупномасштабных коллекциях текстов

с использованием методов обработки естественного языка, автоматическая классификация текстов, преподавание языков для специальных целей, проведение лингвистических исследований [1, 2].

Корпус всегда проектируется для конкретной цели. На сегодняшний день существует множество корпусов, подробный обзор которых проведен в [3]. Распространенными являются корпуса, содержащие тексты художественной литературы, однако наличия корпусов, основанных исключительно на литературно-художественных произведениях, недостаточно для эффективного применения корпусной лингвистики в области лингвистических исследований. Для осуществления исследований в определенной предметной области, т. е. изучения языков для специальных целей необходимо наличие корпусов научно-технических текстов и параллельных, которые в настоящее время находятся в закрытом доступе или вовсе отсутствуют. Таким образом, возникает необходимость в создании параллельного корпуса научно-технических текстов как основы для лингвистических исследований и базы данных для задач автоматической обработки научно-технических текстов.

Разрабатываемый параллельный корпус инкапсулирует в себе информацию, дающую представление о следующих слоях текстов: абзацы, предложения, речевые обороты; слова (термины). Параллельный корпус научно-технических текстов представляет собой совокупность данных, состоящих из научно-технических текстов на оригинальном языке; доступные переводы текстов; различные слои текста, доступ к которым осуществляется по доступным переводам, коими являются: абзацы (параграфы), предложения, слова (термины) и т. д. Эти слои содержат разметки, которые обозначают языковое соответствие между определенными слоями. На рисунке показано внутреннее устройство корпуса.

Содержательная часть параллельного корпуса научно-технических текстов формируется пользователем посредством осуществления разметки в необходимом слое с возможностью последующей модификации осуществленной разметки. Для поддержания консистентности, в системе предусмотрено несколько следующих ролей пользователей:

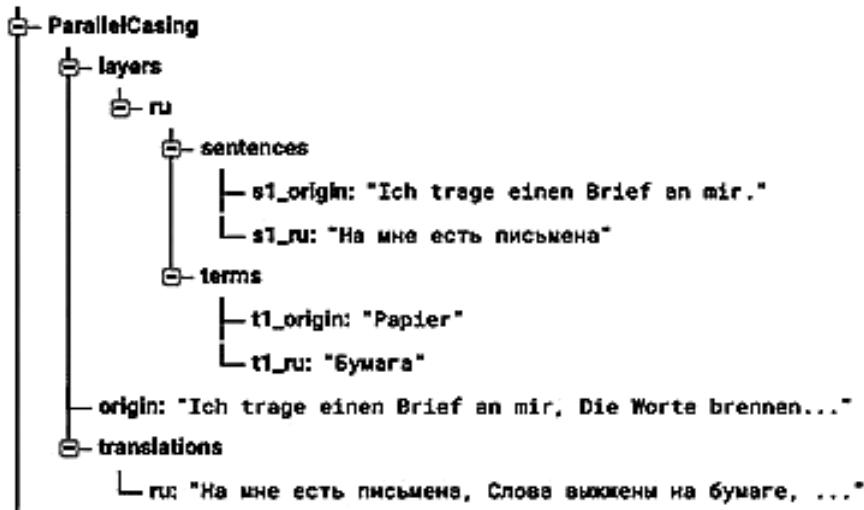
- администратор — имеет полный доступ к данным: он может как проводить манипуляции над текстами (добавление и удаление, в том числе и из определенных УДК), так и управлять разметками — удалять их, изменять и добавлять новые;

- пользователи имеют возможность осуществлять разметку, которая после своего создания должна пройти модерацию перед публикацией. Также пользователи могут искать нужные разметку и текст среди уже существующих по соответствующим УДК;

- модератор производит проверку разметки.

В корпусе содержатся тексты по различным научно-техническим направлениям, сгруппированные по принципу соотнесенности текста с той или иной предметной областью. Источниками текстов, обеспечивающих презентативность создаваемого корпуса, могут являться следующие материалы:

- 1) учебно-методическая литература для студентов технических специальностей;
- 2) руководства по эксплуатации технических средств;
- 3) научные статьи, опубликованные в специализированных научно-технических журналах;
- 4) энциклопедии;
- 5) стандарты (отраслевая нормативная документация).

Устройство параллельного корпуса

Тексты корпусов обычно размечаются для удобства пользования, т. е. текстам и содержащимся в них языковым единицам приписываются специальные метки. Размеченные корпуса обеспечивают специализированными поисковыми системами, реализующими грамматические и лексические виды поиска [4]. В зависимости о целей создания корпуса в него включают дополнительные виды разметки [5]. Так, для корпуса научно-технических текстов наибольшую значимость приобретает терминологическая разметка, так как именно термины выступают основным средством передачи информации.

Более того, работа с корпусами научно-технических текстов требует особый инструментарий для выявления устойчивых терминологических сочетаний. Стоит отметить, что в настоящее время лексико-грамматические шаблоны многокомпонентных терминов исследователи создают для каждого специализированного корпуса отдельно. В такой ситуации возникает необходимость в разработке специализированной технологии, позволяющей последовательно обрабатывать коллекции текстов разных предметных областей и фиксировать каждую модель многокомпонентного терминологического словосочетания в отдельной базе данных. М.Г. Кружков в работе [4] вводит термин для таких

специализированных баз данных — «надкорпусные базы данных». Такой подход позволит, с одной стороны, использовать уже созданную базу структурных моделей терминологических словосочетаний, а с другой стороны позволит дополнять и актуализировать базу данных новыми структурными моделями терминов с минимальными временными и человеческими затратами.

Литература

- [1] Нагель О.В. Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении // Язык и культура. 2008. № 4. С. 53–59.
- [2] Бутенко Ю.И., Семенова Е.Л., Сидняев Н.И. Математические аспекты в языко-ведческой теории и практике // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 4. С. 73–78. DOI: 10.20339/AM.04-18.073
- [3] Захаров В.П. Корпуса русского языка // Труды Института русского языка имени В.В. Виноградова. 2015. Т. 6. С. 20–65.
- [4] Кружков М.Г. Информационные ресурсы контрастивных лингвистических исследований: электронные корпуса текстов // Системы и средства информатики. 2015. Т. 25, № 2. С. 140–159.
- [5] Лесников В.С. Виды разметок текстовых корпусов русского языка // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2019. № 9. С. 27–30.

Research Prototype of the Parallel Scientific and Technical Texts Corpus

Butenko Yulia Ivanovna

✉ iuliiaabutenko2015@yandex.ru

Bauman Moscow State Technical University

Stroganov Iurii Vladimirovich

✉ stroganovvv@bmstu.ru

Bauman Moscow State Technical University

Babadzhanyan Roman Vladislavovich

✉ rbabadzhanian@parallels.com

Bauman Moscow State Technical University

The paper presents a research prototype of a parallel corpus of scientific and technical texts. The software of the parallel corpus under development is described. The roles of users in the parallel corpus are presented. The types of markup reflecting the features of scientific and technical texts are considered. Special attention is paid to terminological markup. The sources of scientific and technical texts for filling the corpus are presented.

Keywords: parallel corpus, scientific and technical texts, markup, user's roles, term

References

- [1] Nagel' O.V. Korpusnaya lingvistika i ee ispol'zovanie v komp'yuterizirovannom yazykovom obuchenii // YAzyk i kul'tura, 2008. № 4. S. 53–59.

-
- [2] Butenko Yu.I., Semenova E.L., Sidnyaev N.I. Matematicheskie aspekty v yazykovedcheskoj teorii i praktike // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). 2018. № 4. S. 73–78. DOI: 10.20339/AM.04-18.073
 - [3] Zaharov V.P. Korpusa russkogo yazyka // Trudy instituta russkogo yazyka imeni V.V. Vinogradova. 2015. T. 6. S. 20–65.
 - [4] Kruzhkov M.G. Informacionnye resursy kontrastivnyh lingvisticheskikh issledovanij: elektronnye korpusa tekstov // Sistemy i sredstva informatiki. 2015. T. 25, № 2. S. 140–159.
 - [5] Lesnikov V.S. Vidy razmetok tekstovyh korpusov russkogo yazyka // Nauchno-tehnicheskaya informaciya. Ser. 2. Informacionnye processy i sistemy. 2019. № 9. S. 27–30.

УДК 81'33

Разрешение многозначности поискового запроса в корпусе научно-технических текстов

Бутенко Юлия Ивановна

✉ iuliiabutenko2015@yandex.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Шершнева Елена Андреевна

✉ sersnevaelena854@gmail.com

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Одним из факторов, влияющих на релевантность результатов информационного поиска, является многозначность поискового запроса, выраженная лексическими средствами естественного языка. Отмечено, что практически каждое слово естественного языка, кроме строго однозначных терминов, особенно принадлежащее общеупотребительной лексике, многозначно, его зависит от контекста употребления слова. Многозначность лексической единицы проявляется на этапе поискового запроса. Предлагается подход к разрешению многозначности лексических единиц в поисковом запросе, что позволит решить проблему лексической многозначности и существенно разгрузить поисковую выдачу, оставив только предметную область, представляющую интерес для пользователя.

Ключевые слова: поисковой запрос, многозначность, корпус, научно-технические тексты, лексическая единица

Одним из факторов влияющим на релевантность поисковой выдачи в корпусе научно-технических текстов является многозначность поискового запроса, выраженного лексическими средствами естественного языка [1]. В общем смысле проблема разрешения лексической многозначности является проблемой классификации, т. е. процесса отнесения слова или фразы к определенному значению, отличающемуся от других значений, которые потенциально может принимать это же слово (фраза). Обычно используется одно из двух

предположений: слово может принимать только одно значение в рамках рассматриваемого документа, либо слово принимает определенное значение в рамках контекста — соседних слов, предложений [2].

Многозначность лексической единицы проявляется еще на этапе формирования поискового запроса, когда поисковая система вынуждена искать либо слово в одном из значений, что нивелирует результаты информационного поиска, если выбранное значение не совпало с ожиданиями пользователя; либо перегружает поисковую выдачу значительным количеством нерелевантных запросов документов, если поисковая система рассматривает все значения слова.

Основными задачами, стоящими перед поисковыми системами, остаются выдача пользователям конкретных ответов на поставленные вопросы и определение фрагментов научно-технических текстов с наилучшей выдачей ответов.

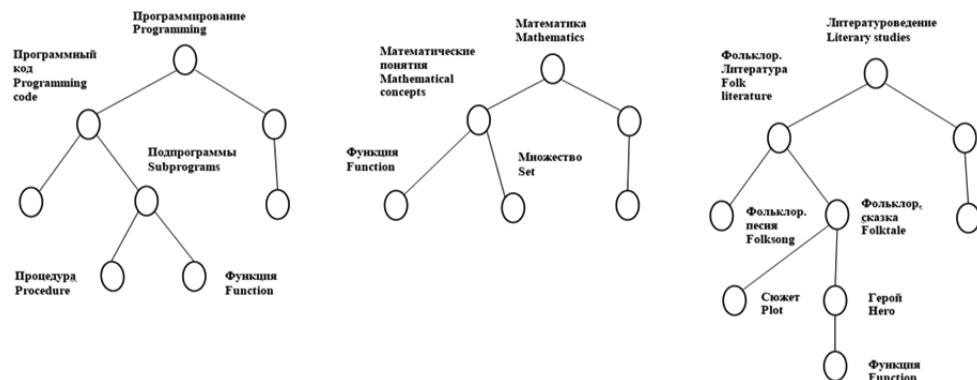
С общим ростом количества информации и развития общества в целом, многие слова постоянно приобретают все новые и новые значения. Таким образом, ведя поиск по слову «Эос», пользователь получает поисковую выдачу из источников, относящихся как минимум к пяти разным областям знаний: медицина, мифология, образование, программное обеспечение, криптовалюта. Ответом на запрос является набор всевозможных значений данного сочетания букв, огромное количество информации из разных источников, каждый из которых нужно изучить, на что тратятся и время и силы. Стоит отметить, что пользователь погружен в контекст, т. е. некоторую предметную область. Так, при чтении книги о легендах и мифах Древней Греции, искомое значение для слова «Эос», будет из предметной области мифологии [3].

Практически каждое слово естественного языка, кроме строго однозначных терминов, особенно принадлежащее общеупотребительной лексике, многозначно. Понятие «многозначность» довольно неопределенно и зависит от контекста употребления слова. Можно различать экстралингвистический контекст, характеризующий общую обстановку межъязыковой коммуникации. Лингвистический контекст также достаточно общее понятие. Можно различать контекст текста в целом, отдельной его части, от страницы до абзаца, и, наконец, ближайший контекст в виде непосредственно соседствующих с основным словом лексических единиц [3].

Под контекстом принято понимать семантико-грамматическое и коммуникативное единство определенного текстового элемента с текстовым и ситуативным окружением как индикатором значения и функционального веса этого элемента. Различают микро- и макроконтекст. Микроконтекст — ближайшее окружение текста. Так, предложение получает смысл в контексте абзаца, абзац в контексте главы и т. д. Макроконтекст — это вся система знаний, связанная с предметной областью, то есть знания об особенностях и свойствах, явно не указанных в тексте. Другими словами любое знание обретает смысл в контексте некоторого метазнания [4].

В настоящее время онтологии активно используются при информационном поиске. Преимуществом онтологий является их способность достаточно точно передавать семантическую составляющую данных, относящихся к некоторой предметной области. Так, благодаря онтологии можно вести весьма продуктивный поиск требуемой информации, семантически релевантной запросу пользователя [4].

Рассмотрим пример поиска запроса «функция» в корпусе научно-технических текстов. Первый этап, составляющий процесс нахождения подразумеваемой пользователем лексической единицы, происходит в библиотеке онтологий, представленной на рисунке.

Перечень предметных областей употребления запроса «функция»

Результаты поискового запроса «функция» демонстрируют, что заданная лексическая единица употребляется в таких предметных областях, как программирование, математика и литературоведение. На данном этапе пользователь получает информацию о предметных областях, в которых функционирует лексическая единица и в зависимости от цели информационного поиска выбирает одну или несколько предметных областей.

Предположим, что пользователя интересуют данные по употреблению слова «функция» в предметной области «Программирование». Представление семантических отношений между лексическими единицами предметной области в виде онтологии дает возможность определить близкие лексические единицы, что позволяет при ранжировании результатов информационного поиска опираться на их наличие в тексте документа.

Литература

- [1] Марчук Ю.Н. Лексические проблемы новых информационных технологий // Современный ученый. 2017. №. 5. С. 56–62.
- [2] Stokoe C. Differentiating homonymy and polysemy in information retrieval // Proceedings of Human Language Technology Conference and Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2005. Pp. 403–410.

- [3] Бутенко Ю.И. Метод разрешения лексической многозначности поискового запроса на основе онтологий // Прикладная информатика. 2020. Т. 15, № 5. С. 103–110. DOI: 10.37791/2687-0649-2020-15-5-103-110
- [4] Butenko Yu.I. Ontology approach to normative profiles forming at critical software certification // AIP Conference Proceedings. Vol. 2171, no. 1. AIP Publishing, 2019. DOI: 10.1063/1.5133236

Resolution of Multivalued Search Query in the Scientific and Technical Texts Corpus

Butenko Yulia Ivanovna iuliiabutenko2015@yandex.ru

Bauman Moscow State Technical University

Shershneva Elena Andreevna sersnevaelena854@gmail.com

Bauman Moscow State Technical University

One of the factors affecting the relevance of information search results is the multivalued search query, expressed by lexical means of a natural language. It is noted that almost every word of the natural language, except for strictly unambiguous terms, especially those that belong to common vocabulary, is multivariate and depends on the context of the word usage. The plurality of a lexical unit manifests itself at the stage of a search query. An approach to solving lexical unit polysemy in a search query is proposed, which will solve the problem of lexical polysemy and significantly relieve the search output, remaining only the subject area of interest to the user.

Keywords: search query, multivalued words, corpus, scientific and technical texts, lexical unit

References

- [1] Marchuk Yu.N. Leksicheskie problemy novyh informacionnyh tekhnologij // Sovremennyj uchenyj. 2017. №. 5. S. 56–62.
- [2] Stokoe C. Differentiating homonymy and polysemy in information retrieval // Proceedings of Human Language Technology Conference and Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2005. Pp. 403–410.
- [3] Butenko Yu.I. Metod razresheniya leksicheskoy mnogoznachnosti poiskovogo zaprosa na osnove ontologij // Prikladnaya informatika, 2020. Т. 15, № 5. С. 103–110. DOI: 10.37791/2687-0649-2020-15-5-103-110
- [4] Butenko Yu.I. Ontology approach to normative profiles forming at critical software certification // AIP Conference Proceedings. Vol. 2171. No. 1. AIP Publishing, 2019. <https://doi.org/10.1063/1.5133236>

УДК 811.161.1.04

Электронный корпус древнейших русских летописей: инструменты, возможности, применение

Веряева Регина Александровна

✉ anikina.regina@gmail.com

Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова

Представлено описание возможностей и инструментов электронной коллекции русских летописей информационно-аналитической системы «Манускрипт: Славянское письменное наследие» (*URL: manuscripts.ru*). Дано характеристика ключевым модулям подкорпуса, позволяющим проводить количественно-статистический анализ языковых единиц — модулю статистики и модулю *n*-грамм. Сделаны выводы о важности использования компьютерных технологий при работе с большими текстовыми массивами. Продемонстрировано, что корпус древнейших и средневековых славяно-русских рукописей портала «Манускрипт» является одним из немногочисленных сегодня исторических корпусов, позволяющих проводить лингвотекстологические исследования.

Ключевые слова: электронный корпус, русские летописи, модуль *n*-грамм, количественно-статистические методы

В настоящее время активно развивается корпусная лингвистика, позволяющая исследовать факты речи и языка на основе анализа очень больших текстовых массивов.

В ряду наиболее значимых для русской истории и культуры текстов особое место занимают русские летописи. Летопись представляет собой так называемый объединяющий тип древнерусской литературы. Многообразие жанровых включений, смешение книжной и живой языковой традиций позволяют ставить и решать сложные задачи истории русского языка. Наличие нескольких разновременных редакций и списков в большей части одних и тех же текстов-произведений позволяет осуществлять сопоставительное исследование нескольких рукописей и в динамике проследить изменения, происходившие в языковой системе.

Сегодня создано и доступно в Интернете достаточно много ресурсов на основе русских летописей: хорошо известен проект «Лаврентьевская летопись. 1377 г. Электронное представление рукописного памятника», подготовленный к 1150-летию Российской государственности совместно тремя организациями: Российской национальной библиотекой, Президентской библиотекой имени Б.Н. Ельцина и Центром национальной славы (*URL: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/project1.html*); транскрипции, представленные на сайте «Изборник» (*URL: http://litopys.org.ua/ipatlet/ipat01.htm*); компиляция нескольких списков Повести временных лет, подготовленная Дональдом Островским (*URL: https://web.archive.org/web/20050309022812/http://hudce7.harvard.edu/~ostrowski/pvl/*); параллельный корпус двух списков

Повести временных лет Института русской литературы ([URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869](http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869)) и некоторые другие. Все они представляют собой публикации переводов или сканированных печатных изданий, а также электронные наборы текстов по печатным изданиям. Большая часть публикаций снабжена средствами навигации, которые позволяют перейти к нужной странице или погодной записи.

Однако исключительными являются интернет-ресурсы на основе русских летописей, имеющие и текстологическую, и лингвистическую разметку, позволяющие осуществлять не только стандартный поиск по маске словоформы или поиск нужного листа или погодной записи, но и выборку по некоторым, в первую очередь текстологическим и лингвистическим параметрам, строить упорядоченные перечни словоформ и/или лемм и получать статистические сведения о лингвистических единицах рукописей. Можно сказать, что, несмотря на значительное количество электронных изданий русских летописей в Интернете, все они представляют собой электронные публикации, лишь по форме отличающиеся от печатных изданий и тем самым не позволяющие осуществлять ни специализированных, ни комплексных исследований текстов летописных списков.

Информационно-аналитическая система «Манускрипт» (ИАС «Манускрипт») (портал системы: manuscripts.ru/), возможности которой позволяют представить древнерусский текст в виде, адекватно отражающем все графико-орфографические особенности списков, а также осуществлять выборку необходимого для лингвистического анализа материала и визуализировать его с помощью веб-модулей, в настоящее время содержит коллекцию (подкорпус) русских летописей, включающую пять полных списков — Лаврентьевский (ЛЛ), Ипатьевский (ИЛ), Радзивилловский (РЛ); Комиссионный (НЛК) и Синодальный (НЛС) списки Новгородской I летописи (<http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=23>). На основе полнотекстовой базы данных этих транскрипций создан параллельный корпус погодных записей и типов изложения, доступный по адресу http://manuscripts.ru/mns/cred.cred?koll=62133570&f_type=14001.

1. Запросные формы

Ранее в работе [1] мы описывали формы ввода и вывода запросов.

Для получения сведений об общем количестве словоформ в рукописях может быть использован табличный количественный указатель словоформмноготекстовой запросной формы (рис. 1).

Для выявления количества отдельных форм может быть использован прямой указатель словоформмноготекстовой запросной формы.

Эти списочные и табличные перечни дают общее количество форм в рукописи, а также их адреса в виде гиперссылок к страницам фрагментов, что позволяет провести анализ любой языковой единицы в тексте.

2. Модуль статистики

Анализ функционирования лингвистических единиц предполагает, в частности, наличие сведений об их количестве в некотором объеме текстов.

Ряд	Код-№	Форма	ДИ (БАН, 16.4.4) (14728)	ДЛ (БАН, 34.3.30) (5893)	СДИ (БАН, 34.3.30)	ДЛ (РНБ, Е.п. IV.2) (7629)
1	2568	ПЕ	1256	475		624
2	2097	ПЕС	1016	436		631
3	1733	ПЕСИ	305	155		471
4	1249	ПЕСИ	1046	205		96
5	1241	ЧАС	719	234		292
6	1119	ЧАСИ	716	153		196
7	1119	ЧАС	555	225		303
8	2082	ЧАС	570	263		149
9	905	ЧА	401	247		157
10	817	ЧА	624	62		113
11	345	ЧА	395	138		212
12	955	ЧАСИ	474	44		37
13	553	ЧАС	7			546
14	459	ЧАСИ	306	56		97
15	436	ЧАСИ	170	113		155
16	354	ЧАСИ	245	92		47
17	357	ЧАСИС	197	55		105
18	330	ЧАС	129	78		93
19	256	ЧАС	130	76		50
20	277	ЧАСИ	137	60		50
21	248	ЧАСИ	184	35		49
22	241	ЧС	120	119		2
23	233	ЧАСИС	1			232
24	224	ЧАСИС	127	42		55
25	221	ЧАСИС	116	51		52
26	297	ЧАСИС	50	52		85
27	173	ЧАСИС	120	14		39
28	130	ЧАСИ	71	22		37

Рис. 1. Визуализация результатов запроса: указатель словоформ количественный

Учитывая, что факты средневековой рукописи отражают одновременно и современные времена создания списка языковые особенности, и особенности антиграфов и протографа, важным является установление закономерностей распределения языковых фактов в конкретном списке или группе списков в зависимости от характеристик их частей.

Учет того, что графические, орфографические, словообразовательные, лексические факты компилиятивных средневековых рукописей отражают одновременно и современные времена создания списка языковые особенности и — в ряде случаев — особенности антиграфов и протографов, а распределение вариантов по различным фрагментам может быть обусловлено в том числе и текстологически — характеристиками частей, позволяет поставить вопрос о поиске лингвистически значимых различий между частями на основе анализа распределения речевых фактов в конкретном списке или группе списков.

Для получения сведений о распределении единиц в рукописях создан и тестируется модуль статистики (<http://www.manuscripts.ru/mns/cred.stat>; подробнее о модуле см. [2–5]), использование которого позволяет «ставить и решать большое количество корпусных и лингвотекстологических задач, связанных с определением количества единиц в рукописях и с их распределением по тексту» [2]. Модуль позволяет увидеть распределение текстовых форм, в частности в списках одного произведения, выровненных по аналогичным фрагментам.

В работах [6, 7] мы использовали модуль статистики для анализа и описания функционирования форм на -о (предикативных) в русских летописях (рис. 2).

3. Модуль n-грамм

Количественный фактор имеет большое значение при любых статистических исследованиях устойчивых единиц, например, при определении их частотности.

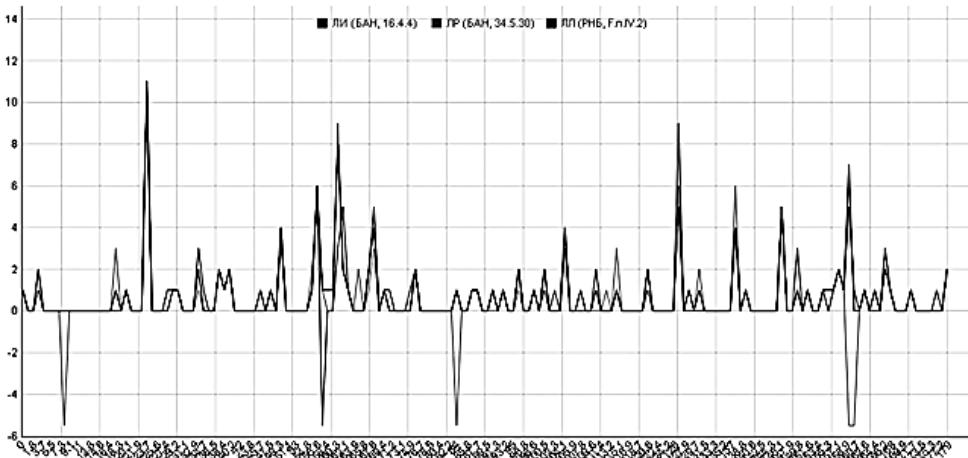

Рис. 2. Распределение форм с конечным -но в Лаврентьевской (основная), Радзивилловской и Ипатьевской летописях

Модуль n -грамм дает возможность осуществить статистический анализ языковых единиц с помощью мер ассоциации (Mutual Information (MI), Pointwise Mutual Information (PMI), T-score, Log-Likelihood, Dice, Inside и др.). Мы говорим о статистической ассоциации, которая основана на синтаксической и лексической связности. Несомненно, частота совместной встречаемости лексем является важным параметром для нахождения, в частности, устойчивых сочетаний. Статистические меры учитывают частоту совместной встречаемости единиц, а также частоту каждой отдельной единицы в текстовом корпусе.

В.А. Баранов в работе [5] описал возможности модуля n -грамм «для выявления грамматически и семантически устойчивых словосочетаний, характеризующих тематику текстов». Автор выявил перечни редких и частотных сочетаний в текстах летописей с помощью мер Mutual Information и T-score и пришел к выводу, что «MI-перечни включают имена собственные, парные именования, устойчивые библейские и славяно-книжные подчинительные конструкции», а «T-score-перечни дают информацию о событиях, целях, лицах, результатах и о их характеристиках».

Модуль n -грамм ИАС «Манускрипт» способен определить неслучайность связи компонентов сочетания и позволяет получить лингвистически обоснованные результаты.

В настоящее время мы активно используем данный модуль для анализа коллокаций, зафиксированных в летописном корпусе. В частности подготовлены и находятся в печати статьи, содержащие анализ n -грамм и триграмм с компонентами *мъного* и *мало*, анализ статистически устойчивых глагольно-именных сочетаний, коллокаций с компонентами на *-ьн(о)*.

На сегодняшний день компьютерные технологии позволяют обрабатывать большое количество материала за сравнительно небольшое количество

времени, в связи с чем исследователь имеет возможность привлечь для анализа большой круг источников, в том числе в виде корпусов.

Одним из немногочисленных сегодня исторических корпусов является корпус древнейших и средневековых славяно-русских рукописей портала «Манускрипт», содержащий подкорпус нескольких древнейших летописных списков, оснащенный модулями, позволяющими проводить лингвотекстологические исследования.

Литература

- [1] Верняева Р.А. Корпус русских летописей в Интернете // Русский язык и русская речь в XXI веке: проблемы и перспективы: сб. тез. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Ижевск, 20–22 сентября 2018) / отв. ред. Л.Ф. Килина. Ижевск: Издат. центр «Удмуртский университет», 2018. 50 с.
- [2] Баранов В.А. Software Tools and User Interfaces designed for Historical-Linguistic Purposes of Project “Manuscript” // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 37. Труды международной конференции «Компьютерные технологии и математические методы в исторических исследованиях» (Петрозаводск, 11–16 июля 2011 г.). Петрозаводск, 2011. С. 7–14.
- [3] Baranov V.A., Gnutikov R.M. The statistics and n-gram modules of the historical corpus “Manuscript” // Digital and Analytical Approaches to the Written Heritage: Proceedings of the 7th international conference El’Manuscript “Textual Heritage and Information Technologies”, 2018 / Compilers and Editors: Anisava Miltenova, Victor Baranov, Heinz Miklas, Kevin Hawkins, Jürgen Fuchsbauer. Sofia: Gutenberg Publishing House, 2019. Pp. 9–28.
- [4] Баранов В.А. Модуль статистики исторического корпуса «Манускрипт»: функции и демонстрация данных. 2 // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: VII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 28–31 октября 2019 г.): тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиллина, Е.А. Горобец, Э.А. Исламовой. Казань: Изд-во Казанского университета, 2019. Т. 1. С. 24–30.
- [5] Баранов В. А. Корпусные исследования средневековых славянских рукописей: статистически значимые п-граммы (коллокации) древнерусских летописей // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, вып. 3 (89): Цифровое содружество наук: опыт применения информационных технологий в истории и смежных дисциплинах / ред. А.Ю. Володин, Артур Пол, Клива Клер. DOI: 10.18254/S207987840009440-3
- [6] Верняева Р.А. Субстантиваты на –о в летописном тексте (на материале Лаврентьевской, Ипатьевской и Радзивилловской летописей) // Язык и литература в научном диалоге. Специальный выпуск: Интегративные процессы в филологии : сборник научных статей / отв. ред. Л.Ф. Килина. Ижевск: Издат. центр «Удмуртский университет», 2016. 212 с. С. 12–16.
- [7] Верняева Р.А. Условия активизации качественных наречий на –о: развитие предикативных конструкций в летописном тексте на материале Лаврентьевской, Ипатьевской и Радзивилловской летописей) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2016. Т. 26, вып. 5. С. 5–11.

Electronic Corpus of the Oldest Russian Chronicles: Tools, Possibilities, Application

Vernyaeva Regina Alexandrovna

 anikina.regina@gmail.com

Kalashnikov ISTU

The article describes the capabilities and tools of the electronic collection of Russian Chronicles of the information-analytical system “Manuscript: Slavonic written heritage” (URL: manuscripts.ru). We have presented the characteristics of the main modules of the subcorpus, which allow carrying out quantitative and statistical analysis of linguistic units — the statistics module and the n-gram module. We drew conclusions about the importance of using computer technology when working in large text arrays. It is demonstrated that the corpus of the most ancient and medieval Slavic-Russian manuscripts of the portal “Manuscript” is one of the few historical corpuses today that allow carrying out linguo-textological research.

Keywords: Electronic corpus, Russian Chronicles, n-gram module, quantitative statistical methods

References

- [1] Vernyaeva R.A. Korpus russkikh letopisey v Internete // Russkiy yazyk i russkaya rech' v XXI veke: problemy i perspektivi : sbornik tezisov IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Izhevsk, 20–22 sentyabrya 2018) / otv. red. L.F. Kiliina. Izhevsk: Izdatel'skiy tsentr "Udmurtskiy universitet", 2018. 50 s.
- [2] Baranov V.A. Software Tools and User Interfaces designed for Historical-Linguistic Purposes of Project “Manuscript” // Informatsionnyy byulleten’ Assotsiatsii “Istoriya i komp'yuter”. № 37. Trudy mezhdunarodnoy konferentsii “Komp'yuternye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh” (Petrozavodsk, 11–16 iyulya 2011 g.). Petrozavodsk: 2011. S. 7–14.
- [3] Baranov V.A., Gnutikov R.M. The statistics and n-gram modules of the historical corpus “Manuscript” // Digital and Analytical Approaches to the Written Heritage: Proceedings of the 7th international conference El'Manuscript “Textual Heritage and Information Technologies”, 2018 / Compilers and Editors: Anisava Miltenova, Victor Baranov, Heinz Miklas, Kevin Hawkins, Jürgen Fuchsbaumer. Sofia: Gutenberg Publishing House, 2019. Pp. 9–28.
- [4] Baranov V.A. Modul’ statistiki istoricheskogo korpusa “Manuskript”: funktsii i demonstratsiya dannykh. 2 // I.A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika: mezhdunar. konf.: VII Boduenovskie chteniya (Kazan. feder. un-t, 28–31 okt. 2019g.): tr. i mater.: v 2 t. / pod obshch. red. K.R. Galillina, E.A. Gorobets, E.A. Islamovoy. Kazan’: Izdatel’stvo Kazanskogo universiteta, 2019. T. 1. S. 24–30.
- [5] Baranov V.A. Korpusnye issledovaniya srednevekovykh slavyanskih rukopisey: statisticheski znachimye n-grammy (kollokatsii) drevnerusskikh letopisey // Elektronnyy nauchno-obrazovatel’nyy zhurnal “Istoriya”. 2020. T. 11, vyp. 3(89): Tsifrovoe sodruzhestvo nauk: opyt primeneniya informatsionnykh tekhnologiy v istorii i smezhnykh distsiplinakh / red. A.Yu. Volodin, Artur Pol, Kliva Kler. DOI: 10.18254/S207987840009440-3
- [6] Vernyaeva R.A. Substantivaty na –о в letopisnom tekste (na materiale Lavrent’evskoy, Ipat’evskoy i Radzivillovsckoy letopisey) // Yazyk i literatura v nauchnom dialoge. Spet-

- sial'nyy vypusk : Integrativnye protsessy v filologii: sbornik nauchnykh statey / otv. red. L.F. Kilina. Izhevsk: Izdatel'skiy tsentr "Udmurtskiy universitet", 2016. 212 s. S. 12–16.
- [7] Vernyaeva R.A. Usloviya aktivizatsii kachestvennykh narechiy na –о: razvitiye prediktivnykh konstruktsii v letopisnom tekste na materiale Lavrent'evskoy, Ipat'evskoy i Radzivillovskoy letopisey) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoryya i filologiya. T. 26, vyp. 5. 2016. S. 5–11.

УДК 83'33

Темпоральный аспект гендерной вариативности английского произношения (корпусное исследование)

Гавриченкова Евгения Алексеевна

✉ janegavrichenkova@mail.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Бутенко Юлия Ивановна

✉ iuliabutenko2015@yandex.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Федотова Мария Владимировна

✉ bergin@yandex.ru

Российская государственная библиотека

Статья посвящена темпоральному исследованию гендерной вариативности английского произношения. Показано, что гендерные исследования в лингвистике занимают важное место, что подтверждается количеством и качеством проведенных исследований. Обосновано, что гендерные исследования по фонетике требуют использования специального программного обеспечения, а возможность пользователя создавать собственные речевые подкорпуса не только значительно сокращает время на сбор и обработку иллюстративного материала, но и расширяет спектр проводимых исследований. Описана разработанная система разметки звукающей речи, представлены ее основные компоненты, а также исследовательские возможности созданного на ее основе речевого корпуса. В качестве примера проведено темпоральное исследование речи юношей и девушек из городов Белфаст, Лондон, Брэдфорд, Лидс и Кембридж, Дублин, Ньюкасл и Кардифф. Выявлены различия между речью юношей и девушек при чтении текста, а также показаны региональные различия на темпоральном уровне.

Ключевые слова: произношение, гендер, вариативность, продолжительность, звук, диктор, речевой корпус

Введение

В настоящее время наблюдается возрастающий интерес к гендерным исследованиям. Главным концептом гендерных исследований является гендер, который понимается как особый набор культурных характеристик, определяющих социальное поведение женщин и мужчин и их отношения друг с другом [1].

Гендер в наибольшей степени является одним из ключевых и фундаментальных социальных категорий. Кроме того, он представляет собой значимый компонент социального статуса человека, который необходимо учитывать при изучении фонетического аспекта языка. Другими словами, гендер также понимается как социокультурная конструкция, которая обозначает социальные аспекты отношений между полами.

Социолингвистические исследования английского языка в Соединенном Королевстве и Соединенных Штатах Америки показали, что в целом женщины используют более престижные стандартные вариации в произношении, чем мужчины, т. е. произношение женщин обычно схоже со стандартной версией, которую Традгилл после Лабова назвал «явным престижем», а произношение мужчин было близко к противоположному стандарту, который назывался «скрытый престиж» [2].

Несмотря на некоторые спорные вопросы, связанные с методологией интервью, это наиболее последовательный результат, полученный в результате многочисленных экспериментов. Р.К. Потапова говорила о различиях между мужчинами и женщинами в суперсегментных расчетных высказываниях. Согласно ее исследованиям, присутствие женской речи в нейтральном эмоциональном состоянии характеризуется наличием межкомплексных и внутрикомплексных интервалов, более широкого мелодического диапазона, высокого регистра, использования восходящего тона в утвердительных предложениях и ускоренного ритма. Мужской речи эти признаки также присущи, но с противоположным знаком [3].

Гендерные лингвистические исследования проводились на материале русского языка. При изучении особенностей произношения носителей пермской региональной версии литературного языка было установлено, что региональные характеристики чаще встречаются в речи мужчин, чем в речи женщин. В том же экспериментальном исследовании было отмечено, что параметры мужского произношения более выражены в области вокализма [4].

Участники научной дискуссии о гендерных различиях делятся на два основных лагеря: сторонники биологического детерминизма, которые убеждены в тесной взаимосвязи между биологическим полом и социальным полом, и сторонники социального конструктивизма, которые считают, что гендерные различия создаются обществом. Представители разных лагерей ставят вопрос о гендерных различиях принципиально по-разному. Биологически ориентированные исследователи часто не задаются вопросом, существуют ли гендерные различия как таковые, но по умолчанию они исходят из того, что они существуют, и ищут объяснения для них. Сторонники социального конструктивизма, в свою очередь, исследуют процессы конструирования пола в различных социальных контекстах и то, как идеи о гендерных различиях используются для создания социальных иерархий [5].

Проблема гендерной вариативности всегда волновала лингвистов. В исследовании Ю.В. Карташевской (2016) проблема гендерной вариативности

рассматривается на сегментном уровне, а именно, в аспекте особенностей реализации гласных американского варианта английского языка. В работе дается анализ монофонгов в речи мужчин и женщин, во-первых, с точки зрения биологически обусловленных различий, и во-вторых, в контексте социально значимой информации, которую подобные характеристики содержат. Автор рассматривает следующие акустические параметры гласных: длительность (мс), минимальные, максимальные и средние значения ЧОТ (Гц), интервал ЧОТ (Гц и пт), а также форманты F1 и F2 (Гц). Материалом для работы послужили записи чтения текста десятью дикторами (пять мужчин и пять женщин) из корпуса звучащей речи IDEA. Согласно полученным данным, существует ряд очевидных гендерных различий, выраженных в акустических особенностях. Так, мужская речь характеризуется более высокой скоростью артикуляции, меньшей длительностью гласных, склонностью к редукции, узким интервалом ЧОТ, а также меньше вариативностью показателей формантных значений. Отметим, что согласно исследованию Ю.В. Карташевской, темп женской речи оказался ниже темпа мужской речи, что опровергает существующее представление о том, что женщины говорят быстрее. Наконец, в том, что касается социальных характеристик, автор подтверждает тезис о стремлении женщин следовать орфоэпической норме, поскольку речь дикторов-женщин оказалась более приближенной к стандартному варианту [6].

Язык как система состоит из множеств подсистем (синтаксической, лексической, фонетической), каждая из которых, в свою очередь, представляет собой системное образование. Язык как общественное явление выполняет свою основную коммуникативную функцию в процессе общения людей. Речевая деятельность говорящего отражает особенности личности (Горшкова, 2012). Более того, гендерные характеристики, связанные с различиями между мужской и женской речью, лежат в разных областях языка, в лексике, фонетике, фонологии. При этом стоит отметить, что проведение исследований в области фонетики и фонологии требует использования специальных программных средств и наличия звукового материала.

При проведении лингвистических исследований ручной сбор иллюстративного материала традиционно является трудоемким и дорогостоящим этапом работы. Использование электронных ресурсов позволяет существенно сократить время на сбор информации для проведения исследования. Одним из наиболее эффективных инструментов реализации такой задачи является использование электронных корпусов. Сфера применения корпусов текстов включают автоматизированное извлечение информации, обучение на основе данных, текстовые поиски в крупномасштабных коллекциях текстов с использованием методов обработки естественного языка, автоматическая классификация текстов, преподавание языков для специальных целей, проведение лингвистических исследований [7]. Корпус всегда проектируется для конкретной цели. На сегодняшний день существует

множество корпусов русского языка [8]. Стоит отметить, что большинство ресурсов находятся в закрытом доступе, либо предоставляют доступ к ограниченной части ресурса.

Для проведения исследований по гендерной вариативности английского произношения необходима разработка специального программного обеспечения, учитывающего особенности гендерных исследований в лингвистике. При этом, целесообразно предоставить возможность пользователю не только пользоваться готовым корпусом, но и формировать собственный подкорпус, куда пользователь сможет сам загружать и размечать записи, что значительно расширяет исследовательские возможности пользователя, не ограничивая его имеющимся в корпусе исследовательским материалом. На рис. 1 представлено разработанное программное обеспечение для разметки звучащей речи.

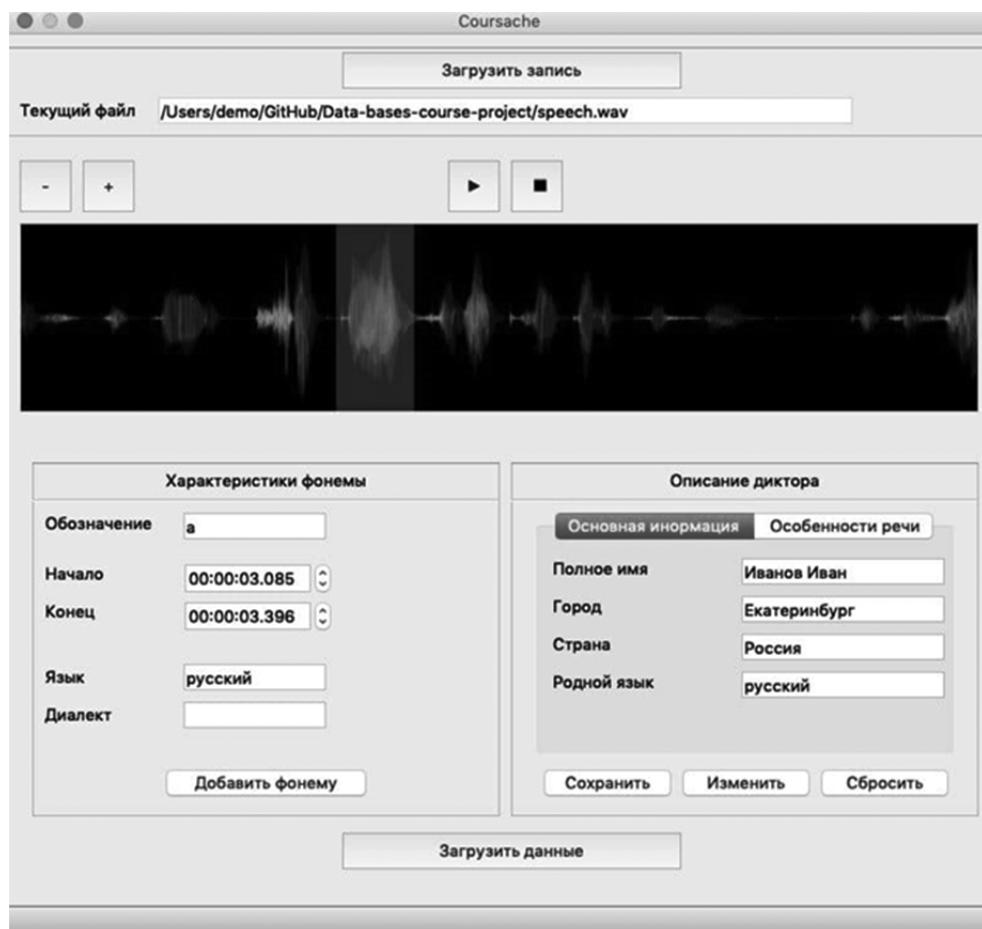

Рис. 1. Интерфейс системы разметки звучащей речи

Специальный интерфейс представляет собой виджет, который создает визуализацию загруженной аудиозаписи, и набор форм для описания фонем и диктора. Визуализация аудиозаписи представляет собой осциллограмму, которую пользователь может масштабировать и перемещать с помощью полосы прокрутки. Разработанная система разметки звучащей речи позволяет размечать фрагменты разной длины — от отдельных аллофонов до целых текстов. Также пользователь может выделять на осциллограмме необходимые участки записи. После выделения некоторого участка, в специальную форму заносится информация о его времени начала и завершения.

Каждая размеченная запись сопровождается информацией о дикторе: пол, возраст, регион проживания, наличие индивидуальных особенностей речи и т. д.

Возможность загружать аудиозаписи и размечать их самостоятельно дает пользователю широкий спектр возможностей для проведения гендерных исследований. Наличие подробного описания к каждому диктору позволяет не только исследовать гендерные особенности мужчин и женщин в целом, но и отбирать их по возрасту, региону проживания, наличия нарушений речи и т. д.

В данный момент основными сущностями в используемой базе данных являются ‘диктор’, ‘нарушение речи’, ‘запись’, ‘страна’ и ‘город’. Каждая из сущностей хранит определенную информацию, касающуюся фонем и диктора. ‘Диктор’ содержит полное имя и информацию о поле, возрасте и родном языке. ‘Нарушение речи’ описывает наличие акцента или дефектов речи, если таковые имеются. Подобное разбиение позволяет получать информацию о произношениях фонем по различным заданным параметрам. Например, можно сделать выборку фонем русского языка, произнесенных людьми, которые имеют мужской пол, живут в Лондоне, имеют акцент и чей родной язык является английским.

В качестве иллюстративного материала для разметки были выбраны записи прочтения записи сказки о Золушке [<http://www.phon.ox.ac.uk/files/apps/IViE/>]. Дикторами являлась молодежь из Белфаста, Лондона, Брэдфорда, Лисса, Кембриджа, Дублина, Ньюкасла и Кардиффа [9].

Был проведен аудиторский анализ речи жителей 8 городов. Данное исследование позволит расширить корпус звучащего материала [8].

Говоря о гендерных различиях, были сделаны вывод о том, что длительность чтения текста варьировалась в диапазоне 4–6 мин. Девушки-дикторы из трех городов (Лондон, Брэдфорд и Лисс) прочитали текст быстрее, чем юноши-дикторы этих же городов. Также, девушек-дикторов дикторы из Лондона прочитали текст «Cinderella» с наибольшим временем, чем все остальные девушки-дикторы (4,9 мин), а самый большой показатель по длительности отмечен именно у юношей-дикторов из Лондона (5 мин).

Результаты аудиторского анализа минуты звучания речи юношей и девушек из Белфаста показывают, что темп речи (количество слогов в минуту) девушек в среднем на 10 % медленнее, чем темп речи юношей. Так, среднее

количество слогов в минуту в речи девушек составляет 80 слогов, а в речи юношей — 99 слогов. Следовательно, темп речи юношей выше, чем темп речи девушек.

Темп речи рассчитывался на основании количества прочитанных в минуту слогов. Так, среднее количество слогов в минуту в речи девушек-дикторов из г. Дублин составляет 86 слогов, тогда как у юношей данный показатель выше и составляет 89 слогов. Следовательно, темп речи юношей выше, чем темп речи девушек, и юноши прочитали полный текст сказки «Cinderella» в среднем на 40 с медленнее, чем девушки.

При анализе минуты звучания речи юношей и девушек из города Бредфорда показывают, что темп речи девушек в среднем на 12 % медленнее, чем темп юношей. Так, среднее количество слогов в минуту в речи девушек составляет 78 слогов, а в речи юношей — 87 слогов.

**Сопоставление средних значений темпоральных показателей
дикторов-юношей и дикторов-девушек из Белфаста, Лондона, Бредфорда,
Лидса, Кембриджа, Дублина, Ньюкасла и Кардиффа**

Параметр	Гендер	Belfast	London	Bredford	Leeds
Продолжительность всего текста, мин	Девушки Юноши	4,5 4,3	4,9 5	4,2 4,6	4 4,1
Темп, кол-во слогов/мин	Девушки Юноши	79 82	98 86	72 83	69 73

Как видно из таблицы, длительность чтения текста варьировалась от 4 до 5 мин. Что касается гендерных различий, то девушки-дикторы из 6 городов (Лондон, Бредфорд, Лидс, Кембридж, Дублин, Ньюкасл, Кардифф) прочитали текст быстрее, чем юноши-дикторы этих же городов. Рассматривая девушек-дикторов, также отметим, что дикторы из Ньюкасла прочитали текст «Cinderella» с наибольшим временем, чем все остальные девушки-дикторы (5,5 мин). Кроме того, самый большой показатель по длительности отмечен именно у юношей-дикторов также из Ньюкасла и составил 5,9 мин.

Что касается темпа речи, а именно количества слогов в минуту, то данный значения данного показателя находились в диапазон от 69 до 99 слогов. Самый высокий темп отмечен у юношей-дикторов г. Кембридж (99) слогов), а наименьший — у девушек-дикторов из Кардиффа. При этом юноши-дикторы из четырех городов (Белфаст, Бредфорд, Лидс, Дублин, Ньюкасл) прочитали в среднем больше слогов в минуту, чем девушки-дикторы.

Таким образом, юноши-дикторы говорят в среднем быстрее, чем девушки-дикторы, но длительность чтения больших отрывков у них ниже, чем у девушек. Кроме того, отмечаются значительные колебания в темпоральных показателях, связанные с регионом проживания.

Заключение

В настоящее время наблюдается возрастающий интерес к гендерным исследованиям. Разные аспекты речи стали предметом гендерных аспектов речи в лингвистике: лексика, фонетика, фонология как в России так и в мире. Проведение исследований в области фонетики и фонологии требует использования специальных программных средств и специально отобранного звукового материала.

Разработанное программное обеспечение дает возможность пользователю загружать аудиозаписи и размечать их самостоятельно дает пользователю широкий спектр возможностей для проведения гендерных исследований. Наличие подробного описания к каждому диктору позволяет не только исследовать гендерные особенности мужчин и женщин в целом, но и отбирать их по возрасту, региону проживания, наличия нарушений речи и т. д. По результатам проведенного темпорального исследования можно сделать выводы, сравнивая 8 городов: Белфаст, Лондон, Брэдфорд, Лидс, Кембридж, Дублин, Ньюкасл и Кардифф, что в области длительности чтения всего текста наблюдаются различия между речью юношей и девушек: девушки в среднем читают быстрее, чем юноши; в области темпа речи темп гендерные различия выражаются в том, что юноши в среднем произносят больше слов; существуют региональные различия на темпоральном уровне и разница в значениях показателях между дикторами из одного города в среднем меньше, чем между дикторами из разных городов.

Литература

- [1] Бутенко Ю.И., Строганов Ю.В., Шевченко В.И., Славнов Н.В., Квасников А.В. Система разметки звучащей речи для сравнительного анализа произношения в различных диалектах // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Системный анализ и информационные технологии. 2020. № 1. С. 168–176. DOI: <https://doi.org/10.17308/sait.2020.1/2631>
- [2] Нагель О.В. Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении // Язык и культура. 2008. № 4. С. 53–59.
- [3] Бутенко Ю.И., Семенова Е.П., Сидняев Н.И. // Математические аспекты в языко-ведческой теории и практике / Ю.И. Бутенко // Almatamer (Вестник высшей школы). 2018. № 4. С. 73–78. DOI: 10.20339/AM.04-18.073
- [4] Захаров В.П. Корпуса русского языка // Труды института русского языка имени В.В. Виноградова. 2015. Т. 6. С. 20–65.
- [5] Склярова С.Н. Речевая тональность и мелодика в просодии английского и русского языков // Филология и искусствоведение. 2009. № 4. С. 5–10.
- [6] Бабушкина Е.А. Просодия дикторской речи // Язык и культура. 2012. № 4. С. 53–59.
- [7] Исакова Е.М. Внутренняя речь с позиций лингвистической гендерологии // Филология и искусствоведение. 2009. № 4. С. 78–80.
- [8] Зиновьева Е.С. Предпосылки становления гендерной лингвистики // Язык и культура. 2014. № 4. С. 70–73.
- [9] Малюга Е.Н. Гендерные особенности речевого поведения в основных вариантах английского языка // Язык и культура. 2005. № 4. С. 14–20.

УДК 8133

Концептуальные основы создания корпуса англоязычных научно-технических текстов

Гаража Владислав Владленович

✉ vgaradzha@gmail.com

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Затронута тема разработки корпуса научных текстов на английском языке. Рассмотрены труды по корпусной лингвистике. Собранный материал послужил теоретической основой для проведения исследования, основными методами которого являются прямой и косвенный анализ. Прямой анализ подразумевал непосредственное обращение к корпусам, среди них был национальный корпус русского, английского и турецкого языка. Косвенный анализ включал в себя рассмотрение работ и статей, посвященных этим корпусам. Из всей полученной информации были выделены принципы и подходы, которые послужат концептуальной базой для нового корпуса и положительно скажутся на опыте его использования студентами и преподавателями.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, разметка текста, технические тексты

Введение

Со времени появления в 60-е гг. XX в. корпусная лингвистика прошла значительный путь, что нашло отражение в развитии ее терминологической базы. Однако по-прежнему существуют разные взгляды на то, как следует рассматривать эту область. А.А. Баркович в своей работе «Корпусная лингвистика: специфика современных метаописаний языка» представляет корпусную лингвистику как металингвистический инструмент, методологию создания, использования и изучения корпусов для метаязыковой интерпретации закономерностей речевой практики посредством компьютерных инструментов [1]. Оформлению корпусной лингвистики в особое направление в науке способствовал технический прогресс. Именно с помощью компьютерных технологий удалось преобразовать различные блоки данных в корпуса и создать базы данных. Согласно И.А. Пахолковой корпусная лингвистика занимается разработкой общих принципов построения и использования лингвистических данных с применением компьютерных технологий. Она отмечает, что вследствие роста объема данных появилась необходимость организовать материал, в частности, в виде корпусов. Корпус текстов — корпус данных, единицами которого являются тексты или их части [2].

Природа корпусов текстов подробно рассматривается в книге В.П. Захарова и С.Ю. Богдановой «Корпусная лингвистика». Среди прочего, авторы объясняют целесообразность создания корпуса текстов. Во-первых, достаточно большой и сбалансированный корпус презентативен и обеспечивает полное представление языковых явлений. Во-вторых, данные в корпусе находятся в своей естественной контекстной форме, делая их изучение более объективным.

В-третьих, созданный и подготовленный массив данных может использоваться многократно различными исследователями и в разных целях [3]. Наряду с этим массив данных может послужить основой для изучения свойств языка. Только при достаточном объеме выборки, который как раз может обеспечить база данных, можно проводить статистические исследования для построения лингвистических моделей [4].

Корпуса можно классифицировать по различным признакам, но, если целью является разработать собственный корпус, важно определить, насколько объемным он должен быть. Как сказано в работе Г.В. Колпаковой «лингвистика и лексикография», небольшие специальные корпуса обрабатываются вручную, а категоризация существенно влияет на результаты анализов. Однако в больших корпусах, где категоризация играет ещё более важную роль, применяется автоматическая обработка. Это предполагает разметку корпусных данных по частеречной принадлежности [5]. Возвращаясь к теме разнообразия корпусов, следует обратить внимание на работу Н.В. Козловой. В статье «лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология» подробно описывается классификация корпусов и разъясняется данный аспект корпусной лингвистики [6].

Как и в других областях, важно учитывать опыт предшественников. Для этого особое внимание уделено работам, посвященным уже существующим национальным корпусам. Несмотря на то, что они имеют несколько другую направленность, существует проблематика, универсальная для всех корпусов. К таким вопросам относится разрешение многозначности. Нахождение решения позволит внедрить в корпус семантические фильтры. Задача семантической разметки и фильтров была рассмотрена в работе исследователей, занимающихся национальным корпусом русского языка [7].

Исследование корпусов текстов на английском языке технической направленности требует рассмотрения работ, обладающих соответствующей спецификой. А.К. Фуэнтес (A.C. Fuentes) затрагивает тему лексики в академических и технических корпусах, что делает его труд особенно важным относительно задач нашего исследования [8]. Вместе с этим стоит привести статью, которая также привлекла внимание своей предметной направленностью, речь идет о статье Вьоллца Белегу-Чака (Vjollca Belegu-Caka). В ней использование корпусов раскрывается с точки зрения обучения специализированному английскому языку [9].

Вопросы, касающиеся корпус-менеджеров, отражены в работе Д.Ш. Сулейманова и Д.Р. Мухамедшина [10]. Также эти вопросы затрагиваются в обзоре корпусных возможностей от автора З.Б. Долгих. Исследователь определяет корпусный менеджер, опираясь на труд В.П. Захарова и С.Ю. Богдановой [3], упомянутый ранее. Термин означает специализированную поисковую систему, включающую программные средства для поиска данных в корпусе или корпусах, получения статистической информации и предоставления пользователю результатов в удобной форме [11].

Тексты технических стандартов требуют особого внимания. Лексический и грамматический уровень языковой системы таких текстов обладает обобщенно-отвлеченным характером [12]. Основываясь на этом, нужно подстраивать подход к аннотированию и разметке таких случаев. Обучающимся понадобится работать со стандартами не только с целью ознакомления, но и для освоения техники перевода подобных текстов. Знание стандартов и методов их перевода повышает квалификацию профессионала [13].

В настоящее время корпусная лингвистика представлена национальными корпусами для русского, английского, венгерского, словенского и других языков, а также различными специализированными корпусами, такими как словарь-корпус языка А.С. Грибоедова, корпус латинских текстов «Персей» и др. Исследователь может воспользоваться одним или несколькими корпусами для получения данных. В то же время организации, например, частные компании и университеты, постоянно ведут исследовательскую деятельность, и их инструменты специализированы в соответствии с их нуждами. Так, в качестве этапа проектирования корпуса МГТУ им. Н.Э. Баумана, в этой работе рассматриваются принципы разработки различных лингвистических баз данных для построения нового корпуса, отвечающего потребностям учителей и студентов технического вуза.

Целью исследования является разработка концепции для создания корпуса англоязычных научно-технических текстов. В статье будут рассмотрены действующие лингвистические корпуса с целью выделения особенностей, улучшающих пользовательский опыт и структуру самого корпуса. В результатах будут представлены функции и принципы, отобранные на основании их релевантности для проектируемого корпуса. Рассматриваемые принципы представлены в публикациях, посвящённых разработке лингвистических корпусов. Исследование проводится в рамках задач корпусной лингвистики, терминоведения и программирования.

На современном этапе особое внимание уделяется необходимости стандартизации и упорядочивания терминологии, а также создания терминологических словарей, баз данных для автоматической обработки научно-технической документации. В связи с вышеуказанным возникает необходимость создания размеченных коллекций научно-технических текстов как источника для дальнейшего исследования терминологических единиц. Из этого вытекают дополнительные задачи — определение вида разметки и рассмотрение способов её осуществления.

Методология

В данной работе использовалось несколько подходов и методик исследования. Методология включает в себя обзор научной литературы — рассмотрены современные научные работы отечественных и зарубежных ученых в области корпусной лингвистики. В частности, статьи, раскрывающие суть работы уже существующих корпусов. При поиске материалов для исследования внимание уделялось в первую очередь современным источникам. Снача-

ла были отобраны корпуса, которые потенциально имеют подходящие функции и средства для корпуса технических текстов на английском языке. Такие корпуса не обязаны быть схожи с разрабатываемым корпусом по всем аспектам. Например, некоторые принципы создания национального корпуса русского языка могут подойти, несмотря на то, что это корпус русских текстов. В свою очередь, особенности корпуса, касающиеся разметки английских текстов продемонстрированы в работах, посвященных британскому национальному корпусу.

Проводился анализ корпусов, находящихся в открытом доступе и синтез теоретической основы для разработки своего корпуса. В исследовании использовался прямой и косвенный анализ. Результатом прямого анализа является материал, полученный в результате работы непосредственно с анализируемым корпусом. Данный подход не применялся ко всем корпусам, так как к некоторым из них нет открытого доступа. В остальных случаях с базой данных можно было поработать, зайдя на веб-страницу корпуса. Объектом косвенного анализа выступали публикации по корпусной лингвистике. Статьи по теме отдельно взятого корпуса, раскрывают теоретические основы, стоящие за его созданием. Данные работы являются достоверными источниками, так как авторами являются люди, принявшие участие в разработке корпуса, которому посвящена статья.

Результаты

После проведения исследования корпусов и связанных с ними работ удалось выделить несколько инструментов и принципов, которые помогут разработать корпус технических текстов на английском языке. В исследовании приоритетными были выбраны принципы, изложенные в работе М.В. Копотева и А. Мустайоки [14]. Их публикация посвящена созданию Хельсинского аннотированного корпуса, поэтому приведенные там принципы были незначительно адаптированы. Ознакомиться с итоговым материалом можно, обратившись к таблице.

Не все подходы оказались подходящими для разрабатываемого корпуса. Так, в турецком национальном корпусе все тексты делятся на художественные (*imaginative*) и научные (*informative*) [15]. Подобное деление не подходит для корпуса технических текстов, так как вся или, по крайней мере основная часть, текстов будут информативными. Информативные тексты — тексты из научной литературы. Творческие, в свою очередь, относятся к фантастике.

Одной из задач корпуса является выполнение образовательной функции. С этой точки зрения будет уместно ввести списки согласованности. Обратившись к такому списку, пользователь увидит список слов, отсортированных по частоте использования в разных областях. Данная функция должна стать актуальной при изучении английского языка для общих академических целей. В дополнение к этому полезными способами сортировки могут оказаться сортировка по источнику информации и по области науки [6].

Принципы создания аннотированного корпуса

Направленность на широкий круг пользователей	Используемые в интерфейсе термины понятны учителям и студентам
В приоритете грамматический охват	Объем корпуса не стоит на первом плане, более эффективный в долгосрочной перспективе вариант — точная грамматическая информация. Количество материала возможно увеличить автоматически
Направленность на многоуровневую грамматическую информацию	Возможность задать в поиске одновременно несколько граммем разных грамматических категорий
Направленность на устоявшиеся лингвистические представления	Отечественная лингвистическая школа отличается от западной, используется теория и терминологическая база отечественной школы
Языковая единица может иметь более одной интерпретации	Слова, которые в зависимости от экстралингвистических факторов могут иметь разные граммемы, имеют все варианты интерпретации в своих свойствах, чтобы представляться пользователю во всех случаях

Обсуждение

В ходе исследования неизбежны определенные трудности. Создание оптимального варианта корпуса англоязычных научно-технических текстов является сложной задачей ввиду того, что для такого корпуса существует незначительное количество примеров и аналогов, чтобы провести сравнение. Наряду с этим, у существующих онлайн-ресурсов разный уровень доступа как к корпусам, так и к документации. Такая ситуация однозначно влияет на результат исследования, но основная цель остается достижимой.

Разработка концептуальных основ создания корпуса англоязычных научно-технических текстов существенно приблизит реализацию непосредственно самого корпуса. Это, в свою очередь, станет отличным инструментом для решения самых разных задач, в том числе научных и образовательных. Тем временем формирование корпуса текстов является вкладом в сразу несколько направлений лингвистики, поскольку данный процесс и его результат сочетает в себе корпусную, компьютерную лингвистику и лексикографию.

Выводы

Таким образом, на основе имеющихся научных работ, посвященных разработке корпусов, можно синтезировать теоретическую основу для разработки собственного корпуса английских текстов технической направленности. Создание размеченной коллекции научно-технических текстов — многосторонняя задача, однако, если подходить с каждой стороны по-отдельности, то можно найти решение проблемы в другом, пусть и не совсем похожем корпусе. Корпус технических текстов на английском языке, станет отличным

инструментом для преподавателей и студентов, с учетом того, что в нем будут использованы рассмотренные достижения готовых корпусов.

Литература

- [1] Баркович А.А. Корпусная лингвистика: специфика современных метаописаний языка // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 5–13.
- [2] Пахолкова И.А. Применение методов корпусной лингвистики в традиционном языкознании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 646. С. 125–135.
- [3] Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2020. 235 с.
- [4] Сидняев Н.И., Бутенко Ю.И., Гаража В.В. Математический аппарат для инженерно-лингвистических моделей // AIP Conference Proceedings. AIP Publishing LLC, 2019. Vol. 2195, no. 1. Р. 020033.
- [5] Колпакова Г.В. Корпусная лингвистика и лексикография // Границы познания: электрон. науч.-образоват. журнал ВГПУ. 2011. № 2. С. 12.
- [6] Козлова Н.В. Лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Т. 11. № 1.
- [7] Кустова Г. И. и др. Семантическая разметка и семантические фильтры для Национального корпуса русского языка // Тр. междунар. конф. «Корпусная лингвистика – 2006». СПб., 2006. С. 209–218.
- [8] Фуэнтес А.К. Природа лексики в академических и технических корпусах: значение в развитии // Language Learning & Technology. 2001. Т. 5, № 3. С. 106–129.
- [9] Вьоллча Б.Ч. Использование корпусной лингвистики для определения учебных потребностей студентов в области электротехники и вычислительной техники при изучении АСЦ. 2018. № 6. С. 90–97.
- [10] Сулейманов Д.Ш., Мухамедшин Д.Р. Система корпус-менеджер: архитектура и модели корпусных данных // Программные продукты и системы. 2018. Т. 31. № 4.
- [11] Долгих З.Б. Обзор ряда корпусных возможностей в сфере лингвистических исследований (на примере анализа средств градуирования в португальском языке) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 5 (795).
- [12] Бутенко Ю. И., Маргарян Т. Д., Кочеткова Е.Л. Переводческая деятельность в условиях цифровизации: обучение и трудоустройство // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 9. С. 98–103. DOI: 20339/AM.09-20.09810
- [13] Бутенко Ю.И., Семенова Е.Л. Влияние лингвистических особенностей текстов стандартов на информационный поиск // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 6. С. 29–35. DOI: 10.20339/PhS.6-19.029
- [14] Копотев М.В., Мустайоки А. Принципы создания Хельсинкского аннотированного корпуса русских текстов (ХАНКО) в сети Интернет // Научно-техническая информация. 2003. Т. 2. С. 33–36.
- [15] Аксан Ю. и др. Создание Турецкого национального корпуса (НКТЯ) // LREC. 2012. С. 3223–3227.

Conceptual Framework for the Design of Scientific and Technical Texts English Corpus

Garazha Vladislav Vladlenovich

✉ vgaradzha@gmail.com

Bauman Moscow State University

This paper covers the topic of corpus development. Scientific works on corpus linguistics have been reviewed. The collected data played a role of a theoretical basis. The main methods include direct and indirect analysis. Direct analysis implied interaction with a corpus itself. Some of the examined corpora are Russian National Corpus, British National Corpus and Turkish National Corpus. Papers and publications devoted to corpuses were considered as a part of indirect analysis. Approaches and principles that were identified from the received information will act as the conceptual basis for the new corpus. The application of them will have a positive effect on user experience.

Keywords: *corpus linguistics, markup*

References

- [1] Barkovich A.A. Korpusnaya lingvistika: spetsifika sovremennoykh metaopisanii yazyka // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 406.
- [2] Pakholkova I.A. Primenenie metodov korpusnoi lingvistiki v traditsionnom yazykoznanii // Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta. 2012. No. 646. Pp. 125–135.
- [3] Zakharov V. P., Bogdanova S. Yu. Korpusnaya lingvistika. SPb.: Publishing house of St. Petersburg University, 2020. 235 p.
- [4] Sidnyaev N.I., Butenko Yu.I., Garazha V.V. Matematicheskii apparat dlya inzhenerno-lingvisticheskikh modelei // AIP Conference Proceedings. AIP Publishing LLC. 2019. Vol. 2195, no. 1. P. 020033.
- [5] Kolpakova G.V. Korpusnaya lingvistika i leksikografiya // Grani poznaniya: Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal VGPU. 2011. No. 2. P. 12.
- [6] Kozlova N.V. Lingvisticheskie korpusa: opredelenie osnovnykh ponyatiy i tipologiya // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2013. Vol. 11, no. 1.
- [7] Kustova G.I. i dr. Semanticeskaya razmetka i semanticheskie fil'try dlya Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka // Trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Korpusnaya lingvistika — 2006". SPb., 2006. Pp. 209–218.
- [8] Fuentes A.C. Lexical behaviour in academic and technical corpora: implications for ESP development // Language Learning & Technology. 2001. Vol. 5, no. 3. Pp. 106–129.
- [9] Vjollca B.C. The use of Corpus Linguistics in identifying the ESP learning needs of students in Electrical and Computer Engineering. 2018. No. 6. Pp. 90–97.
- [10] Suleimanov D.Sh., Mukhamedshin D.R. Sistema korpus-menеджер: arkhitektura i modeli korpusnykh dannykh // Programmnye Produkty i Sistemy. 2018. Vol. 31, no. 4.
- [11] Dolgikh Z.B. Obzor ryada korpusnykh vozmozhnostei v sfere lingvisticheskikh issledovanii (na primere analiza sredstv graduirovaniya v portugalskom yazyke) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. No. 5 (795).

- [12] Butenko Yu.I., Margaryan T.D., Kochetkova E.L. Perevodcheskaya deyatel'nost' v usloviyakh tsifrovizatsii: obuchenie i trudoustroistvo // Alma mater (Vestnik vysshei shkoly). 2020. No. 9. Pp. 98–103. DOI: 20339/AM.09-20.09810
- [13] Butenko Yu.I., Semenova E.L. Vliyanie lingvisticheskikh osobennostei tekstov standartov na informatsionnyi poisk // Filologicheskie Nauki. Nauchnye Doklady Vysshei Shkoly. 2019. No. 6. Pp. 29–35. DOI: 10.20339/PhS.6-19.029
- [14] Kopotev M.V., Mustaioki A. Printsipy sozdaniya Khel'sinskogo annotirovannogo korpusa russkikh tekstov (KhANKO) v seti Internet // Nauchno-Tekhnicheskaya Informatsiya. 2003. Vol. 2. Pp. 33–36.
- [15] Aksan Y. et al. Construction of the Turkish National Corpus (TNC) // LREC. 2012. Pp. 3223–3227.

УДК 04.89

Разметка речевого корпуса для исследования вариативности произношения в русском языке

Казанцева Елизавета Сергеевна

✉ kazan_ls@mail.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Славнов Николай Вадимович

✉ nv.slavnov@gmail.com

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Квасников Александр Владимирович

✉ videot4pe@gmail.com

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Статья посвящена созданию речевого корпуса для оценки вариативности произношения в разных диалектах русского языка. Ключевыми проблемами автоматического распознавания речи является ее высокая вариативность, возникающая из-за различия дикторов и изменчивости окружающей акустической обстановки, а также низкая достоверность распознавания, являющаяся следствием высокой флексивности русского языка. Обосновано, что наличие в языке большого количества диалектов требует создания акустических моделей для каждого из них. Разработано программное обеспечение для разметки звучащей речи, позволяющее пользователю взаимодействовать с речевой базой данных. Визуализация аудиозаписи представляет собой осциллограмму. Выделены основные и второстепенные сущности, использованные в базе данных. Каждая из сущностей хранит определенную информацию, касающуюся фонем и диктора. Отмечено, что разбиение на сущности позволяет получать информацию о произношениях фонем по различным заданным параметрам.

Ключевые слова: распознавание речи, диалект, звучащая речь, фонема, речевая база данных, диктор, дикторозависимость

С развитием информационных технологий все больше информации появляется в электронном формате. Данные из традиционных печатных источников переносятся в цифровое пространство, поскольку такая форма организации информации позволяет не только обеспечить ее длительное хранение, но и позволяет работать с ней на совершенно ином уровне [1]. Одной из таких форм организации данных является языковой корпус. Наука, занимающаяся изучением корпусных принципов текста, называется корпусной лингвистикой [2–4].

На сегодняшний день проблема распознавания речи является достаточно актуальной темой. Основной нерешенной проблемой голосовых помощников часто является распознавание различных диалектов [5, 6].

Человеческий артикулятор производит звуки речи. Каждый звук имеет свои акустические характеристики, которые можно описать набором физических параметров. Значение звуков в речевом потоке реализуется в виде мелодического непрерывного речевого фрагмента, содержащего необходимые семантические признаки.

Программное обеспечение искусственного интеллекта учится распознавать речь по звуковым образцам. Инженеры собирают сотни звуковых образцов, которые рассказывают о самых разных предметах. Затем они записываются в аудиоклипы, и алгоритм учится распознавать модели между словами и звуком. Таким образом, исследователи должны будут ввести звуковые шаблоны, которые отклоняются от традиционных диалектов, чтобы улучшить голосовые технологии. Упомянутый подход не учитывает вариации в произношении, вызванные диалектами, проблемами со здоровьем или даже их сочетаниями [7]. Разрабатываемый речевой корпус имеет специальный инструмент разметки, и разметка осуществляется студентами, изучающими лингвистику. Система разметки — это веб-приложение, которое позволяет учащимся взаимодействовать с речевой базой данных, размещенной на удаленном сервере, с помощью браузера. Для загрузки данных был разработан специальный интерфейс, позволяющий загружать аудиозаписи в формате .wav и делать разметку фонем.

Этот интерфейс представляет собой виджет, который создает визуализацию загруженной аудиозаписи, а также набор форм для описания фонем и говорящего. После выбора определенной фонемы специальная форма содержит информацию о времени ее начала и окончания. Далее в этой форме пользователь должен указать язык, диалект и транскрипцию для данной фонемы. Однако для загрузки отмеченных фонем в базу данных пользователь должен также заполнить форму с информацией о говорящем.

Для хранения фонем будет использоваться графическая база данных (см. рисунок). Еще одним преимуществом является то, что графическая база данных достаточно гибкая, так как позволяет расширить существующую структуру, добавив новые узлы или новые ссылки поверх существующих узлов.

Представление атрибутов *city* и *country* отдельными узлами позволяет осуществлять оптимальный поиск по геоданным, то есть по таким запросам, как «найти все фонемы, произнесенные носителями языка, проживающими

в <city/country>». Также атрибут *record ID* был преобразован в узловую запись с описанием атрибута. Этот узел может содержать путь к файлу записи или какую-либо другую информацию. Поскольку у одного и того же говорящего может быть несколько записей и все они могут отличаться друг от друга (например, они были записаны в разные периоды жизни человека), добавление такого узла позволяет делать более вариативные запросы.

На данный момент основными сущностями или узлами в используемой базе данных являются фонема, говорящий и речевое расстройство. Второстепенными сущностями являются *record*, *country* и *city*. Каждая из сущностей хранит определенную информацию, связанную с фонемами и говорящим. *Phoneme* содержит информацию о языке и диалекте, а также транскрипцию этой фонемы. *Announcer* содержит полное имя и информацию о поле, возрасте и родном языке. *Speech impairment* описывает наличие акцента или речевых дефектов, если таковые имеются. Такое разбиение позволяет получить информацию о произношении фонем по различным заданным параметрам. Например, можно взять русские фонемы, произносимые людьми мужского пола, живущими в Вологде, имеющими акцент и чей родной язык — русский.

Чтобы загрузить аудиофайлы в формате WAV (рекомендуется) или MP3 для разметки, выполните следующие действия:

1. Выберите нужную транскрипцию (например, *SBC001 Actual Blacksmithing*) в разделе *Contents and Summaries*.
2. Щелкните правой кнопкой мыши нужный вам аудиоформат (WAV или MP3).
3. Выберите *Save the link as...* (*Save as source*). Файл должен быть сохранен на вашем компьютере в выбранном нами формате.

Сбор материала для звукового корпуса — очень сложная и кропотливая работа, требующая больших усилий и терпения. Текст, который должен быть прочитан кандидатами, должен включать в себя различные фонемы, различные звуки и словосочетания в предложении. Чем больше типов одной фонемы встретится, тем лучше и качественнее будет работать приложение распознавания речи, которое будет располагаться в базе данных речи [8].

Как только текстовый материал готов, нужно его проработать и прочитать, чтобы понять, где какие речевые ошибки, оговорки и т. д. будет сделано.

Для достижения высокого качества речи на этом этапе должны соблюдать следующие технические условия: запись должна проходить в идентичных студийных условиях, продолжительность сеанса записи не должна превышать «критического» для диктора времени, после которого акустические характеристики его голоса ухудшаются, расстояние до микрофона в течение всего периода записи должно быть постоянным, темп речи диктора должен быть средним или меньше среднего.

Для тела устной речи характерны те же типы маркировок, что и для тела письменных текстов: метатекстовые, морфологические, семантические. Однако есть некоторые особенности в маркировке говорящего.

Первая особенность — это сохраняющая разметка. В устной речи большое количество сокращений, растяжек и редуцированных звуков. Поэтому необходимо идентифицировать эти словоформы в речи и отнести их к одному типу морфем [9].

Вторая особенность речевой разметки состоит в том, что этот тип разметки выступает как социологическая разметка. Это позволит создать субкорпус: по полу, по полу, по имени говорящего и т. д.

Социологическая разметка может дополнять метатекстовую разметку, позволяющую выделить тексты одного говорящего [10].

Система речевой маркировки является основой корпуса русской речи как совокупности речевых фрагментов, так и созданных на их основе баз данных, которые снабжены программными средствами доступа к ним. Предполагается собирать голосовые записи двух типов: произношение отдельных звуков дикторами, а также короткие тексты с частым использованием изучаемых звуков в разных положениях — в начале и в конце слова или слога, влияние соседних фонем и т. д. Предметом дальнейшего исследования является определение минимальных единиц сравнения (аллофон, фонема, сочетание нескольких фонем) диалектов, которые должны быть отмечены в теле речи. Более того, задача сбора аудиозаписей осложняется рядом факторов, таких как уровень образования говорящего, длительное проживание в другом регионе с ярко выраженным диалектом, наличие физиологических особенностей, развитие заболеваний, связанных с речью и дыханием.

Литература

- [1] Бутенко Ю.И., Строганов Ю.В., Шевченко В.И., Славнов Н.В., Квасников А.В. Система разметки звучащей речи для сравнительного анализа произношения в различных диалектах // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Системный анализ и информационные технологии. 2020. № 4. С. 168–176. DOI: 10.17308/sait.2020.1/2631
- [2] Jha M. et al. Improved unsupervised speech recognition system using MLLR speaker adaptation and confidence measurement // V Jornadas en Tecnologias del Habla (VJTH'2008). 2008. Pp. 255–258.
- [3] El Amrania M.Y. Building CMU Sphinx language model for the Holy Quran using simplified Arabic phonemes / M.Y. El Amrania, M.M. HafizurRahmanb, M.R. Wahiddinb, A. Shahb // Egyptian Informatics Journal. 2016. Vol. 17, no. 3. Pp. 305–314.
- [4] El Moubtahij H., Halli A., Satori K. Using features of local densities, statistics and HMM toolkit (HTK) for offline Arabic handwriting text recognition // Journal of Electrical Systems and Information Technology. 2016. Vol. 3, no. 3. Pp. 99–110.
- [5] Бутенко Ю.И., Семенова Е.Л., Сидняев Н.И. Математические аспекты в языковедческой теории и практике // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 4. С. 73–78. DOI: 10.20339/AM.04-18.073
- [6] Бутенко Ю.И., Коноплева А.А. Методология использования нейросетевых технологий при распознавании триграмм // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2020. № 1. С. 5–17. DOI 10.18127/j19998554-202001-01

- [7] Богданов Д.С., Кривнова О.Ф., Подрабинович А.Я., Фарсобина В.В. База речевых фрагментов русского языка ISABASE // Интеллектуальные технологии ввода и вывода информации. М., 1998.
- [8] Gaida C. et al. Comparing open-source speech recognition toolkits // Technical Report of the Project OASIS. Available at: <http://suendermann.com/su/pdf/oasis2014.pdf> (accessed February 12, 2017).
- [9] Балакшин П.В. Алгоритмические и программные средства распознавания речи на основе скрытых марковских моделей для телефонных служб поддержки клиентов: дис. ... канд. техн. наук: 05.13.11. СПб.: Университет ИТМО, 2014. 127 с.
- [10] Grosz B.J., Jones K.S., Webber B.L. Readings in natural language processing. Santa Monica, CA: Morgan Kaufmann, 1986.

Mark up for Speech Corpus of the Russian Language for Pronunciation Variability Research

Kazantseva Elizaveta Sergeevna

✉ kazan_ls@mail.ru

Bauman Moscow State Technical University

Slavnov Nikolai Vadimovich

✉ nv.slavnov@gmail.com

Bauman Moscow State Technical University

Kvasnikov Aleksandr Vladimirovich

✉ videot4pe@gmail.com

Bauman Moscow State Technical University

The article is devoted to the development of a markup system for comparative analysis of pronunciation in various dialects of the Russian language. The key problems of automatic speech recognition are its high variability, which occurs due to the difference between speakers and the variability of the surrounding acoustic environment, as well as low recognition reliability, which is a consequence of the high inflection of the natural language. It is proved that the presence of a large number of dialects in the language requires the creation of acoustic models for each of them. The software for marking up sounding speech has been developed, which allows the user to interact with the speech database. Visualization of an audio recording is an oscilloscope. The main and secondary entities used in the database are highlighted. Each entity stores specific information about phonemes and the speaker. It is noted that splitting into entities allows you to get information about the pronunciation of phonemes by various specified parameters.

Keywords: speech recognition, dialect, sounding speech, phoneme, speech database, speaker, voice dependence

References

- [1] Butenko Yu.I., Stroganov Yu.V., Shevchenko V.I., Slavnov N.V., Kvasnikov A.V. The system of sounding speech markup for comparative analysis of pronunciation in various dialects // Bulletin of the Voronezh state University. Ser. System analysis and information technologies. 2020. No. 4. Pp. 168–176. DOI: 10.17308/sait.2020.1/2631

- [2] Jha M. et al. Improved unsupervised speech recognition system using MLLR speaker adaptation and confidence measurement // V Jornadas en Tecnologias del Habla (VJTH'2008). 2008. Pp. 255–258.
- [3] El Amrania M.Y., HafizurRahmanb M.M., Wahiddinb M.R., Shahb A. Building CMU Sphinx language model for the Holy Quran using simplified Arabic phonemes // Egyptian Informatics Journal. 2016. Vol. 17, no. 3. Pp. 305–314.
- [4] El Moubtahij H., Halli A., Satori K. Using features of local densities, statistics and HMM toolkit (HTK) for offline Arabic handwriting text recognition // Journal of Electrical Systems and Information Technology. 2016. Vol. 3, no. 3. Pp. 99–110.
- [5] Butenko Yu.I., Semenova E.L., Sidnyaev N.I. Mathematical aspects in linguistic theory and practice // Alma mater (Bulletin of the higher school). 2018. No. 4. Pp. 73–78. DOI: 10.20339/AM. 04-18.073
- [6] Butenko Yu.I., Konopleva A.A. Methodology of using neural network technologies for recognizing trigrams // Neurocomputers: development, application. 2020. No. 1. Pp. 5–17. DOI: 10.18127/j19998554-202001-01.
- [7] Bogdanov D.S., Krivnova O.F., Podrabinovich A.Ya., Farsobina V.V. Database of speech fragments of the Russian language ISABASE // Intellectual Technologies of Input and Output of Information. M., 1998.
- [8] Gaida C. et al. Comparing open-source speech recognition toolkits // Technical Report of the Project OASIS. Available at: <http://suendermann.com/su/pdf/oasis2014.pdf> (accessed February 12, 2017).
- [9] Balakshin P.V. Algorithmic and software speech recognition tools based on hidden Markov models for telephone customer support services: dis. ... candidate of technical Sciences: 05.13.11. St. Petersburg: ITMO University, 2014. 127 s.
- [10] Grosz B.J., Jones K.S., Webber B.L. Readings in natural language processing. Santa Monica, CA: Morgan Kaufmann, 1986.

УДК 04.89

Анализ современных корпусов параллельных текстов

Киселёва Аполлинария Дмитриевна ✉ kiselyovaad@student.bmstu.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Бутенко Юлия Ивановна ✉ iuliabutenko2015@yandex.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

В последние годы создание корпуса и тематические исследования стали неотъемлемой частью деятельности лингвистов. Методология корпуса становится частью лингвистической науки, и лингвисты, работающие в различных областях, как правило, проводят свои исследования на базе корпусов. Данная статья содержит информацию о параллельных корпусах, их разновидностях, об основных аспектах создания и использования параллельного корпуса.

Ключевые слова: параллельный корпус, разработка этапов создания параллельного корпуса

Одним из направлений корпусной лингвистики является создание и использование параллельных корпусов, которые используются для решения различных задач, таких как создание и настройка систем машинного перевода, сравнительное изучение языков, разработка теории переводческих исследований, преподавания языка [1]. Корпусы и конкордансы предоставляют лингвистам, переводчикам и студентам бесценный и ранее недоступный языковой материал, который характеризуется большим объемом, разнообразием стилей и жанров и возможностью быстрого поиска примеров проанализированных слов и конструкций.

Следует отметить, что под корпусом параллельных текстов понимается тип лингвистического корпуса, состоящий из исходного текста на одном языке и его перевода на другой или другие языки, а конкорданс — одна из программ, которая позволяет обрабатывать и анализировать большие массивы текста, а также выявлять языковые шаблоны, которые в них содержатся. Конкорданс ищет конкретное слово или выражение в корпусе. После соответствующей команды программа выдает указанное количество текстовых фрагментов, содержащих нужные единицы измерения. На основании полученной информации возможно определить, какие функции, применение и использование устройства были определены в конкретном языковом пространстве.

В отличие от других типов корпусов, отличительным дидактическим свойством корпусов параллельных текстов является многоязычие.

Корпусы параллельных текстов могут быть двуязычные и многоязычные. Двуязычные корпусы включают исходные тексты на одном языке и их переводы на другом. Многоязычные корпусы включают исходные тексты на одном языке и их соответствующие переводы на другие языки.

Корпусы могут быть односторонние, двунаправленные и многонаправленные. Односторонние корпусы позволяют осуществлять перевод с одного языка на другой (например, с английского на русский) без возможности обратного перевода (с русского на английский). Двунаправленные корпусы включают параллельные тексты на двух языках (английском и русском) и позволяют осуществлять перевод как с английского на русский, так и наоборот. Многонаправленные корпусы, включающие тексты на более чем двух языках, позволяют осуществлять перевод с любого языка на любой (в рамках существующих языков корпуса) [2–9].

Параллельный корпус имеет много общего с памятью переводов, но различия в том, что память переводов не сохраняет оригинальную последовательность текста, тогда как параллельные тексты — сохраняют.

Создание параллельного корпуса включает в себя несколько этапов: выравнивание текстов, разметка текстов, проектирование поискового интерфейса.

Для того нужно решить следующие задачи:

— необходимо осуществить морфологическую разметку текстов. Для русского языка инструментом разметки является программа MyStem, а для английских и других текстов TreeTager;

– помимо текстов и программы должна быть создана таблица с метаданными, где указана основная информация по каждому тексту: год создания, язык оригинального текста, переводчик;

– создание поискового интерфейса.

Под поисковой строкой должно располагаться окно выдачи, где будут отображаться отрезки текстов, в которых встречается то или иное слово. Под ним должна быть кнопка сохранения, чтобы текст выдачи пользователь мог сохранить в TXT формате.

Для этого нужно сначала создать некий словарь, со структурой «ключ» — «значение», где ключами будут являться слова из XML файлов, а их значениями — название XML-файла, номер ID отрезка текста, где встречается слово, и сам текст [10, 11].

Параллельные корпусы используются:

1) в сравнительной лингвистике: для сравнительного анализа структур двух языков;

2) в области переводов; для поиска эквивалентов оригинального текста в других языках;

3) при обучении движков машинного перевода;

4) при изучении языка;

5) при составлении словарей.

Практика разработки и использования электронных текстовых корпусов показала, что создать универсальный корпус невозможно. Цели и задачи любого исследования, которое предполагается выполнить с помощью корпусов, определяют тип корпуса, правила отбора текстов, метод и степень обработки. В области корпусной лингвистики уже создано большое количество корпусов, предназначенных для различных видов исследований, и задача их классификации требует определения различных характеристик — основы классификации.

Параллельные корпусы, представляющие множество текстов-оригиналов, написанных на каком-либо исходном языке, и переводов этих исходных текстов на один или несколько других языков; правда, существуют корпусы, в которых все языки признаются равнозначными, например, корпусы, созданные на основе официальных документов ООН или Европейского Сообщества.

Параллельные корпусы используются для разработки эффективных методов перевода, а также для сравнительных исследований языков. Он позволяет идентифицировать те или иные приемы перевода, оценить их эффективность, проанализировать лексику и грамматику текста перевода в сопоставлении с оригинальным текстом, сравнить и оценить различные стратегии перевода, найти на основе списков контекстов соответствия тем или иным стилистическим явлениям и выделить способы их передачи при переводе. Параллельные корпусы являются своего рода сборниками стратегий и эквивалентов перевода, которыми руководствовались и которые придумывали

переводчики. Они обеспечивают нас информацией, которую двуязычные словари обычно не содержат. Они предлагают эквиваленты не только на уровне слова, но и на уровне конструкций и словосочетаний, а также переводы безэквивалентной лексики. Параллельные корпусы используются также при создании систем машинного перевода и как ресурс для автоматического извлечения терминов и терминологических словосочетаний данной предметной области для нескольких языков. Параллельные корпусы открывают возможности для компаративистских исследований, дают новую информацию по сравнению с исследованиями на базе однозычных корпусов, расширяют знания о языках, их универсальных особенностях наряду с типологическими и культурными различиями [12].

Проблема построения параллельного корпуса заключается в высокой трудоемкости, т. е. часто оказывается гораздо проще заново перевести текст, чем выполнить его выравнивание с готовым переводом. Вследствие этого наиболее точное ручное выравнивание выполняется лишь для нескольких сотен предложений в исследовательских целях, в частности, для оценки качества автоматического выравнивания, которое активно развивалось в течение двадцати последних лет. Несмотря на достигнутые успехи, методы автоматического выравнивания дают ошибки, особенно если в текстах встречаются редкие слова и фразы. Отсюда необходимость разработки таких методов и алгоритмов, которые давали бы близкое к ручному качество выравнивания, при существенном снижении затрат.

На сегодняшний день существуют такие параллельные корпусы как: Glosbe, Linguee, MyMemory, Opus, Reverso, TAUS Data Cloud и др.

Литература

- [1] Бутенко Ю.И., Маргарян Т. Д., Кочеткова Е.Л. Переводческая деятельность в условиях цифровизации: обучение и трудоустройство // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 9. С. 98–103. DOI: 10.20339/AM.09-20.098
- [2] Бутенко Ю.И., Семенова Е.Л., Сидняев Н.И. Математические аспекты в языковедческой теории и практике // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 4. С. 73–78. DOI: 10.20339/AM.04-18.073
- [3] Захаров В.П. Корпусная лингвистика. СПб., 2005.
- [4] Королева А.А. Корпус параллельных текстов в обучении иностранному языку // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 2 (118). С. 57–62.
- [5] Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов как инструмент сопоставительного описания языков // Русская сопоставительная филология: состояние и перспективы: тр. междунар. конф. Казань: Каз. гос. ун-т, 2004. С. 289–290.
- [6] Добровольский Д.О., Кретов А.А., Шаров С.А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005.
- [7] Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика. 2-е изд., перераб. и дополн. СПб.: СПбГУ, 2013.
- [8] Беляева Л.Н. Лексикографический потенциал параллельного корпуса текстов // Корпусная лингвистика — 2004: тр. междунар. конф. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 55–64.

- [9] Потемкин С.Б. Проблемы разработки параллельного корпуса переводов русской классики // Вестник Военного университета. 2012. № 2 (30). С. 138–145.
- [10] Рогачева В.Э. Методы извлечения терминологических эквивалентов из двуязычного корпуса текстов // Прикладная лингвистика в науке и образовании ALPAC REPORT — полвека после разгрома: тр. VIII Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2016 г.). СПб.: Книжный дом, 2016. С. 91–96.
- [11] Рогачева В.Э. Методы извлечения терминологических единиц из корпуса сопоставимых текстов // Вестник воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 118–122.
- [12] Мухамедшин Д.Р., Сулейманов Д.Ш. Система корпус-менеджер: архитектура и модели корпусных данных // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. № 5. С. 236–244. DOI: 10.15827/0236-235X.124.653-658

Application of Corpus Linguistics Methods

Malykhina Nadezhda Igorevna kni.07@mail.ru

Military Education and Scientific Centre of the Air Force “N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy”

The aim of this paper is to provide some examples of the use of corpus linguistics methods to describe the features of the polysemy of English verbal lexemes. The author uses a system of formalized parameters that allow to draw a conclusion about the peculiarities of the frequency of different part-of-speech sememes in the semantemes of the lexemes considered. The British National Corpus is regarded primarily as a scientific tool that allows quickly and effectively conduct research based on a large text base.

Keywords: polysemy, corpus linguistics methods, sememe, communicative relevance / frequency

The development of information competence, which means knowledge of information technologies, their application, as well as the use of Internet resources, is of particular relevance at the present stage of language competence development. In this aspect, a special place is occupied by corpus technologies. As the Russian linguist V. A. Plungyan notes, “to master a language, a person needs three things: a dictionary, grammar, and a corpus of texts of a given language, because a dictionary and grammar are generally useless outside of the living space where the language actually functions” [1, c. 11].

There are a number of works of Russian and foreign scientists in the field of corpus research: L.N. Belyaeva (2007), N.B. Gvishiani (1979; 2013), T.B. Nazarova (2008, 2012), V. A. Plungyan (2005; 2008), M. McCarthy (1990; 2011), J. Sinclair (1991; 1996; 2006), M. Stubbs (1995), R. Repin (2002; 2010), L. Flowerdew (2012) and others [2, c. 93].

Today, modern information technologies allow us to conduct research of the language in its live functioning using special programs, an example of which can be the National Corpus [3].

The British National Corpus (BNC), for example, includes written and oral texts belonging to a wide variety of genres and functional styles.

The rapid development of corpus linguistics in recent decades has led to fundamental changes in the field of lexicography.

Let us outline findings of our corpus-based research in the field of lexicography trying to approach the language reality through statistical analysis.

To begin with, in the course of the study we analyzed the features of the polysemy of English verbs, which were included in the two hundred most frequent verbs of the English language according to the frequency list of the British National Corpus [4].

Using the BNC helped to clarify the semantic structure of the word. It's a well-known fact that distinguishing the meaning of a polysemic word is a difficult task even for linguists, which leads to different results reflected in dictionaries. However, modern information technologies allow us to elicit the necessary meanings by analyzing the context.

The studied lexemes demonstrate both lexical and lexico-grammatical polysemy which as M.A. Sternina observes, integrates lexico-grammatical polysemy proper and lexico-grammatical variancy. Lexico-grammatical polysemy is polysemy at the level of different parts of speech — sememes being related to each other differ not only in lexical meaning but also in part-of-speech semes. Lexico-grammatical variancy is considered a particular case of lexico-grammatical polysemy of a word. In case of lexico-grammatical variancy sememes are identical in lexical semes and differ in part-of-speech semes [5, pp. 25–26].

Secondly, using the corpus method in the study of the problem of polysemy opens up new horizons of research, which also allows us to look at the problem of the frequency of meanings represented in the semantic structure of verbal lexemes.

It should be mentioned that frequency dictionaries only record the frequency of lexemes, and there is practically no data on the frequency of individual sememes. To determine the frequency of sememes in the semantemes of the studied lexemes, we analyzed a thousand examples of the use of each lexeme from the British National Corpus [6], each of the examples was associated with a specific sememe included in the corresponding semanteme. Based on the analyzed examples of the use of these lexemes, the index of communicative relevance of each sememe introduced by L.A. Baranova was determined, which is understood as the ratio of the number of the registered usages of the sememe to the total number of the studied usages of the lexeme [7, p. 50–52]. This makes it possible to collect data not only on the frequency of each meaning of a polysemic verb, but also data on the usage of different part of speech sememes.

The most communicatively relevant meaning is, as expected, the main meaning in the semanteme of the lexeme (i.e., the D1^{*} sememe). However, in the semantemes of 32 lexemes, connotational sememes (sememe C1) were the most

* We use the terminology of M.M. Kopylenko and Z.D. Popova [9].

communicatively frequent, which can be considered as a signal for a possible change in their semantic status [8, p. 116].

For example, the semantic structure of the verb *drop* includes 51 sememes. The index of communicative relevance of the main sememe (sememe D1) “to stop holding or carrying something so that it falls” (*He dropped the pen and went on typing*) is 10 %, while this index of one of the connotational sememes (sememe C1) “to fall to a lower level or amount, especially a much lower level or amount / a fall (reduction) in the amount, level, or number of something, especially a large or sudden one” (*As a result, fishmongers have disappeared: their numbers dropped from 9,000 in 1971 to 3,000 in 1981. / The trade gap looks appalling and it may take some time before we see a significant drop in consumer spending*) is 66,4 %. Thus, we may assume that the most communicatively frequent sememe of this verb is one of the sememes C1 but not the sememe D1.

As a result of the research a bit different kind of dictionary has been produced — The dictionary of lexico-grammatical polysemy of most frequent English verbs [10]. It provides the user with the most up-to-date information, i.e. *communicative relevance*, of a particular sememe of *different part-of-speech attribution* of polysemic English verbs.

The dictionary is based on the alphabetical principle, dictionary entries do not include units marked «obsolete» and «rare» in dictionaries. Special terms, when necessary, are provided with abbreviations (technical, military, etc.). Colloquial expressions and regional variants are provided with abbreviations (American, etc.).

The index of communicative relevance of each sememe is indicated opposite it in a separate column. Illustrative examples in the dictionary are drawn from the British National Corpus. Examples in which the verbs under study are underlined are taken from the used lexicographic sources due to the fact that these sememes are characterized by zero communicative relevance.

Here is an example of a dictionary entry from the dictionary of lexico-grammatical polysemy:

Try	
<i>Глагольные семемы</i>	<i>ИКР, %</i>
• Пробовать; отведывать пищу и т. п. <i>You can also try beef heart and the like.</i>	4,7
• юр. Допрашивать; расследовать дело, случай. <i>BSDI, meanwhile, is attempting to try the case in the court of public opinion.</i>	0,2
• юр. Судить; привлекать к судебной ответственности. <i>The United States, Britain, Russia and France set up a military tribunal at Nuremberg in 1945 to try Nazi criminals.</i>	0,2
• Спросить о чем-л.; стараться выяснить какую-л. информацию. <i>Try Ben in a minute again, yeah?</i>	0,2
• Утомлять, раздражать. <i>It tries the eyes to read in a bad light.</i>	0
• Мучить, причинять страдания; беспокоить, волновать. <i>This malady tried me severely.</i>	0

● Вытапливать (сало).	0
Глагольные и субстантивные семемы	ИКР, %
● Пытаться, стараться/ Попытка. <i>I knew you would try to find me. / Well yes, I suppose I could give it a try but I don't want to promise anything.</i>	75,7
● Пробовать; проверять / Испытание; проба. <i>Leave your job and try your luck elsewhere / Then I gave the Jacuzzi a try.</i>	18,7
Субстантивные семемы	ИКР, %
● спорт. Выигрыш трех очков при проходе игрока с мячом в регби. <i>The first game was notable in that, apart from a demanding first win, Sebastian Sloane became the first Rugby schoolboy to score a five point try.</i>	0,3

In the light of the above, such dictionaries created on the basis of language corpora may be useful both from a purely linguistic and didactic point of view.

The use of corpus technologies can be considered as an effective practical addition to traditional research methods.

References

- [1] Plungyan V.A. Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotoryh urokah sovremennoj korpusnoj lingvistiki // Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii, 2008, № 16 (2). S. 7–20.
- [2] Palkova A.V. Osnovnye ponyatiya elektronnoj leksikografii / Palkova A.V. // Vestnik TGU. Ser.: Filologiya. 2015. № 4. S. 88–93.
- [3] McEnery T., Hardie A. Corpus Linguistics: Method, theory and practice. Cambridge: Cambridge University Press. 2012. Support website for Corpus Linguistics: Method, theory and practice. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://corpora.lancs.ac.uk/clmtp>
- [4] Spisok chastotnosti Britanskogo Nacional'nogo Korpusa [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://ucrel.lancs.ac.uk/bncfreq/flists.html>
- [5] Sternina M.A. Leksiko-grammaticheskaya polisemija v sisteme jazyka. Voronezh: Izd-vo Istoki, 1999. — 160 s.
- [6] Dannye Britanskogo Nacional'nogo Korpusa [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
- [7] Baranova L.A. Opyt vyvayleniya chastotnosti semem / L.A. Baranova // Kul'tura obshcheniya i ee formirovanie. Voronezh, 2009. Vyp. 21. S. 50–52.
- [8] Malyhina N.I. Polisemija anglijskogo glagola (na materiale naibolee chastotnyh glagol'nyh leksem anglijskogo jazyka): dissertaciya. kand. filol. nauk. Voronezh, 2013. 350 s.
- [9] Kopylenko M.M., Popova Z.D. Ocherki po obshchej frazeologii. Voronezh, 1989. 191 s.
- [10] Malyhina N.I., Sternina M.A. Slovar' leksiko-grammaticheskoy polisemii naibolee chastotnyh anglijskih glagol'nyh leksem / Pod red. M.A. Sterninoj. Voronezh: Izd-vo Istoki, 2013. 151 s.

УДК 811.111'1

Применение методов корпусной лингвистики

Малыхина Надежда Игоревна kni.07@mail.ru

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных Сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

Цель данной статьи — продемонстрировать использование методов корпусной лингвистики для описания особенностей полисемии английских глагольных лексем. Автор использует систему формализованных параметров, позволяющих сделать вывод об особенностях частотности семем различной частеречной отнесенности в семантиках рассматриваемых лексем. Британский национальный корпус рассматривается прежде всего как научный инструмент, позволяющий быстро и эффективно проводить исследования на основе большой текстовой базы.

Ключевые слова: полисемия, методы корпусной лингвистики, семема, коммуникативная релевантность/частотность

Развитие информационной компетенции, под которой понимается владение информационными технологиями, их применением, а также использованием интернет-ресурсов, приобретает особую актуальность на современном этапе развития языковой компетенции. В этом аспекте особое место занимают корпусные технологии. Как отмечает отечественный лингвист В.А. Плунгян, овладения языком человеку нужны три вещи, словарь, грамматика и корпус текстов данного языка, потому что словарь и грамматика, в общем-то, бесполезны вне живого пространства, где язык, собственно, и функционирует» [1, с. 11].

Существует ряд работ отечественных и зарубежных ученых в области корпусных исследований: Л.Н. Беляевой (2007), Н.Б. Гвишиани (1979; 2013), Т. Б. Назаровой (2008, 2012), В.А. Плунгяна (2005; 2008), М. Маккарти (1990; 2011), Дж. Синклера (1991; 1996; 2006), М. Стаббса (1995), Р. Реппен (2002; 2010), Л. Флаудерью (2012) и др. [2, с. 93].

На сегодняшний день современные информационные технологии делают возможным исследовать язык в его живом функционировании при помощи специальных программ, примером такой программы может служить Национальный корпус [3]. Британский Национальный корпус, например, включает в себя письменные и устные тексты, принадлежащие к широкому спектру жанров и функциональных стилей.

Активное развитие корпусной лингвистики за последние десятилетия привело к серьезным коренным изменениям в области лексикографии.

Изложим результаты наших корпусных исследований в области лексикографии, предпринимая попытку приблизиться к языковой реальности с помощью статистического анализа.

Во-первых, в ходе исследования мы проанализировали особенности полисемии английских глаголов, которые вошли в двести наиболее частотных глаголов английского языка по списку частотности Британского национального корпуса [3].

Использование Британского Национального Корпуса позволило уточнить семантическую структуру слова. Общеизвестно, что различение значений многозначных слов — трудная задача даже для лингвистов, что приводит к отличающимся результатам, выявленных в словарях. Однако современные информационные технологии дают возможность извлекать необходимые значения, анализируя контекст.

Исследуемые лексемы демонстрируют как лексическую, так и лексико-грамматическую полисемию, которая, по мнению М.А. Стерниной, интегрирует собственно лексико-грамматическую полисемию и лексико-грамматическую вариативность. Лексико-грамматическая полисемия — это полисемия на уровне разных частей речи — семемы, связанные друг с другом, различаются не только лексическими, но и лексико-грамматическими семами. Лексико-грамматическая вариантность рассматривается как частный, более простой случай лексико-грамматической многозначности слова. В случае лексико-грамматической вариантности одному набору лексическим сем соответствует разные лексико-грамматические семы. [5, с. 25–26].

Во-вторых, использование корпусного метода при рассмотрении проблемы полисемии открывает новые горизонты исследования, что также позволяет взглянуть на проблему частотности значений, представленных в семантической структуре глагольных лексем.

Следует отметить, что словари частотности фиксируют только частотность лексем, а данных о частотности отдельных семем практически нет. Для определения коммуникативной частотности семем в семантиках исследуемых лексем мы проанализировали тысячу примеров употребления каждой лексемы из Британского национального корпуса [6]. Каждый из примеров был соотнесен с определенной семемой, входящей в соответствующую семантику.

На основании проанализированных примеров употребления указанных лексем, был определен введенный Л.А. Барановой индекс коммуникативной релевантности (ИКР) каждой семемы, под которым понимается отношение количества зафиксированных употреблений семемы к общему количеству исследованных употреблений лексемы [7, с. 50–52]. Это способствует сбору данных не только о частотности отдельных значений, но и данных об употребительности семем той или иной частеречной отнесенности.

Словарь, построенный по алфавитному принципу, содержит словарные статьи, не включающие единицы, отмеченные в словарях пометами «устаревшее» и «редкое». Специальные термины в случае, когда это необходимо, снабжаются условными сокращениями (*тех., воен.* и т. п.). Разговорные выражения и региональные варианты снабжаются условными сокращениями (*разг., amer.* и т. п.).

Индекс коммуникативной релевантности каждого значения указывается напротив него в отдельной графе.

Наиболее коммуникативно востребованным значением является, как и ожидалось, основное значение лексемы (т. е. семема Д1). Однако в семантиках 32 лексем наиболее коммуникативно востребованными оказались семемы К1, что можно рассматривать как сигнал к возможному изменению их семемного статуса [8, с. 116].

Например, семантическая структура глагола drop включает 51 семему. Индекс коммуникативной релевантности основной семемы (семема Д1) «**Ронять, выпускать**» (*He dropped the pen and went on typing*) составляет 10 %, в то время как этот индекс одной из коннотативных семем (семема С1) «Падать, снижать(ся), понижать(ся); спадать, стихать / Падение, понижение, снижение; спад, спуск» (уменьшение количества, уровня или количества чего-либо, особенно большого или внезапного» (*As a result, fish mongers have disappeared: their numbers dropped from 9,000 in 1971 to 3,000 in 1981. / The trade gap looks appalling and it may take some time before we see a significant drop in consumer spending*) составляет 66,4 %. Таким образом, можно считать, что наиболее коммуникативно частотной семемой этой глагольной лексемы является одна из семем К1, но не семема Д1.

В результате проведенного исследования был создан словарь лексико-грамматической полисемии наиболее частотных английских глагольных лексем [10]. Он предоставляет пользователю самую актуальную информацию, то есть коммуникативную релевантность, той или иной семемы различной частотеречной отнесенности многозначных английских глагольных лексем.

Словарь основан на алфавитном принципе, словарные статьи не включают в себя единицы, отмеченные в словарях как «устаревшие» и «редкие». Специальные термины при необходимости снабжаются аббревиатурами (технические, военные и т. д.). Разговорные выражения и региональные варианты снабжаются аббревиатурами (американские и т. д.).

Индекс коммуникативной релевантности каждой семемы указывается напротив нее в отдельном столбце. Иллюстративные примеры в словаре взяты из Британского Национального Корпуса. Примеры, в которых исследуемые глаголы подчеркнуты, взяты из использованных лексикографических источников в связи с тем, что эти семемы характеризуются нулевой коммуникативной релевантностью.

Приведем пример словарной статьи из словаря лексико-грамматической полисемии:

Try

Глагольные семемы

ИКР, %
4,7
0,2

- Пробовать; отведывать пищу и т. п. *You can also try beef heart and the like.*
- юр. Допрашивать; расследовать дело, случай. *BSDI, meanwhile, is attempting to try the case in the court of public opinion.*

● юр. Судить; привлекать к судебной ответственности. <i>The United States, Britain, Russia and France set up a military tribunal at Nuremberg in 1945 to try Nazi criminals.</i>	0,2
● Спросить о чем-л.; стараться выяснить какую-л. информацию. <i>Try Ben in a minute again, yeah?</i>	0,2
● Утомлять, раздражать. <i>It tries the eyes to read in a bad light.</i>	0
● Мучить, причинять страдания; беспокоить, волновать. <i>This malady tried me severely.</i>	0
● Вытапливать (сало).	0
Глагольные и субстантивные семемы	
● Пытаться, стараться/ Попытка. <i>I knew you would try to find me. / Well yes, I suppose I could give it a try but I don't want to promise anything.</i>	75,7
● Пробовать; проверять / Испытание; проба. <i>Leave your job and try your luck elsewhere / Then I gave the Jacuzzi a try.</i>	18,7
Субстантивные семемы	
● спорт. Выигрыш трех очков при проходе игрока с мячом в регби. <i>The first game was notable in that, apart from a demanding first win, Sebastian Sloane became the first Rugby schoolboy to score a five point try.</i>	0,3

In the light of the above, such dictionaries created on the basis of language corpora may be useful both from a purely linguistic and didactic point of view.

The use of corpus technologies can be considered as an effective practical addition to traditional research methods.

В свете вышесказанного такие словари, созданные на основе языковых корпусов, могут быть полезны как с чисто лингвистической, так и с дидактической точки зрения.

Использование корпусных технологий можно рассматривать как эффективное практическое дополнение к традиционным методам исследования.

Литература

- [1] Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2). С. 7–20.
- [2] Палкова А.В. Основные понятия электронной лексикографии // Вестник Тв.ГУ. Сер. Филология. 2015. № 4. С. 88–93.
- [3] McEnery T., Hardie A. Corpus Linguistics: Method, theory and practice. Cambridge: Cambridge University Press. 2012. Support website for Corpus Linguistics: Method, theory and practice. Available at: <http://corpora.lancs.ac.uk/clmt> (accessed October 10, 2020).
- [4] Список частотности Британского национального корпуса. URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/bncfreq/flists.html> (дата обращения 10.10.2020).
- [5] Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. Воронеж: Истоки, 1999. 160 с.
- [6] Данные Британского национального корпуса. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения 10.10.2020).

- [7] Баранова Л.А. Опыт выявления частотности семем // Культура общения и ее формирование. Воронеж, 2009. Вып. 21. С. 50–52.
- [8] Малыхина Н.И. Полисемия английского глагола (на материале наиболее частотных глагольных лексем английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 350 с.
- [9] Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1989. 191 с.
- [10] Малыхина Н.И., Стернина М.А. Словарь лексико-грамматической полисемии наиболее частотных английских глагольных лексем / под ред. М.А. Стерниной. Воронеж: Истоки, 2013. 151 с.

УДК 88'33

Особенности разметки в речевом корпусе для распознавания диалектов русского языка

Мохов Дмитрий Михайлович uneedhero@yandex.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Бутенко Юлия Ивановна iuliiaabutenko2015@yandex.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Статья посвящена особенности разметки в речевом корпусе для распознавания диалектов русского языка. Показано, что интерес к созданию речевых корпусов был в значительной степени инициирован разработками в области автоматического распознавания речи, где исследователям приходится сталкиваться с огромной акустической вариативностью звуковых единиц языка, что подтверждается количеством и качеством проведенных исследований. Обосновано, что для распознавания диалектов русского языка требуют использования специального программного обеспечения по созданию речевых корпусов. Описана разработанная система разметки звучащей речи, представляющая собой веб-приложение, которое позволяет пользователю с помощью браузера взаимодействовать с речевой базой данных. Показано, что задача системы разметки речи учитывает характерные черты каждого диктора, влияющие на качество произношения. Показано, что дикторы из одного региона примерно одного возраста произносили одни и те же слова по-разному.

Ключевые слова: речевой корпус, диктор, разметка, произношение, звучащая речь

Введение

Интересом к созданию речевых корпусов был в значительной степени инициирован разработками в области автоматического распознавания речи, где исследователям приходится сталкиваться с огромной акустической вариативностью звуковых единиц языка [1, 2].

К программному обеспечению по созданию речевых корпусов можно отнести системы разметки звучащей речи [3]. Разработанная система

представляет собой веб-приложение, которое позволяет пользователю с помощью браузера взаимодействовать с речевой базой данных, размещенной на удаленном сервере. Интерфейс представляет собой виджет, который создает визуализацию загруженной аудиозаписи, и набор форм для описания фонем и диктора. Визуализация аудиозаписи представляет собой осциллограмму, на которой пользователь может выделять необходимые участки, соответствующие определенным предложениям, словам и фонемам [4].

Особенности сбора и разметки речевого материала

Для диктовки был подобран ряд текстов, в каждом из которых была представлена фонема в разных позициях: в начале и конце слова, в открытом и закрытом слоге, ударной или безударной позиции и т. д.

Задача сбора аудиозаписей усложнена рядом факторов, таких как уровень образования диктора, длительным проживанием в другом регионе с ярко выраженным диалектом, наличием физиологических особенностей, развитием болезней, связанных с речью и дыханием, которые обязательно необходимо отразить в системе.

Разметка — главная характеристика корпуса; она отличает корпус от простых коллекций (или «библиотек») текстов, в изобилии представленных в современном Интернете [5]. В созданной системе предполагается наличие разметки трех уровней: предложений, слов и фонем.

Разметка слов и предложений производится копированием из файла вручную, а для фонем из предложного списка необходимо выбрать нужную транскрипцию, для упрощения этой задачи, предварительно можно набрать букву на клавиатуре (если фонема произнесена диктором нечетко можно ввести “-”/?” или оставить поле пустым). Помимо текстового описание у каждой фонемы есть язык и диалект.

Однако, чтобы загрузить размеченные фонемы в базу данных, пользователю сперва необходимо заполнить форму с информацией о дикторе, а точнее заполнить информацию о месте проживания, языке, возрасте, поле и нарушениях речи. Для хранения фонем используется графовая база данных.

Вариативность произношения при разметке сообщений

В ходе разметки голосовых сообщений можно отметить, насколько по-разному люди из одного города примерно одного возраста произносили одни и те же слова по-разному, например:

1) Поля Пуаря, 1 диктор поставил ударение на безударную гласную а, а в конце произносит фонему у;

2) Поля Пуаре, 2й диктор правильно ставит ударение, но в конце употребляет гласную букву е;

3) Поля Пуарэ, 3й диктор произносит слово абсолютно правильно.

Также по осциллограмме можно увидеть, насколько эмоциональна речь у 1-го диктора и как спокойно разговаривают 2-й и 3-й дикторы.

Далее можно отметить, что в среднем все дикторы читали текст на протяжении 7–10 минут, также в процессе разметки присутствовали голосовые сообщения ребенка 7 лет и в силу возраста время прочитанного текста было увеличено примерно вдвое, но следует отметить, что детскую речь было значительно проще размечать, а особенно это фонемы, по тому, как темп речи был значительно медленнее, чем у взрослого

Заключение

В ходе разметки голосовых сообщений были выявлены следующие аспекты.

1. Темп речи пользователей варьируется в широких пределах, часто в несколько раз. При этом различные звуки речи растягиваются или сжимаются не пропорционально. Например, гласные изменяются значительно сильнее, чем полугласные и особенно смычные согласные. (Полугласные — это звуки, при генерации которых необходимо участие голосовых связок, как и для гласных звуков, но сами они в обиходе считаются согласными. Образование щелевых звуков связано с шипением и прочими эффектами турбулентности в органах артикуляции.)

2. Различие голосов, диалектов, дикций, возрастных различий, эмоциональное и физическое состояния диктора, сильно оказывается на распознавании речи важно отметить, что к концу голосового сообщения диктор уставал и его речь был значительно сложнее для разметки.

3. Проблема кластеризации слитной речи: в непрерывном речевом потоке трудно распознать речевые единицы из-за неточного определения границ. Возникает необходимость выделять односложные слова — именно с ними и связано максимальное число ошибок реально существующих систем.

4. Различные условия записи речи, наличие шума или его отсутствие.

5. Звуковые образцы из разных предметных областей в связи с разнообразием терминологии.

Литература

- [1] Бутенко Ю.И., Семенова Е.Л., Сидняев Н.И. Математические аспекты в языко-ведческой теории и практике // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 4. С. 73–78. DOI: 10.20339/AM.04-18.07
- [2] Бутенко Ю.И., Коноплева А.А. Методология использования нейросетевых технологий при распознавании триграмм // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2020. № 1. С. 5–17. DOI: 10.18127/j19998554-202001-01
- [3] Бутенко Ю.И. Система разметки звучащей речи для сравнительного анализа произношения в различных диалектах // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Системный анализ и информационные технологии. 2020. № 4. С. 168–176. DOI: 10.17308/sait.2020.1/2631
- [4] Slavnov N.V., Stroganov Y.V., Kvasnikov A.V. System for Speech Corpus Development // Conference of Russian Young Researchers in Electrical and Electronic Engineering (EIConRus). 2020. Рр. 1730–1732.

- [5] Лесников С.В. Виды разметок текстовых корпусов русского языка // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2019. № 9. С. 27–30.

Markup Specificity in the Speech Corpus for the Recognition of Dialects of the Russian Language

Mokhov Dmitriy Mikhailovich uneedhero@yandex.ru

Bauman Moscow State Technical University

Butenko Yulia Ivanovna iuliabutenko2015@yandex.ru

Bauman Moscow State Technical University

The article is devoted to markup specificity in the speech corpus for recognition dialects of the Russian language. It is shown that the interest in creating speech corpus was largely initiated by researches in the field of automatic speech recognition, where researchers have to deal with a huge acoustic variability of language sound units, which is confirmed by the quantity and quality of research. It is proved that the recognition of dialects of the Russian language requires the use of special software for creating speech corpus. The developed system of sounding speech markup is described. It is a web application that allows the user to interact with the speech database using a browser. It is shown that this speech markup system takes into account the characteristics of each speaker that affect the quality of pronunciation. It is shown that speakers from the same region and approximately the same age pronounced the same words differently.

Keywords: pronunciation, pronunciation variability, sound, sounding speech, speaker, speech corpus

References

- [1] Butenko Yu.I., Semenova E.L., Sidnyaev N.I. Mathematical aspects in linguistic theory and practice // Almamater (Bulletin of the higher school). 2018. No. 4. Pp. 73–78. DOI: 10.20339/AM.04-18.07.
- [2] Butenko Yu.I., Konopleva A.A. Methodology of using neural network technologies for recognizing trigrams // Neurocomputers: development, application. 2020. No. 1. Pp. 5–17. DOI: 10.18127/j19998554-202001-01.
- [3] Butenko Yu.I. System of sounding speech markup for comparative analysis of pronunciation in various dialects // Bulletin of the Voronezh state University, series: System analysis and information technologies. 2020. No. 4. Pp. 168–176. DOI: 10.17308/sait.2020.1/2631
- [4] Slavnov N.V., Stroganov Y.V., Kvasnikov A.V. System for Speech Corpus Development // Conference of Russian Young Researchers in Electrical and Electronic Engineering (EIConRus). 2020. Pp. 1730–1732.
- [5] Lesnikov S.V. Types of markup text corpus of the Russian language // Scientific and technical information. Series 2. Information processes and systems. 2019. No. 9. Pp. 27–30.

УДК 004.934.2

Речевые базы данных вариативности произношения носителей русского языка

Славнов Николай Вадимович

✉ nv.slavnov@gmail.com

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Квасников Александр Владимирович

✉ videot4pe@gmail.com

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Представлен подход к созданию речевых баз данных для исследования вариативности произношения у носителей русского языка. Отмечено наличие индивидуальных и коллективных факторов, влияющих на произношение. Особую сложность для систем автоматического распознавания речи представляет наличие диалектов и говоров у диктора. Описан пользовательский интерфейс и интерфейс системы разметки звучащей речи для распознавания диалектов русского языка.

Ключевые слова: речевой корпус, диктор, вариативность произношения, разметка, конкордансер

Речь — присущая человеку форма деятельности, служащая общению между людьми путем использования языка. Речь каждого человека возникает и формируется на основе языка, присущего отдельной национальности. Язык обогащает речевой опыт поколений и обеспечивает возможность использования в речи индивидуума этого опыта как продукта общественно-исторического развития народа и человечества.

В ближайшие годы ожидается резкое увеличение роли обычной устной речи при общении человека с разного рода автоматами и приборами: в управлении транспортными средствами, в Интернете и в различных коммерческих системах. Автоматическое распознавание и понимание речи, над которым ученые бились полвека, становится одной из важнейших сторон прогресса информационной техники, лежащей в основе жизнедеятельности всех развитых обществ планеты [1]. Процесс введения устных команд человеком-оператором дает возможность надиктовать информацию в устройство ввода машины без промежуточных этапов, которые требуют ручных записей или набора на клавиатуре, и позволяет управлять механическими системами при помощи речевых команд [2, 3].

Автоматическое распознавание звуков речи является актуальной научно-технической проблемой. Ее решение позволит значительно снизить влияние негативных факторов при вводе устной речевой информации в компьютер и организовать управление с помощью естественной речи. В настоящее время проблема ввода речи решается на достаточно высоком уровне практического использования [4]. Но она имеет три фундаментальных ограничения:

- ограничение на говорящего — аппарат распознает язык только конкретного говорящего;
- ограничения на подготовку — аппарат распознает язык только тогда, когда он подготовлен заранее;
- ограничение по языку — машина распознает только ограниченное количество слов [5].

Следует отметить, что программное обеспечение с такими ограничениями создает благоприятные условия для работы в автоматизированных информационно-поисковых системах управления [6]. Однако они не подходят для организации диалога с системой на естественном языке в массовом обслуживании. Для снятия этих ограничений необходимо, чтобы система распознавала слова, отдельные звуки, произносимые любым говорящим. В настоящее время одной из основных технических проблем является организация эффективного компьютерного восприятия так называемой непрерывной речи [7]. В устной беглой речи трудно определить, где заканчивается одно слово, а где начинается другое. В этом случае акустические образы произносимых слов гораздо больше зависят от контекста. В системах распознавания изолированных слов этих проблем не существует, так как слова разделены паузами [8].

Человеческий артикулятор издает речевые звуки. Каждый звук имеет свои акустические характеристики, которые могут быть описаны набором физических параметров. Смысл звуков в речевом потоке генерируется в виде мелодичного непрерывного фрагмента речи, содержащего необходимые семантические свойства. В настоящее время наиболее сложной проблемой для систем распознавания речи является распознавание различных акцентов и диалектов [9], а также понимание людей с дефектами речи [10], более того, это часто встречается, когда один и тот же человек имеет диалект и дефект речи, например, заикание. Фонетические особенности несут в себе достаточно информации для различения диалектов. Большое количество диалектов, доступных на языке, требует создания акустических моделей для каждого из них. Для решения описанной проблемы предлагается разработка речевых баз данных, созданных на основе фрагментов речи разных говорящих.

Основными единицами фонетико-акустических баз данных обычно являются фонемы и их аллофоны со всеми возможными комбинациями левого и правого контекста, которые необходимо учитывать [11]. Суть подхода к построению фонетико-акустической базы данных состоит в формировании минимального объема набора смысловых слов и словосочетаний, которые после обработки обеспечивают покрытие набора всевозможных фонемных комбинаций триграмм русской речи. Особенностью созданного корпуса является возможность искать как по буквам, так и по фонемам, что отличает от всех остальных.

Одним из вариантов речевой базы может быть фонетико-акустическая база русских триграмм для исследования вариативности произношения диа-

лектов русского языка [12]. Для создания фонетико-акустической базы русских триграмм необходимо собрать речевой материал для загрузки в базу с последующей разметкой. Задача сбора аудиозаписей осложняется рядом факторов, которые также необходимо учитывать при создании базы. К ним относятся уровень образования говорящего, длительное пребывание в другом регионе с ярко выраженным диалектом, наличие физиологических особенностей, развитие заболеваний, связанных с речью и дыханием, которые должны быть отражены в системе. Выступающие произносят один и тот же текст с целью сравнения областей осцилограмм с одними и теми же звуковыми последовательностями для анализа вариабельности произношения триграмм.

Система разметки, пригодная для создания фонетико-акустической базы данных русских триграмм, была разработана в [13]. Она включает в себя речевую базу данных и пользовательский интерфейс, позволяющий пользователям взаимодействовать с удаленной речевой базой данных через сайт, в частности, загружать аудиозаписи и отмечать на них области, соответствующие определенным предложениям, словам, триграммам или фонемам.

Данный интерфейс представляет собой виджет, создающий визуализацию загруженной аудиозаписи, а также набор форм для описания фонем и говорящего. Визуализация аудиозаписи — это осциллограф, который пользователь может масштабировать и перемещать с помощью полосы прокрутки. Пользователь может также выделить на осциллографе необходимые области, которые соответствуют определенным триграммам или фонемам. После выбора определенной триграммы информация о времени ее начала и окончания записывается в специальном виде. Далее в этой форме пользователь должен указать язык, диалект и транскрипцию для данной триграммы. Однако чтобы загрузить помеченную триграмму в базу данных, пользователю также необходимо заполнить форму с информацией о дикторе [13].

На данный момент основными сущностями или узлами в используемой базе данных являются «фонема», «диктор» и «речевое расстройство». Вторичными объектами являются «запись», «страна» и «город». Каждая из сущностей хранит определенную информацию о фонемах и говорящем. В «фонеме» содержится информация о языке и диалекте, а также транскрипция фонемы. «Диктор» содержит полное имя и информацию о поле, возрасте и родном языке. «Нарушение речи» описывает наличие акцента или дефектов речи, если такие имеются. Такое разбиение позволяет произносить фонему по различным предопределённым параметрам. Например, можно попробовать русские фонемы, произносимые мужчинами, живущими в Вологде, имеющими акцент, и чей родной язык — русский. Несмотря на то что русский язык является государственным языком, в округе существует множество других языков. Они принадлежат к 13 различным языковым семьям. Для включения в базу данных процессов языковой интерференции был добавлен дополнительный параметр, указывающий на другие языки, на которых говорит говорящий, в том числе родной и иностранный.

Разметка голосовых записей осуществляется в разработанной системе разметки звучащей речи, которая является основой для разработки фонетико-акустической базы данных русских п-грамм как набора фрагментов речи, так и созданной на их основе базы данных, к которой обеспечивается программный доступ.

Наличие нескольких видов разметки позволяет проводить исследования речевого поведения носителей русского языка отталкиваясь от исследуемого объекта — буквы или звука, а также их комбинаций. Также предусмотрена возможность оценки вариативности произношения по отдельным словам, фразам и предложениям.

Поиск в корпусе можно осуществлять по фонемам, буквам и их комбинациям в несколько символов. Такое представление дает возможность лингвисту исследовать вариативность произношения в разных диалектах, а также выдвигать гипотезы об особенностях речевого поведения носителей русского языка, имеющих разные места проживания, возраст, пол, наличие болезней влияющих на качество произношения.

Разработанный корпус позволяет анализировать голосовые записи одинаковых текстов разных дикторов, а наличие информации о дикторе позволяет анализировать не только региональную вариативность произношения, но по ряду социальных и физиологических признаков, которые могут накладываться друг на друга в речи.

Литература

- [1] Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
- [2] Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход / пер. с англ. М.: Издат. дом «Вильямс», 2006. 1408 с.
- [3] Люгер Д.Ф. Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем. М.: Издат. дом «Вильямс», 2003. 864 с.
- [4] Бутенко Ю.И., Семенова Е.Л., Сидняев Н.И. Математические аспекты в языко-ведческой теории и практике // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 4. С. 73–78. DOI: 10.20339/AM.04-18.073
- [5] Бутенко Ю.И., Шостак И.В. Методологические аспекты распознавания речи на основе многомерной статистической теории // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2018. № 2. С. 23–33.
- [6] Потапова Р.К., Потапов В.В. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. М.: Языки славянских культур, 2012. 416 с.
- [7] An Exclusive Look at How AI and Machine Learning Work at Apple. URL: <https://www.wired.com/2016/08/an-exclusive-look-at-how-ai-and-machine-learning-work-at-apple/> (дата обращения 01.11.2020).
- [8] Let's talk Microsoft, neural networks and natural language processing for AI Available at: <https://www.windowsscentral.com/neural-networks-and-natural-language-processing-what-are-they-and-microsoft> (accessed October 25, 2020).
- [9] Как «Яндекс» создавал «Алису». URL: <https://vc.ru/future/26878-ya-alice> (дата обращения 01.11.2020).

- [10] Research highlights fears technology could eradicate regional accents // Life. URL: <https://www.life.org.uk/news/technology-could-eradicate-regional-accents> (дата обращения 15.10.2020).
- [11] Voice Search Statistics to Prepare You for the Voice Search Revolution // The Word-Stream Blog. URL: <https://www.wordstream.com/blog/ws/2018/04/10/voice-search-statistics-2018> (дата обращения 15.10.2020).
- [12] Бутенко Ю.И., Коноплева А.А. Методология использования нейросетевых технологий при распознавании триграмм // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2020. № 1. С. 5–17. DOI 10.18127/j19998554-202001-01
- [13] Бутенко Ю.И., Строганов Ю.В., Славнов Н.В., Квасников А.В. Система разметки звучащей речи для сравнительного анализа произношения в различных диалектах // Вестник Воронежского государственного университета, серия: Системный анализ и информационные технологии . 2020. № 1. С. 168–176. DOI: 10.17308/sait.2020.1/2631

Speech Databases of Pronunciation Variability Among Russian Language Native Speakers

Slavnov Nikolai Vadimovich

✉ nv.slavnov@gmail.com

Bauman Moscow State Technical University

Kvasnikov Aleksandr Vladimirovich

✉ videot4pe@gmail.com

Bauman Moscow State Technical University

The paper presents an approach to creating speech databases for studying pronunciation variability among native speakers of the Russian language. The presence of individual and collective factors influencing pronunciation is noted. A special difficulty for systems of automatic speech recognition is the presence of dialects and phrases in the speaker. The user interface and the interface of the voice recognition system for recognition of dialects of the Russian language are described.

Keywords: speech corpus, announcer, pronunciation variability, markup, concordancer

References

- [1] Ivanov V.V. Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: Voprosy k budushchemu. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 208 s.
- [2] Rassel S., Norvig P. Iskusstvennyj intellekt: sovremennoj podhod, 2-e izd.: Per. s angl. M.: Izdatel'skij dom "Vil'yams", 2006. 1408s.
- [3] Lyuger D. F. Iskusstvennyj intellekt: strategii i metody resheniya slozhnyh problem. M.: Izdatel'skij dom "Vil'yams", 2003. 864 c.
- [4] Butenko Yu.I., Semenova E.L., Sidnyaev N.I. Matematicheskie aspekty v yazykovедcheskoj teorii i praktike // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). 2018. № 4. S. 73–78. DOI: 10.20339/AM.04-18.073
- [5] Butenko Yu.I., SHostak I.V. Metodologicheskie aspekty raspoznavaniya rechi na osnove mnogomernoj statisticheskoy teorii // Nejrokomp'yutery: razrabotka, primenie. 2018. № 2. S. 23–33.

-
- [6] Potapova R. K., Potapov V. V. Rechevaya kommunikaciya: Ot zvuka k vyskazyvaniyu. M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2012. — 416 s.
 - [7] An Exclusive Look at How AI and Machine Learning Work at Apple / wired.com [Elektronnyj resurs] — Rezhim dostupa: <https://www.wired.com/2016/08/an-exclusive-look-at-how-ai-and-machine-learning-work-at-apple/> (data obrashcheniya: 01.11.2020).
 - [8] Let's talk Microsoft, neural networks and natural language processing for AI / windowscentral.com [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.windowscentral.com/neural-networks-and-natural-language-processing-what-are-they-and-microsoft> (data obrashcheniya: 25.10.2020).
 - [9] Kak "YAndeks" sozdaval "Alisu" / vc.ru [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://vc.ru/future/26878-ya-alice> (data obrashcheniya: 01.11.2020).
 - [10] Research highlights fears technology could eradicate regional accents // Life. URL: <https://www.life.org.uk/news/technology-could-eradicate-regional-accents> (data obrashcheniya 15.10.2020).
 - [11] Voice Search Statistics to Prepare You for the Voice Search Revolution // The Word-Stream Blog URL: <https://www.wordstream.com/blog/ws/2018/04/10/voice-search-statistics-2018> (data obrashcheniya: 15.10.2020).
 - [12] Butenko YU. I., Konopleva A.A. Metodologiya ispol'zovaniya nejrosetevyh tekhnologij pri raspoznavanii trigramm // Nejrokomp'yutery: razrabotka, primenie. 2020. № 1. S. 5–17. DOI: 10.18127/j19998554-202001-01.
 - [13] Butenko Yu.I., Stroganov YU.V., Slavnov N.V., Kvasnikov A.V. Sistema razmetki zvuchashchej rechi dlya sravnitel'nogo analiza proiznosheniya v razlichnyh dialektah // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya: Sistemnyj analiz i informacionnye tekhnologii . 2020. №1. S. 168–176.
DOI: <https://doi.org/10.17308/sait.2020.1/2631>

Содержание

Актуальные проблемы переводоведения	3
<i>Амурская М.А. О проблемах перевода в современной учетной сфере (на примере китайского языка)</i>	3
<i>Amurskaya M.A. On the Problems of Translation in the Modern Accounting Field (On the Example of the Chinese Language)</i>	8
<i>Borodina T.Yu. Equivalence in Technical Translation</i>	9
<i>Бородина Т.Ю. Теория эквивалентности в практике технического перевода</i>	10
<i>Davletshina D.K., Korovkina M.Y. Interpretation in Translation: Between Scylla and Charybdis (A Glimpse into Teaching Practice)</i>	14
<i>Давлетшина Д.К., Коровкина М.Е. Прием интерпретации в переводе: выбор «между Сциллой и Харибдой»</i>	18
<i>Николаева Н.Н., Лежнева Е.Б. Когнитивно-стилистический подход в современном переводоведении: понятийные и прикладные аспекты</i>	19
<i>Урядова А.В., Беседин А.А. Исследование полисемии на примере строительного термина “branch”</i>	25
<i>Uryadova A.V., Besedin A.A. Polysemy Study by Way of Example of the Construction Term “Branch”</i>	28
Функциональные, семантические и pragmaticальные особенности лексических единиц различных уровней	29
<i>Баско Н.В. «Учебный русско-китайский фразеологический словарь»: специфика, построение, использование</i>	29
<i>Габова Н.И., Хван С.Х., Мьянт Хтун Наинг. Функционирование обращений в русском и бирманском языках. Сопоставительный анализ в аспектах речевого этикета и лингводидактики</i>	33
<i>Gabova N.I., Hvan S.H., M'int Htun Naing. Functioning of Vocatives in Russian and Burmese. Comparative Analysis in the Aspects of Speech Etiquette and Linguodidactics</i>	46
<i>Дмитриев А.В., Истомина М.А. Категория рода в английском и русском языках в свете андроцентрического подхода: гендерная критика языка</i>	47
<i>Dmitrijev A.V., Istomina M.A. The Category of Gender in English and Russian in the Light of the Androcentric Approach: Gender Criticism of Language</i>	52
<i>Зайцев А.А. Особенности употребления указательного местоимения ça в современном французском языке</i>	53
<i>Zaitsev A.A. The Traits of Using ça Demonstrative Pronoun in the Foreign French Language</i>	58
<i>Красикова М.Б. Компонентный анализ глаголов защиты в английском языке</i>	63
<i>Krasikova M.B. Componental Analysis of Defense Verbs in English</i>	69

<i>Красикова М.Б., Тымчук Е.В.</i> Английские фразеологические единицы с топонимным компонентом	69
<i>Krasikova M.B., Tymchuk E.V.</i> The English Phraseological Units with Toponimic Component	76
<i>Макеева М.Н., Бородуліна Н.Ю.</i> Metaphorical Representation of Architectural Objects (On the Material of English and French Languages)	77
<i>Малахов А.А., Труфанова Н.О.</i> Проектирование электронного лингвокультурологического словаря эпонимов английского языка	81
<i>Malakhov A.A., Troufanova N.O.</i> Designing an Electronic Linguo-Cultural Dictionary of English Eponyms	87
<i>Морозова Е.В., Труфанова Н.О.</i> Концепт «интеллект» в англоязычной картине мира: лексикографическое отображение и корпусное исследование	88
<i>Morozova E.V., Troufanova N.O.</i> The Concept of “Intelligence” in the English Language: Lexicographic and Corpus Study	95
<i>Никитина М.С.</i> Особенности употребления фразеологических единиц в латиноамериканских вариантах испанского языка	96
<i>Nikitina M.S.</i> The Quality of Using Phraseological Units in Latin American Variants of Spanish Language	98
<i>Субботкина И.А.</i> Авторизация как формальное и семантическое усложнение простого предложения	99
<i>Subbotkina I.A.</i> Authorization as a Formal and Semantic Extension of a Simple Sentence	102
<i>Сурмятова Ю.В.</i> Устойчивые сочетания слов с цветокомпонентом gelb в идиоматической картине мира немецкого языка	103
<i>Surmyatova Yu.V.</i> Set Word-Combinations with Colour Component Gelb in Idiomatic World-View of the German Language	106
<i>Gao Jie.</i> A Case Study of Multi-Platform Collaborative ICT Integrated Online Language Teaching During the Pandemic: Advantages and Challenges	107
Текст и дискурс: проблемы функционирования, анализа, интерпретации	112
<i>Грошев Д.В.</i> Просодические дифференции требования с угрозой и мольбы на уровне частоты основного тона (на материале немецкого языка)	112
<i>Лосева О.М., Фуфурина Т.А.</i> Тональность научных текстов	117
<i>Loseva O.M., Fufurina T.A.</i> The Expressiveness of Scientific Texts	121
<i>Никонова Е.А.</i> Лексические средства реализации оценочности в новостном блоке английской газеты	122
<i>Nikonova E.A.</i> Lexical Stylistic Devices of News-Block Evaluation Trends (On the Example of English-Language Newspapers)	125
<i>Pashina A.V.</i> A Resume Sample as an EMPLOYEE Concept Frame in English-Language Business Discourse.....	125
<i>Пашина А.В.</i> Шаблон резюме как фрейм концепта EMPLOYEE в англоязычном бизнес-дискурсе	128

<i>Пиневич Е.В., Болдова Т.А.</i> Специфика текста и дискурса в сетевых дискурсивных практиках	129
<i>Pinevich E.V., Boldova T.A.</i> The Specifics of the Text and Discourse in a Network of Discursive Practices	135
<i>Хорева Л.Г.</i> Теория коммуникативных стратегий и дискурсивный анализ	136
<i>Чэнъхуэй Цзи.</i> Анализ повести «Метель» А.С. Пушкина с точки зрения лингвистики	139
<i>Ян Сюоди.</i> Мотылек, бабочка, муха — метафизика языка в поэзии Иосифа Бродского	147
Актуальные проблемы терминоведения и профессиональной коммуникации 159	
<i>Vorontsova I.I.</i> English-Language Gluttonics in the Optics of a Professional World Perception: Linguistic Gastro-Diplomacy Figures in Economics	159
<i>Колтакова С.В., Неровная Н.А.</i> Практико-ориентированное описание языка профессиональной коммуникации	163
<i>Красикова М.Б.</i> Культура делового общения будущих специалистов	167
Проблемы межличностной и межкультурной коммуникации 170	
<i>Касьянова В.М.</i> Комплимент как жанр виртуального общения	170
<i>Купершинская Е.А., Левина Н.Л.</i> Клиповое мышление современных студентов и связанные с ним особенности подачи материала на занятиях иностранного языка	176
<i>Patrikeeva I.S., Doshlygina A.V.</i> Phonetic Features of Oral Speech of Native Hebrew Speakers Using English as a Foreign Language (Based on the Interview of Y.N. Harari)	179
<i>Селезнева Н.В.</i> К вопросу о вербализации понятия «лицо» в китайском языке	185
<i>Selezneva N.V.</i> About Verbalization of Face-Concept in the Chinese Language	189
<i>Yacevich O.E.</i> Phubbing as a New Type of Communication	189
<i>Яцевич О.Е.</i> Фаббинг как новый тип коммуникации	193
Современные методы и технологии корпусной лингвистики 194	
<i>Авагян Н.А.</i> Параллельный корпус научно-технических текстов как инструмент переводчика	194
<i>Avagyan N.A.</i> Possibilities of Parallel Scientific and Technical Texts Corpus in Translating Special Terminology	198
<i>Болотова Е.Е.</i> Сфера применения корпуса научно-технических текстов по конструкциям летательных аппаратов	200
<i>Бутенко Ю.И., Строганов Ю.В., Бабаджанян Р.В.</i> Исследовательский прототип параллельного корпуса научно-технических текстов	205
<i>Butenko Yu.I., Stroganov I.V., Babadzhanyan R.V.</i> Research Prototype of the Parallel Scientific and Technical Texts Corpus	208
<i>Бутенко Ю.И., Шершнева Е.А.</i> Разрешение многозначности поискового запроса в корпусе научно-технических текстов	209

<i>Butenko Yu.I., Shershneva E.A.</i> Resolution of Multivalued Search Query in the Scientific and Technical Texts Corpus	212
<i>Верняева Р.А.</i> Электронный корпус древнейших русских летописей: инструменты, возможности, применение	213
<i>Vernyaeva R.A.</i> Electronic Corpus of the Oldest Russian Chronicles: Tools, Possibilities, Application	218
<i>Гавриченкова Е.А., Бутенко Ю.И., Федотова М.В.</i> Темпоральный аспект гендерной вариативности английского произношения (корпусное исследование)	219
<i>Гаража В.В.</i> Концептуальные основы создания корпуса англоязычных научно-технических текстов	226
<i>Garazha V.V.</i> Conceptual Framework for the Design of Scientific and Technical Texts English Corpus	232
<i>Казанцева Е.С., Славнов Н.В., Квасников А.В.</i> Разметка речевого корпуса для исследования вариативности произношения в русском языке	233
<i>Kazantseva E.S., Slavnov N.V., Kvasnikov A.V.</i> Mark up for Speech Corpus of the Russian Language for Pronunciation Variability Research	237
<i>Киселёва А.Д., Бутенко Ю.И.</i> Анализ современных корпусов параллельных текстов	238
<i>Malykhina N.I.</i> Application of Corpus Linguistics Methods	242
<i>Малыхина Н.И.</i> Применение методов корпусной лингвистики	246
<i>Мохов Д.М., Бутенко Ю.И.</i> Особенности разметки в речевом корпусе для распознавания диалектов русского языка	250
<i>Mokhov D.M., Butenko Yu.I.</i> Markup Specificity in the Speech Corpus for the Recognition of Dialects of the Russian Language	253
<i>Славнов Н.В., Квасников А.В.</i> Речевые базы данных вариативности произношения носителей русского языка	254
<i>Slavnov N.V., Kvasnikov A.V.</i> Speech Databases of Pronunciation Variability Among Russian Language Native Speakers	258

Научное издание

**Актуальные проблемы
лингвистики
и лингводидактики
в неязыковом вузе**

**4-я Международная
научно-практическая конференция**

Москва, 16 декабря 2020 года

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Том 1. Лингвистика

Корректор *С.А. Серебрякова*

Художник *Я.М. Асинкристова*

Компьютерная верстка *С.А. Серебряковой*

Оригинал-макет подготовлен
в Издательстве МГТУ им. Н.Э. Баумана.

В оформлении использованы шрифты
Студии Артемия Лебедева.

Подписано в печать 25.06.2021. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 21,45. Тираж 30 экз. Заказ

Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана.
105005, г. Москва, улица 2-я Бауманская, д. 5, к. 1.
press@baumanpress.ru
<https://bmstu.press>

Отпечатано в типографии МГТУ им. Н.Э. Баумана.
105005, г. Москва, улица 2-я Бауманская, д. 5, к. 1.
baumanprint@gmail.com